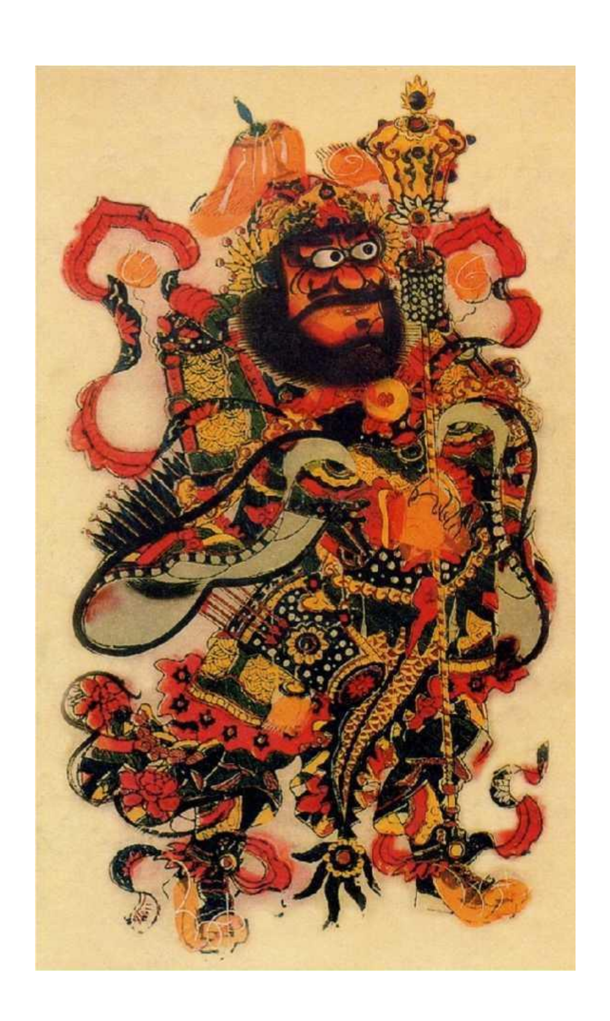
де Гроот Ян Якоб Мария

Демонология Древнего Китая

J.J.M.DE GROOT
THE RELIGIOUS SYSTEM OF CHINA
VOLUME V BOOK II
PART II, DEMONOLOGY. - PART III, SORCERY
Leide 1907

Предисловие к русскому изданию

Предлагаемая читателю работа поистине относится к тому, что, пользуясь расхожими штампами, можно назвать классикой мирового китаеведения или жемчужиной золотого фонда мирового китаеведения. Хотя книги Яна Якоба Марии де Гроота появились еще в начале уходящего столетия, их и сейчас продолжают переиздавать как на Западе, так и на Востоке (Тайвань). Теперь с частью фундаментального многотомного труда «Религиозная система Китая», принадлежащего перу выдающегося голландского синолога, удастся познакомиться и российскому читателю.

Я. де Гроот родился в 1854 году. Свою карьеру он начал в 1878 году как служащий Нидерландской Ост-Индской компании. В 1904 году он становится профессором Лейденского университета, а в 1911 году — Берлинского. Как синолог де Гроот продолжал ту линию изучения религий Китая, которую в XIX веке наметили китаисты-миссионеры, среди которых были и такие выдающиеся ученые и переводчики, как Дж. Легг, П. Доре, современник де Гроота Л. Вигер и, конечно, российские китаеведы — о. Иакинф (Бичурин) и о. Палладий (Кафаров). Придавая особое внимание обрядовым особенностям китайских религий, де Гроот, однако, пошел гораздо дальше миссионеров в рассмотрении влияния религии на политическую жизнь традиционного Китая и на конкретную политическую практику. Интенсивно занимаясь в 1903–1904 годах китайскими тайными обществами, союзами и сектами, де Гроот на десятилетия определил отношение западной синологической науки к явлениям этого рода. Кроме религий Китая, де Гроот также занимался изучением истории средневековой Центральной Азии. Умер этот выдающийся голландский ученый в 1921 году.

Но, конечно, прославился де Гроот, прежде всего, своим грандиозным трудом «Религиозная система Китая» (Religious System of China) в шести весьма объемистых томах, который выходил в свет в течение почти пятнадцати лет — с 1896-го по 1910 год.[1]

Что же понимает де Гроот под «религиозной системой Китая»?

Сразу же ответим, что это вовсе не привычные нам «три учения» (сань цзяо) — конфуцианство, даосизм и буддизм, а нечто иное. Де Гроот по существу описывает некий комплекс религиозных верований и представлений, который можно условно назвать «синизмом» (слово образовано по такому же принципу, что и слова «индуизм» или «иудаизм»). Существует соблазн назвать этот комплекс «народными верованиями» или «суевериями», но эти дефиниции оказываются совершенно непригодными уже хотя бы потому, что соответствующий тип религиозности характерен и для верхов традиционного китайского, включая императорский двор, равным образом именно он и образует то, что некоторые синологи называют «государственной религией Китая». В этом комплексе можно обнаружить, конечно, элементы и конфуцианства, и буддизма, и даосизма, но не более, чем элементы. В целом же эта религия синизмавесьма архаична и вполне могла бы удостоиться такого обозначения, как «китайское язычество», если бы наука уже во времена де Гроота не отказалась от таких оценочных определений. Где же де Гроот нашел свой «золотой ключик» к пониманию этого *синизма*?

Прежде всего, де Гроот обращает внимание на универсализм китайской религиозности, то есть на общую парадигму народных верований, обрядов и ритуалов и ритуально-обрядовой стороны государственного культа императорского Китая. Эта система, несомненно, синкретична, но это уже ее вторичное определение, а первичное — ее архаичность, соответствующая тому, что в религиоведении обычно называется «ранними формами религии». И здесь мы встречаемся с неким удивительным парадоксом, не осмысленным в полной мере наукой и ныне: в лице китайской цивилизации мы имеем дело с одной из древнейших, богатейших и утонченнейших культур. Мы восхищаемся китайской философией, поэзией, живописью. Но как только мы обращаемся к религии, то с удивлением обнаруживаем, что высокоразвитые конфуцианство, даосизм или буддизм занимают довольно скромное место в ее системе, а господствуют в ней как на народном, так и на государственном уровне вполне архаические и в чем-то примитивные представления и культы — культ предков, почитание божеств, олицетворяющих явления природы и духов местности, поклонение силам природы и т. д. И эта особенность китайской культуры роднит Китай и античность. Посмотрите на культуру Древней Греции: великолепные искусство и литература, утонченная философия и вполне примитивный политеизм, не знающий даже сотериологий — учения о спасении! Различные эзотерические практики (вроде орфических мистерий) и философские рассуждения

о Едином и экстазе погружения в него (как у неоплатоников) ничего не меняют — как и в Китае, не они определяют лицо как народных верований, так и официальной религии — ни в Греции, ни в Риме. Во всяком случае уровень религиозного развития античного мира не идет ни в какое сравнение ни с тем, что мы имеем дело в Индии того времени, ни на Ближнем Востоке (иудейский монотеизм). И в Китае мы встречаемся с чем-то очень похожим. Но в чем причина этого явления — наверняка сказать трудно.

Де Гроот определяет основную особенность китайской религиозности как «универсалистский анимизм». Об универсализме китайского типа религиозности мы уже говорили, имея в виду то, что он характерен для всех слоев традиционного китайского общества. Под анимизмом в религиоведении же обычно понимается вера в душу и духов как самое важное для тех или иных религиозных представлений. Вера же во всеобщую одушевленность природы называется обычно аниматизмом (а на философском уровне — гилозоизмом, от греческих слов «hyle» — «материя» и «zoon»- «жизнь»). Надо сказать, что и то, и другое в высшей степени характерно для традиционного китайского мировоззрения (в китайской философии гилозоизм ярчайшим образом проявляется в учении о жизненной силе, или энергии *ци*, потоки которой пронизывают и животворят все сущее).

Так в чем же специфика китайских представлений о душе? Этот вопрос тем более уместен, что предлагаемый вниманию читателя том из работы де Гроота самым непосредственным образом по своей тематике связан именно с взглядами китайцев на душу и дух.

В период Инь и Раннего Чжоу (XVIII–IX вв. до н. э.), в эпоху господства родовой аристократии существовала вера в то, что после смерти цари (ваны) и, вероятно, главы наследственных домов отправлялись на небо ко двору Верховного императора (*шанди*; возможно — обожествленный предок иньских царей), где пребывали в качестве его придворных. Об этом гласят многочисленные надписи на гадательных костях, чжоуской ритуальной бронзе, а также (относительно чжоусцев) некоторые фрагменты «великих од» (*да я*) «Ши цзина» («Канон поэзии»). Что касается загробной судьбы простого народа, то о ней в текстах нет никаких свидетельств. Не исключено, что общества архаической аристократии просто отказывали в праве на бессмертие людям «низкого» происхождения. Вместе с тем наиболее ранние тексты не содержали материала, говорящего о представлениях о душе. Наиболее ранний фрагмент, посвященный этой теме, содержится в историческом тексте «Цзо чжуань» (7 год Чжао-гуна — 534 г. до н. э.) и представляет собой рассуждение политического мыслителя той эпохи Цзы-чаня. Во фрагменте говорится о душах *хунь* и *по*, причем душа (или души) *хунь* отождествляется с активным началом *ян*. Интересно, что в рассуждении Цзы-чаня уже эксплицитно говорится о душах *хунь* и *по* не только аристократов, но и простых мужчин и женщин (*пифу пифу*). О дальнейшем развитии представлений о душах хунь можно судить по комментарию конфуцианского ученого и потомка Конфуция Кун Ин-да (574–648 гг.). Мнение Кун Ин-да отражает, видимо, не танскую, а гораздо более раннюю точку зрения, приближенную к времени комментируемого им конфуцианского Пятикнижия. Души *по* отождествляются им с оформленной телесностью (*син*), плотью, а души *хунь* — с пневмой (*ци*) в ее модусе жизненной силы (энергии). Кун Ин-да не признает возможности их бессмертного существования. Впоследствии утвердился следующий, «классический», взгляд на души *хунь* и *по*. Они отождествляются с пневмами (ци) *ян* и *инь* соответственно и связываются с жизнедеятельностью (*по*, «животные души») и ментальностью (*хунь*, «разумные души») человека, т. е. признается их квазиматериальная природа. После смерти человека комплекс душ *хунь* (обычно считалось, что их у человека три) превращается в духа (*шэнь*) и некоторое время продолжает существовать после смерти тела (чем более интенсивно духовной жизнью жил человек, тем дольше сохраняется и его дух), а потом растворяется в небесной пневме. Комплекс душ *по* (считалось, что их семь) становился «демоном», «призраком», «навьем» (*гуй*) и через некоторое время или уходил в подземный мир теней, к «желтым источникам» (*хуан цюань*), где его призрачное существование могло поддерживаться

жертвами потомков (голодные *гуй*, равным образом, как и *гуй* людей, погибших насильственной смертью, считались весьма опасными), или растворялся в земной пневме. Тело выступало единственной нитью, связывающей души воедино. Смерть тела приводила к их рассеянию и гибели. Впрочем, изложенный взгляд является достаточно поздним. Вернемся назад, к времени «Цзо чжуани». Следует отметить, что представление о *хунь* и *по* является достаточно древним и никоим образом не принадлежит Цзы-чаню, тем более, что встречается и в других пассажах летописи, относящихся к еще более раннему времени (593 и 542 до н. э.). О *хунь* и *по* говорится в других текстах доциньского (до второй половины III в. до н. э.) периода («Ли цзи», «Чу цы»). По-видимому, именно в IV в. до н. э. происходит окончательное формирование представлений о двух типах душ *хунь — по*. До этого, вероятно, представления о душах *хунь* и *по* существовали обособленно. В IV–III вв. до н. э. все большее значение начинает придаваться душам *хунь*, что отчетливо видно из «чуских строф» (см. «Призывание души — *хунь*»). Впрочем, не исключено, что это особенности локального, тесно связанного с шаманизмом, чуского варианта. Интересно свидетельство главы из «Ли цзи» («Записи о ритуале») под названием «Ли юнь», датируемой большинством исследователей циньско-раннеханьским периодом (III–II вв. до н. э.). В ней дуализм *хунь* и *по*сменяется полной (и ставшей общепринятой) корреляцией. Если согласно «Чу цы» самодвижением наделены только души хунь, а души по лишь движимы ими, то в «Ли юнь» о двух типах душ говорится как о равно самодвижущихся и взаимосвязанных началах с противоположными характеристиками. По существу эта глава «Ли цзи» фиксирует завершение формирования учения о душах *хунь* и *по*, которые оказываются квазиматериальными энергийными образованиями. Их существование обусловлено наличием тела, после смерти которого они оказываются не способными к сколько-нибудь длительному самостоятельному существованию. В таком виде учение о душах хунь и по и войдет в даосизм. Отметим, что весьма характерна тенденция становления учения о душах: не от натуралистического анимизма к идеалистической психологии, а исключительно развитие, конкретизация и, отчасти, рационализация исходной натуралистической модели, что делало маловероятным формирование в Китае учения о бестелесном бессмертии за гробом. Трудно сказать, и когда появилось в Китае представление о подземном царстве теней, наподобие античного *гадеса* или древнееврейского *шеола,* — «желтом источнике» (*хуан цюань*). Видимо, оно весьма архаично, поскольку вера в нисхождение душ умерших в нижний, подземный, мир (аналогичный миру «желтого источника») достаточно распространена у различных народов с шаманскими верованиями (например, у народов Сибири), что свидетельствует о глубокой древности подобных представлений, восходящих еще к эпохе родового общества. Первое же письменное упоминание о «желтом источнике» относится летописью «Цзо чжуань» к 721 году до н. э., однако о *хуан цюань* стали писать часто только начиная с эпохи Хань. Вместе с тем вера в тенеподобное призрачное существование души после смерти, несомненно, была характерна для южной (чуской) религиозной традиции периода Чжань-Го. Так, в «Призывании души», входящем в корпус «чуских строф», говорится не только о путешествии души на небо, но и о схождении ее в наполненный опасностями (как, впрочем, и небесный) нижний мир с его подземным градом Сюаньду (Темный град). В этом же тексте говорится о некоем рогатом подземном божестве Тубо (или девяти божествах Тубо). Новые археологические находки (особенно в Чанша-Мавандуй) позволили значительно лучше понять содержание «Призывания души». В частности, на шелках из мавандуйских погребений (раскопки в Чанша-Мавандуй 1972–1974 гг.) изображены и духи подземного мира Тубо. Подземный мир иерархизован: у его правителя есть слуги, помощники и чиновники. Не исключено также, что, подобно небесному, подземный мир делился на девять частей, или слоев. В таком случае девять Тубо могли быть божествами каждого из этих слоев. Интересно, что в мавандуйских погребениях бессмертие души хунь на небе и души по под землей, по-видимому, ставится в зависимость от сохранения тела как субстанциальной основы единства душ и условия их существования (что в какой-то степени сближает чуские религиозные представления с древнеегипетскими). Действительно,

консервация тела княгини Дай, с помощью которой была достигнута его поразительная сохранность (не исчезла даже эластичность тканей), свидетельствует в пользу этого предположения. В качестве гипотезы можно предположить и то, что создатели уникального погребения княгини надеялись в последующем при помощи совершения магических ритуалов добиться воссоединения с телом душ *хунь* и *по* (в свою очередь сохранившихся благодаря нетлению тела) и воскрешения княгини Дай в трансформированном теле как «бессмертной, освободившейся от трупа» (*ши цзе сянь*). Но конкретными подтверждениями подобной гипотезы наука пока не располагает. В завершение обзора древнекитайских представлений о посмертном существовании следует отметить, что еще до проникновения в Китай буддизма там возникли зачатки веры в загробную жизнь. Подавляющее большинство текстов, в том числе и даосских, говорило о воздаянии (*бао*) либо в земной жизни самого человека, совершившего те или иные поступки, либо о перенесении воздаяния на его потомков (*чэн фу*) — наказанием за поступки считалось, как правило, сокращение срока жизни. Тем не менее, постепенно появляется вера в божество горы Тайшань, вершащее суд над душами умерших, и в подземные обители, расположенные, видимо, под горой Тайшань, Гаоли и Лянфу — дальнейшее развитие идеи «желтого источника». Позднее эти представления слились с буддийским учением о воздаянии, что привело к формированию образа Яньлована (Ямараджи) и постепенному проникновению этого и других сходных образов в собственно даосизм, что становится заметным со времени деятельности знаменитого даосского мыслителя и медика Тао Хун-цзина (456–536 гг.). Сказанным по существу и исчерпываются представления древних китайцев о посмертном существовании. Все остальное читатель узнает уже из самого текста книги де Гроота.

Возвращаясь к тексту труда голландского ученого, нельзя не выразить восхищение широтой его источниковедческой базы. Видно, что автор прочитал огромное количество труднейших китайских текстов самых разных эпох — это классические конфуцианские каноны и философские тексты, династийные истории разных эпох, китайская новелла, медицинские сочинения, редкие географические сочинения и многое другое. Остается только удивляться, как один человек мог проработать такое количество китайских источников, львиная доля которых тогда не только не была переведена на европейские языки, но и не была известна большинству синологов. И в отношении обилия фактического материала (как и во многих других отношениях) труд де Гроота совершенно не устарел, несмотря на прошедшие десятилетия, и не только широкий читатель, но и специалисты-синологи найдут здесь для себя много нового и интересного.

И, наконец, следует сказать о литературных достоинствах труда голландского китаеведа: книга легко читается, и от нее просто трудно оторваться, а ряд весьма экзотических историй (например, о яде гу) просто завораживают своей фантастичностью и экстравагантностью.

И в заключение еще одно впечатление. Читая труд де Гроота, не устаешь поражаться исторической монолитности китайской культурной традиции: верования, впервые описанные в текстах второй половины I тысячелетия до нашей эры, продолжают благополучно существовать в начале XX столетия, а законодательные акты царствовавшей во время написания книги де Гроота маньчжурской династии Цин (1644–1911 гг.) воспроизводят формулы аналогичных кодексов седой древности (например, о борьбе с колдунами или отравителями). Эффект понимания этого во многом достигается искусным чередованием примеров из источников самого разного времени: сказанное Гэ Хуном в IV веке подкрепляется примером из текстов Юань Мэя (XVIII в.), а слова Юань Мэя в свою очередь — наблюдениями самого автора или других китаеведов конца XIX века.

Но не будем больше утомлять внимание читателя своими рассуждениями — ведь его ждет книга самого де Гроота!

Евгений Торчинов

Часть первая
Демонология

В начале данного раздела, посвященного китайскому миру призраков, духов-искусителей и демонов, мы считаем необходимым напомнить о самых основных представлениях и идеях, их касающихся. Хотя практически каждый шэнь и гуй может выступать как в доброй, так и в злой ипостаси, тем не менее специфические функции гуй как частицы инь, начала мироздания, отождествляемого с мраком, холодом, смертью и разрушением, связаны в первую очередь с несением воздаяния: вознаграждения за добро и кары за зло с санкции высшей силы — Неба. Далее мы видели, что в большинстве своем гуй — это духи умерших, а потому они обладают человеческими атрибутами; они являются живым при самых различных обстоятельствах и могут быть настроены по отношению к ним как дружески, так и в высшей степени недоброжелательно. Наконец, эти призраки умерших вершат справедливость — то есть воздают должное тем, кто причинил им вред тогда, когда они еще были живыми людьми.

Сейчас перед нами стоит цель: обрисовать в нескольких главах ту чрезвычайно важную роль, которую мир демонов оказывал на сознание и религиозные представления китайцев, а также на те народные обычаи, которые благодаря ему возникли как в их семейной, так и в общественной жизни. Приступая к выполнению столь ответственной задачи, мы обязаны неуклонно придерживаться того же подхода, которому старались следовать до сих пор, а именно: относиться к интересующему нас предмету исторически. То есть, чтобы пролить свет на представления и обычаи как существующие поныне, так и уже исчезнувшие, мы обязаны последовательно обращать свой взор в прошлое, дабы проследить их древние истоки и последующее развитие. Подобный метод обладает и еще одним неоспоримым преимуществом: он еще раз подтверждает ту великую истину, к которой приходит каждый, сколько-нибудь серьезно занимающийся историей Китая и его народа — что их настоящее практически во всех отношениях есть их прошлое, а их прошлое есть их настоящее.

Хотя с древнейших времен несущие воздаяние и кару духи обозначались в литературе иероглифом *гуй* и реже иероглифом *шэнь*, существовали и иные варианты. Однако к настоящему времени они вышли или почти вышли из употребления, и если и встречаются в сочинениях самого разного времени, то только как проявление педантичной учености. Среди них термин цзи, упоминаемый только Лю Ганем: «У людей Цзин есть свои *гуй*, у людей Юэ есть свои *цзи*» («Хун ле цзе», гл. 18). «Шо вэнь» дает нам слово *сюй* в значении «разрушительный, злой призрак», а в словаре Канси Шо вэнь (Шо вэнь цзе цзы — «Истолкование знаков простых и сложных») — классический этимологический словарь иероглифов, составленный в I в. н. э. ученым Сюй Шэнем.

Словарь Канси (Канси цзыдянь) — классический иероглифический словарь (49 000 знаков), составленный в период правления императора цинской династии, правившего под девизом Канси (1662–1722 гг.) упоминает целый ряд терминов: *си, лин, су, чжэ, юнь, люй, ю, изян, вэй* и, далее, *цзяо* — своенравный и несущий вред призрак, *дэн* — призрак, летающий по воздуху, *гу* — безголовый призрак, *ци* — дух дождя и *лэй*— дух грома. В большинстве своем эти редкие иероглифы представляют собой разнописи многочисленных местных названий как уже не использующихся, так и встречающихся время от времени то тут, то там. Ни один из них не употребляется в канонических сочинениях. Гораздо чаще в текстах можно увидеть иероглифы *мо* и *е-ча*, которыми транскрибируются индийские термины мара и якша. Они будут интересовать нас, когда мы непосредственно обратимся к буддийской религии. Кроме того, существуют специальные термины, определяющие классы, или виды, духов и призраков; их мы также упомянем в свое время, когда будем говорить об этих видах.

Точно так же особыми понятиями обозначаются и влияние призраков на мир людей, и последствия такого влияния. На первое место мы должны поставить слово *сюн*, обладающее наиболее общим значением «зловещий, неблагоприятный». Как мы видели, в этом значении его использовал уже Ван Чун[2] в первом столетии нашей эры. Противостоит ему слово *цзи*,

«счастье», которым одаривают добрые духи *шэнь* и божества, особенно в качестве вознаграждения за приносимые им жертвы. Вредное и пагубное воздействие призраков нередко выражается и иероглифом *яо*. Но, пожалуй, ни одно слово в сходном значении не встречается так же часто, как *се*.

Чтобы понять это слово, читатель должен вспомнить о главной и фундаментальной доктрине всей китайской космологии, философии, психологии и теологии, а именно — что *шэнь* составляют *ян*, а *гуй* составляют *инь*, и что если *ян* и *инь* конституируют Дао — порядок природы, то *шэнь* и *гуй* являются теми самыми силами, посредством которых Дао функционирует. Далее следует помнить, что Дао олицетворяет собой все «правильное, естественное и должное» во вселенной, все, что есть *чжэн* или *дуань*, в том числе и все правильные и справедливые дела и поступки людей и духов, которые в значительной, если не в абсолютной, степени только и составляют всеобщее счастье и подлинную жизнь. Все прочие действия, противоречащие Дао, являются *бу чжэн* или *бу ду*ань, то есть «неестественными, неправильными», и как таковые обозначаются как *се* или *инь. Инь* символизирует «избыточность, преступание пределов» и потому тоже в целом несет отрицательный смысл, как и се. Оба этих иероглифа встречаются в канонической литературе, а потому, можно утверждать, имеют весьма древние корни.

Понятно, что противоречащие естественному порядку поступки, которые есть *се* или *инь*, могут совершать как люди, так и духи. Такие действия наносят вред всему доброму в мире, прерывают процветание и спокойствие, являющиеся высшим благом для человека, и как следствие гуманное и справедливое правление; значит, они таят в себе опасность для Поднебесной и трона. Если они исходят от людей, то каждый человек обязан бороться с ними и искоренять их; естественная обязанность справедливых и приверженных порядку правителей и государственных чиновников заключается в том, чтобы покончить и с ними, и даже с речами и мыслями, порождающими их, ведь они вредят и добродетели и нравственности, без которых гуманность не может не только процветать, но даже сколько-нибудь прочно укрепиться. Если же такие действия совершают духи, то от них следует защищаться всеми силами, с помощью добрых духов и божеств или без оной; посредством искусных уловок надлежит бороться с нападками злых призраков, отражать их, отгонять духов прочь, заклинать и при возможности уничтожать. Таких уловок и приемов человек за все время своего существования придумал великое множество, ведь по сути «война» с духами никогда не прерывается, она происходит ежедневно и ежечасно во всех уголках империи. Описанию ее будет посвящена четвертая часть настоящей книги.

Таким образом, *се*, как говорят о них сами китайцы, есть *бу чжэн чжи ци*, «неестественные, неправильные действия», или *гуй ци*, «действия призраков». Естественно, что их также называют *бу дао*, «не дао», как идущих вразрез с правильными и должными законами природы и космоса. Едва ли стоит говорить, что, раз слово *се* всегда предполагает наличие призраков, оно и имеет значение «призрак» или «призрачный».

Деятельность духов также именуется *суй*. Данный иероглиф означает то, что может быть произведено или проявлено (элемент *чу*) посредством функционирования (*ши*). Известный ученый Янь Ши-гу в своем комментарии к «Истории Ранней Хань» указывает: «Графема состоит из двух элементов: чу и ши, причем последний элемент свидетельствует, что именно через суй гуй и шэнь являют себя человеку» («История Ранней Хань», изданная в годы Цяньлун»[3], гл. 45, 1.15). Иероглиф суй встречается еще в «Цзо чжуань»[4], так что он, очевидно, весьма древний.

Наконец, мы должны упомянуть еще два иероглифа: *шэн* и *цзай*, которые можно перевести как «несчастья, насылаемые природой». Они тоже присутствуют в литературе с незапамятных времен. Так, их можно видеть в одном из древнейших разделов «Шу цзина[5] — «Каноне Шуня». Там мы читаем следующее: «Он прощал (своих чиновников), если происходили несчастья (не по их вине); если же они намеренно и многократно совершали

преступления, он карал их смертью разбойников». В другом разделе «Шу цзина», представляющем собой своеобразный наказ одному из князей при получении им инвеституры на одно из царств, говорится: «Если люди ответственны за незначительное зло, вызванное не несчастьями (шэн), а их собственными поступками, произволом, беззаконием и дурными намерениями, то даже если совершенное ими зло незначительно, их нельзя не предать смерти. Если же совершается большое зло, но причиной его являются не намеренные действия людей, а несчастья и бедствия (шэн и цзай) или же случайность, то, если они полностью признают свою вину и раскаются, не следует казнить их».

В том же каноне иногда упоминаются и «Небесные несчастья» (тянь цзай) или «несчастья, ниспосланные (цзян) Небом». Несомненно, здесь имеются в виду бедствия, насылаемые высшей природной силой через духов. В аналогичном смысле иероглифы *шэн* и *цзай* употребляются и в «И цзине»[6], а *цзай* — и в некоторых других канонах. Конечно, неблагоприятное воздействие духов и призраков обозначалось и другими терминами. Кроме того, духи и призраки и их «черные дела» нередко смешивались, поэтому как следствие большинство упомянутых выше терминов использовалось и для обозначения самих сверхъестественных сил. Особенно это касается иероглифов *яо, се, суй* и *шэн*. Силой своего воображения люди создали даже особую категорию призраков — *хэй шэн*, или «черные бедствия», о которых мы будем говорить в главе XIII.

Глава первая

О вездесущности и множественности призраков

Существовавшее в Китае с древнейших времен представление о том, что космос наполнен призраками и духами, естественным образом подразумевает, что шэнь и гуй прямо-таки в неисчислимых количествах атакуют жилища людей. Общение с людьми только подтверждает наличие аксиомы: духи обитают во всех и многолюдных, и затерянных уголках, и нигде человек не может чувствовать себя в безопасности, даже в отхожем месте. Есть немало историй как поверенных письму, так и передаваемых из уст в уста о том, как именно духи пугали людей в тот момент, когда они справляли нужду, насылали на них порчу и даже убивали, что явно указывает на склонность потусторонних сил выбирать для своих темных и неблаговидных дел именно зловонные места, где человек одинок и беспомощен. Дороги и тропы наводнены духами и призраками и особенно в ночное время, когда силы темного начала, к которому в первую очередь они принадлежат, властвуют безраздельно. У китайцев весьма распространены рассказы о несчастных, которых, после их встречи с этими злейшими, врагами человека, находили мертвыми без малейших внешних признаков вреда: их души просто покидали тело. Многие жертвы все-таки добирались до дома, где, однако, вскоре умирали. Другие, пораженные стрелами дьявола, покрывались фурункулами и волдырями, от которых и погибали; кто-то уходил в мир иной вообще без видимых причин, А сколько путешественников погибло в неравной битве с целыми шайками демонов, поджидавших их на пути. Они могли сопротивляться изо всех сил и выстоять в борьбе даже с самыми злыми и коварными из них, но, вернувшись домой, они все равно заболевали и умирали. А кто в состоянии сосчитать количество домов, обитателям которых призраки приносили болезни и гибель, чем отпугивали от них многие последующие поколения и превращали жилища в необитаемые? «В Дунлай (провинция Шаньдун) жила семья Чэнь, всего в ней было более ста человек. В один прекрасный день (вода) в котле, на котором собирались приготовить еду, никак не хотела закипать. Они приподняли крышку и заглянули в котел, откуда — о ужас! — высунулся старик с белой головой. Случившееся заставило их пойти к гадателю. "Появление этого призрака предвещает гибель семьи, — сказал гадатель. — Возвращайтесь домой, приготовьте побольше оружия и выставьте его у стен, затем крепко-накрепко заприте ворота и, если вдруг появятся всадники в плащах и со знаменами и постучатся, ни в коем случае не отвечайте". С тем они и отправились домой. Они приготовились к сражению, достали более ста единиц оружия и расставили его с внутренней стороны стен. Действительно, вскоре появились какие-то люди;

но как бы громко они ни кричали, в ответ не раздавалось ни звука. Тишина привела их вожака в ярость, и он приказал своим воинам взобраться на ворота. Но как только они вскарабкались на ворота и увидели множество разного оружия, они тут же поспешили вернуться обратно и доложить обо всем своему главарю. Принесенное известие привело его в ужас. "Велите всем нашим немедленно явиться сюда, — воскликнул он. — Если они не прибудут тотчас же, никому не уйти отсюда, и тогда мне не избежать кары! В восьмидесяти ли к северу отсюда живут еще сто тридцать человек, возьмем-ка лучше их". Через десять дней та семья полностью вымерла. Она тоже принадлежала к клану Чэнь» («Соу шэнь цзи», гл. 17)[7].

Не избегали нападения злобных демонов и цитадели добродетельного монашества. «В уезде Лунчэн (ныне Циньань в провинции Ганьсу) был буддийский монастырь Дунгэ, привлекавший людей со всех сторон света. С его высоких балконов можно было любоваться земной далью, и ветер дул в его окна, открывавшиеся на небесное светило. Путешественников, приходивших из разных мест, было столько, что монастырь походил на городской базар.

Но в один прекрасный день в монастыре начали происходить непонятные и странные вещи. С неба падали черепки, а пыль вздымалась столбами, так что никто не мог стоять на ногах, и

монахи не находили себе покоя даже ночью. Одежда и церемониальная утварь то исчезали, то вдруг неожиданно находились. Обо всем этом прослышал один лекарь-даос. "Откуда это злые духи набрались смелости вытворять подобное? — сказал он. — Я могу изгнать их". Монахи, чрезвычайно обрадовавшись, поспешили поскорее пригласить его к себе.

Даос широкими шагами вошел в ворота. В главном зале он исполнил танец Юя и хриплым голосом пробормотал заклинание небесного растения пэн. Спустя какое-то время шапочка вдруг слетела с его головы, и все увидели, как она перелетела через стену. Подняв ее, он надел ее на голову и завязал тесемки, после чего продолжил бормотать заклинания и ходить кругами. Затем на землю упало его платье, его пояс распустился и штаны соскользнули вниз; когда же исчез даже узелок, в котором даос носил записанные молитвы и прочие предметы для своего искусства, он припал к земле и стал красться, словно волк. Через несколько дней этот узелок, копая землю, нашел под оградой крестьянин из соседней деревни.

Начальник уезда господин Ду Янь-фань, справедливый и прямой человек, лично прибыл на место, чтобы выяснить, что случилось. "Как могут происходить подобные вещи!" — воскликнул он. Он сел, скрестив ноги, но тут вдруг с неба полетели листочки с написанными на них проклятиями и оскорблениями; их было великое множество. Прочитав один или два листочка и разобрав то, что на них написано, начальник уезда в свою, очередь тоже заторопился домой. Инспектор по имени Ван Чжао-вэй набрался храбрости, вернулся на место и стал ругать и поносить (духов); но, как только он появился, большой камень ударил его прямо в поясницу, и он вынужден был отступить» («Ю тан сянь хуа», гл. 367).

Во многих историях рассказывается о духах умерших, не погребенных должным образом, которые приходят в дома и насылают на людей порчу и не успокаиваются до тех пор, пока тела покойников не перезахоронят. Однако такие истории не представляют большого интереса. Капризные и своенравные демоны и духи непочтительны даже к укромным покоям императорских гаремов. «В годы Сюаньхэ (1119–1126) Запретный город подвергался нашествию существа Лай, тяжеловесного и неуклюжего, без головы или глаз. Руки и ноги у него были покрыты волосами, сверкавшими, словно лак. Когда около полуночи вдруг раздавались громкие звуки (иероглиф лай состоит из двух элементов: "собака" и "гром"), люди в Запретном городе кричали: "Лай идет!" и запирали на засовы все двери. Иногда призрак ложился в постель одной из наложниц, от чего постель становилась теплой, а с рассветом исчезал, причем никто не знал, куда. А когда наложницам снилось, как они спят с кем-нибудь, этим кем-нибудь был Лай»[8]. Казалось бы, что духи и призраки, тесно связанные с темным началом мироздания, должны творить зло преимущественно по ночам, причем, как правило, в самую глубокую часть ночи, а именно — в третью стражу, с одиннадцати до часу. Однако,

противореча этому естественному, как можно было бы подумать, закону, они сеют беду и в середине дня при ярком солнечном свете.

«В Чаншани жил старик по имени Ань, занимавшийся сельским хозяйством. Как-то осенью, когда гречиха уже созрела, была убрана и сложена в скирды на высоких местах и на межах полей, он велел своим работникам — благо было полнолуние — пригнать свои повозки туда, где сложено зерно. Он знал, что в соседней деревне живут воры. Когда повозки наполнили зерном и работники повезли его домой, старик остался сторожить в поле.

Он лег на землю под открытым небом, положил под голову копье, закрыл глаза, как вдруг услышал, что кто-то тихо ступает по сухому жнивью гречихи. "А, вот и непрошеные гости", — подумал он про себя, быстро поднял голову и увидел перед собой призрака в один чжан ростом, с красными волосами и спутанной бородой. Призрак был уже совсем рядом, и старик, не помня себя от страха, не нашел ничего лучшего как прыгнуть прямо на него и пронзить его копьем. Издав ужасающий вопль, демон исчез, а старик, все еще не придя в себя, положил копье на плечо и пошел домой.

По дороге он столкнулся со своими работниками, сообщил им о том, что с ним приключилось, и увещевал не ходить в поле, но не все поверили ему. На следующий день, когда они сушили зерно на току, в воздухе вдруг раздался шум. "Это опять тот призрак", — в ужасе закричал старик и что есть силы побежал прочь; за ним все остальные. Через какое-то время они вернулись, и хозяин приказал всем приготовить побольше луков и арбалетов на тот случай, если призрак вернется опять. И на следующий день он действительно появился. Послышался свист летящих стрел, некоторые из них попали в призрака, он исчез и два-три дня о нем ничего не было слышно. Зерно к тому времени убрали в амбары, а солому еще не успели. Старик велел собрать ее в стог. Сам он залез наверх, чтобы утаптывать солому, но не успел он приподняться на несколько чи[9], как, взглянув вдаль, истошно завопил: Призрак идет!" Все посмотрели на свои лук и стрелы, но призрак уже взобрался верхом на старика. Старик упал, а призрак укусил его прямо в лоб и пропал. Все бросились к стогу, чтобы посмотреть на хозяина. У того — о ужас! — была вырвана часть лобной кости величиной с ладонь; старик лежал без чувств и никого не узнавал. Его отнесли домой, где он умер. Призрак более не приходил, и так до сих пор и неизвестно, кто же это был» («Ляо Чжай цзи», гл. 13)[10].

История, произошедшая с кланом Чэнь в Дунлае, который подвергся нападению призраков, свидетельствует, что демоны часто собираются в банды и шайки, имеют оружие, оснащение и даже своих вожаков, как настоящие отряды и армии. *Гуй-бин*, или призраки-воины, и их подвиги составляют важную часть китайской демонологии.

Так, они встали на сторону Ши Вань-суя в борьбе с мятежниками и врагами в награду за то, что Ши Вань-суй в свое время с почтением отнесся к останкам их командующего. Кроме того, в «Истории династии Цзинь» мы читаем: «Когда Сунь Энь напал на область Хуэйцзи, командиры упрашивали Ван Нин-чжи сделать необходимые приготовления, но вместо этого Ван Нин-чжи удалился в келью, чтобы вознести молитвы. Выйдя из нее, он сказал своим приближенным: "Я попросил у Великого Дао прислать нам на подмогу воинов-призраков, враг будет побежден". Он пренебрег приготовлениями и потому был убит Сунь Энем» («История династии Цзинь[11]», гл. 80, 1.40).

Необычайно интересно читать о том, как орды призраков ввергают в хаос целые города и страны и деморализуют население настолько, что власти становятся вынуждены вмешаться. «В третьем году Хэцин (564) в Цзиньяне (пров. Шаньси) распространились беспочвенные слухи о воинах-призраках. Дабы отогнать их, люди изо всех сил били в медные и железные предметы. А в двадцать третьем году Чжэньюань, в шестом месяце, когда император находился в Восточной столице, люди пугали друг друга воинами-призраками и бежали, не зная, где найти пристанище, толпились повсюду, дрались и наносили друг другу увечья и раны. Сперва воины-призраки появились в южном течении реки Ло, вызвав невообразимые беспорядки на улицах и рынках, после чего постепенно добрались и до северного течения реки. Когда они

переходили реку, в воздухе стоял такой ужасающий грохот, словно это двигались тысячи и десятки тысяч колесниц в сопровождении конницы и пехоты. Но внезапно все стихло. Каждую ночь они два или три раза пересекали реку. Император выразил свое чрезвычайное неудовольствие, и приказал колдунам и заклинателям умилостивить их жертвоприношениями; после этого на берегу реки Ло каждую ночь выставляли яства и вино»[12].

«Во втором году Цзяньчжун правления династии Тан (781) в областях, прилегающих к Янцзы и Хуай, ходили ложные слухи о пришедших из Хунани духах. Одни называли их "волосатыми демонами", другие же — "волосатыми людьми". О них рассказывали самые невероятные вещи, и одолеть их никак не удавалось. Люди верили, что они любят поедать сердца своих несчастных жертв и похищают детей обоих полов. Напуганные их хитростью люди собирались в своих домах, ночи напролет жгли огонь и боялись ложиться спать; люди вооружались луками и мечами, и каждый раз, когда демоны входили в дом, изо всех сил колотили в доски и медную утварь, и производимый ими шум сотрясал небо и землю. Некоторые, обезумев от ужаса, умирали. Так обстояло дело повсюду. Чиновники были вынуждены вмешаться, но и они ничего не могли поделать.

Бывший уважаемый судья из Яньчжоу по имени Лю Цань находился на службе в Хуай и Сы (провинция Аньхуэй) и жил в Хуанлине вместе с шестью сыновьями, все они отличались силой и отвагой. Вооруженные луками и стрелами, они по очереди несли караул по ночам. Желая защитить женщин, они заперли дверь на засов. Сыновья ходили снаружи вокруг дома, как вдруг после полуночи небо потемнело и из дома послышались тревожные крики: "Здесь призраки!" Сыновья испугались: дверь была на замке, поэтому они не могли войти в дом и помочь, так что им ничего не оставалось делать, как быть наготове и заглядывать в окна. Они заметили существо, с виду похожее на кровать, шерстью и иглами оно напоминало дикобраза, высотой оно было в три-четыре чи, имело четыре лапы и бегало на них по дому. Вдруг рядом появился еще один призрак, голый, с черной шерстью, с когтями и клыками, походившими на мечи. Он схватил самую младшую дочь и усадил ее на волосатое чудовище, потом сцапал еще одну девушку, но в этот момент храбрые сыновья сломали стену и ворвались внутрь. Они начали стрелять из луков в призрака, походившего на дикобраза, и тот бросился прочь вместе с другим призраком. Последний бесследно исчез, а первый побежал на восток. В него попало более ста стрел, так что на нем не осталось не утыканного стрелами места. Один из сыновей поймал его, схватил за щетину и, напрягая все силы, помчался рядом с ним. Оба они упали с моста прямо в реку. "Я держу призрака! — закричал он. — Ему некуда деваться! Скорее! На помощь! Несите свет!" Когда все подбежали и принесли свет, то увидели, что сын обнимает руками опору моста. И Лю, и его сыновья получили множество колотых ран, а младшую дочь нашли на дороге»[13].

Призраки и духи преследовали даже императоров, находившихся на вершине власти: В 1378 году, когда великий основатель династии Мин царствовал уже одиннадцать лет, правитель Юнцзя полководец Чжу Лянцзу, сыгравший далеко не последнюю роль в восхождении своего господина к владычеству над Китаем, сообщал трону: «В диких землях в уездах Аньдун и Муян по ночам появляется столько призраков-гуй, что местное население живет в постоянной тревоге. Тогда император издал указ, повелевающий посланнику двора отправиться в данную область, дабы предупредить призраков и принести им жертвы. Посланник говорил с призраками так: "В мире света есть ритуал и музыка, в мире мрака есть *шэнь* и *гуй*. Жертвоприношения, совершаемые императорским домом, нужны для того, чтобы управлять людьми; но жертвы, приносимые людьми, не простираются дальше их предков; жертвы, которые они могут поднести, неприемлемы для *шэнь*, поскольку они несовместимы с ритуалом. Духи главных гор, морей и вод, а также всех остальных гор и рек, перечисленные в Государственном Каноне жертвоприношений и поклонения, должны все без исключения повиноваться приказам Верховного владыки и божества земли Хоу-ту и в соответствии с ними одаривать счастьем добрых людей и насылать бедствия на порочных.

Поэтому, если счастье и несчастье ниспосылаются несправедливо и люди не чувствуют удовлетворения, мы обязаны сообщать Небу о допущенных ошибках.

В этом, одиннадцатом году правления под девизом Хунъу, в четырнадцатый день четвертого месяца посланник правителя Юнцзя привез Нам известие, что в диких землях уездов Аньдун и Муян по ночам появляются сотни существ с факелами; иногда они собираются в шеренги, иногда разбредаются по всем сторонам. Когда перепуганные люди пытаются изгнать их, они становятся невидимыми, а когда нападают на них, они сопротивляются. Поскольку Мы не можем полностью поверить его словам, Мы посылаем им жертвы и решаем собрать *гуй* и *шэнь*, предостеречь их и сказать им следующее: "С тех пор как была свергнута династия Юань, людей Срединного государства, бросаемых в трясину и на раскаленные угли (т. е. претерпевших всевозможные беды), умерло неисчислимое множество. Среди умерших немало таких, которым из-за гибели семей не приносились жертвы, немало и таких, кто, будучи разлучен со своими родителями, женами и детьми, ушел в мир иной ранее предначертанного судьбой срока. Вы, призраки с факелами, не являетесь ли часом теми несчастными душами, что не принадлежат никому, жаждущими, чтобы живые поднесли вам жертвы? Или же вы те, кто навеки разделен со своими родителями, женами и детьми и пришел в отчаяние от этого? Или же вас постигла незаслуженная смерть и вы не были отмщены? Или же вы неистовствуете из-за того, что власти не совершают в вашу честь ежегодных жертвоприношений? Вы, несомненно, являетесь кем-то из этих четырех, поэтому Мы и задали вам четыре вопроса; скажите Нам, в чем причина вашего поведения? Со времени нашего восшествия на престол Мы совершали в честь *шэнь* все жертвоприношения, какие только перечислены в государственных церемониальных рескриптах; но вы не вправе требовать от нас тех жертв, кои мы не обязаны приносить. Призраки, носящие факелы, ниспошлите несчастья на тех, кто заслуживает этого, но одарите счастьем тех, кто заслуживает блага, и не делайте людям зла необдуманно, ибо тем самым вы навлекаете на себя небесную кару"».

Через девятнадцать лет тот же самый Сын Неба вновь вынужден был поднять свой скипетр с тем, чтобы изгнать нечистую силу, опять тревожившую обитателей той же области. «В тридцатом году Хунъу в окрестностях Аньдуна *гуй* появлялись при свете дня, сотнями и тысячами, и издавали страшный гром. Император Гао-ди издал указ и совершил жертвоприношения, после чего призраки исчезли» («Цзяннань тун чжи»).

Паника населения в связи с приходом призраков имела места и в других частях империи. «Согласно "Сычуань цзун чжи", в двадцать третьем году Цзяцзин (1544) *гуй* пришли на базары Улуна и унесли на своих плечах людей». А «согласно "Гуанси тун чжи", в десятом месяце тридцать шестого года Цзяцзин *яо* и *шэн* были замечены в Хэнчжоу. Еще до того как выяснилось, что это за существа, сообщили, что они прибыли с севера и через Цзянси добрались до Гуандуна. Иногда по ночам они проникали в дома людей и непристойно ругались. Некоторые принимали облик обезьян, летучих мышей, мартышек или собак, или даже черного дыма; все они имел» хвост и когти и могли ранить людей, поэтому взрослые, сталкивавшиеся с ними, погибали. Ночью семьи собирались вместе, били в гонги и барабаны, чтобы отразить их нападение, и держали в руках бамбуковые и ивовые палки. Призраки обычно появлялись группами, но, когда на них сыпались удары, они рассеивались и превращались в искры, которые затем собирались в шары и исчезали, ударившись о карниз. Во втором месяце следующего года они снова появились в области и, как и прежде, тревожили обитателей деревень. Ушли они только по прошествии нескольких месяцев».

В 1886 году жители Амоя еще хорошо помнили, как за восемь лет до того город был объят паникой из-за злобных призраков, охотившихся не за чем-нибудь, а за косами простодушных людей. В ту пору многие весьма уважаемые люди и даже высокие сановники самым непостижимым образом ни с того ни с сего при всём честном народе вдруг теряли свои косы. Это случалось и на шумных улицах, и во время театральных представлений на площадях и базарах, и в лавках, и даже в их собственных домах — при этом все двери были, как правило,

крепко заперты. Такие периоды «отрезания кос» случались довольно часто. Даже самые абсурдные истории с быстротой молнии распространяются среди населения, которое, будучи изначально готовым верить во всевозможных призраков и колдовство, не считает невероятным ничего и с охотой внимает им. Некоторые полагали, что злодеи, «похищавшие косы», — люди, получающие удовольствие от своих «грязных делишек». Возникают суматоха и хаос, и спокойствие обывателей оказывается под угрозой. Пока общественное мнение не приходит к убеждению, что во всем виноваты враждебные человеку невидимые призраки, чиновники, дабы успокоить население и особенно — людей чувствительных, арестовывают тех, на кого падает подозрение — отправляют солдат ямыня[14] по тайным религиозным сектам, членов которых власти всегда жестоко преследовали как еретиков, врагов устоявшихся традиционного устоев и порядков, злонамеренных преступников и развращающих умы людей разбойников. Чаще всего последующее судебное расследование лишь подтверждает подозрения, ведь судьи прекрасно владеют искусством выбивать даже у самых упрямых и стойких с помощью плети и пыток любые признания, а особенно такие, какие судьи загодя считают соответствующими действительности.

Конечно, среди всеобщей паники попадаются отдельные мужчины и женщины, наделенные особой проницательностью, которые сообщают, что видели обрезающих косы призраков и что призраки эти — совсем крошечные и бумажные; бумага, очевидно, появляется здесь потому, что у китайцев есть обычай посылать умершим в потусторонний мир (будь то слуги, наложницы или даже рабы) письма, как живым людям. Об этом уже писали некоторые авторы. Так, господин Холькомб, посол Соединенных Штатов Америки в Пекине, в своей увлекательной книге, опубликованной в 1895 году, пишет, что практически каждый год в той или иной части империи внезапно возникает всеобщее возбуждение по поводу так называемого «обрезания кос». Оно всегда возникает и сходит на нет неожиданно, и никто не в состоянии сказать, когда оно началось, что стало его причиной и чем оно может закончиться. В периоды подобной лихорадки ужас и трепет охватывают и самые просвещенные, и самые невежественные слои населения. Распространяются и пользуются доверием самые невероятные и абсурдные истории. Такой-то человек идет себе спокойно по улице, рядом с ним никого нет, как вдруг его коса отваливается и исчезает. Другой человек поднимает руки, чтобы завязать себе косу, и обнаруживает, что она отсутствует. Еще один вступает на улице в разговор с незнакомцем, который внезапно исчезает вместе с косой первого. Наконец, четвертый смотрит на ребенка, а ребенок в свою очередь не сводит глаз с человека, как вдруг коса пропадает из виду и в воздухе остается только запах сгоревших волос. Вот только несколько примеров историй, в неисчислимых количествах циркулирующих среди населения и вызывающих его полное доверие. Казалось бы, в такой ситуации было бы естественным ожидать, что чиновники предпримут какие-то меры и успокоят людей. На самом же деле ничего подобного чиновники не делают. Что касается суеверий и религиозных предрассудков, то здесь чиновники едва ли хоть сколько-нибудь более просвещены, чем те, кем они управляют. «Я, — уверяет автор, — лично видел по крайне мере с десяток прокламаций, изданных пекинскими властями как раз в период очередного всплеска общественного возбуждения, но все они до одной были направлены скорее на то, чтобы усилить, а не уменьшить царившую в умах людей сумятицу. Начинались они обычно с того, что предупреждали людей: время нынче опасное, поэтому лучше оставаться дома и заниматься своими делами. Они советовали избегать незнакомцев, тщательно, в любое время дня и ночи, запирать все окна и двери, ни под каким предлогом не выходить на улицу с наступлением темноты и внимательно присматривать за детьми. Некоторые из них заканчивались советом — этаким медицинским рецептом, позволяющим доступными каждому средствами уберечь собственную косу от вреда. В одной из прокламаций говорилось, что достаточно заплести в волосы красную и желтую нити, в другой называлось лекарство, которое следует принимать внутрь, а в третьей, где речь также

шла о лекарстве, половину его рекомендовалось выпить, а другую половину — вылить в кухонный очаг».

Добавим, что, хотя во время такого вот всеобщего смятения по поводу «отрезания кос» умы людей переполнены рассказами, приведенными выше, и население полностью деморализовано и не в состоянии заниматься своими делами, нет ни одного сколько-нибудь доказательного подтверждения того, что хотя бы один человек потерял хоть волос со своей головы. В основе всех подобных историй лежат слухи, и боязнь людей можно объяснить только распространяющимся со скоростью эпидемии суеверным страхом.

Конечно, нельзя полагать, что такая паника начала возникать лишь в последнее время; вполне возможно, правда, что в правление маньчжурской династии, когда всех китайцев обязали носить косы, которые легко отрезать, суеверия получили дополнительную «подкрепляющую» основу. В свое время мы упоминали об одном случае, связанном с духами-лисами, произошедшим в 477 году, а также о другом, имевшем место сорок лет спустя в тогдашней столице империи. Но особое распространение «похищение волос» получило при нынешней династии, заставляя даже императоров издавать по сему поводу соответствующие эдикты. Именно так поступил в 1768 году император Гао-цзун[15]. В изданном в двадцать девятый день восьмого месяца (9 октября) высочайшем повелении говорится, что в ходе поисков «похитителей кос», проведенных властями, в окрестностях Сучжоу, знаменитого города в провинции Цзянсу, обнаружены секты Махаяны и Увэй; всего найдено одиннадцать святилищ, служивших их членам местом для встреч. Всего схвачено около семидесяти человек — лидеров сект и их главных членов, а также обитателей святилищ и слуг. Эдикт указывает на прецедент. Сектантство, заявляется в нем, несмотря на суровые гонения, распространилось вплоть до округа Сюаньхуа на крайнем северо-западе Чжили. Во время охоты за «похитителями кос» были, по счастью, обнаружены и тайные религиозные общества; самые рьяные из их членов получили наказание по закону, а упорствовавшие в ереси были сосланы в Синьцзян (Туркестан)[16]; отступников наказали палками и тоже отправили в ссылку в разные районы Китая, дабы впредь неповадно было нарушать законы. Похожий случай произошел недавно в землях правящего дома в Цзяннани: чтобы пресечь зло в зародыше, необходимо покарать как можно больше людей — пусть это будет уроком для будущих поколений. Как и в Сюаньхуа, мятежников и «похитителей кос» надлежит выискивать с особым тщанием и как можно скорее, допрашивать и наказывать, не допуская ни малейшего снисхождения или мягкости («Эдикты Гао-цзуна», гл. 255).

А в вышедшей в двадцать первый день следующего месяца (31 октября) императорской резолюции сообщается о получении доклада от губернатора Хэнани об аресте в трех уездах провинции сектантов. Императорским указом повелевается жестоко покарать их и их сообщников. Далее, говорится в императорском повелении, пока еще не указывалось на связь между «похитителями кос» и мятежными сектантами, которая несомненна; совершающие подобные преступления, в отличие от последних, не имеют главарей и вожаков, они — лишь разбойники и негодяи, обуреваемые жаждой принести людям вред; под покровом темноты их шайки творят зло, дабы посеять в деревнях и целых уездах тревогу и беспокойство и тем самым распространить свои мятежные замыслы. Все это позволяет трактовать их действия как самое отвратительное из преступлений, а именно — подстрекательство к восстанию. В целом, оно не исходит ни от буддийских, ни от даосских ересей, не исходит оно и от тех людей, кто сбился с пути истинного, читая еретические сочинения. Но когда еретические секты осмеливаются распространять бунтарские и призывающие к непокорству сочинения и сеять семена обольщения, их пути идут бок о бок с путями «похитителей кос». Поэтому губернатор Хэнани должен тщательно допросить каждого арестованного на предмет его принадлежности к этому злу, дабы выяснить то, что может привести к поимке главных зачинщиков «обрезания кос», и, как только в деле появится какая-то определенность, он должен немедленно послать соответствующий доклад трону. Если же ничего подобного найдено не будет, арестованных

следует приговорить к самым тяжелым наказаниям, какие только предусмотрены за предъявленные им обвинения («Эдикты Гао-цзуна», гл. 255).

Через три дня последовал еще один декрет на ту же тему. В нем заявляется, что паника, поначалу распространившаяся в Цзянсу и Чжэцзяне, не будучи пресеченной вовремя арестом зачинщиков, перекинулась и на другие провинции империи. Император почел себя обязанным издать ряд эдиктов, приказывающих чиновникам повсеместно и беспощадно преследовать и арестовывать злодеев. Но, как водится, они не проявили должного умения, взяли под стражу множество невинных людей и послали некоторых из них в Пекин. Однако на поверку выяснилось, что многие из них не имеют никакого отношения к беспорядкам или, по крайней мере, не являются их зачинщиками. Как следствие, император приказал прекратить аресты; ныне же он вновь отдает повеление высшим провинциальным властям сохранять бдительность и усердно выискивать нарушителей спокойствия.

В пятый день следующего месяца (13 ноября) появился новый указ. В нем сообщается, что паника захватила уже Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань, Гуанси и Гуандун, а на севере достигла Гирина[17] и Синьцзяна, и даются новые указания наместникам и губернаторам направить все усилия на пресечение зла. Изданный еще через двенадцать дней документ извещает об аресте властями земель правящего дома в Цзянсу двух буддийских священнослужителей, которые распространяли амулеты и заклинания, написанные красными иероглифами, якобы противодействующие злу — о подобной практике прежде доносили из Хугуана. Император требует покарать священнослужителей, которые, прикрываясь именем небесного наставника Чжана, смущали людей и сбивали их с толку; и поскольку «обрезание кос» — это, скорее всего, искусный замысел негодяев, желающих продажей амулетов нажиться на панике и страхах людей, наместнику приказывается воспользоваться благоприятным случаем — арестом священнослужителей — для того чтобы пролить свет на это дело и отыскать виновных.

Все эти эдикты свидетельствуют, что в том памятном 1768 году паника охватила практически всю империю; в беспокойстве пребывали власти как столичные, так и местные, хотя они, конечно, едва ли верили в то, что во всем виноваты призраки. Отметим, что о царившем в стране поистине повальном безумии упоминает и европеец, живший в то время в Китае. Вот что писал отец Вентав в одном из писем: «В середине 1768 года в различных провинциях распространились слухи, которые не могли не обеспокоить империю. Многие жаловались на то, что им украдкой обрезали косы, и потеря косы приводила к упадку сил, обморокам и даже смерти, если они не принимали немедленно лекарство. Несмотря на все приложенные усилия и обещанное императором вознаграждение, ни одного похитителя кос так и не удалось застать на месте преступления; либо потому, что, для того чтобы лучше сыграть свою роль, "авторы" этого насмехательства входили в согласие с мнимыми "жертвами", либо оттого, что по каким-то причинам расследование никогда не доводилось до конца. В итоге подозрение главным образом пало на священнослужителей и еретиков, так что были отданы приказы расследовать деятельность всех сект, разрешенных в империи, и, как это обычно всегда происходило при таких "расследованиях", в одной провинции задержали несколько христиан».

В декрете, изданном троном в двадцать первый день шестого месяца (29 июля) 1812 года, говорится, что с тех самых пор до трона не дошло ни одной жалобы по поводу «похищения косы». Однако незадолго до того цензор по имени Жун Чунь сообщал, что зло проявило себя в столичной области, и потребовал тщательного расследования и наказания. Однако император приказал разжаловать слишком ретивого чиновника за недостоверные сведения («Эдикты Жэнь-цзуна», гл. 14)[18]. Вновь мы слышим о «похищении кос» и хаосе среди населения уже в 1821 году. Эдикт, изданный в двадцать пятый день восьмого месяца (20 сентября), гласит: «Согласно докладу цензора Ли Дэ-ли, в провинции Шаньдун распространяется эпидемия, наносящая вред каждому дому. В Дэчжоу (на северо-западе провинции) негодяи пользуются этим и сеют слухи, что в первый или второй день седьмого

месяца призраки будут стучаться в двери домов и те, кто ответят им, непременно умрут. Тем самым они заставляют местных жителей, передающих сию ложь из уст в уста, ночи напролет трястись от страха. А в округе Дунчан повсюду поползли слухи, что негодяи-мятежники тайно отрезают косы и волосы и вырывают у мальчиков и девочек внутренние органы; перевозчики овощей и муки, переполняющие дороги в тех местах, пользуются баснями и распространяют (за деньги?) мешочки с лекарствами.

Далее, в Тунгуани, в округе Цзинин, живет мошенник по имени Хуан Эр, прежде занимавшийся раскрашиванием амулетов, якобы излечивающих хворь, которого зовут Хуан Полубессмертный. Десятого дня седьмого месяца ему пришла в голову мысль воспользоваться несчастьем для того, чтобы вытянуть у людей деньги. Для этого он придумал имя "злые призраки буддийских священнослужителей с заплетенными волосами". Вместе со своими сообщниками, шайкой отъявленных негодяев, они заморочили своими баснями людей, а потом, по ночам, врывались в их дома и обиталища с криками, что они и есть такие- то злобные призраки, и бессовестно грабили и разоряли их. Впоследствии шайка не смогла поделить добычу поровну, и разбойники в неистовстве набросились друг да друга. Главарь был доставлен главным надзирателем в управу, но начальник уезда не провел никакого расследования и отпустил его.

Если в Шаньдуне, где ныне распространяется сезонная эпидемия, злобные негодяи решат под предлогом этого распространять еретические речи, заставляющие людей сбивать друг друга с толку и впадать в панику и страх, следует помнить, что это — нарушение существующих законов. Но если, кроме того, порочные и ничтожные мошенники еще и прикинутся злыми духами и начнут врываться в дома и жилища людей и бессовестно грабить и разорять их — это преступление еще большее. Поэтому губернатор Цзи Щань и главный судья провинции Ло Хань-чжан должны послать чиновников с тем, чтобы выявить и арестовать первых зачинщиков среди распространителей еретических речей, и по всей строгости судить их. Кроме того, губернатор обязан дать приказ об аресте Хуан Эра, провести расследование и допросить его о сообщниках. Если выяснится, что они действительно совершили эти ужасные кражи и грабежи, надлежит покарать их в соответствии с законом без малейшего снисхождения» («Эдикты Сюань-цзуна»[19], гл. 80).

Эдикт от двадцать девятого дня седьмого месяца (12 сентября) 1844 года информирует нас об «обрезании кос» в Тайюаня, столице провинции Шаньси, и ее ближайших окрестностях, а также в уездах Юйцы и Тайгу, расположенных к югу. Само собой разумеется, что император в своем соизволении призывает чиновников к строгости, но и к осторожности при поиске опасных преступников, все время растворяющихся, подобно призракам («Эдикты Сюань-цзуна», гл. 86). Скорее всего, в периоды такой безумной паники и страха люди верили не в то, что виновные самолично отрезают и похищают косы, а в то, что они побуждают призраков делать это. Таким образом, обвиняли их прежде всего в колдовстве.

Итак, как читатель мог увидеть из изложенного выше, появление китайских духов часто сопровождается звуками и гвалтом. Неудивительно, что ежедневно и ежечасно появляются все новые и новые источники для волнения, тревоги и паники — там, где люди в такой степени доверчивы, любой непонятный или таинственный звук с легкостью приписывается призракам. Еще в первом столетии нашей эры автор «Шо вэнь» констатировал широкую распространенность веровании в то, что демоны издают звуки, и включил в свой словарь иероглиф, ныне произносимый как *цзюй* и обозначающий «шум, производимый *гуй* и *мэй*, а будучи произнесенный дважды — "непрекращающийся гам"». Несомненно, что в те времена считали — духи воют особенно долго и протяжно. Убежденность в том, что души умерших заявляют о своем присутствии заунывным и протяжным воем, была к началу христианской эры столь глубокой, что Ван Чун почел за должное с пылом развенчать ее.

Китайские сочинения изобилуют сообщениями о том, что вера эта процветала и в последующие века и что издаваемые призраками звуки, обозначаемые на письме

иероглифами *цю-цю* (свистеть, гудеть, стонать), всегда заставляли людей трепетать от страха, ибо влекли за собой голод, смерть, кровь, мятежи, войны, переселения людей и все ужасы и невзгоды, кои только могут быть связаны с ними, вплоть до смерти Сына Неба или вообще низложения и гибели правящей династии. Приведем несколько примеров. «Когда во второй год Дасян династии Чжоу Вэй Цзюн потерпел поражение при Сянчжоу, несколько десятков тысяч его сторонников были заживо закопаны в землю в парке Ююй, и с тех пор по ночам в том месте слышали воющие голоса их *гуй*. "Традиция истолкования пяти элементов "Хун фань"" гласит[20]: "Вой, коим умершие возвещают свою близость, есть зло ночных призраков; призраки и вой в ночи предвещают скорую смерть". А в "И фэй хоу", принадлежащих кисти Цзин Фана[21], говорится: "Когда ночью воют *гуй*, династия погибнет". В следующем году все наследники чжоуского дома были убиты, а сама династия — свергнута. В годы Жэньшоу (601 — 605) завывание *гуй* многократно слышали во дворце Жэньшоу и поблизости от окружавших его стен, после чего во дворце неожиданно умерли императрица Сянь и сам император. А в восьмом году Дае (612) Ян Юань-гань поднял мятеж против императора в Дунду (в тогдашней столичной области, Хэнаньфу, или Лоян, в пров. Хэнань), и министр Фань Цзы-гай закопал заживо за воротами Чанся несколько десятков тысяч людей его клана и его союзников. В последнем году этого правления (616) здесь часто слышали горестный и заунывный вой *гуй*, предвещавший те же события, что и описанные выше, ибо вскоре Ван Ши-чун убил (отравил или задушил) в Лояне принца Юэ Туна (сына императора Яна)» («История династии Суй», гл. 23, 1.13)[22].

О Чжан Вэнь-ли, вельможе, жившем в десятом веке, мы читаем: «Ночью в его доме завывал демон, и воды реки превратились в кровь, и вся рыба в ней погибла. Напуганный до ужаса, Чжан Вэнь-ли заболел оспой и умер». А вот слова Чжу Си о распространенных верованиях в злых демонов, воющих по ночам в домах людей: «Те самые *гуй* и *шэнь*, что стонут и свистят по ночам на крышах домов и ударяются нам в грудь, есть злые создания тьмы». Что касается более позднего времени, то в записках области Луань, входившей в провинцию Шаньси, говорится: «В шестнадцатом году Чунчжэнь (1643), зимой, в юговосточной части главного города области, на ничейных полях и пустошах раздавались завывания *гуй*. Сотни, тысячи призраков, то коротко и пронзительно визжали, то протяжно стонали; страшный, заунывный вой медленно отступал вдаль и там умирал. По ночам он становился громче. Это продолжалось месяца три. А в следующем году мятежники Чэня (Ли Цзы-чэн, свергнувший династию Мин) перешли через Хуанхэ, и город не смог противостоять им».

Да и поныне каждый, кто общается с китайцами и старается наблюдать за ними, согласится с тем, что они боятся любых таинственных звуков и всегда готовы приписать их злым демонам. На юго-востоке Фуцзяни люди, когда бы и при каких бы обстоятельствах они ни услышали странный шум, тут же произносят «гуй цзи-цзи хао» — «это ревут гуй». Особенно плохим предзнаменованием для человека, таящим в себе большую опасность, считается услышать, как призрак называет его имя. В таких случаях немедленно обращаются к предсказателю. Тот открывет свой *vademecum* — маленькую залистанную книжечку, которая может быть как печатной, так и рукописной, с разъяснениями предзнаменований, по преданию, сделанными совершенномудрыми древности много веков назад — и анализирует произошедшее во взаимосвязи с циклическим названием дня. Если этот день обозначается иероглифом *цзэ*, то событие предвещает вред для ребенка или домашних животных человека; если это день *чоу*, то вскоре последует внезапная смерть его старшего родственника; если же это день *инь*, то дети в доме вскорости сильно испугаются чего-то. Если призрак явился в день *мао*, значит, случится большая катастрофа — неизбежны пожар или наводнение; если в день *чэнь*, то умрет беременная женщина; если же в день *сы*, то уйдут в мир иной отец или мать. Если голос потустороннего существа был услышан в день *у*, на человека падут проклятия и беды; если в день *вэй*, то беда случится с младшими членами семьи; если в день *шэнь*, значит, близка его смерть; если в день *ю* — смерть отца или матери неминуема; услышанный

в день *су* голос призрака предрекает чью-то случайную смерть; наконец, если случай имел место в день *хай*, следует ожидать войны.

Однако было бы неправильно полагать, что появление призраков всегда вызвано злобными намерениями и сопровождается неприятными последствиями. Если духи благорасположены по какой-либо причине к человеку, они могут возвещать и хорошее, чему в огромнейшей китайской литературе есть множество примеров. «В период Юаньтун (1333 либо 1334 год) некто Сун Цзянь-на, уроженец Яньцана в Ханчжоу, гостил в столице в поисках возможностей добиться заслуг и прославиться (на государственной службе). Однако ему не везло. Средства к существованию у него кончились, но он продолжал блюсти нормы благопристойности и не совершил ни одного бесчестного поступка. В конце концов он покинул город через ворота Цихуа, чтобы найти подходящее место и покончить с собой. Вскоре он увидел пруд и хотел уже было броситься в него, как вдруг услышал в воздухе голос *гуй*. "Сун Цзянь-на, — сказал тот, — жизнь, которую тебе выпало прожить в мире света, еще не закончилась; ты не можешь умереть". Он оглянулся, но никого вокруг не увидел; тем не менее, он тихо побрел обратно. По дороге он подобрал валявшийся на земле клочок бумаги, на котором было написано: "Сун Цзянь-на, отправляйся в чиновничье ведомство и найди себе службу под началом чиновника такого-то и секретаря такого-то". На следующий день он наудачу пошел туда, куда ему было велено, нашел названных людей и был принят на государственную службу».

Глава вторая
О призраках гор и лесов

Китайский мир демонов и духов необычайно многочислен, и потому едва ли можно было бы ожидать, чтобы он не был классифицирован. И действительно, с течением времени призраков специфицировали по особенностям характера, по форме или манере поведения, причем процесс происходил достаточно спонтанно, подталкиваемый одними только суевериями, без сколько-нибудь значительного влияния и тем более санкции со стороны мыслителей, философов и даже просто интеллектуальных кругов. Образованные люди скорее всего не обращали (в значительной, по крайней мере, степени) внимания на подобные вещи, однако никто и не мешал им подразделять призраков на тех, что живут в горах, в лесах, под водой и под землей, ведь, согласно традиции, такую классификацию провозгласил правильной еще Конфуций.

В «Го юй» сообщается, что Цзи Хуань-цзы, сановник государства Лу, как-то «приказал выкопать колодец и наткнулся на предмет, напоминающий глиняный горшок, в котором обнаружили нечто похожее на останки барана. Он обратился к Чжун-ни (Конфуций) с такими словами: "Я копал колодец, но получил собаку. Скажите, что это означает?" Конфуций ответил: "По моему мнению, это баран. Я, Цю, слышал, что чудища, появляющиеся среди лесов и скал, зовутся *куй* и *ван-лян*, появляющиеся в воде зовутся *лун*-драконами и *ван-сян*, а тех, что обитают под землей, зовут *фэнь-ян*"».

Очевидно, что в данном диалоге отражена традиция, существовавшая еще задолго до Конфуция. Эти три класса духов часто упоминаются в последующей литературе с описанием их характеристик и поведения. Обо всем этом мы и поговорим сейчас.

Итак, первый тип составляют *куй* и *ван-лян*. В первом столетии нашей эры этимолог Сюй Шэнь, автор словаря «Шо вэнь», писал, что «*куй* — это *сюй*, напоминающий дракона с одной ногой, о чем свидетельствует соответствующий элемент, и что иероглиф обозначает зверя с рогами, руками и человеческим лицом». Интересно, что перед этим иероглифом в словаре стоит почти точно такой же, только без элемента «рога», со значением «жадное четвероногое животное, похожее на обезьяну самку, напоминающее человека; в него входят элементы, означающие соответственно "голова", "руки" и "лапа зверя"». Таким образом, если мы

принимаем этот анализ, то оказывается, что к классу *куй* принадлежат одноногие звери или драконы с человеческими чертами лица.

С глубокой древности эти чудовища внушали китайцам страх и ужас. Еще в одном из древнейших разделов «Шу цзина» иероглиф *куй* обозначает «устрашающий, вселяющий трепет человек». В каноне говорится о том, что один из министров великого Шуня как-то заявил, что его повелитель «всякий раз, когда видел Гу-соу (своего ослепшего отца), становился как *куй-куй* и вел себя сдержанно и робко» (раздел «Советы великого Юя»).

Одноногие драконы в Древнем Китае считались земноводными животными, насылающими дождь и ветер. В «Шань хай цзин» («Канон гор и морей»)[23] мы читаем: «В восточных морях есть Гора перекатывающихся волн, выступающая в море на семь тысяч ли. На ней обитают звери, похожие на коров без рогов, с голубыми телами и одной ногой. Как только они входят в воду или выходят из нее, тут же поднимается ветер и начинается дождь. Их ослепительный блеск подобен солнцу и луне, а голос — раскатам грома. Зовутся они *куй*. Хуан-ди[24] поймал нескольких из них и сделал из их кожи барабаны. Когда в эти барабаны ударяли костями *куй*, грохот разносился на пятьсот ли и приводил в трепет всю Поднебесную».

В данном описании нетрудно узнать дракона-*лун*, китайское божество дождя и ветра, о котором мы так много говорили и еще будем говорить. Воплощение *куй* в виде одноногого дракона подтверждается и другими сочинениями, в частности, «Шу цзином» и «Хань Фэй-цзы»[25], текстом, датируемым третьим столетием до новой эры. В одном из разделов первого из них, «Каноне Шуня», говорится, что министр этого императора, ведавший музыкой, носил имя Куй, а также имя Лун, Дракон. А «Хань Фэй-цзы» сообщает: «Луский Ай-гун спросил Конфуция: "Я слышал, что в древности жил одноногий Куй; можем ли мы верить, что у него действительно была одна нога?" Конфуций ответил: "Нет, он не был одноногим. Он был вспыльчивым, развратным и злобным и вызывал всеобщее недовольство"… Тогда Ай-гун сказал: "Так оно и есть, он был тверд и совершенен"».

«Согласно другим свидетельствам, Ай-гун спросил Конфуция: "Я слышал, что у Куя была одна нога; заслуживают ли доверия эти слова?" Конфуций ответил: "Куй был человеком, почему же у него должна быть только одна нога? Он не выделялся ничем, кроме того, что прекрасно разбирался в музыке". Яо сказал: "Куй — целен и совершенен", и назначил его министром музыки. С тех пор благородные мужи называли его "цельным и совершенным", но никак не "одноногим"». Таким образом, легенда обязана своим происхождением тому обстоятельству, что сочетание *и цзу* имеет два значения: «одна нога» и «цельный и совершенный».

Поскольку древние представляли куй в виде духов в образе зверей, ясно, почему в отрывке из «Го юй», с которого мы начали, их «сородичи», или существа того же класса, обозначаются иероглифами *ван-лян*, в каждом из которых присутствует ключ «животное». В некоторых изданиях этот ключ заменен на *гуй*, «дух, призрак». В других сочинениях, как, например, в «Цзо чжуань», данный ключ в иероглифе вообще отсутствует. А в «Исторических записках», где также зафиксирован описанный выше эпизод из жизни Конфуция (гл. 47, 1.5), иероглиф *лян* просто совершенно иной. Очевидно, ни одна из этих форм не является идеографической; скорее всего, все они представляют собой фонетические варианты различных местных терминов со значением «демон, дух».

Согласно «авторитетным» китайским специалистам по *ван-лян*, последние идентичны *фан-лян*, которых, по «Чжоу ли», во время погребения изгоняют из могил переодетые заклинатели. Сочетание *фан-лян*выглядит как диалектная, либо извращенная форма *ван-лян*. Факт упоминания этих существ в книге, относимой китайцами к глубокой древности, подтверждает долгую традицию верований в их существование.

На основании комментария Вэй Чжао к «Го юй»[26], написанного в третьем веке нашей эры, можно сделать вывод о том, что представления китайцев о форме *ван-лян* и *куй* не

претерпели, в сравнении с древнейшими временами, существенных изменений к его эпохе. В комментарии к описанному выше эпизоду с Цзи Хуань-цзы он отмечает: «Некоторые полагают, что у *куй* — одна нога. Люди из Юэ (Чжэцзян и север Фуцзяни) называют их горными *сао*; другой вариант *сяо*. Они обитают в Фуяне (около нынешнего Ханчжоу), лицом похожи на людей, а телом — на обезьян, и умеют говорить. Некоторые утверждают, что одноногие *ван-лян* — это горные духи (цзин), которые, подражая человеческому голосу, сбивают с толку людей».

Сао и *сяо* — местные диалектные слова. Последующие авторы использовали их преимущественно в качестве синонимов *куй, ван-лян* и *фан-лян*; таким образом, эти древние слова можно считать мертвыми, изредка употребляющимися в классической литературе. Чаще всего иероглифы *сао* и *сяо* писались в иной, по сравнению с комментарием Вэй Чжао, форме. Еще один вариант обозначения духов — *шань цзин*, «духи гор и холмов». Итак, все эти слова, коими китайские авторы описывали безразлично каких демонов, помыкающих людьми и нарушающих их покой, мы можем принять в качестве «китайского варианта» обозначения широкого спектра духов, эльфов, фей и чертей, которыми люди всего мира населяют леса, скалы и горы, добавляя к ним еще и души умерших, не обретших должного погребения. Человеческое сознание, изначально проникнутое верой в близость людей и животных, в Китае с готовностью отождествило духов со зверями. Людское воображение охотно изобретало все новые и новые гибридные и гротескные их формы даже после того, как человек сменил кочевой образ жизни на оседлый и построил городища и деревни. Поэтому отдаленные и редко посещаемые людьми горные леса для китайцев до сих пор являются царством, полным таинственных потусторонних существ, странных и чудесных.

Хотя потусторонние существа наделялись полузвериным обликом, они никогда не утрачивали человеческих черт; китайцы всегда ревностно придерживались убеждения, что те произошли от людей. То, что именно так обстояло дело в начале новой эры, подтверждает свидетельство Ван Чуна: «В "Книге ритуалов" сказано, что у Чжуань-сюя (легендарный император, живший в XXVI в. до н. э.) три сына умерли при рождении и после смерти они превратились в *гуй*, вызывающих заразные болезни. Один из них живет в воде и вызывает лихорадку. Другой живет в Жошуй и является демоном *ван-лян*. А третий обитает в домах и комнатах, в углах и укромных местах, в развалившихся амбарах и пугает детей» («Лунь хэн», гл. 22).

Как видит читатель, в данном случае целый класс демонов отождествляется с конкретным человеком, жившим пусть даже в далекой мифической древности. Этот феномен указывает на факт глубокой веры китайцев в разделение душ, веры, пронизывающей китайское идолопоклонство во всех его проявлениях, знание о которой незаменимо для понимания обычаев и представлений, присущих их анимизму.

Сочинения последующих веков переполнены многочисленными подробностями и деталями о *сяо*. Особенно много их в «Шэнь и цзине». «Глубоко в западных горах живут человекоподобные существа, ростом более чем в один чжан. Они ходят голыми и ловят лягушек и крабов. Они не сторонятся людей, и, когда люди останавливаются где-либо на ночлег, они бегут к своему костру, чтобы зажарить лягушек и крабов. Они также поджидают момента, когда человек отойдет, и воруют у него соль, чтобы приправить пищу. Зовутся они горными сао, ибо сами выкрикивают этот звук. Люди бросают в костры бамбук; громко раскалываясь, стебли бамбука выскакивают из огня и отгоняют *сао* прочь. Когда на них нападают, *сао* насылают на своих преследователей лихорадку. Хотя эти существа похожи на людей, они могут принимать и другие формы, и потому относятся к тому же типу, что и *гуй* и *мэй*. Ныне их жилища встречаются в горах повсюду».

Немало нам известно о потусторонних существах и благодаря Гэ Хуну. «Во всех горах, — говорит Гэ Хун, — больших и малых, живут *шэнь* и *лин*. В больших горах обитают большие *шэнь*, а в маленьких горах — малые. Если в горы придет человек, не знающий

приемов, как защититься от них, ему не миновать вреда или даже гибели. Он обязательно заболеет или будет ранен, испуган или приведен в замешательство, или же он увидит огни и тени, или же почувствует странный запах. Одни существа заставляют падать деревья при полном отсутствии ветра или камни без всякой видимой причины; они обрушиваются на людей и убивают их. Другие дурачат людей, заставляя их метаться, потеряв разум, и бросаться в пропасть. Третьи насылают на людей тигров, волков или гремучих змей. Вот почему никому не следует идти в горы без крайней необходимости. Совершать путешествие нужно в третьем либо девятом месяце, ибо в эти месяцы горы доступны. Кроме того, даже в эти месяцы необходимо выбирать благоприятный день и час; но, если же как следует подготовиться нет времени или обстоятельства делают отсрочку путешествия невозможной и необходимо отправляться немедленно, может оказаться достаточным выбрать только благоприятный день и час. Но все те, кому предстоит идти в горы, должны прежде попоститься и очиститься и в течение семи дней воздерживаться от всего грязного и низкого…

Духи (цзин), живущие в горах, похожи на детей и имеют по одной ноге. Когда они бегут, они поворачивают голову назад. Приносить вред — большая радость для них. Если проходящий в горах путешественник вдруг услышит в темноте громкий человеческий голос, значит, он столкнулся с существом, которое зовется *чжи*; если он знает это имя и громко выкрикнет его, существо не причинит ему никакого вреда. Пусть он также произнесет слово *жэ-жоу*, которым также зовутся эти существа. Кроме того, есть еще и горные *цзин*, подобные барабану, красного цвета и с одной ногой, известные под именем *хуэй*. Другие, которых зовут *цзинь-лэй*, походят на людей, ростом в девять чи и носят меховую одежду и шапки из бамбука. Есть еще и так называемые *фэй-фэй*, напоминающие пятицветных драконов с красными рогами. Ни одно из этих существ не сможет причинить вред человеку, если он, только завидев их, выкрикнет их имя… Если же увидишь в горах приближающегося призрака, непрерывно просящего еду, брось в него белую траву, и он немедленно умрет. Очень часто призраки в горах настолько смущают людей, что те сбиваются с пути; однако, если в них бросить стебли речного тростника, они тут же погибнут» («Баопу-цзы», гл. 17)[27].

В приведенном выше пространном фрагменте мы вновь столкнулись с некоторыми терминами, письменные формы которых не несут никакого налета идеографичности. И потому их следует воспринимать в качестве местных, диалектных слов. Некоторым другим именам демонов и духов мы обязаны Дуань Цин-ши. Во второй части его «Но гао цзи», небольшого трактата, включенного в «Инь-ян цза цзу», мы читаем:

«Горные *сяо* зовутся также горными *сао*. "Шэнь и цзи" называет их *сань*. "Описание области Юнцзя" называет их горными *мэй*. Существуют и другие названия: горные лошади или драконы, *чжо-жоу, жэ-жоу, хуэй* или летающие драконы. Они голубого цвета, как голуби. Также их зовут *чжи-у*. Их гнезда подобны сосуду вместимостью в пять доу. Они раскрашивают себя белой и красной краской из глины. Они всегда смотрят друг на друга как лучники, готовые сражаться. Они насылают на людей тигров и сжигают хижины и дома. Простой народ зовет их "горные *сяо*"».

Только по одному обилию самых разнообразных имен можно судить о том, насколько вера в духов и призраков распространена в Китае. Те авторы, что считали данную тему достойной обсуждения, большей частью довольствовались пересказом древних повествований, краткий обзор которых читатель и видит перед собой. Так, в известной читателю книге «Ху вэй» о призраках-тиграх, написанной в шестнадцатом столетии, говорится следующее:

«Горные сяо встречаются к югу от горной цепи (т. е. в Гуандуне) повсюду. У них одна нога, вывернутая в обратную сторону, так что всего конечностей у них — три. Их самки любят раскрашивать себя красной косметикой и рисовой мукой. Они вьют себе гнезда на больших дуплистых деревьях, на которых ставят также деревянные ширмы для защиты от ветра и закрепляют занавески. У них всегда большие запасы еды. Когда жители юга путешествуют по горам, они всегда носят с собой желтый крем, серую краску, рисовую пудру, монеты и пр.

Встречаясь с самцом, они называют его шаньчжан, "горный муж", а самку величают шаньгу, "горная жена". Самка обязательно попросит румян и рисовой пудры и, если получит их, сможет защитить человека.

В годы Тяньбао династии Тан (742–755) один из жителей севера путешествовал по горам к югу от горной цепи. Опасаясь встретиться с тигром, он забрался на дерево, чтобы провести там ночь, и столкнулся с самкой горных сяо. К счастью, у него были с собой кое-какие подарки. Он спустился с дерева, поклонился несколько раз и назвал самку "горной женой". Когда же она спросила его, что он несет с собой, он подарил ей румяна и пудру. Очень обрадовавшись, она сказала: "Устраивайся на ночлег спокойно и ничего не бойся", и странник заснул прямо под деревом. Ночью появились два свирепых тигра, но горная сяо спустилась с дерева и, шлепнув чудовищ по головам, сказала: "Эй, полосатые, это мой гость, так что убирайтесь-ка побыстрее!" И тигры ушли. На следующее утро, когда путешественник снова собрался в путь, она горячо поблагодарила его».

В другом сочинении рассказывается следующее: «В годы Кайюань (713–741) ученый по имени Вэй Чжи-вэй был назначен начальником уезда Сяошань в Юэчжоу (Чжэцзян). В тех местах жило множество горных сяо, славившихся своими хитростями и уловками, так что никто не осмеливался предпринять что-нибудь против них; от них страдали даже чиновники, хотя и постоянно совершали им поклонения как божествам. Но появился Чжи-вэй и первым делом разузнал, где расположены их жилища — пещеры. После чего он собрал горы хвороста, подождал того момента, как все сяо соберутся вместе, разложил дрова вокруг их жилищ и поджег. Тем временем люди стояли неподалеку с копьями и мечами наготове; в итоге почти все сяо сгорели или были убиты. В течение нескольких месяцев о них в уезде не было ни слуху, ни духу.

Как-то ранним утром перед воротами уездного города появился незнакомец. Пыль, лежала на его лошадях и повозке, а возницы и слуги выглядели страшно уставшими и изможденными. Он пошел прямо в управу, попросил встречи с начальником и заявил, что прибыл из Сяоцзао, что в Ланьлине. Чжи-вэй, ничего не заподозрив, тут же пригласил его войти. Незнакомец сел, беседовал, смеялся и шутил вместе со всеми, и замечания и слова его были настолько удивительны, что Чжи-вэй не мог не обратить на них внимания. Он даже предложил незнакомцу передохнуть в его доме. Тогда незнакомец сказал: "Путь мой лежал через узкое ущелье, где я поймал молодую обезьянку, чья сообразительность и сноровка так умилительны; почтительно прошу вас принять ее в подарок". Он достал из-за пазухи маленькую коробочку и открыл ее — в ней сидела обезьянка, размерами с плод каштана. Она прыгала туда-сюда, вертелась волчком; кроме того, она улавливала настроение человека. Восхищенный Чжи-вэй взял ее домой, дабы иметь возможность похвастаться перед всеми такой диковинкой. Вдруг обезьянка высоко подпрыгнула и превратилась в тигра. Они не успели вовремя запереть дверь на засов, оружия под рукой не было. Когда же Чжи-вэй все-таки закрыл ворота, оказалось уже поздно: тигр сожрал их всех, и никто не остался в живых» («Цзи и цзи»).

Очевидно, китайцы записывали в число горных духов примитивные племена, которых они не считали людьми. Скорее всего, это были дикие и уже вымиравшие обитатели гор, чуждые китайской культуре; время от времени они совершали набеги на жилища своих более цивилизованных соседей, за что подвергались беспощадному преследованию и уничтожению со стороны китайцев. По убеждению китайцев, существа потустороннего мира — это лишенные культуры создания, поражавшие их воображение своими привычками и образом жизни. Описаниями таких существ, населявших как реальные, так и воображаемые территории, пестрят многие страницы «Шань хай цзина»- книги, во многом им посвященной. В эту большую категорию входит и еще одно племя демонов, так называемые «чи-мэй» или *чи* и *мэй*.

Они упоминаются еще в «Цзо чжуань». Во времена династии Ся, сообщает источник, с помощью некоторых предметов и картинок «людей знакомили с коварными проделками шэнь,

дабы они, в речных ли долинах или горных лесах, не столкнулись со злобными *чи-мэй* и *ван-лян*». В другом разделе этого же сочинения говорится, что Шунь, став министром Яо, изгнал в четыре отдаленные области порочных людей, дабы они «боролись там с *чи-мэй*». Естественно, что позднейшие авторы почерпнули из этих сведений то, что *чи-мэй* были духами, обитавшими в пустынных и заброшенных землях, родственными *ван-лян* или даже идентичными им, и вполне искренне придерживались такой концепции.

Конечно, не так уж невозможно, и даже вполне вероятно, что на каком-то из диалектов *чи-мэй* когда-то и называли духов как таковых. Стоит отметить, что в том фрагменте «Цзо чжуань», где вторично сообщается о высылке таких-то людей при министре Шуне, в тексте стоит другой иероглиф *чи*, иногда произносимый как *ли* и означающий драконоподобного, либо ящероподобного, животного. Возможно, именно в связи с этим Ван Чун писал: «Те, кто высказывают суждение о *чи*, уверяют, что *чи* подобны драконам; поэтому, если *мэй* спаривается с драконом, значит, *мэй* представляет собой родственное дракону животное» («Аунь хэн», гл. 22). Последующие авторы охотно принимали эту гипотезу, но факты, которые бы подтверждали ее достоверность, отсутствуют.

В «Чжоу ли» в иной форме присутствует уже иероглиф *мэй*. «Во время летнего солнцестояния, — сообщается в тексте, — главы родов взывают к духам земли и *мэй* всех живых существ, дабы отвратить от государства несчастье и гибель» (гл. 27, 1.37). Цзин Кан-цин в своем комментарии к этому пассажу уверяет, что «*мэй* — это *шэнь* всех живых существ». С ним соглашается и Сюй Шэнь: «*Мэй* — это жизненная сила (цзин) старых живых существ; иероглиф *мэй* состоит из элементов "гуй" и "шань" — последний означает "шерсть гуй"» («Шо вэнь», цз. 9, I). Таким образом, мы видим, что горные духи отождествляются с животными и людьми, ведь едва ли можно воспринимать в каком-то ином смысле выражение «живые существа».

Таинственные горные племена, остатки которых и поныне сохраняются в различных районах земли, в свою очередь тоже различались по названиям. Вот что говорится в «Эръя»[28]:

«*Фэй-фэй* (или, в некоторых южных диалектах, *хуэй-хуэй*) похожи на людей. Они не расчесывают волос, хорошо бегают и едят человеческое мясо». Подобные же существа упоминаются и намного раньше в «Шань хай цзине»: «В горах Юйфа обитают животные, напоминающие собак, но с человеческими чертами лица. Они прекрасно бросают камни. Завидев людей, они смеются. Зовутся они горными *хуэй*. Передвигаются они с быстротой ветра, и, где бы они ни появились, Поднебесная сразу же сотрясается от бурь» (гл. 3). Примерно в тех же словах в сочинении описываются и существа, обитающие в далеких и неизвестных южных странах. Гэ Бо в своем комментарии к «Эръя» пишет, что у *фэй-фэй* «длинные губы, черное тело, покрытое шерстью, ноги же вывернуты в обратную сторону; они обитают также в горах от Цзяочжи (Тонкин), Гуандуна и Гуанси до Нанькана (север Цзянси). Самые высокие из них ростом более чем в один чжан. Люди зовут их горными *ду*». Возможно, Гэ Бо позаимствовал эти сведения из «Книг с могилы в Чжи», где мы читаем: «Тела фэй-фэй из Чжоуми похожи на человеческие, и ходят они на носках. Смеются они без всякой причины. Когда они смеются, то верхние губы у них достают до самых глаз. Они едят человеческое мясо. На севере их зовут *ту-лоу*(болтуны?)».

Древние и позднейшие авторы лепили в том же духе и новые теории касательно этих то ли обезьян, то ли людей, то ли призраков. Один из них писал в шестом столетии: «В Нанькане живут *шэнь*, которых называют горными *ду*. Телом они напоминают людей, ростом в два чжана, шерсть у них черная, глаза — красные, а волосы — желтые. На деревьях, растущих высоко в горах, они вьют себе гнезда из легких веток, по форме напоминающие яйцо, высотой более чем в три чи, пропускающие достаточно света и хорошо украшенные. Внутрь они кладут подстилки из птичьих перьев; живут они парами: наверху самец, а внизу — самка. Они могут менять форму и становиться невидимыми, так что их подлинный облик можно увидеть редко. Они однотипны с существами, живущими на деревьях, и горными *сяо*». А Дуань Цин-ши

утверждает: «Тот, кто выпьет кровь *фэй-фэй*, может видеть призраков. Они настолько сильны, что могут нести ношу в тысячу цзиней. Когда они смеются, то их верхняя губа задирается до лба. Они похожи на обезьян-*ми* и могут выражать себя, как люди, только птичьими голосами. Они могут предсказывать рождение и смерть. Их кровью хорошо красить ткани, а из их волос можно плести косы. В старину говорили, что пятки у них — спереди, а охотники утверждают, что у них нет коленей» («Ю ян цза цзу», гл. 16). Автор «Эръя и», живший в двенадцатом столетии, резюмируя древние традиции, пишет: «Когда чудовище хватает человека, первым делом оно смеется от радости и задирает верхнюю губу ко лбу, после чего сжирает человека. Вот почему люди делают трубки из бамбука и обвязывают ими предплечья; если их поймают, они освобождают руки и прикалывают губу чудовища к его же лбу, и так ловят его; или же, как говорят некоторые, прибивают верхнюю губу ко лбу и дают ему вырваться. Когда чудовище умирает, его подбирают. Философ из Хуайнани говорит: "Горы порождают *сяо-ян* (сов и коз?), вода порождает *ван-сян*, деревья порождают *би-фан*, а колодцы порождают *фэнь-ян*"».

Ученый Ли Ши-чжэнь, составитель «Бэнь-цао ганму»[29], посвящает горным *сяо* в своем сочинении (цз. 51, II) следующий пассаж: «Шэнь и цзин» Дун Шан-шо[30] утверждает, что глубоко в горах западных областей люди ростом в один чжан и выше ходят голыми, ловят лягушек и крабов, жарят их на кострах людей и поедают. Зовут их горными *сяо* — именно так они сами называют себя. Если люди нападают на них, они насылают на людей лихорадку. Поскольку они — не что иное, как гуй и мэй, они распространены повсеместно. Боятся они только треска лопающегося в огне бамбука. — Лю И-цин в «Ю мин лу» говорит: «В горах уезда Дунчан (пров. Шаньдун) живут на скалах существа, похожие на людей, ростом в четыре-пять чи, которые ходят голыми и с растрепанными волосами, отрастающими до пяти-шести цуней[31] в длину. Они издают кричащие и свистящие звуки и, оставаясь невидимыми, время от времени бросают из ущелий камни. Они ловят лягушек и крабов, жарят их на огне и пожирают». — В «Описании местности Юнцзя» (Чжэцзян) сказано: «В уезде Аньго встречаются горные гуй, одноногие существа, похожие на людей, чей рост не превышает одного чи. Они соревнуются друг с другом в том, кто ловчее украдет соль у дровосеков, а потом приправляют ею своих лягушек и крабов. Люди не осмеливаются нападать на них, ибо они не только насылают на людей болезни, но и поджигают их дома». — В «Сюань чжун цзи» сказано, что горные духи напоминают своим видом одноногих людей, ростом в три-четыре чи, питаются они крабами, прячутся в своих жилищах днем и выходят по ночам; тысячелетние жабы охотятся за ними и пожирают их». — Философ Баопу-цзы (Гэ Хун) говорит: «Г орные духи похожи на детей, с одной ногой и пяткой спереди; они любят вредить людям по ночам». — Согласно «Бай цзэ ту»[32], горные духи похожи на барабаны, красного цвета и с одной ногой; зовутся они *гуй*, а также — *хуэй-вэнь*; если прикрикнуть на них, то их можно заставить ловить тигров и леопардов». — В «Хай лу суй ши»[33] говорится: «К югу от горной цепи живут одноногие существа; пятка у них спереди, а на ноге и руках — по три пальца. Их самцы зовутся шаньчжан, а самки — шаньгу. По ночам они стучатся в двери домов и просят чего-нибудь». — Согласно «Шэнь и цзину», на юге обитают некие ба, которых называют также «несущими засуху». Ростом они в два-три чи, ходят голыми, а глаза у них — на самой макушке. Перемещаются они словно ветер, и там, где они появляются, наступает великая засуха. Если кто-то, случайно столкнувшись с ними, поймает одну и бросит в навозную яму, засухи удастся избежать». — А «Вэнь-цзы чжи гуй»[34] утверждает: «Ба засухи — это горные призраки. Где бы они ни поселились, дожди перестают орошать землю. Если в доме оказываются самки ба, они могут красть, но лишь выносят вещи из дверей, если же крадут самцы ба, то они тащат все к себе в логово».

Суждения эти привели Ли Ши-чжэня к выводу: несмотря на незначительные расхождения, все они свидетельствуют, что мы имеем дело с призраками, а именно с теми, которых люди его времени называли одноногими демонами. До настоящего времени они обитали повсюду. Становясь невидимыми, они проникают в жилища людей, где предаются разврату и нарушают

покой обитателей; они насылают на людей болезни, совершают поджоги и кражи и вообще причиняют людям множество неудобств. Попытки даосов изгнать их оказались тщетными, а пораженным болезнями не помогают никакие лекарства. Их называют «пять всепроникающих» или «семь господ», их духов заклинают и приносят им жертвы: Именно в качестве существ, причиняющих большие хлопоты и неудобства, *сяо* и поныне живут в воображении людей южной Фуцзяни. Там в бедных крестьянских домах нередко поднимается всеобщая суматоха в связи с таинственным исчезновением пищи, утвари или мебели. Виновными, естественно, объявляют призраков; многие хозяйки со всей серьезностью заявляют, что именно призраки виновны в пропаже риса из корзины, в которой он варился на пару, или из горшка на огне, в котором осталась одна вода. Призраки, обожающие человеческий голос, вторгаются в жилища и заставляют людей исполнять для них песни. Они принимают смутные и неясные формы, исчезают, как только их заметят, и тем самым приносят дурную славу многим домам, которые оттого никто не решается снять. Мы часто задавали вопрос, не вороватые ли слуги громче всех винят во всем *сяо* во время шумных семейных баталий, но ни разу не получили на него ответа.

В течение многих столетий демоны мешали людям наслаждаться покоем и счастьем. В сочинении, написанном свыше восьми столетий тому назад, мы читаем: «Обитатели деревьев принадлежат к роду горных *сяо*. В пятнадцати ли к северо-западу от главного города уезда Гань (юго-запад Цзянси) была старая дамба, называвшаяся Юй-гун, на которой росла высокая катальпа в двадцать обхватов. В дупле этого дерева находилось гнездо горного *ду*. В первый год Юаньцзя династии Сун (424) двое жителей уезда, братья Дао-сюнь и Дао-лин, срубили дерево и отнесли гнездо домой. Но тут появился горный *ду*. Обрушившись на них с руганью, он закричал: "Я отомщу за вашу бесцеремонность и сегодня же сожгу ваш дом!" В ту же ночь во время второй стражи крышу дома изнутри и снаружи внезапно охватил огонь, и дом сгорел полностью».

В «Записях Нанькана» (часть Цзянси) Дэн Дэ-мина сказано: «"Живущие на деревьях" не отличаются от людей ни формой головы, ни внешностью, ни речью, однако ногти на их руках и ногах острые, как крюки. Они живут за самыми высокими вершинами и дальними пиками, где они раскалывают деревья на доски и складывают их, привязывая к деревьям. В старину люди, ходившие к ним за досками, складывали у подножия деревьев предметы примерно равной ценности; "живущие на деревьях" забирали эти предметы и, если они им нравились, приносили доски безо всякого обмана или несправедливости; однако стороны никогда не сталкивались лицом к лицу и не устраивали базара. Они хоронили своих умерших сородичей в гробах. Некоторые наблюдали за их погребениями: они опускали в могилу вино, рыбу и сырое мясо; но никому не удавалось увидеть, чтобы они готовили еду или питье для себя. Они имеют привычку прятать свои гробы на деревьях, растущих на высоких скалах, и иногда в пещерах в горах. Солдаты третьего отряда Нанькана рассказывали, что лично наблюдали за их погребальными церемониями. Песни, которыми они сопровождали свои танцы, отличаются от человеческих и звучат как *фэн-линь-фанъ* (?), но мелодия напоминает те, что исполняются на духовых инструментах. В годы Иси (405–419), когда Сюй Дао-фу направлялся на юг, он послал часть своих людей, чтобы они приготовили доски для планширов его кораблей; "живущие на деревьях" подарили ему доски, но сам он не видел их».

Древняя традиция, как мы видели, описывала *сяо* великанами в один чжан (десять футов) ростом, в позднейшей же литературе они предстают опасными нарушителями спокойствия дома. «Сунь Тай-бо, — пишет Пу Сун-лин, — поведал мне следующую историю о своем прадеде, произошедшую с ним, когда он учился в монастыре Люгоусы в горах Наньшань. Как-то он отправился в деревню, чтобы помочь убрать урожай пшеницы, и отсутствовал в монастыре дней десять. Вернувшись и открыв свою келью, он нашел стол покрытым пылью, а окно — затянутым паутиной. Он приказал слуге вычистить комнату и с наступлением сумерек смог наконец присесть и отдохнуть. Он смахнул пыль с кровати облачился в ночную одежду, запер дверь на засов и лег спать. Через окно в комнату проникал яркий свет луны.

Проходил час за часом, стояла полная тишина, как вдруг налетел порыв ветра, и ворота на горе громко скрипнули. "Должно быть, монахи плохо заперли их", — сказал про себя прадед; но не успел он произнести эти слова, как ветер зашумел уже у самых спальных покоев, и дверь в его комнату внезапно распахнулась. Не зная, что и подумать, он не успел собраться с мыслями, как до его ушей донесся звук тяжелых шагов, приближающихся к внутренним воротам. Теперь он действительно испугался, ведь внутренние ворота были распахнуты; он повернул голову и увидел огромного демона, который, сгорбившись, проходил в двери. Сделав всего один шаг, он оказался перед его кроватью. Высотой он был до самого конька крыши; цвет его лица был как у старой тыквы, и сверкавшие огнем глаза смотрели из стороны в сторону. Когда он раскрывал рот, походивший скорее на таз, словно зевая, то в нем виднелись зубы длиной в целых три цуня; когда же он высовывал язык, в комнате раздавались страшные гортанные звуки.

Прадед мой перепугался до смерти. "В такой маленькой комнате от этого призрака все равно не спастись, — сказал он про себя, — так лучше уж взять оружие и сразиться с ним". Потихоньку он вытащил из-под подушки свой меч, быстро вынул его из ножен и что было сил ударил призрака; удар меча пришелся в живот — впечатление было такое, что стукнули по глиняному горшку. Демон пришел в ярость. Своими огромными лапами он попытался схватить прадеда, но тому удалось отскочить в сторону, так что демон схватил лишь полу его халата и в неистовстве потащил ее за собой. Прадед оказался на полу и завопил что было силы. На его крик сбежались с фонарями все, кто находился в доме, однако дверь оказалась заперта. Тогда они распахнули окно и проникли внутрь. Все они также страшно испугались. Они положили прадеда на кровать и после того, как он рассказал им, что же произошло, сообща осмотрели все вокруг и увидели, что пола халата торчит из щели во внутренних воротах. Они вытащили ткань и осмотрели ее при свете факелов: вся она была покрыта следами рук. Везде, где к ней прикасался палец, зияла дыра, так что ткань напоминала сито.

Настало утро, но прадед мой больше не осмелился остаться в этом монастыре; он повесил на плечо сумку и отправился домой. Впоследствии он расспрашивал монахов, но все в один голос уверяли его, что с того случая ничего странного в монастыре не происходило» («Рассказы Ляо Чжая» ггл. 13).

В данном случае мы, по-видимому, имеем дело с призраком-ба, которых ранние авторы однозначно отождествляли с классом горных демонов и приписывали им, в частности, насылание засухи на людей. Поговорим же об этих призраках поподробнее.

Засухи с незапамятных времен были настоящим бедствием для Китая. О них упоминается в старинных книгах; поэтому с глубокой древности специальные церемонии, призванные предотвратить засуху и призвать на землю дождь, являлись важной составной частью религиозных отправлений и правителей, и губернаторов, и чиновников. В свое время мы указывали, на основе данных источников начиная примерно с седьмого столетия до новой эры, что, по бытовавшим в Китае верованиям, подобные несчастья насылают души непогребенных мертвецов. Тем самым и правителям, и простым людям предписывалось должным образом относиться к умершим и не оставлять их тела неупокоенными. Все это приобретает особенное значение при сопоставлении с тем, что китайцы говорят о *ба*.

Происхождение и этимология слова *ба*, как и абсолютного большинства других терминов, обозначающих демонов и призраков, сокрыта во мраке прошлого. Соответствующий иероглиф состоит из ключа *гуй* и элемента, явно являющегося фонетиком и ничего не дающего нам для понимания слова. Еще в «Ши цзине» этому иероглифу предшествует иероглиф *хань*, «засуха»; да и во всей последующей литературе данный бином служит, по- видимому, стандартным названием такого рода призраков. В «Ши цзине» он встречается в речи Сюань-вана, который занимал чжоуский престол в девятом-восьмом веках до новой эры, сетующего на непрекращающуюся засуху. «Чрезмерна эта засуха, — жалуется он. — Иссохли горные источники; демоны засухи неистовствуют, словно пламя, словно всепожирающий огонь».

Таким образом, можно сделать вывод, что демоны-*ба* преследовали китайцев еще в самой глубокой древности, которую только фиксирует их история.

Ба упоминаются и в «Шань хай цзине», причем в контексте, ставшем, видимо, основой всех позднейших легенд и преданий об этих призраках. Текст гласит: «В безбрежной пустыне живут человеческие существа, носящие одежду голубого цвета; называют их женщинами-ба императора Хуан-ди. Когда Чи Ю собрал армию, чтобы идти войной против Хуан-ди, Хуан-ди приказал Ин Луну напасть на него в пустыне Цзичжоу. Ин-лун остановил воды, а Чи Ю призвал Владыку ветра и Повелителя дождя — и поднялся сильный ветер, и хлынул дождь. И тогда Хуан-ди послал небесную деву-*ба*; дождь прекратился, и они смогли убить Чи Ю. *Ба* не смогла более взойти на небо, и потому везде, где бы она ни оказывалась, дожди прекращаются. Шу Цзюнь сообщил об этом трону, и император (Хуан-ди) повелел женщине отправиться на север от Красных вод. Так Шу Цзюнь стал родоначальником сельского хозяйства, а ба была изгнана на вечные времена. Те, кто желают прогнать ее, должны сперва прочистить все водные потоки и открыть каналы и водоемы, а затем произнести следующее: "Дух, отправляйся на север"».

Демоны, несущие засуху, видимо, не занимали значительного места в древнекитайском мире призраков, поскольку ни в одном из классических сочинений, за исключением «Шу цзина», они не упоминаются. Самый же ранний источник, знакомящий нас с бытующими о них в народной среде представлениями — это «Шэнь и цзин». «В южных краях, — говорится в нем, — обитают человеческие существа ростом в два-три чи, которые ходят голыми; глаза у них расположены на самой макушке. Бегают они быстро, словно ветер. Зовутся они…[35] Также их зовут гэ-цзы. Они любят бродить на рынках и там, где собирается много людей, и если люди поймают хотя бы одного из них и бросят в отхожее место, то призрак умрет, и засуха прекратится. В "Ши цзине"[36] сказано: "Демоны засухи бесчинствуют". Некоторые утверждают, что, если демонов поймать живьем и убить, беда уйдет и наступит счастье».

Ли Взй-цзин, высокопоставленный государственный деятель, ученый и историк (15471626) говорит в одном из своих сочинений: «Люди говорят, что из-за того, что глаза у *ба* расположены на макушке, Небо боится насылать дождь, дабы не повредить их глазам, и поэтому наступает засуха»… Высшие силы в свою очередь тоже отказывают в дожде из-за сочувствия к душам непогребенных мертвецов. Видимо, в равной степени демонами засухи могли выступать и человеческие души, высвобожденные из телесной оболочки, из чего можно сделать вывод, что их превращению в демонов способствовали и иные причины, а не только факт непогребения и оставления под ветром и дождем телесных останков.

Наличие таких верований подтверждается следующей историей из «Цзы бу юй» (цз. 18): «На двадцать шестом году правления Цяньлуна (1761), когда в столичной области царила страшная засуха, гонец по имени Чжан Гуй должен был доставить срочное послание от командующего в Лянсян. Он покинул город, когда вода в часах уже заканчивалась. Когда он проезжал через безлюдные места, вдруг хлынул страшный ливень. Факел его погас, и потому он был вынужден искать убежища в павильоне почтовой станции. Неожиданно пришла женщина с фонарем в руках. Ей было семнадцать или восемнадцать лет, и она была необыкновенно красивой. Жестом она поманила его войти в дом и напоила его чаем. Гонец привязал свою лошадь к столбу, надеясь провести с девушкой ночь. И радость его превзошла все ожидания. Он не выпускал ее из объятий до тех пор, пока петух не возвестил начало нового дня. Тогда женщина оделась и встала. Ее никак не удавалось уговорить остаться еще на чуть-чуть. Уставший же гонец опять сладко заснул, но сквозь сон почувствовал, как на его нос упала холодная капелька росы, а рот его щекочет кончик травинки. Когда небо чуть прояснилось, он увидел, что лежит на могиле в открытом поле. Сильно испугавшись, он отправился за своей лошадью, которую нашел привязанной к дереву.

Послание, которое он должен был доставить по назначению, было получено на пятьдесят четвертей часа позднее, и чиновник, которому оно адресовалось, отправил командующему письмо, где просил разъяснений и выражал сожаление, что из-за задержки дела не были

решены должным образом. Командующий приказал своему помощнику сурово допросить гонца. Подробное описание, данное гонцом, заставило командующего отдать приказ обследовать могилу. Оказалась, что в ней похоронена молодая женщина из рода Чжан, которая повесилась со стыда после того, как люди узнали о ее любовной связи до замужества. Время от времени призрак девушки преследовал путников, и некоторые принимали ее за *ба* засухи, тогда как призраки в форме обезьян *нао*, одноногие, с всклокоченными волосами — это животные-*ба*, а повесившиеся, чьи нетленные тела встают из могил и пугают людей — это *ба*-призраки. Для того чтобы вызвать дождь, достаточно поймать и сжечь их. После того как об этом случае доложили трону, гроб открыли и действительно нашли в нем неразложившееся тело женщины, сохранившее черты живого человека. Оно все было покрыто белыми волосами. Тело сожгли, и на следующий день шел сильный дождь».

Следует отметить, что случаи, когда «по обвинению» в насылании засухи трупы эксгумировали, расчленяли и сжигали, не были в Китае редкостью, ибо в Кодексе законов присутствовала даже специальная статья, запрещавшая это. Поскольку демоны засухи были людьми, или, по крайней мере, обладали человеческой внешностью, неудивительно, что, по мнению некоторых авторов, такого рода демонами становились и монстрообразные младенцы. В «Кэ тань ши чжуань», «Традициях, достойных обсуждения», сочинении, которое я отношу к правлению Тан или Сун, говорится о «женщинах, порождающих на свет существа, подобные демонам. Если мать не сможет поймать и убить его, то он улетает, чтобы вернуться ночью и сосать ее грудь, тем самым истощая ее силы. Люди говорят, что это — демоны засухи. Среди этого вида демонов есть особи обоих полов. Женщины воруют вещи, находящиеся в доме, и выносят их через дверь, мужчины же крадут то, что находится снаружи, и тащат к себе». Последнее суждение встречается, как мы видели, и в других сочинениях.

Глава третья
О демонах воды

Второй значительный подвид мира демонов, как мы видели, составляют, согласно Конфуцию, призраки воды, а именно: драконы-лун и *ван-сян*. О драконах, которые в древних сочинениях рассматриваются в одном ряду с *гуй*, или демонами земли, мы здесь говорить не будем, поскольку с течением времени они перестали считаться демонами, как это было изначально, а наоборот, воспевались как несущие благо божества облаков и дождя.

Ван-сян же весьма похожи на *ван-лян* — горных призраков древности, однако было бы неправильно делать из этого вывод о полной идентичности существ, обозначаемых этими двумя терминами. Если бы эти слова были синонимами, они едва ли присутствовали бы в том фрагменте «Го юй», который мы цитировали выше, в качестве названий двух разных категорий призраков. Тем не менее, вполне возможно, что один из них является диалектным или извращенным вариантом другого. Как бы то ни было, китайские авторы действительно не слишком интересовались их различением. Иероглифы *ван* и *сян* не дают нам возможности проникнуть в этимологию слова, поскольку не являются идеографическими.

В комментарии к «Го юй» Вэй Чжао, о котором мы говорили выше, в частности, сказано: «Некоторые считают, что *ван-сян* едят людей. Их также называют *му-чжун*». А Юй Бао добавляет: «В "Ся дин чжи" ("Записи о треножниках Ся") сказано, что *ван-сян* похож на трехлетнего ребенка с красными глазами, черного цвета, большими ушами и длинными руками и красными когтями. Даже, будучи связанным, он может добыть себе еду» («Соу шэнь цзи», гл. 12).

Таким образом, данный класс призраков, как и горные демоны, наделялся в сознании людей антропоморфными чертами, что соответствует сообщаемым нам автором «Лунь хэн» Ван Чуном сведениям, что призраки эти — человеческого происхождения и являются потомками древнего властителя Цзюань-сюя. В том же пассаже Ван Чун сообщает, что им

приписывали способность насылать лихорадку. Здесь, по-видимому, сыграло свою роль то, что источником малярии служат, как правило, болота, топи и речной ил.

Демоны воды часто упоминаются в древних сочинениях. Воображение древних китайцев, населявшее поверхность земли бесчисленными демонами, не обходило стороной и воду, хотя бы на том, вполне разумном, основании, что вода тоже является частью земли. «Вода, — читаем мы в сочинении, приписываемом Гуань Чжуну, жившему более двадцати пяти столетий назад, — это жизненная кровь земли, прорезающая ее подобно артериям и сосудам» («Гуань-цзы», гл. 14). И далее: «Вещи, которые люди иногда видят, порождают *цин-цзи*, а вещи, которые иногда остаются неувиденными, порождают *гуй*. Если русло застоявшейся воды не меняется в течение столетий и вода не пересыхает, появляются *цин-цзи*. Внешне они похожи на людей. Ростом они в четыре цуня; они носят одежды желтого цвета и такого же цвета шапки, а также желтые зонтики. Ездят они на маленьких лошадях и любят скакать на них во весь опор. Если назвать их по имени, то можно заставить их разнести весть на тысячу ли в течение одного дня. Таковы духи (цзин) грязных болот. *Цзин* мелких ручьев порождаются *гуй*, существами с одной головой и двум телами, похожими на змей, которые достигают восемь чи в длину. Если назвать их по имени, то их можно использовать для ловли рыбы и черепах. Таковы *цзин* мелких ручьев».

Естественно, не следует путать этих *цин-цзи* с высокопоставленным сановником, носившим такое же имя, пользовавшимся огромным влиянием в царстве У при правителе Хэ Люе, но в конце концов убитом на втором году его правления (513 г. до н. э.). Он также вошел в историю как быстрый бегун. «Правитель сказал о нем: "Среди всех людей он выделяется своей силой; его мускулы и кости настолько крепки, что и десяти тысячам человек не выстоять против него. Он одолевает диких животных на полном скаку и хватает птиц на лету; кости его поднимаются вверх, и плоть его летит по воздуху, а расстояние между его коленями достигает сотен ли. Я преследовал его в Цзян, но четверо моих лучших ездоков не смогли превзойти его; я стрелял в него из лука, но он ловил мои стрелы руками, и попасть в него было невозможно"» («У-Юэ чунцю», кн. 4). Возможно, подобные истории сами собой возникали вокруг человека, носившего то же имя, что и водные духи Гуань Чжуна; впрочем, возможно и обратное — он получил такое имя за свою ловкость и силу.

Благодаря «У-Юэ чуньцю», из которого взято приведенное выше описание Цин-цзи Быстрого, мы также знаем, что во времена Хэ Люя демонов воды никак не считали: безобидными созданиями. Так, источник приводит слова У Цзы-сюя, обращенные к правителю: «Цзяо Цю-инь был высокопоставленным человеком из Дунхая. Когда он отправился в качестве посланника правителя Ци в царство У, ему предстояло переправиться через реку Хуай. Он дал своей лошади напиться из реки, но тут лодочник сказал ему: "В водах этой реки живет божество (шэнь); если оно видит лошадь, обязательно появляется и вредит ей, поэтому не позволяйте своей лошади пить, господин". — "Отважный воин смело смотрит в глаза опасности", — таков был ответ. — Какие божества осмелятся напасть на меня?" После чего приказал своим людям дать лошади напиться. Тут появился демон, схватил лошадь и уволок ее в воду. Цзяо Цю-инь, вне себя от ярости, сбросил одежду, схватил меч и бросился в воду, чтобы найти божество и сразиться с ним. Он появился через несколько дней с ослепшим глазом и продолжил свой путь в У».

Во времена династии Цзинь была широко распространена следующая традиция: «Великий Юй, основатель династии Ся, проезжая по берегу Хуанхэ, увидел великана с телом рыбы. Появившись из воды, великан сказал: "Я — дух Хуанхэ". Фэн И из Дунсяна, что в области Хуаинь (пров. Шэньси), постиг Дао бессмертных и стал властителем Хуанхэ. Этот бессмертный Фэн И ездит на драконе или тигре, а водные божества восседают на рыбах и драконах. Они перемещаются с огромной скоростью: десять тысяч ли для них — все равно, что комната» («Бо у цзи», гл. 7). Таким образом, Фэн И можно считать предводителем великого множества духов, населявших главную реку Китая. Упоминание о нем мы находим и у Чжу- ан-цзы: «Когда Фэн

И обрел дао, он воспользовался этим для того, чтобы путешествовать по большим потокам» («Нань хуа чжэнь цзин», гл. 3)[37]. Его другое имя — Бин И — встречается и в «Шань хай цзин», а происхождение его сокрыто в глубине веков. Как правило, вместе с некоторыми другими водными божествами Фэн И причисляется к приносящим благо высшим силам, которые не только не доставляют вреда человеку, но и, наоборот, усмиряют и подчиняют себе злых духов воды или заставляют их действовать на благо человеку. К таким божествам мы обратимся в последующем.

Древние суеверия, приписывавшие случаи, происходившие с пересекавшими реки, озера и прочие водные преграды путешественниками, разнообразным водным демонам, воплощались в многочисленные сказания и легенды. Приведем одну из них: «В правление династии Хань в уезде Бувэй области Юнчан (пров. Юньнань) был запретный водоем, от которого исходили ядовитые испарения. Перебраться через него можно было только в одиннадцатом или двенадцатом месяце, с первого же по десятый он оставался непроходимым. Тех же, кто пытался сделать это, одолевали внезапные болезни и смерть. В испарениях обитали злые существа, никогда не показывавшие себя, но производившие звуки, словно они сражались между собой. Если они попадали в дерево, оно ломалось, а если они попадали в человека, он погибал. Местные жители говорили об их дьявольских стрелах. Все преступники области, которых доставляли к этому месту, умирали в течение десяти дней» («Соу шэнь цзи», гл. 12).

И в наши дни вера в духов, населяющих моря, заливы, ручьи, реки, озера, болота и колодцы, остается повсеместной. Ее зримое подтверждение мы имели возможность наблюдать в Амое, где люди, перевозящие через водную преграду гроб с телом, бросают в воду бумажные деньги, стараясь тем самым умилостивить и склонить на свою сторону духов. Точно так же они бросают деньги в колодцы, откуда берут воду, чтобы омыть покойника. В этой части Китая распространено убеждение, что шуй гуй, водные духи — это души утонувших людей. Проведя какое-то время в водных глубинах в рабстве у божеств, они могут освободиться от рабства, но только в том случае, если предоставят замену. Поэтому-то они затаиваются и ловят удобный случай, чтобы поймать несчастную жертву и отдать ее в рабство вместо себя. Таким образом, они представляют собой постоянную опасность для всех тех, кто оказывается рядом с водой — рыбаков, лодочников и даже женщин, стирающих белье. Они сбрасывают с людей шапки, опрокидывают в воду выстиранное белье и прочие вещи, а когда владелец, балансируя, пытается вернуть себе свою собственность, они намеренно уводят вещь подальше от него, так что он в конце концов теряет равновесие и падает в водную могилу. Так, в «Цзы бу юй», гл. 23, рассказывается следующее: «За воротами Улинь (около Ханчжоу, пров. Чжэцзян), в семье, жившей на плотине у Западного озера, был старый слуга, который как-то после захода солнца пошел за водой и увидел плывущий по течению винный кувшин. Решив, что кувшин может оказаться полезным в хозяйстве, слуга решил во что бы то ни стало достать его. И тут как по мановению руки кувшин понесло течением прямо к нему, но как только он схватил кувшин, его рука против его воли вдруг оказалась в горлышке, которое тут же сжалось вокруг нее, и кувшин потянул старика в воду. На его крики о помощи сбежались люди, которые и освободили его».

Если в иле случается найти труп, руки и ноги которого увязли в грязи, то все как один пребывают в убеждении, что человек стал жертвой водного демона, утянувшего его в воду силой, которой нет возможности сопротивляться. Происками духов приписываются и судороги, парализующие пловца. Если человек вдруг исчезает, а потом его находят мертвым в воде, всё уверены — это дух воды выманил его чем-то из дома и утопил. В таких случаях говорят следующее: «Водный дух позвал себе замену» (шуй гуй цзяо цзяо ти) или «он поймал замену» (люе цзяо ти).

Высказывалось мнение (Дэннис, «Китайский фольклор», гл. II, с. 22), что часто люди не желают спасать утопающего и вообще любого человека, жизни которого угрожает опасность, из опасения, что дух уже погибшего человека, жаждущего отыскать себе замену, будет потом

преследовать того человека, чье сострадание обрекло его на новый срок тяжелого рабства. Мы намерены оспорить корректность такого вывода, ибо в Фуцзяни мы ни разу не становились свидетелями подобного нежелания прийти на помощь. Более того, абсолютно все китайцы, с которыми мы говорили об этом, решительно протестовали против того, что их чувство сострадания и готовности прийти на помощь подвергают сомнению. На всех крупных реках даже существуют станции по спасению людей, располагающие и лодками, и прочими средствами для помощи утопающим.

Вера в то, что духи утонувших людей ловят жертв, которые заменят их на службе водным божествам, отнюдь не недавнего происхождения — она насчитывает долгую историю. В «Описании округа Сунцзян» (на юго-востоке Цзянсу) сообщается: «В годы Ваньли (15731620) в западном пригороде, в бухте, где чинили лодки, жил рыбак. Однажды ночью он услышал голос призрака: "Целый год я вел полную страданий жизнь, и вот сейчас я могу поймать себе замену, но она ждет ребенка, и я не в силах забрать сразу две жизни". На следующий день в воду упала женщина, но ее вытащили живой и невредимой — она на самом деле была на седьмом месяце. Прошел еще год, и лодочник вновь услышал тот же голос: "Человек, который должен занять мое место, очень беден, кроме того, на нем лежит большая ответственность: если он умрет, целая семья лишится дома и рассеется; лучше я подожду еще год". На следующее утро один человек упал в воду с моста, но также сумел спастись. В тот же вечер призрак попросил у рыбака немного еды. "Дважды, — сказал он, — из сострадания я отказывался, и божества сообщили об этом Верховному Владыке (шанди), который повелел сделать так, чтобы я не просил здесь больше пищи". Рыбак ответил, что очень рад, и на следующий день призрак явился, чтобы проститься с ним и сказал, что назначен земельным управляющим в Маоцяо».

А вот еще две, более древние истории, относящиеся к десятому столетию[38]. «На берегах рек Янцзы и Хуанхэ обитает множество демонов-чан, которые время от времени окликают человека по имени. Если он ответит им, то обязательно утонет, поскольку это душа утопленника завлекает его (в воду). Некто Ли Дай-жэнь причалил на лодке к излучине берега в уезде Чжицзян (на берегу Янцзы, юг пров. Хубэй) и при свете луны увидел, как из воды появилась девушка с мальчиком. Она огляделась, затем прошептала "вон там живой человек", после чего пошла прочь от берега по воде, как по твердой земле, и вскоре исчезла».

«Су Жуй, начальник Данъяна (север Чжицзяна), находясь в Цзянлине (Цзинчжоу), как-то шел поздним вечером домой и увидел прекрасную женщину с распущенными волосами, в мокрой накидке и юбке. Он в шутку спросил ее: "А вы часом не дух реки?" Вопрос привел женщину в ярость, и со словами "так ты говоришь, что я призрак" она погналась за ним. Он бежал изо всех сил, пока натолкнулся на дозорный караул, который видел, как женщина повернулась к ним спиной и пошла туда, откуда пришла».

В этих двух историях души утопленников называются *чан*. Точно так же именуются жертвы тигров, которые, согласно народной молве, заставляют чудовищ выискивать и пожирать новых жертв, ибо их души в свою очередь становятся слугами тигра, а сами они получают свободу. О *чан* мы будем говорить в дальнейшем.

В качестве иллюстрации современных представлений о водных призраках мы предлагаем читателю пару историй из «Цзы бу юй». «Чжан Хуне, моя двоюродный брат по материнской линии, жил в Циньхуай в доме семьи Пань, построенном на реке. Как-то летней ночью он вышел по нужде. Водяные часы показывали третью стражу, все человеческие звуки смолкли, и луна светила так ярко и чисто, что он, очарованный ею, невольно наклонился над перилами. Внезапно он услышала плеск воды и тут же увидел, что над поверхностью появилась человеческая голова. Удивившись, что кто-то может плавать в такой поздний час, он присмотрелся к ней и обнаружил, что на том месте, где должны быть глаза и брови, ничего не чернеет. Существо приподнялось из воды, шея у него оставалась неподвижной, как у деревянного идола. Чжан бросил в него камень, но камень отскочил и плюхнулся в воду. На

следующий день на этом самом месте утонул мальчик, так что уже не было никаких сомнений, что ему явился водный демон.

Когда он поведал об этом случае знакомым, один торговец рисом сказал, что водные духи — странные существа, гоняющиеся за человеческими жизнями. В молодости торговец рисом жил в Цзясине. Как-то ему пришлось переезжать верхом на буйволе мутный желтый канал, достаточно глубокий. Когда он находился на середине канала, из воды вдруг высунулась рука и попыталась ухватить его за ногу. Но он поджал ноги, и тогда она схватила ногу буйвола, не давая животному двигаться. Испугавшись, торговец рисом позвал на помощь прохожих. Они все вместе попытались толкнуть буйвола вперед, но безрезультатно. И тогда они подожгли животному хвост; буйвол, не в силах стерпеть боли, напряг все свои силы и вырвался из трясины. Под брюхом у него обнаружили старую метлу, привязанную так крепко, что ее невозможно было оторвать. К ней даже с трудом удалось подойти, настолько отвратительной и гадкой она была. По ней били палками, она издавала звуки, напоминающие стоны, и из нее сочилась жидкость — как оказалось, черная кровь. Когда ее в конце концов отрезали ножами и сожгли, зловоние не прекращалось еще целый месяц. С тех пор в этом желтом мутном канале никто не увязал».

«В Хуэйцзи некий портной Ван Эр проходил как-то после заката по холмам Хоу с женскими платьями в руках и увидел, как из воды выпрыгнули два голых человека с черными лицами. Они потащили его в реку, и он, будучи не в силах сопротивляться, последовал за ними, как вдруг, не успели они сделать и нескольких шагов, с сосен, что росли на холме, слетело еще одно существо, с нависшими над глазами бровями и высунутым языком. В руках оно держало длинную веревку, которой обвязало Ван Эра вокруг пояса с тем, чтобы уволочь его к берегу. Но призраки с черными лицами не хотели отдавать его. "Он должен заменить нас, — кричали они, — почему же ты забираешь его?" На что существо с веревкой возразило: "Ван Эр — хороший портной, вы же — речные демоны, сидите в своей воде с голым задом. Вы ведь не носите одежды, так зачем он вам? Лучше отдайте его мне". В полузабытьи Ван Эр чувствовал, как его перетягивают то в одну сторону, то в другую. Придя в себя, он первым делом вспомнил: "Если я потеряю эти женские платья, то уже никогда не смогу расплатиться за них". И повесил их на дерево. В это время его дядя возвращался другой дорогой домой. Увидев при свете луны висящие на дереве женские платья красного и зеленого цвета, он весьма подивился. Когда он приблизился, трое призраков бросились врассыпную, оставив Ван Эра лежать с забитыми голубой грязью ушами и ртом. Дядя отнес его домой и тем самым спас племянника от смерти».

В китайской литературе очень много историй о водных призраках, обладающих, в большей или меньшей степени, злой силой. Значительную их часть составляют просто дикие и абсурдные вещи. «Рыбак по имени Ли Хэй-та, всегда закидывавший свою сеть в Янцзы, как- то выловил ребенка в три чи ростом. Когда он вытаскивал сеть, вода в ней сильно пенилась, а поднявшийся вихрь не успокаивался десять дней. Свидетелем тому стал лекарь-даос. "Вылейте туда расплавленный металл", — сказал он. Когда это было сделано, вихрь успокоился. Рот, нос, брови и волосы ребенка были словно нарисованными; кроме того, у него не было глаз, а изо рта пахло вином. Толпа с отвращением выбросила его обратно в реку».

«Некто Яо, служивший в армии Цзинхай в Тунчжоу, вместе со своими солдатами ловил рыбу в море с тем, чтобы преподнести обязательный ежегодный подарок. Уже спустились сумерки, а они поймали очень мало рыбы. Он уже был на грани отчаяния, как вдруг к ним в сеть попал черный человек, весь покрытый длинными волосами. Он стоял перед ними со сжатыми руками; его спросили, кто он, но ответа не было. Тогда капитан сказал: "Он — тот, кого мы называем водяным; когда он появляется, происходят несчастья. Поэтому лучше убить его, чтобы положить конец его злодеяниям". На что Яо возразил: "Нет, он — божественное создание, и горе падет на нас, если мы убьем его". Он освободил его из сети и воззвал: "Если ты добудешь мне много рыбы и тем самым спасешь меня от наказания, которое непременно постигнет меня за то, что я не смог исполнить порученное мне дело, я поверю, что ты —

божество". После его слов волосатый человек сделал несколько десятков шагов по воде и исчез. На следующее утро они поймали много рыбы, в два раза больше, чем обычно ловили в предыдущие годы».

Конечно, в разных частях Китая существуют свои представления и суеверия относительно водных дьяволов, и далеко не все они зафиксированы в литературе. Некоторые были поведаны нам моряками с побережья Фуцзяни. Иногда в открытом море на горизонте вдруг сгущается огромная черная туча. Она быстро приближается к кораблю с намерением опрокинуть его и утопить команду. Это не торнадо, не водяной смерч, не шквал, а дух женщины, когда-то — прекрасной жены моряка. Ее муж был недостоин ее, пренебрежительно и даже жестоко обращался с ней, пока она, решив предпочесть смерть жизни, не бросилась в морскую пучину. С тех пор она, неистовый демон, свирепствует на море и бросается на каждую джонку, полагая, что, быть может, среди команды находится ее муж, в надежде утащить его за собой в свою водяную могилу. К счастью, есть средства для борьбы с нею. Перво-наперво следует закрыть все люки — действительно, она настолько невоспитанна, что может вызвать настоящий поток мочи, который в мгновение ока затопит корабль. Вот почему моряки Амоя зовут ее *дао няо по*, «Женщина, насылающая мочу». Однако только этих мер недостаточно. Как только она появляется, на палубе следует сжечь бумажки, изображающие деньги, с тем, чтобы умилостивить ее и унять ее ярость; чтобы прогнать ее, нужно хлопать хлопушками и стрелять из мушкетов. Кроме того, кто-то из членов команды должен совершенно голым и с растрепанными волосами забраться на мачту с дубинкой, топором, мечом или копьем. Размахивая с устрашающим видом своим оружием, он, всеми возможными способами поносит женщину, используя до последнего слова весь свой словарь нецензурной брани. Неудивительно, что тогда прекрасная Наяда, увидев и услышав своего прежнего муженька, испугается и бросится наутек. Тем временем другой моряк в черном одеянии с длинными просторными рукавами исполняет на палубе подобие танца под звуки гонга, в который ударяет его товарищ. Изгоняя нечистую силу, он размахивает палкой, на кончике которой развеваются кусочки красной материи. Своим исполненным достоинства и весьма действенным танцем он существенно дополняет усилия несчастного голого человека, отважно машущего оружием наверху. Успех не заставит себя ждать — ведь они не останавливаются до тех пор, пока опасный призрак не исчезнет, а дождь — не прекратится. Таких танцоров, спасающих корабль, китайцы Амоя называют *bu tik kho*[39]. На каждой джонке есть человек, специально взятый для исполнения танца изгнания женщины-демона, хотя, если погода хорошая, он делает обычную работу моряка наравне со всеми. Этот танец требует подготовки и тренировки, ибо, если он не будет исполнен с должным искусством, он не принесет пользы. Матрос, осваивающий его, получает дополнительное жалованье.

Другой демон, устрашающий моряков Амоя — *хай хэшан*, «морской монах». Он похож на рыбу, но голова его напоминает гладко выбритую голову буддийского священнослужителя. Это может быть тюлень или котик. Когда море неспокойно, он хватает джонки и опрокидывает их или же утягивает их на дно вместе с командой. С демоном также борются *bu tik kho*, совершающие танцы в облачении и с палкой в руках; кроме того, на палубе сжигают несколько пригоршней перьев, ибо зловоние после их сожжения настолько велико, что заставляет повернуть вспять даже морского дьявола. Каждый капитан, сочетающий суеверие с благоразумием, перед выходом в море позаботится о наличии на корабле одного-двух небольших мешков с перьями. Рассказывают десятки случаев о поимке в сети маленьких морских монахов, которые смотрели на рыбаков с видом погруженного в, молитву буддийского священнослужителя, словно прося их о сострадании.

О том, насколько велики опасности, которые поджидают бедных моряков со стороны морских дьяволов, рассказывает следующая история. «Некто Чэн Чжи-чжан из Ханчжоу плыл из Чаочжоу и пересекал Хуанган, когда на середине пути вдруг поднялся ветер. Внезапно повалил черный дым, а в клубах его можно было видеть человека, черного, но с губами и

глазницами белыми как мука. Он уселся на носу корабля и дул на моряков. Из тринадцати человек у всех, кроме трех, лица в тот же момент и почернели и стали такого же цвета, как и сам демон. Но через несколько мгновений дым рассеялся и видение исчезло. Корабль продолжил свой путь среди жестокого ветра и бушующего моря. Когда же корабль перевернулся, десять человек утонули — те, у кого лица стали черными. Те же трое, у кого цвет лица не изменился, спаслись» («Цзы бу юй», гл. 22)[40].

Значительную часть водных демонов составляют различные морские и речные животные. Мы встречаем среди них выдр и бобров, черепах, крокодилов, рыб как в человеческом облике, так и в естественном. Однако избранный нами порядок построения материала призывает нас на время отложить разговор о них. Читатель узнает о них в главе V (5, 7, 9).

Глава четвертая

О демонах земли

Наконец, мы подошли к последней из трех категорий, на которые древние китайцы подразделяли мир призраков, а именно — к потусторонним существам, населяющим землю, которых во времена Конфуция, как мы помним, называли *фэнь-ян* и представляли в облике барана или козы.

Историю о находке Цзи Хуань-цзы *фэнь-ян*, сообщаемой в «Го юй», за два столетия до новой эры истолковал Хань Ин. Ему приписывается составление собрания историй древности, украшенного и проиллюстрированного одами, давших, вместе с другими, ныне уже утраченными документами, тот материал, на основе которого в ханьские времена и был отредактирован «Ши цзин». Итак, согласно этому сочинению, теперь издаваемому в десяти главах и носящему название «Хань-ши вай чжуань»: «Ай-гун, правитель царства Ау, приказал выкопать колодец. В течение трех месяцев никак не удавалось добраться до воды, зато нашли живого барана. Правитель приказал своим заклинателям барабанами и танцами отправить его на небо (принести в жертву?), но барана невозможно было отправить. Конфуций увидел это и сказал: "Жизненная сила воды — это яшма, жизненная сила земли — это баран, поэтому печенка у него должна быть из земли". Правитель приказал убить животное, и все увидели, что печенка у него из земли».

Странно, что таинственное существо оказалось наделенным обликом барана. Объяснения сему нам не удалось найти ни в одной книге. Возможно, слово *фэнь-ян* изначально не имело значения «баран», но поскольку оно писалось, как, например, в «Го юй», иероглифами, обозначавшими «барана», ибо и в современном китайском *ян* значит *genus Capra*, китайцы могли быть введены в заблуждение формой иероглифов, и в результате *фэнь-ян* приобрело совершенно иной смысл. Предположение, что первоначально *фэнь-ян* не имело такого значения, до некоторой степени подтверждается и тем фактом, что в ряде сочинений иероглиф *фэнь* пишется без ключа «баран». Так, в биографии Конфуция в «Исторических записках» иероглиф *фэнь* употреблен с ключом «земля», который, не меняя звучания иероглифа, придает ему новое значение — «могила», и тогда весь бином *фэнь-ян* может быть переведен как «баран из могилы». Существо это в последующие времена действительно нередко ассоциировалось с могилой, ибо, согласно имеющимся у нас сведениям, в третьем столетии люди считали, что бараны и козы пожирают погребенных. Кроме того, нам известны и два других названия демонов-некрофагов: *ао* и *вэй*, очевидно, местных, поскольку соответствующие иероглифы не являются идеографическими. Неудивительно, что простодушные и доверчивые люди, с незапамятных времен стремившиеся к тому, чтобы охранить и уберечь покойников в их усыпальницах, будучи неспособными объяснить естественный процесс разложения, приписывали «исчезновение» мертвых таинственным подземным существам.

Пэй Инь в, своем комментарии к «Историческим запискам», созданном в пятом столетии, утверждает, что, «согласно Тан Гу, существа *фэнь-ян* не различаются по половому признаку».

Бесполым или же гермафродитом было, как говорит Ван Чун, существо-потомок древнего императора, слонявшееся по домам и развалинам и насылавшее на детей конвульсии. Помимо этого замечания, Ван Чун, включает в свою в высшей степени ценную книгу еще один интересный фрагмент, касающийся данного класса призраков:

«Если правда то, что духи, живущие в земле, не любят, чтобы землю тревожили и вскапывали, то для нас лучше всего выбирать благоприятные дни для того, чтобы рыть канавы и вспахивать поля. (Но этого никто не делает), из чего можно заключить, что духи земли, хотя и весьма недовольны, когда их тревожат, все-таки сносят подобную бесцеремонность, если человек допускает ее без злого умысла. Если человек делает это только для того, чтобы остановиться на ночлег или отдохнуть, его поступок не вызовет гнева в благородном сердце духов, а раз так, они не нашлют на него несчастья, даже если он и не выбирает благоприятные дни. Если же мы уверуем в то, что духи земли не прощают человека за его желание и ненавидят его за то, что, тревожа землю, он доставляет им беспокойство, то какой же тогда для него прок выбирать для этого благоприятные дни?» («Лунь хэн», гл. 24).

Таким образом, мы знаем, что в первом столетии нашей эры духи земли не терпели, за исключением определенных дней, когда кто бы то ни было рыл землю, и обязательно мстили виновному. В «Тун су бянь»[41]это суеверие иллюстрируется следующим образом: «В «Тай пин юй лань» есть следующие слова из «Синь янь» Бэй Юаня: «Среди людей есть духи, зовущиеся повелителями земли, которые говорят, что землю тревожить нельзя. У меня, Бэй Юаня, есть пятилетняя внучка, которая как-то внезапно заболела. Я отправился на базар к гадателю, который сказал мне, что она совершила преступление против земли. Я немедленно использовал все средства, надлежащие в подобных случаях, и вскоре она полностью выздоровела. С тех пор я убежден в том, что в Поднебесной существуют духи земли».

В вышеприведенных фрагментах потусторонние существа именуются *ди шэнь* и *ту шэнь*, «духи земли и почвы». Именно так они и обозначаются в большинстве сочинений. Выше мы отмечали, что во времена Ван Чуна считалось, что они обитают также в объектах, тесно связанных с землей, таких, как жилища людей, полуразрушенные здания, углы и укромные закоулки. Подобные суеверия сохраняются в Китае и по настоящее время.

В Амое и прилегающих к нему сельских районах вера в духов земли, *ту шэнь*, по-прежнему является составной частью народной религии. Как и повсюду в Китае, она несет на себе несомненный отпечаток влияния философских представлений о том, что земля есть порождающее начало космоса, которая, будучи оплодотворенной небом, производит к жизни все существующее. В космосе земля олицетворяет собой совершенную устойчивость, и благодаря этому способна давать жизнь растениям. Из чего следует естественный вывод, что если землю потревожить, то тогда, в соответствии с законом взаимности, будет причинен вред спокойствию и росту детей в утробах женщин.

Вот почему китайцы Амоя называют таких духов даже не *ту шэнь*, а *тай шэнь*, «духами утробы» или «духами плода»." Их проклятие может простираться даже на уже родившихся младенцев, поскольку они, как и растения, зависят в своем росте от дающей жизнь земли. Именно *тай шэнь* насылают судороги, беспокойство и прочие болезненные проявления, которым так подвержены маленькие дети, и люди уверены: если дитя попадет в лапы такого духа, оно тотчас станет голубого или черного цвета.

Тай шэнь несут и боли во время беременности, называемые *дун тай* или *тай дун*, «смещением, движением плода». Их объясняют перемещением земли, какого-то тяжелого предмета или даже просто мебели.

Возбуждение утробного плода может принять серьезные формы и даже привести к выкидышу. Страх потерять ребенка удерживает мужчину от многих опрометчивых поступков, если его жена или наложница беременны. Особенно опасно вбивать в стену гвоздь, поскольку можно попасть в живущего в стене духа земли, и тогда ребенок родится калекой или слепым

на один глаз; или же дух может парализовать кишки уже родившегося ребенка, у него случится запор, от которого он в конце концов умрет. Опасности, подстерегающие беременную женщину, с увеличением срока только возрастают. Уже перед самым разрешением от бремени в доме ни в коем случае нельзя передвигать тяжелые предметы, поскольку хорошо известно, что духи земли любят поселяться в таких вещах, которые по причине их тяжести редко переставляют. Но и перемещение легких предметов не лишено опасностей. Известны случаи, когда отцы, опасаясь, что ребенок может родиться со «свернутым» ухом, скатывали циновки, прежде в течение долгого времени покрывавшие кровати. Как-то я повстречал мальчика с заячьей губой, и его отец сказал мне, что его жена чинила во время беременности старую одежду и по неосторожности порезала ее ножницами.

В маленьком справочнике по акушерству под названием «Гуан шэн бао цзянь», «Драгоценное зеркало для помощи при родах», ходившем в Амое, прямо говорится, что беременная женщина «не может присутствовать при начале любых работ, связанных с ремонтом или сооружением зданий или вскапыванием земли». На другой странице книги мы читаем: «В сочинении под названием "Необходимые знания для помощи при родах" сказано: "Среди того, что отнюдь не помогает произведению потомства, особенный вред приносит перестановка и перемещение предметов. Ремонт в доме соседа или своем собственном, шевеление земли вредят ци младенца, находящегося в утробе, разрушают его тело и даже угрожают жизни. Однако то, что острый нож якобы может нанести рану плоду, или что нанесенный земле вред может привести к тому, что у него закроются отверстия, или что удары и толчки могут вызвать посинение или почернение, или что связывание каких-то вещей приведет к тому, что конечности младенца будут страдать от судорог или станут негибкими — все это слова невежественных лекарей, не имеющие под собой никаких оснований, которым не следует верить. Однако женщины, ожидающие ребенка, ни в коем случае не должны смотреть на ремонтные работы, на то, как стучат и колотят по чему бы то ни было, и на то, как роют землю; им надлежит оберегать себя от подобных зрелищ"».

Особенно опасны для беременных женщин последствия волнения духов земли, вызываемого началом таких работ, будь то ремонт здания или вскапывание земли. И действительно, когда в Амое кто-то начинает вести подобные работы, все соседи заблаговременно ищут для своих женщин, находящихся в положении, более безопасного жилища и не разрешают им возвращаться домой до тех пор, пока не пройдет достаточно времени для того, чтобы потревоженные духи вновь могли воцариться на старых насиженных местах. Если же подходящего места для размещения женщины нет, то общественное мнение, как уверяли меня, безусловно, предписывает затеявшему ремонт или строительство человеку отложить дела до тех пор, пока женщина не разрешится от бремени.

Преждевременные роды могут быть вызваны не только духами земли. На это способен каждый демон, который может даже оплодотворить женщину: она забеременеет и возрадуется, но беременность ее в конце концов окончится ничем. Об этом мы поговорим более подробно в дальнейшем.

Существ, подобных гномам фольклора западных народов, стерегущим волшебные подземные сокровища, в китайской демонологии очень мало. Отчасти это можно объяснить тем, что рудное дело никогда не играло в Китае большой роли. Практически все, что нам только удалось разыскать о подобных существах, содержится в следующем, весьма странном описании:

«Небесные кабарги (косули) — это не люди, они принадлежат к типу *цзян-ши*, или демонов-трупов. В провинции Юньнань есть множество шахт, из которых извлекают пять металлов. Когда они обрушиваются, люди не могут выйти из них, и тогда, если они в течение десяти или даже ста лет кормятся дыханием земли и металлов, их тела не разлагаются. И хотя они вроде бы не мертвы, их материальная субстанция мертва.

Те, кто работает в этих шахтах, находятся во мраке никогда не кончающейся ночи, поэтому у многих из них на лбу закреплен фонарь. Если, прокладывая себе путь под землей, они вдруг сталкиваются с небесной косулей, то она чрезвычайно радуется этому. Жалуясь на холод, она сразу же просит у них табак и тут же закуривает; потом она распластывается на земле и умоляет людей вывести ее из шахты. В ответ люди говорят: "Мы пришли сюда за золотом и серебром, но еще не нашли ни одной жилы, откуда их можно было бы взять; не знаешь ли ты, где находится золото?" И небесный олень ведет их туда, где они могут добыть много золота. Но, покидая шахту, они обманывают призрака, говоря: "Мы должны выбраться первыми, а потом мы вытащим в корзине и тебя. Потом они тянут за веревку, привязанную к корзине, но на половине пути обрезают ее, и небесный олень падает вниз и разбивается".

Как-то чиновники, ведающие рудными делами, проявили гуманность и сострадание и вытащили наружу семь или восемь таких существ. Но как только существа ощутили дыхание ветра, их одежда, плоть и кости превратились в жидкость, издававшую гнилое, отвратительное зловоние, от которого внезапно заболели и умерли все, чьи органы обоняния только ощутили его. Вот почему с тех пор все, кто поднимает небесного оленя из шахты, на половине пути перерезают веревку, ибо в противном случае им самим суждено умереть от ужасного зловония. Если же люди откажутся поднимать их, они рискуют навлечь на себя их непрерывные приставания. Говорят также, что, если людей много, а небесных оленей мало, их можно связать, поставить напротив земляной стены, обложить с четырех сторон стенами из глины, соорудить над их головами террасу и поставить на нее лампу, и тогда они более не смогут причинять вред. Однако, если оленей больше, чем людей, они замучат их до смерти, и людям ни за что не спастись» («Цзы бу юй», гл. 4).

Глава пятая

Демоны-животные

В трех предыдущих главах мы видели, что с самой глубокой древности, о которой мы только можем судить на основании китайских письменных свидетельств, духов и призраков китайцы очень часто представляли в облике животных. Среди них мы находим драконов и баранов, обезьян, оленей, и потому вправе ожидать, что животный мир в целом подарил китайскому царству потусторонних существ огромное множество образов.

Чтобы адекватным образом воспринять и обосновать данное явление, нам необходимо помнить о том, на что мы уже неоднократно указывали, а именно — что китайцы, как правило, представляют призраков в облике человека и наделяют их его чертами и атрибутами, но в то же самое время китайцы не считают животных принципиально отличными от людей. Если человек может стать призраком, то почему им не может быть и зверь? Согласно идущим с древнейших времен философским воззрениям, звери обладают той же естественной конституцией, что и люди; и тело, и душа и тех и других скроены из одних и тех же начал инь и ян, из которых состоит и весь космос.

Но если идентификация призраков с людьми имела место изначально, то наделение человеческими характеристиками призраков-животных явилось уже следствием. Вынашивающие злобные намерения люди могут принимать облик зверей как при жизни, так и после смерти, но и, обратно, животные могут превращаться в людей с целями, не в большей степени благостными. Подобные превращения могут быть полными в телесном смысле, но никакого «перерождения души» при этом не происходит. Такие призраки-животные ничем не отличаются от обычных зверей, за исключением разве что явной агрессивности и злобности, благодаря которым, собственно, они и становятся причастными к царству демонов.

Вера в животных-призраков едва ли бы могла иметь место, если бы не убеждение в том, что их души проявляют себя и вне их тел в том же облике. О широком распространении таких взглядов свидетельствуют многие китайские сочинения. Приведем для иллюстрации два фрагмента, коих, полагаем, будет достаточно:

«Сунь Сю из царства У (император Цзин-ди, правил в 258–263 годах) заболел и искал заклинателя и провидца. Найдя одного, он решил подвергнуть его испытанию: он убил гуся, закопал его в открытом поле, соорудил маленький навес, поставил под ним кровать и положил на нее женские башмаки и одежду. После чего приказал исследовать это место. "Если ты расскажешь мне об облике женщины-призрака, обитающей вон в той могиле, я щедро вознагражу тебя и поверю: в твои способности", — молвил он. Но в течение всего дня предсказатель не вымолвил и слова. Император вновь, уже более настойчиво, повторил свой вопрос. "По правде говоря, — ответил колдун, — я не вижу никакого призрака, а вижу я только белого гуся, стоящего на могиле. Я не сказал об этом сразу же только потому, что это мог быть *гуй* или *шэнь*, принявший облик птицы, и тогда я должен был бы подождать, пока восстановится его подлинная форма. Но поскольку, по неизвестной мне причине, он не принимает иной формы, осмелюсь теперь сказать правду Вашему Величеству"» («Соу шэнь цзи», гл. 2).

«В молодости министр сельского хозяйства Ян Май любил охотиться. Сам он рассказывал, что как-то, находясь в Чаньани, он отправился на соколиную охоту, и во время охоты увидел зайца, скачущего по кустам недалеко от него. Его сокол тоже заметил зайца, и тут же стремительно ринулся на него, намереваясь его схватить. Однако, когда сокол долетел до кустов, зайца уже и след простыл. Ян Май посадил птицу на руку, проехал несколько шагов, обернулся, и что же — на том же самом месте он опять увидел прыгающего зайца. Как и в предыдущий раз, сокол устремился к нему, но не смог его поймать. Когда та же история повторилась и в третий раз, Ян Май приказал своим людям вырубить кустарник и найти зайца. Но они нашли только скелет; поэтому, существо, которого они видели, на самом деле было лишь призраком зайца» («Цзи шэнь лу», гл. 443).

В китайской литературе историй о животных-призраках в самых невероятных обликах и видах великое множество. Души млекопитающих, птиц, рыб и даже насекомых переселяются в людей, навлекая тем самым на них болезни или сумасшествие; кроме того, души зверей покидают телесную оболочку и тревожат покой домов и деревень. Гэ Хун был убежден, что старые животные в первую очередь могут стать демонами в человеческом обличии, и прямо высказал свое мнение в одной из глав своего сочинения. В дальнейшем мы увидим, что Гэ Хун выразил повсеместно распространенные представления, нашедшие отражение во многих историях и легендах, на материале которых и построена настоящая глава. Поскольку едва ли можно отыскать животных, игравших хоть какую-то роль в жизни китайцев и не выступавших бы при этом в той или иной степени в качестве демонов и призраков, любой изучающий китайскую зоологическую мифологию столкнется с огромным множеством иллюстративного материала о демонизме.

1. Демоны-тигры

Среди демонов-животных Китая первое место занимает королевский тигр. Поистине, встречающийся на всей территории региона, со своей неистовой жестокостью, он является для людей олицетворением ужаса, часто ввергая в хаос и панику целые деревни и вынуждая крестьян искать новое, более безопасное место. Читатель помнит, что уже в ранней китайской литературе упоминались люди-тигры — ищущие жертву ненасытные демоны. Истории и предания, присутствующие в литературе абсолютно всех эпох, только подтверждают, что в существование призраков-тигров люди верили всегда. А то, что вера эта не исчезла и поныне, подтверждается хотя бы тем фактом, что самые разные легенды и сказки о тиграх постоянно перепечатываются, перечитываются и передаются из уст в уста. Более того, мало-мальски близкое знакомство с китайцами вскоре убеждает, что предания о тиграх многие из них воспринимают как реальные события, как, впрочем, и все то, что содержится в классических и старинных книгах. Истории эти привносят в народные верования новые интересные моменты. Некоторые из них, представленные ниже, могут оказаться полезными и в качестве дополнительного материала к диссертации по «тигроантропии», опубликованной ранее.

Народный фольклор рисует демонов-тигров превратившимися в призраков людьми, скитающимися по необъятным просторам в поисках новых жертв. «Чэнь Цзун, уроженец Даньяна, — сообщает Тао Цянь, — занимался гаданием неподалеку от главного уездного города. В годы под девизом Иси (405–419), когда Дань Хоу, командующий левой армией, который очень любил охоту и особенно — охоту на тигров, был начальником Гушу (Гушу и Даньян находились на территории нынешнего Тайпинфу в провинции Аньхуэй на берегу Янцзы), к предсказателю явился всадник в меховых штанах, в сопровождении спутника, облаченного в точно такую же одежду, и протянул ему десять монет, завёрнутых в бумагу. "Следует ли нам отправиться на запад, чтобы раздобыть что-нибудь поесть, или лучше поехать на восток?" — спросили они. Цзун выложил стебли и в соответствии с получившейся комбинацией заявил, что восточное направление благоприятно, а западное принесет несчастье. Всадники попросили дать им воды, но, когда они пили, они походили на коров — так глубоко утонули в чашах их рты. После чего они покинули дом гадателя и направились на восток, но не успели они отъехать и нескольких сот шагов, как второй всадник и его лошадь превратились в тигров. С тех пор тигры свирепствовали в этой области необычайно» («Соу шэнь хоу цзи», гл. 9).

Кто может сосчитать тех несчастных, кто, будучи заподозренным в том, что на самом деле является тигром в человеческом обличий, пал жертвой людского страха и гнева? И насколько часто подобные дикие суеверия возникали вокруг тех, кого кто-то ненавидел и хотел линчевать, используя человеческое невежество? Об убитом толпой Ван Юне, человеке-тигре, мы уже в свое время говорили. А вот история другой жертвы, несчастной героини следующего рассказа:

«В конце правления династии Лян (около 556 года) жил человек по имени Хуан Цянь, родом из Шисина (север пров. Гуандун), и у него была младшая сестра, которую звали Сяочжу, Маленькая Жемчужина, обрученная с жителем того же уезда по имени Ли Сяо. Маленькая Жемчужина вместе с женой своего старшего брата отправилась в горы собирать плоды деревьев. Когда они проходили мимо храма, Маленькая Жемчужина испытала такое сильное притяжение, что отказалась возвращаться домой. Когда же они отправились назад, она внезапно побежала по дороге к храму и на глазах людей скрылась в зарослях травы.

Жена Хуан Цяня сообщила Ли Сяо о том, что произошло, и Ли Сяо сделал вывод, что у девушки, должно быть, был какой-то непонятный мотив. Как-то вечером Ли Сяо возвращался со своим другом из уездной управы, куда его вызывали по делу, как вдруг хлынул страшный ливень. Заприметив огонь в одном из залов храма, они направились туда, чтобы высушить одежду. На возвышении, где стояла статуя божества, они обнаружили поношенную одежду; и почти сразу же услышали доносящийся снаружи звук шагов. Испугавшись, они спрятались за возвышением и ширмой и — о ужас! — увидели тигра, который, виляя хвостом, быстрыми прыжками приближался к огню. Здесь чудовище сбросило с себя челюсти и когти, скатало свою шкуру и положило все это на возвышение перед статуей божества; потом оно облачилось в одежду и присело на корточки перед огнем.

Только теперь Ли Сяо увидел, что это была Маленькая Жемчужина. Он обнял ее и начал с ней говорить, но с ее уст не слетело ни единого словечка. На рассвете Ли Сяо отвел ее домой и оставил у Хуан Цяня. Ее поместили во дворе и бросали ей сырое мясо, которое она с жадностью пожирала. Ее мать, постоянно наблюдавшая за ней, заметила, что она, не отрываясь, смотрит на свинью. Через несколько дней она вновь обратилась в тигра. Жители деревни вооружились луками, забрались на крышу дома, стали стрелять во двор и убили ее. На следующий год какой-то тигр свирепствовал с таким неистовством, что люди были вынуждены запирать дома на засовы даже днем. Начальник уезда Сюн Цзи-бяо доложил обо все случившемся Трону» («Ху вэй»).

Читаем мы и о так называемых «бывших тиграх», которых люди доставляли властям и убивали по их приказанию. «В первом году Тайюань династии Цзинь (376) в уезде Аньлу

области Цзянся (пров. Хубэй) некто Ши Дао-сюань, двадцати двух лет от роду, еще совсем молодым сошел с ума и превратился в тигра. Количество людей, которых он сожрал после того, сосчитать невозможно. Как-то он схватил девочку, собиравшую под деревьями тутовые ягоды, сожрал ее и спрятал ее браслеты и заколки для волос среди камней, откуда впоследствии, вновь приняв человеческий облик и вспомнив о том, что сделал, извлек их. Через год он вернулся домой и жил как человек; со временем он проявил себя на службе и занял чиновничий пост при дворе.

Как-то ночью, когда он беседовал с людьми, они затронули вопрос о странных превращениях и явлениях на Небе и Земле. "Было время, — сказал Дао-сюань, — когда я был так болен, что помутился рассудком, превратился в тигра и пожирал людей". После чего он перечислил имена всех своих жертв. Но среди тех, кто сидел рядом с ним, оказались отцы, сыновья или братья тех, кого он сожрал. С громким воем и криками они схватили его и доставили властям. Он умер от голода в тюрьме в Цзянькане (Нанкине, бывшем в ту пору императорской столицей)» («Ци се цзи»).

«Один человек из Суньяна отправился в горы за хворостом. Когда спустились сумерки, его преследовали два тигра. Быстро, как только возможно, он вскарабкался на дерево, которое, однако, было не очень высоким; тигры прыгали вокруг дерева, но не доставали до человека. Вдруг они сказали друг другу: "Если мы сумеем найти Чжу Ду-ши, мы наверняка доберемся до него". Один тигр остался сторожить под деревом, другой же куда-то отправился. Вскоре появился третий тигр, более худой и длинный, идеально подходивший для того, чтобы достать добычу. Луна в ту ночь светила ярко, так что наш герой хорошо видел, как маленький тигр протягивает свои лапы, чтобы схватить его за одежду. По счастью, у него на поясе висел топор для рубки дров, и, когда чудовище вновь попыталось дотянуться до него, он нанес удар и отсек тигру переднюю лапу. Со страшным воем тигры, один за одним, умчались прочь, но лишь на рассвете человек слез с дерева и отправился домой.

Собравшиеся крестьяне спрашивали его, что произошло, и, когда он поведал о своих приключениях, один из жителей деревни сказал: "В восточной части уезда живет один по имени Чжу Ду-ши; давайте пойдем к нему и посмотрим, тот это Чжу Ду-ши или нет". Несколько людей отправились разузнать о нем. "Прошлой ночью, — сказали им, — он ненадолго вышел и поранил себе руку, так что сейчас он лежит в постели". Убедившись, таким образом, что именно этот человек и был тигром, они доложили обо всем начальнику уезда. Начальник приказал своим подчиненным взять мечи, окружить дом Чжу Ду-ши и поджечь его. Чжу Ду-ши вскочил с постели, бросился наружу, превратился в тигра и, бросившись прямо на людей, исчез. Куда он направился, не знает никто» («Гуан и цзи»).

Вышеприведенная история заслуживает особого внимания. Согласно ей, по существовавшим в Китае поверьям, рана, нанесенная зверю-оборотню, сохраняется причем на той же части тела и после того, как оборотень вновь примет человеческий облик. Подобные представления характерны и для западной демонологии. Так, Олав Великий сообщает («Historia de gentibus Septentrionabilus», 1555, последняя глава кн. XVIII), что за несколько лет до написания книги жена одного дворянина сказала своему слуге, что не верит в возможность превращения людей в волков; и тогда слуга, дабы доказать, что она ошибается, тут же сам превратился в волка. Волк бросился в поле, преследуемый собаками, одна из которых вырвала ему глаз; на следующее утро слуга предстал перед своей госпожой всего лишь с одним глазом. Согласно Маголию, в том же столетии в Кенигсберге к прусскому герцогу Альбрехту привели крестьянина, который пожрал скот у своего соседа. На лице у него было множество ран от укусов собак, полученных им в обличий волка. Б. Ангевин писал («La Demonomanie des Sorciers», 1598, с. 257) о том, как королевский генерал-прокуратор Бурден поведал ему, что вынужден был однажды вынести приговор человеку, обнаруженному в постели со стрелой в бедре — за несколько часов до этого неподалеку стрелой ранили в лапу волка.

Из всех демонов-тигров, которых только создала богатая фантазия китайцев, самыми страшными и опасными считались те, что принимали со злобными намерениями облик женщины и склоняли мужчин к замужеству, но в конце концов пожирали и своих мужей, и детей, что появлялись на свет. Одной из жертв такого чудовищного вероломства стал Цуй Тао, человек из Пучжоу. «Направляясь в Чучжоу (пров. Аньхуэй), он прибыл в Лиян, расположенный к югу. Отправившись на рассвете в Чучжоу, он вскоре добрался до постоялого двора, называвшегося "Гуманность и справедливость", и решил остаться там на ночлег. "Этот постоялый двор пользуется дурной славой, — сказал ему хозяин. — Прошу вас не оставаться здесь". Но Тао не послушался совета и, закинув за спину дорожную сумку, отправился в главные покои; хозяин дал ему лампу и свечу.

После второй стражи Тао разложил свое одеяло и уже собрался было лечь спать, как вдруг увидел у ворот огромную лапу, подобную тем, что есть у четвероногих зверей. Внезапно ворота распахнулись, и во двор проник тигр. В испуге Тао забился в самый темный угол и оттуда, спрятавшись, наблюдал, как чудище сбросило шкуру и обратилось в девушку необычайной красоты. На девушке была великолепная одежда и украшения; она поднялась в главный зал и улеглась на его одеяло.

Тао вышел из своего укрытия. "Почему это вы лежите на моем одеяле? — спросил он. — Только что я видел, как вы вошли сюда в обличии зверя, для чего это?" Девушка встала и сказала: "Надеюсь, что смогу успокоить вас. Дело в том, что мой отец и старший брат — охотники, а семья наша так бедна, что все их попытки найти для меня подходящего жениха ни к чему не привели. Узнав об этом, я стала тайком набрасывать на себя тигровую шкуру и по ночам приходить сюда. Зная, что здесь останавливаются на ночлег благородные люди, я решила отдать себя одному из них, чтобы чистить и убирать его дом. Но все гости и путешественники поочередно прогоняли меня из страха, но вот сегодня мне посчастливилось встретить доброго человека, который, надеюсь, откликнется на мои чувства". — "Если все это действительно правда, — сказал Тао, — я не вижу ничего лучшего, как жить с тобой в счастье и согласии". Покидая на следующее утро постоялый двор, он взял девушку с собой, предварительно бросив тигровую шкуру в высохший колодец позади зала.

Впоследствии за успехи в изучении канонов Тао получил ученую степень и занял должность начальника Сюаньчэна. Направляясь туда со своей женой и сыновьями, они вновь остановились на ночлег на постоялом дворе "Гуманность и справедливость". "Здесь я впервые встретил тебя", — с улыбкой произнес Тао и направился к старому колодцу; заглянув в него, он увидел, что тигровая шкура по-прежнему лежит там. Это вновь заставило его рассмеяться. "И одежда, которая тогда была на тебе, до сих пор здесь", — сказал он своей жене. "Достань ее, — попросила она. Когда она увидела шкуру в его руках, она сказала со смехом: — Позволь мне примерить ее еще раз". Но как только она облачилась в шкуру тигра, так тут же превратилась в зверя, который вначале с ревом бросился в главный зал, потом сожрал Тао вместе с детьми и исчез» («Ху вэй»).

В «Ху вэй», сочинении, из которого мы взяли эту историю, есть и еще одна, тоже повествующая о блуждающем оборотне-тигре, который, надевая тигровую шкуру, становился зверем, а сбрасывая ее — человеком. «В годы Цзяньянь (1127-ИЗО) в Цзиннани (пров. Хубэй) развелось столько тигров, что все население окрестных деревень бежало в город, чтобы спастись от них. Некто Чжан Сы еще не успел уйти, как вдруг появился тигр. Чжан Сы поспешил спрятаться меж балок, поддерживавших крышу. Чудище вошло в главный зал дома, сбросило шкуру и превратилось в человека; в поисках хозяина он вышел за ворота. Тогда Чжан слез вниз и взял тигровую шкуру. Не успел он забраться обратно и положить шкуру на балку, как человек вернулся. Не обнаружив шкуры, он стоял в оцепенении, затем достал из-за пазухи запечатанное послание, развернул его на полу и сказал: "Я получил это повеление покончить с членами клана Жо и других от Неба, но я стер с него все имена, за исключением Жо; верни мне мою шкуру, и я оставлю людей Жо в покое". На что Чжан ответил: "Я не отдам ее тебе до

тех пор, пока ты не вычеркнешь и мое имя". И, когда человек-тигр достал из одежды кисть и вычеркнул его имя, Чжан сбросил шкуру вниз. Оборотень набросил ее на себя, тут же принял прежний облик и издал такой страшный рев, что Чжан затрясся от страха. Казалось, он вот-вот упадет вниз, но тут тигр убежал прочь. На следующий день тигра убило молнией в шестидесяти ли от этого места».

Подобно волкам-оборотням западного фольклора, человек-тигр в Китае порой оказывается животным-некрофагом. «В правление императора Сяо-у из династии Цзинь, — свидетельствует древняя легенда, — на пятом году Тайюань (380), в уезде Цяо одноименной области, один бедняк по имени Юань Шуан, возвращаясь в сумерках домой, столкнулся на дороге с девушкой пятнадцати-шестнадцати лет, обаяние и красота которой были необыкновенны. Она стала его женой, и за пять-шесть лет они достигли хорошего достатка. Она родила двух сыновей, и к тому времени, когда мальчикам исполнилось по десять лет, семья была уже весьма зажиточной. Как-то в деревне умер кто-то из крестьян. После похорон женщина поспешила к еще свежей могиле, сняла одежду, вытащила заколки из волос и повесила все это на дерево, после чего обернулась тигром. Она раскопала могилу, достала гроб, вытащила тело и сожрала его. Насытившись, она вновь приняла человеческий облик. Один человек увидел ее и сообщил об увиденном мужу: "Ваша жена — не человек, она обязательно причинит вам вред". Шуан не поверил ему, но, когда спустя время в деревне умер еще один человек и женщина повела себя точно так же, очевидец привел Шуана к могиле, чтобы тот увидел все собственными глазами. Так он узнал правду. После этого женщина-оборотень рыскала по холмам по всему уезду и пожирала тела умерших».

В Китае, как и в большинстве других стран, в которых обитают королевские тигры, наиболее жестоких и коварных представителей этого типа млекопитающих зачисляют в людоедов. Однако китайцы объясняют подобные суеверия не тем, что человек являет собой легкую добычу или что якобы, попробовав однажды человеческую плоть, хищник уже не может избавиться от пристрастия к ней, а тем, что к поиску очередной новой жертвы тигра-людоеда побуждает дух последней съеденной им жертвы. Таким образом, людским воображением был создан целый класс злых демонов, не обладающих обликом зверя и не являющихся зверьми-оборотнями. Они — призраки людей, служащие животным или населяющие их тела.

Человеческая душа, под воздействием которой или ведомый которой хищник-людоед рыщет в поисках добычи, зовется *чангуй*. Слово это можно перевести как «призрак того, кто лежит под землей», т. е. жертвы. Часто такой призрак обозначается одним иероглифом *чан*. «Человек, убитый тигром, становится *чангуй* и ведет тигра словно поводырь», — говорит Ли Ши-чжэнь («Бэнь-цао ганму», гл. 54, I, 1.2). В словаре Канси же говорится следующее: «Если человек попадает в лапы тигра и погибает, душа его (*хунь*) не отваживается следовать своим путем, но остается служить тигру и зовется *чан*». В тот самый момент, когда хищник убивает свою жертву, он пользуется своей полной и безоговорочной властью над человеческой душой, заставляя ее войти в тело только что погибшего человека и оживить его, дабы он мог раздеться перед тем, как быть съеденным. Ничто — ни одежда, ни даже нитки не должны помешать чудовищу вкушать кровавую трапезу. «Когда тигр убивает человека, — говорит Дуань Цин-ши, — он в силах заставить тело встать и сбросить одежду, после чего пожирает его» («Ю ян цза цзу», гл. 16). В качестве примера, подтверждающего подобные любопытные представления, приведем две истории.

«Обладатель ученой степени второй ступени по фамилии Ли, имя которого нам узнать не удалось, поселился в горах Сюаньчжоу (ныне Нингофу в пров. Аньхуэй). При нем постоянно находился слуга, который, однако, был настолько ленив, что Ли приходилось все время подгонять его то плеткой, то палкой, вследствие чего слуга затаил глухую ненависть против своего хозяина. Как-то, в девятом году Юаньхэ династии Тан (814), Ли, находясь во дворе своего дома с двумя друзьями, позвал слугу. Тот в это время спал. Ли разгневался до такой степени, что ударил слугу плетью несколько десятков раз. С глубокой злобой и ненавистью

слуга выбежал из дома. "Этот год — високосный, — сказал он своим товарищам, — а значит, если верить тому, что говорят люди, в горах должно быть много тигров; может быть, они сожрут меня?" С этими словами он вышел из ворот, но уже вскоре раздались страшные крики. Прочие слуги побежали искать его, но не нашли, и тогда они отправились по следу тигра и прошли так более десяти ли. Там, на берегу реки, они нашли половину его тела; другая же была съедена. Его одежда, платок и ботинки были туго завязаны в узел, который лежал рядом на траве; ведь тигры используют своих жертв в качестве слуг, и слугами этими являются души убитых» («Юань хуа цзи»).

«Некто Чжан Цзунь гостил в Сюаньчжоу у Юань Тань-чжуана, начальника уезда Лишуй. Жену Чжан Цзуня унес тигр, и он поклялся, что отомстит. Вооружившись луком и стрелами, он отправился в горы, взобрался на высокое дерево, росшее неподалеку от логова тигра, и стал наблюдать. Он увидел, что его жена лежит мертвая, и стережет ее тигрица. Вдруг жена поднялась, почтительно поклонилась хищнику, сняла с себя одежду и уже голой вновь упала на землю. Тогда тигрица вывела из логова четверых тигрят, каждый из которых был размером с дикую кошку. Виляя хвостом, она облизала тело; потом подошли тигрята и стали с жадностью пожирать его. Цзунь несколькими стрелами убил тигрицу, а затем и четырех тигрят, отрубил им головы и принес их домой вместе с телом своей жены».

Главное преимущество, которое дает тигру-людоеду *чангуй*, состоит в том, что душа погибшего позволяет хищнику выходить на след новой человеческой жертвы, ведь она жаждет освободиться от рабства, а сделать это она может только в том случае, если отыщет «замену». Эти души китайцы относят к числу наиболее опасных духов, поскольку они постоянно побуждают зверей к людоедству. Однако души ненавидят свое подневольное состояние и иногда освобождаются от власти своего полосатого властелина, заманивая его в ямы и ловушки, расставленные его врагами. Именно так поступила одна из них в следующей истории.

«В последнем году Тяньбао (755) в Сюаньчжоу у подножья одной из гор жил один юноша. Когда бы он ни выгонял на выпас скот, он всегда видел призрака, а позади него — тигра. Так случалось более десяти раз, и в конце концов юноша сказал своим родителям: "Если призрак постоянно приводит с собой тигра, значит, мне суждено погибнуть. Люди говорят, что души съеденных тиграми людей становятся их *чангуй*; значит, после своей смерти я буду таким же. Когда я окажусь во власти тигра, я поведу его в деревню, где вы сможете его поймать, заранее приготовив западню на главной улице". Через несколько дней тигр действительно утащил юношу, а вскоре после этого отцу его приснился сон. Сын говорил: "Теперь я — *чангуй*; завтра я приведу тигра, поторопитесь приготовить яму с западной стороны". Отец вместе с другими жителями деревни последовал совету, и, когда ловушка была готова, они в тот же день поймали тигра» («Гуан и цзи»).

Однако чаще всего *чангуй* не только не ведут своих поработителей к гибели, что могло бы освободить их и сохранить жизни других людей, но, наоборот, всячески оберегают тигров, сопровождая их повсюду и устраняя те опасности, что таятся на их пути. «В Синьяне (ныне Цзюцзян в пров. Цзянси) один охотник зарабатывал на жизнь ловлей тигров. Он устанавливал рядом с какой-нибудь тропинкой арбалет и каждый день проверял это место; он постоянно обнаруживал следы лап тигра и спущенную тетиву арбалета, однако стрела не попадала в зверя. Помня старое поверье, что человек, съеденный тигром, становится его *чангуй*, охотник взобрался на дерево неподалеку и стал ждать. После второй стражи он увидел маленького призрака в голубой одежде, волосы его ниспадали до самых бровей. Призрак осторожно приблизился к арбалету, выпустил стрелу и удалился. Вскоре появился тигр, потоптался рядом с арбалетом и пошел дальше. Теперь охотник понял, в чем дело; он вложил в арбалет еще одну стрелу и спрятался. Призрак все сделал точно так же, как и в прошлый раз. И тогда охотник быстро спрыгнул с дерева, опять вложил стрелу и укрылся на дереве. Почти сразу же появился тигр; когда он наступил на арбалет, тот выстрелил — стрела попала тигру прямо под ребра, и он испустил дух. На этот раз призрак появился лишь спустя долгое время. Увидев, что

тигр мертв, он начал прыгать и хлопать в ладоши от радости, после чего исчез» («Юань хуа цзи»).

Таким образом, человек в состоянии перехитрить *чангуй*, как и других призраков. Еще одним доказательством того, что умом и проницательностью *чангуй* не превосходят людей, служит следующая история: «В Синьчжоу (ныне Гуансиньфу в пров. Цзянси) один человек по имени Лю Лао по поручению мирян занимал должность настоятеля (в монастыре, затерявшемся среди горных ручьев). Человек, имевший около двухсот гусей (пожелавший вступить на монашеское поприще), попросил Лю Лао оставить птиц у себя и держать до тех пор, пока они не умрут своей смертью. Лю Лао регулярно наведывался к птицам, чтобы кормить их и следить за ними. По прошествии нескольких месяцев птицы вдруг начали пропадать — не проходило и дня, чтобы тигр не утаскивал гуся. Когда пропало уже более тридцати гусей, жители деревни разгневались. Они вырыли ямы вокруг того места, где содержались птицы, но тигр с этого времени больше не появлялся.

Прошло несколько дней, когда к Лю Лао пришел старик с большой головой и длинной бородой и спросил, почему число гусей так сильно уменьшилось. Лю Лао ответил, что птиц унес тигр. "Почему же вы не поймаете зверя?" — спросил старик. "Мы расставили ловушки, но тигр не приходит", — ответил Лю Лао. "Значит, это *чангуй* предупреждает его, — сказал старец.

Сперва следует справиться с ним, а потом уже можно поймать и тигра". Когда Лю Лао спросил, как же это сделать, старик ответил: "*Чангуй* любит кислое; разложите на дороге белые и черные сливы, а также плоды земляничного дерева: он начнет есть их и забудет обо всем остальном, а вы тем временем поймаете тигра". И с этими словами старик исчез. Той же ночью жители деревни последовали его совету и разбросали на дороге фрукты; после того, как пробили четвертую стражу, они услышали, как тигр свалился в яму. С тех пор гуси больше не пропадали» («Гуан и цзи»).

Поскольку жизнь и смерть хищников-людоедов зависят от *чангуй*, неудивительно, что порой хозяин и слуга полностью меняются местами. Действительно, нередко призрак обладает абсолютной властью над тигром; более того, порой он обращает в тигров беззащитных людей только для того, чтобы выместить на них свое беспредельное стремление к владычеству. Это качество делает *чангуй* вдвойне опасным, о чем свидетельствует следующая легенда:

«В Цинчжоу (предположительно, Дэнчжоу в пров. Хэнань) один человек, проходя как-то через горы, столкнулся с *чангуй*, который набросил на него шкуру тигра и тем самым превратил его в зверя. В течение трех или четырех лет он находился под безраздельной властью призрака, схватил и пожрал огромное множество людей, домашнего скота и диких животных. Хотя он и находился в обличий тигра, душа его противилась этому, но он ничего не мог поделать.

Как-то раз *чангуй* завел тигра за ворота буддийского монастыря; зверь воспользовался представившейся возможностью и убежал в амбар, где спрятался под кроватью монаха — хранителя амбара. Перепуганная братия помчалась к настоятелю, чтобы сообщить ему о случившемся, и тогда один чаньскии учитель[42], находившийся в ту пору в монастыре и умевший приручать диких зверей, отправился к тому месту, где спрятался тигр. "Мой дорогой ученик, — сказал он, положив на тигра свой посох, — что ты хочешь от нас? Ты хочешь съесть нас, или ты просто прячешься под личиной зверя?" Тут тигр опустил уши, и из глаз его полились слезы. Чаньский учитель обвязал вокруг шеи зверя полотенце и отвел его в свою келью, где и кормил его обычной пищей, которую едят люди и животные, и прочей снедью.

Через полгода у тигра выпала шерсть, он вновь принял человеческий облик и подробно рассказал начало своей истории. В течение двух лет он не покидал монастыря, но по прошествии этого срока начал выходить за ворота и однажды столкнулся с призраком. Призрак вновь набросил на него тигровую шкуру, и он помчался обратно в монастырь. Но на этот раз

тигровая шкура коснулась его только ниже талии, и поэтому тигриные формы приобрела только нижняя половина тела. Тогда он засел за сутры и в течение года с лишним ревностно повторял их, и опять стал человеком. Более он не осмеливался переступать ворота монастыря и умер там» («Гуан и цзи»).

Практически все распространенные в Китае представления о *чангуй* достаточно подробно описаны в одной из легенд, включенной в «Ху вэй», которая повествует о том, как призрак вошел в телесную оболочку своей матери и ее устами поведал о своих злоключениях во время пребывания в плену у тигра. Легенда эта гласит:

«Буддийский монах Цзинъюань сообщает:

"В деревне, расположенной у подножия гор Цзиншань в Хучжоу (пров. Чжэцзян), жила такая-то семья, у которой был ребенок пятнадцати или шестнадцати лет, погибший в лапах тигра. Его мать, не в силах вынести горя, тяжело заболела. В один из дней, с наступлением ночи, она вдруг села в кровати и голосом своего давно исчезнувшего сына протяжно запричитала. "О мать! — воскликнула она в конце. — Не печальтесь слишком сильно, таково было небесное предначертание твоего сына". — "Кто ты?" — в испуге воскликнул отец. "Отец, вы не узнаете своего сына?" — был ответ. "Но как ты докажешь, что ты — мой сын?" — вновь спросил отец. И тут мать начала вести себя так, словно находилась под демоническим влиянием. "У меня более не было сил выносить беспредельную печаль матери по мне, и, когда Великий удалился, я выкроил время, чтобы прийти домой и дать ей утешение". Великий — так чан обычно называет тигра, ибо не осмеливается напрямую произносить слово "тигр".

И тогда отец упросил сына рассказать свою историю. "Как только я получил первые раны, — ответил сын, — все мое тело пронзила нестерпимая боль, но тут тотчас же появился второй слуга". — "Какой слуга?" — прервал его отец. "Каждому вновь прибывающему слуге велено нести с первым большую сеть, и после этого первый слуга получает свободу, вот почему, когда старый слуга видит вновь прибывшего, он преисполнен радости. Сеть очень тяжела". — "И что же они делают с нею?" — спросил отец. "Сетью мы ловим людей, которых затем съедают. Никто из тех, кто в здешних местах был съеден тигром, не избежал этой участи; все они находились под властью тигров. Когда тигры уходят в другую область, мы сопровождаем их до границы, а когда они возвращаются, мы встречаем их, и тогда *чангуй* опять не ведают ни отдыха, ни покоя. Для тех, кто был убит тигром, не полагается гробов, их следует сжигать, ибо тогда они пожелают нести гробы с собой, что, вкупе с той сетью, которую они вынуждены волочить, только усилит их страдания". В конце женщина сказала: "Со мной такие-то и такие-то, они жаждут увидеть своих родственников. Прошу вас, отец, позовите их сюда".

Отец взял факел и обошел всю деревню; родственники всех тех, кого начиная с годов Цзяцзин утащили тигры, числом более пятидесяти, послушали его и собрались. Мать говорила голосом каждого из погибших, и рассказы ее сопровождались слезами. Она говорила на протяжении всего дня и пришла в себя только с наступлением ночи. И с этого самого времени она поправилась; никакого вреда ей причинено не было, и она проживает там вплоть до сего дня. События эти произошли весной года усюй периода правления под девизом Ваньли (1598)».

Таким образом, как показывают представленные выше истории, китайцы не считали, что *чангуй* поселяются в тиграх. *Чангуй* существуют обособленно и лишь сопровождают хищников. Впрочем, как показывает следующая легенда, иногда их все-таки наделяют способностью «прирастать» к зверю:

«В последнем году Кайюань (741) в Юйчжоу (пров. Сычуань) свирепствовал тигр. Чтобы поймать его, приготовили тайную ловушку, но обмануть тигра не удавалось. Во время новолуния один человек взобрался на дерево, чтобы посмотреть на ловушку, и увидел *чангуя* в облике ребенка семи-восьми лет; он был без одежды, проворно двигался, и тело его отливало

цветом яшмы. Он освободил пружину ловушки и прошел дальше, но наш герой слез с дерева и вновь приспособил пружину. Спустя время появился и тигр; когда он проходил мимо, ловушка захлопнулась и хищник погиб. Через значительный промежуток времени опять показался ребенок. С громкими стенаниями он влез в пасть тигру. Когда занялся день, человек раскрыл тигру пасть и увидел у него в горле огромную яшму, величиной с куриное яйцо» («Гуан и цзи»).

Заканчивая данный раздел, остается только напомнить читателю, что души утонувших людей, желая освободиться из водяного плена, топили других людей, дабы новые души могли занять их место. Души эти тоже называли *чан* или *чангуй*.

2. Оборотни-волки

Хотя волки-оборотни упоминаются в китайской литературе еще до династии Тан, первые легенды о блуждающих волках-людоедах появляются в источниках начиная именно с этого периода. Количество их столь велико, что мы вправе сделать вывод: вера в существование таких оборотней в обличии зверей была распространена повсеместно, что в свою очередь позволяет также предполагать, что она имеет весьма долгую историю. Несколько рассказов о волках-оборотнях сохранилось в «Тай пин гуан цзи» (гл. 442). Два из них, явно заимствованных из «Гуан и цзи», в первую очередь заслуживают внимания, поскольку один из них отчетливо напоминает привычные нам суеверия относительно волков, о которых мы упоминали выше, а именно, что раны, нанесенные волку-оборотню, остаются видимыми и после его обращения в человека, а другой показывает, что ликантропия китайская, как и европейская, являет собой форму умопомешательства и может порождаться галлюцинациями.

«В конце годов Юнтай династии Тан (765) в Хунчжоу, в уезде Чжэнпин жил старик. Он болел несколько месяцев, и уже более десяти дней отказывался принимать пищу. Однажды вечером он вдруг исчез, и никто не мог понять, куда же он делся. В другой день на закате один житель деревни отправился собирать листья тутового дерева, и его стал преследовать волк. Он быстро взобрался на дерево. Дерево, однако, было не слишком высоким — волк вставал на задние лапы и хватал зубами полу его одежды. Крестьянину ничего не оставалось делать, как обороняться — он ударил зверя топором, удар пришелся волку прямо в лоб. Волк припал к земле, но продолжал караулить жертву. Лишь на следующий день крестьянин смог слезть с дерева. Он пошел по следу волка, и следы привели его прямо к дому больного старика. Он вошел в главный зал, позвал сыновей старика и подробно, от начала до конца, рассказал им, как было дело. Сыновья, посмотрев на лоб отца, увидели след от удара топора. Дабы он впредь не нападал на людей, они задушили отца, и тот превратился в старого волка. Потом они отправились в уездную управу, чтобы оправдаться, и их отпустили с миром».

«В том же году в другой деревне Хунчжоу юноша лет двадцати после болезни почти отдал душу и превратился в волка. Хищник загрыз множество деревенских мальчишек. Потерявшие сыновей родители не знали, что произошло с их детьми, и понапрасну искали их.

Юноша этот выполнял в деревне самые различные работы. Как-то он проходил мимо дома семьи, тоже потерявшей ребенка, и несчастный отец окликнул его: "Приходи завтра к нам — для тебя есть работа; мы приготовим хорошее угощение". В ответ юноша громко рассмеялся. "Хорош я буду, если приду работать в ваш дом во второй раз! — ответил он. — Или вы думаете, что с вашим сыном случилось что-то особенное?" Слова юноши удивили отца погибшего мальчика, и он стал выспрашивать его. "Это небо повелевает мне пожирать людей, — сказал юноша. — А вчера я съел мальчика лет пяти или шести; мясо его оказалось таким вкусным". И тут отец заметил в уголках его рта запекшуюся зловонную кровь и в неистовстве обрушил на него град страшных ударов. Юноша превратился в волка и испустил дух».

Относящаяся к той же эпохе легенда свидетельствует, что китайцы с особой охотой наделяли способностью обращаться в волков представителей хуннуских[43], тюркских и монгольских племен, живших к северу и западу от Срединного государства. «Ван Хань их

Тайюаня был командующим в Чжэньу (север нынешней Шэньси). Его мать, госпожа Цзинь, происходила из хунну, прекрасно стреляла из лука и скакала на лошади, а кроме того, отличалась жестокостью и силой. На выносливом скакуне, с луком в руке и стрелами на поясе, она проникала глубоко в горы в поисках медведей, оленей, лисиц и зайцев, которых убивала и привозила назад в огромных количествах. Неудивительно, что все жители севера боялись ее, но при этом их разбирало любопытство.

Однако, когда ей минул семидесятый год, она начала слабеть от старости. Тогда она затворилась в своих покоях, отослала прочь служанок и не позволяла никому входить к ней без особого разрешения. Время от времени, после того как она на закате запирала дверь и ложилась спать, ее охватывали приступы ярости, и тогда она била палкой всех домочадцев. Однажды, когда она, как обычно, закрыла дверь своей комнаты, обитатели дома вдруг услышали скрипучий скрежещущий звук. Все сбежались посмотреть, в чем дело, и увидели, как волк открыл изнутри дверь и бросился прочь. До восхода солнца он вернулся, вбежал в комнату и затворил дверь на засов.

Домочадцы были перепуганы насмерть и на рассвете доложили обо всем Ван Ханю. В тот же вечер он подсмотрел за матерью в щелочку и убедился, что все сказанное слугами оказалось правдой. Ван Хань пребывал в тревоге и ужасе и чувствовал себя очень неуютно. На следующее утро мать позвала сына и приказала немедленно купить для нее косулю. Он приготовил мясо и поднес ей, но госпожа Цзинь сказала: "Я хочу ее сырой". Тогда ей подали сырую косулю, которую она проглотила в мгновение ока, чем еще больше напугала Ван Ханя. Случайно мать услышала, как кто-то из членов семьи тайком говорит об этом, и устыдилась. В тот же вечер она опять заперла дверь изнутри. Слуги стояли подле и ждали, что она будет делать. Внезапно из дверей вихрем вылетел волк; назад он более не вернулся» («Сюань ши цзи»).

Народные поверья в волков-оборотней, рыщущих в поисках добычи, после династии Тан, пожалуй, только набирали силу. В четырнадцатом столетии они, видимо, овладели и образованными умами, поскольку в официальной истории династии Юань на полном серьезе утверждается следующее: «В десятом году Чжичжэн (1350) область Чжандэ (север Хэнани) страдала от волков, которые по ночам врывались в дома в человеческом обличьи и с воем набрасывались на людей, из рук которых они вырывали детей, чтобы сожрать их» (гл. 51, 1.17). Спустя три столетия в описании уезда Цюйу, на юге Шаньси, зафиксирован следующий эпизод:

«В годы под девизом правления Чунчжэнь династии Мин (1628–1644) свирепствовал такой страшный голод, что люди поедали друг друга. В ту пору в деревушке Цзиби, расположенной в двадцати ли к востоку от главного города уезда, жил пастух по имени Цан, фамилия же его забыта. Он покидал свой дом каждое утро и возвращался уже после наступления темноты. Однажды жена спросила его, откуда он все это время берет пищу, и пастух ответил, что он поедает людей. "Как же можно есть людей?" — спросила жена. На что муж ответил: "Завтра в полдень я съем и тебя". Когда же она спросила его, за что, пастух сказал: "Как-то я проходил мимо храма местного божества и увидел там шкуру волка, я лег на нее и тут же глубоко заснул. Проснулся я в обличии волка, но, еще не понимая, что произошло, вышел и съел человека. Вечером я вернулся в храм, шкура упала с меня и я вновь стал человеком, но я опять не понял, что уже изменился. С тех пор с помраченным рассудком и, не понимая, что делаю, я поедал людей каждый день, и завтра в полдень придет твой черед. Боюсь, что тебе не спастись, но я не хочу убивать тебя. Поэтому, сделай завтра из соломы чучело и набей его внутренностями свиньи, и тогда, я уверен, ничего плохого с тобой не случится". Сказал он это и исчез.

Жена была так перепугана, что побежала к соседкам и обо всем им рассказала. Они то верили словам пастуха, то сомневались в них, но брат посоветовал ей все сделать так, как сказал муж, и она поклялась ему сберечь себя от любой неожиданности. На следующий день она затворила окно и стала в щелочку смотреть за тем, что делает муж. Не успело солнце

достичь зенита, как волк перемахнул через стену и ворвался в дом. Несколько раз он бился головой в окно, но увидев, что войти через него невозможно, бросился к соломенному чучелу, схватил его и сожрал. После этого он опять перепрыгнул через стену и исчез. На громкие крики женщины сбежались соседи; самые смелые погнались за зверем, а жена бежала сзади. Следы привели их к храму как раз в то самое время, когда волк лежал на земле. Женщина начала изо все сил лупить волка; ему отсекли хвост, но сам он сумел убежать. В дом он более не вернулся. С той поры жители деревни всякий раз, когда видели волка с обрезанным хвостом, выкрикивали его имя. Волк качал толовой и шел другой дорогой, не оглядываясь на них и не пожирая их. Старики до сих пор говорят об этом волке» («Цюйу сянь чжи»).

Волки-оборотни нападают на людей внезапно и стремительно и не знают чувства жалости. Не желая лишний раз подвергать риску свои шкуру и хвост, волки порой принимают облик красивой невинной девушки и в таком обличии застенчиво приходят к людям, терпеливо поджидая подходящего момента, чтобы напасть на ничего не подозревающую несчастную жертву и убить ее. «Если волк доживает до ста лет, — говорится в одном сочинении седьмого века, — он превращается в женщину, которую зовут всезнающей. Она необычайно красива, сидит на обочине дороги и обращается к проходящим мужчинам с такими словами: "У меня нет ни родителей, ни братьев. Господин, возьмите меня в свой дом и сделайте своей женой". На третий год она начинает пожирать людей. Если назвать ее по имени, она убегает» («Бо цзэ ту»). Эта черта роднит волка с лисицей, родственным животным, которая, как мы увидим в дальнейшем, считается в Китае оборотнем *par excellence*, хотя она и не пожирает жертв своего вероломства.

Следует, однако, признать, что таким китайский фольклор рисует волка не слишком часто для того, чтобы мы могли сделать вывод о том, что на Дальнем Востоке животное это воспринимали как искусного *diable aquatre*. Нам оказалась доступной только одна история, в которой волк выступает именно в таком качестве. «При династии Тан у губернатора Цзичжоу был сын, фамилию и имя которого я позабыл. Отец отправил его в столицу с ходатайством о назначении на другой пост. Но не успел сын пересечь границу города, как увидел дом знатного человека, переполненный посетителями и слугами. Среди них была девушка с такой изумительной фигуркой и такая красивая, что наш герой сразу же влюбился в нее и тут же попросил ее выйти за него замуж. В доме поднялся страшный переполох. "Да кто ты такой, чтобы тревожить нас подобной чепухой? — гневно воскликнула старая служанка. — Она дочь господина Лу из Ючжоу; наш господин скоро вернется в столицу. Ты же, наверное, всего лишь мелкий чиновник где-нибудь в области или уезде. Да и вообще, как мы можем терпеть твое фиглярство?" Но юноша ответил, что его отец занимает пост в Цзичжоу и что он попросит его дать свое согласие. Ответ юноши весьма всех удивил, и вскоре семья согласилась. Несколько дней юноша и девушка жили вместе как муж и жена, а потом молодую пару встретила на дороге семья жениха, и они отправились домой.

Губернатор и его супруга слишком любили своего сына, чтобы приставать к нему с расспросами; кроме того, он отвечал настолько разумно, что едва ли могли возникнуть какие-то подозрения. Вдобавок невесту сопровождали столько людей и лошадей, что в доме все ликовали. Однако по прошествии тридцати дней лошади, данные в приданое невесте, начали убегать. Несколько раз посылали слуг узнать, в чем дело, но невеста захлопывала перед ними двери, а когда на рассвете люди губернатора вошли в покои его сына, то не обнаружили ни слуг, ни служанок невесты, а в конюшне не было ни одной лошади. Заподозрив неладное, они доложили обо всем губернатору. Вельможа вместе с женой отправился к дому сына и позвал его, но в ответ не раздавалось ни звука. Тогда он приказал сломать ставни — через открытое окно выскочил огромный старый волк и умчался прочь. Тело их несчастного сына было съедено почти полностью» («Гуан и цзи»).

3. Оборотни-собаки

Китайцы не наделяли собак, в силу самой их природы, чертами жаждущих крови демонов. Еще в «Истории Ранней Хань» описан эпизод, когда человеческая душа использовала демона в обличий собаки для отмщения — жертвой мести во втором столетии до новой эры пала императрица. Очень редко собаки выступают наравне с лисицами в качестве предвестников демона, носителей зла, искусных обманщиков и соблазнителей женщин. Мы располагаем лишь несколькими подобными свидетельствами.

«В правление династии Сун Ван Чжун-вэнь служил судебным исполнителем в Хэнани; жил он на северной окраине главного города уезда Гучжоу. Как-то вечером, уже после ухода со службы, он отправился на прогулку к озерам и увидел белую собаку, бежавшую за его коляской. Собака понравилась ему, и он хотел было поймать ее, как вдруг собака превратилась в человека, очень похожего на одного уездного чиновника. Глаза его сверкали красным огнем, а изо рта, в котором виднелись острые клыки, вываливался язык. Зрелище, поистине, было страшное. Ван Чжун-вэнь и его слуга перепугались, но все-таки напали на демона. Однако совладать с ним они не смогли и бежали. Не добравшись до дома, они упали на землю и умерли» («Соу шэнь хоу цзи», гл. 7).

Другой пример насылающего болезни и приносящего зло оборотня — домашний пес чиновника Цай Чао, который являлся хозяину в виде призрака. «Усевшись в главном зале, он стучал в доски и распевал жалобным голосом песни. А однажды утром хозяин не смог найти своего платка — пес нацепил его на себя и сидел в таком наряде на печи. В том же самом месяце Чао внезапно умер» («Чжи гуай лу»).

С теми же самыми дьявольскими намерениями, что и волки, собаки вероломно принимают облик человека для того, чтобы удовлетворить свою сексуальную похоть со скромными служанками и женами. «В Бэйпине[44] некто Тянь Янь соблюдал траур в связи с кончиной матери и большую часть времени проводил в траурной хижине. Но однажды ночью он неожиданно вошел в комнату своей жены. Она встретила его с молчаливым удивлением. "Господин, — сказала наконец она, — разве вы можете посещать меня в этом месте воздержания?" Янь ничего не ответил, и они соединились. Спустя время уже настоящий Янь вошел на мгновение в комнату, но не сказал жене ни слова. Оскорбленная его молчанием, она укорила его за то, что он сделал в прошлый раз. Муж понял, что здесь, по-видимому, вмешался демон. Наступил вечер; Янь еще не спал, но его траурные одежды уже висели на стене. Вдруг он увидел, как к хижине крадется белый пес. Зажав в челюстях траурную одежду, пес превратился в человека, который оделся и вошел (в женские покои). Янь поспешил за ним и застал его в тот самый момент, когда он уже хотел улечься на ложе с женой. Он забил пса до смерти, а жена его умерла от стыда» («Соу шэнь цзи», гл. 18).

«В годы под девизом царствования Хунчжи (1488–1506) в уезде Юйтай, что в области Янь (пров. Шаньдун) жила простая семья. У них была белая собака, которая всегда следовала за хозяином, куда бы он ни выходил. Когда однажды он поехал по торговым делам в дальние места, собака тоже отправилась вместе с ним. Но через тринадцать дней она неожиданно вернулась в облике хозяина. Жена спросила его, почему он вернулся обратно, на что муж ответил, что по дороге на него напали разбойники и отняли все, что у него было, но самому ему, к счастью, удалось спастись. Женщина ничуть не усомнилась в правдивости его слов. Через год домой возвратился настоящий муж. Два человека походили один на другого как две капли воды, и пока они спорили, кто из них настоящий муж, а кто — ненастоящий, жена и соседи сообщили властям, и обоих посадили в тюрьму. Потом один из солдат сообщил о странном деле своей жене. "Первым домой явился дух собаки, и доказать это можно только в том случае, если на груди женщины есть следы когтей", — сказала жена. Солдат доложил об этом чиновнику, тот вызвал к себе женщину, и, когда она спросила, зачем ее позвали, он, ничего не сказав, сорвал с нее одежду. На груди ее действительно виднелись следы когтей. И тогда он отдал тайный приказ с помощью крови проверить (кто из них демон); ненастоящий муж превратился в собаку, которую забили до смерти» («Вэй юань»).

В китайской традиции зафиксировано немало историй о том, как домашние собаки с неслыханной дерзостью принимали облик усопших с тем, чтобы поглощать еду и питье, которые родственники ставили душам умерших. Так, в сочинении, написанном во втором столетии новой эры, говорится: «Тело министра общественных работ, уроженца Наньяна Ли Цзи-дэ лежало в доме, как вдруг покойник приподнялся и сел на погребальном столе. Внешность, одежда и голос были, несомненно, Ли Цзи-дэ. Он приказал внукам, сыновьям, жене и дочерям поочередно служить ему, а после обрушился с руганью и хлыстом на слуг и служанок. Когда же он насытился едой и напился, он вышел из дома и исчез. Семья пребывала в глубокой печали, а когда это повторилось три или четыре раза, то все просто не знали, куда деться от горя и отчаяния. Но однажды он сильно напился (жертвенного вина), его человеческая оболочка исчезла и — под ней оказалась всего лишь старая собака. Собаку забили до смерти, а позже выяснилось, что она жила в доме деревенского торговца вином» («Фэн су тун и», гл. 9).

Говоря о собаках-оборотнях, нельзя не вспомнить и о так называемой *тянь гоу*, «небесной собаке», таинственном демоне, частое упоминание которой в книгах подтверждает, что существо это оставалось объектом суеверий в течение многих столетий. *Тянь гоу* появляется в династийной истории, написанной еще в шестом столетии: «В тринадцатом году Тяньцзянь (514), в шестом месяце в столице (нынешний Нанкин) ходили слухи о том, что *чэн-чэн* (?) крадут печенку и кровь людей и кормят ими Небесную собаку. Люди пребывали в великом страхе в течение двадцати дней» («История южных династий», гл. 6, 1.27). «А в пятом году Датун (539) в столице распространяли слухи, что Сын Неба вынимает у людей печень и кормит ей Небесную собаку. Молодые и старые были так сильно напуганы, что после захода солнца запирали двери на засовы и вооружались дубинками. Паника прекратилась только через несколько месяцев» («История южных династий», гл. 7, 1.30).

Истоки возникновения веры в этого кровожадного монстра-людоеда нам проследить не удалось. Очевидно, существо это как-то связывалось с Небом, на что указывает и его имя. Так, мы читаем, что во втором году Хуанцзянь (561) Небесная собака спустилась на землю, и, для того чтобы отвратить надвинувшиеся болезни, были проведены соответствующие церемонии, во время которых император упал с лошади, испугавшейся внезапно выскочившего зайца, и вскоре скончался («История северной династии Ци», гл. 6, 1.7). Если мы посмотрим в китайские сочинения по астрономии, то мы найдем в них упоминание о светиле, называющемся Небесная собака, расположенном недалеко от созвездия Рака. А Сыма Цянь[45] оставил о нем следующее замечание: «Оно имеет форму огромной падающей звезды и производит шум. Если оно падает и достигает земли, то напоминает формой собаку. Куда бы оно ни упало, везде вспыхивает огонь; оно подобно огненному свету, подобно пламени, вздымающемуся к небу. В основе оно круглое, площадью в несколько цинов; верхняя же часть его заострена и разбрасывает желтый свет на тысячу ли; оно способно побеждать армии и уничтожать полководцев» («Исторические записки», гл. 27, 1.31). Великий историк описывает здесь, очевидно, один из гигантских метеоритов, напоминающий формой собаку, который упал на землю и который путали с кометой. Возможно, о том же самом говорит и «Шань хай цзин»: «Посреди огромной равнины или пустыни есть красная собака, называемая Небесной собакой. Куда бы она ни сходила, повсюду возникают вооруженные смуты» (гл. 16).

В приведенных выше фрагментах нет, однако, ничего, что бы свидетельствовало о наделении зловещей кометы дьявольским стремлением насытиться человеческой кровью и печенью. В другом месте мы читаем, что она возвещает о своем приходе страшным грохотом: «Во втором году Чжунхэ (882), в десятом месяце с северо-западного края безоблачного неба вдруг послышался гром; это назвали нисхождением Небесной собаки» («Ранняя история Тан», гл. 19, II, 1.25). «А в третьем году Тунгуан (925), в девятом месяце, в день динвэй, когда ночью черные тучи закрыли собой все небо, с севера донеслись звуки, напоминающие гром, и громко

закричали дикие фазаны. Люди называют это сошествием Небесной собаки» («Ранняя история пяти династий», гл. 33, 1.5).

Повсюду в Китае Небесная собака считается страшным демоном. Если верить моим японским друзьям, то в их стране дело обстоит точно так же. Во многих китайских календарях Небесная собака изображается демоном, рыскающим в различных сторонах света в зависимости от времени года, дней солнцестояния и равноденствия. Знать это чрезвычайно полезно всем тем, кто по своим делам вынужден отправляться в том или ином направлении и хочет избежать ее пагубного воздействия. Небесная собака играет существенную роль в китайской хрономантии, и в дальнейшем мы еще раз обратимся к ней, когда будем говорить о хрономантии как важном элементе даосской системы.

4. Оборотни-лисицы

Уже в Древнем Китае лисицы пользовались дурной славой предвестников зла, ибо еще в «Ши цзине» мы читаем:

Край этот страшный — рыжих лисиц сторона.
Признак зловещий — воронов стая черна.

(Пер. А. Штукина)

Чжу Си так комментирует эти строки: «Лисица — зверь, приносящий несчастье, и люди опасались встречи с нею. И, если в каком-то месте нельзя было увидеть ничего, кроме них, это свидетельствует, что государство подвергается опасности и обречено на смуты».

В третьем столетии до новой эры о распространенности суеверий в то, что лисицы способны творить зло, свидетельствует Чжуан-цзы: «На холме высотой не более чем в один бу или жэнь большие звери укрыться не могут, и только злобные лисицы предвещают недоброе» («Нань хуа чжэнь цзин», VIII, 23). А тот факт, что лисицы ассоциировались со злыми духами и при ханьской династии, подтверждается хотя бы теми двумя строками, которые Хуан Сянь, живший во втором столетии до новой эры, добавил в свое сочинение, посвященное этим животным:

Их следами покрыты места, где обитают ци-мэй,
Полно их и там, где скрываются ван-лян.

Каким же образом лисицы проявляют свою опасную для человека природу? Свидетельства мы можем почерпнуть из более поздних китайских сочинений. Так, в официальных историях третьего и четвертого столетий лисицам приписывается насылание сумасшествия, болезней и даже смерти. Например, в биографии Хань Ю, знаменитого гадателя и прорицателя, умершего в 312 году, говорится следующее:

«В течение многих лет демон поражал болезнями дочь Аи Ши-цзэ. Колдуны-у сражались с ним, заклинали и нападали на него, в пустых могилах и среди старых городских стен поймали несколько десятков лисиц и ящериц, но болезнь не отступала. И тогда Хань Ю гадал на стеблях тысячелистника. Он приказал сделать полотняную сумку, которую, когда девушку вновь одолел приступ, он вывесил над окном. Потом он закрыл дверь и стал дуть, словно изгоняя что-то, и вскоре сумка разбухла, как будто ее наполнили воздухом; сумка лопнула, и у девушки случился еще один сильный приступ. Теперь Ю сделал уже две кожаные сумки, которые он повесил рядом на том же самом месте, что и первую; и опять они раздулись до предела. На этот раз он быстро затянул их веревками и повесил на дереве, где они в течение двадцати с лишним дней постепенно ужимались и ужимались. Когда их открыли, то обнаружили около двух цзиней лисьей шерсти. Девушка же поправилась» («История династии Цзинь», гл. 95, 1.10).

О другом колдуне и прорицателе по имени Гу Хуань, умершем в 493 году, источник сообщает: «В деревне Боши, что на северных отрогах гор, демоны насылали на людей болезни. Крестьяне сообщили об этом Гу Хуаню и просили его проявить сострадание. Хуань направился в деревню, прочел проповедь о Лао-цзы (?), а потом оградил участок земли, сделав его

ловушкой. Вдруг появились множество лисиц, ящериц и черепах, которые по своей воле поспешили в ловушку. И тогда он приказал убить их, и все больные выздоровели» («История южных династий», гл. 75, 1.18).

На представления китайцев о лисице как источнике болезней проливают свет самые разнообразные истории, подобные этой, в которой лисица проникает в людей и превращает их в безумцев-лунатиков. «В седьмом году Тайхэ (483) в буддийском монастыре Цинлунсы — Голубого Дракона — в Шанду жил один монах по имени Сецзун, семья которого находилась в Фаньчуани. Его старшего брата Фань Цзина поразила лихорадка, от которой он стал бормотать бессмысленные слова и тупо смеяться. Монах старался сдерживать его всеми силами, которые только у него были, и пытался изгнать болезнь, зажигая ладан, как вдруг больной стал поносить его и браниться. "Эй ты, монах, — кричал он, — убирайся в свой монастырь к своему настоятелю, чего ты мешаешь мне? Я живу в Наньгэ, и я люблю тебя, но урожай народился богатый и работ так много, что я могу являться к тебе лишь на короткое время". Услышав такие слова, Сецзун заподозрил, что брат его находится под властью лисицы-демона. Вновь держал он над братом ветвь персикового дерева (изгоняющую духов) и ударял его ею, но больной только смеялся и говорил: "Ты бьешь старшего брата: это противоречит правилам почтительности; божества покарают тебя; бей же сильнее, продолжай". И Сецзун понял, что так брату не помочь, и потому оставил это занятие.

Потом больной вдруг стремительно поднялся. Он с такой силой потащил за собой мать, что она умерла; потом он схватил свою жену, и она тоже погибла. Затем он точно так же поступил и с младшим братом, а когда жена младшего брата вернулась домой, он так обошелся с нею, что она потеряла зрение. Когда день прошел, с больным все стало так, как и было прежде. "Раз ты не уходишь, — сказал он Сецзуну, — я созову всю семью". Не успел он произнести эти слова, как послышался писк сотен крыс; размерами они превосходили обычных крыс, бросались на людей, и прогнать их не удавалось. Они исчезли на следующий день, но страхи Сецзуна только усилились[46]. "Пожалей свой голос и силы", — воскликнул старший брат. "Я не боюсь тебя, поскольку сейчас самолично явится мой великий брат. Холодная луна, Холодная луна, иди сюда!" — пронзительно закричал он, и при третьем крике из-под ног больного выскочил зверь размером с лисицу и красный, как огонь. Зверь бегал по одеялу и, наконец, соскочил и припал к земле; из глаз его во все стороны сыпались искры. Сецзун схватил свой меч и ударил им зверя — удар пришелся по лапе. Зверь выскочил в дверь, но монах с факелом в руке пошел по кровавому следу, добрался до какого-то дома и увидел, что зверь спрятался в глиняном кувшине. Сецзун взял большую тарелку, закрыл ею горлышко кувшина и замазал глиной. Через три дня он открыл кувшин и увидел, что зверь стал словно железный и не мог двигаться. Сецзун убил его, изжарив в масле; вонь разносилась на несколько ли. Его брат выздоровел, но через месяц в одной из семей в этой деревне умерли от болезни отец и шесть или семь его сыновей. Все полагали, что причиной тому стали чары ядовитых насекомых» («Ю ян цза цзу», доп. гл. 2).

Итак, лисицу ненавидели не только как виновницу болезней и умопомрачения, но и как предвестницу зла как такового, что в глазах невежественных людей зачастую отождествлялось и с его первопричиной. В биографии знаменитого гадателя Шуньюй Чжи, убитого в 396 году, мы читаем: «У Ся Хоу-цзао из области Цяо была мать, которая очень тяжело болела. И тогда он отправился к Шуньюй Чжи, дабы спросить о его судьбе матери, но когда он выходил из дома, то увидел у ворот лисицу, которая завыла на него. Перепуганный, он поспешил к Чжи. Чжи сказал: "Несчастье, предвещающее этот случай, очень близко. Отправляйся домой, сложи руки на груди, причитай и плачь точно так же, как это делала лиса, чтобы все члены твоей семьи, и молодые, и старые, выбежали прочь в испуге и удивлении; продолжай завывать до тех пор, пока не останешься совсем один, и тогда все уберегутся от беды". Цзао отправился домой и исполнил все так, как велел прорицатель. Даже мать, несмотря на болезнь, убежала

прочь, и, как только семья собралась в главном зале, пять боковых комнат дома рухнули с оглушительным грохотом» («История династии Цзинь», гл. 95, 1.12).

Суеверный страх перед лисицами, распространенный, как мы видим, еще с древности, разделяли и император с придворными. «Во втором году Чжэньмин (588), — говорится в хронике царствования Хоу-чжу из династии Чэнь, — императору приснился сон, что под его кровать забралась лисица, а когда ее поймали, она стала невидимой. Император, полагая, что видение это предвещает великую беду, дабы предотвратить ее, продался в рабство в буддийский монастырь и построил в императорском буддийском монастыре города пагоду в семь этажей[47]. Но еще перед тем, как строительство закончилось, случился большой пожар, уничтоживший все до самых камчей с такой быстротой, что великое множество людей погибло в пламени» («История южных династий», гл. 10,11.12–13).

Уже после ханьской династии лисицам стали приписывать склонность к превращению в человека и осуществлению посредством этого превращения коварных дьявольских намерений. Таким образом, лисиц тоже можно отнести к классу зверей-оборотней, на что мы уже указывали читателю выше, обещая остановиться на этом поподробнее в дальнейшем. В китайской демонологии лисицы-оборотни чаще всего выступают под именами *ху мэй, ху цзин* или *ху гуай*, что можно перевести как «лисицы-демоны» или «лисицы-призраки». Легендами о них изобилует литература периода Хань. В «Истории Поздней Хань» так рассказывается о Фэй Чан-фане, одном из величайших колдунов и магов в китайской истории, свободно и легко владычествовавшем над демонами и призраками: «Отправившись как-то на прогулку вместе со спутником, Чан-фан увидел ученика в желтом платке и меховой одежде, ехавшего на лошади без седла. Ученик слез с лошади и приветствовал Чан-фана земным поклоном. "Если вернешь ему его лошадь, — сказал Фэй Чан-фан, — я освобожу тебя от смертной кары". На вопрос спутника о том, что значат эти слова, Чан-фан ответил: "На самом деле он — лис, и украл лошадь у духа, охраняющего здешние места"» («ХоуХаньщу», гл. 112, II, 1.14),

По-видимому, и в последующие века легенд и преданий о лисицах в человеческом обличии ходило великое множество, о чем можно судить хотя бы по тому, насколько много их сохранилось до настоящего времени. Они свидетельствуют, что главная опасность оборотней-лисиц заключалась не столько в том, что они, как и прочие-призраки, насылали сумасшествие и болезни, иногда выступая в роли демона-мстителя, сколько в том, что чаще всего они поступали так исключительно из собственной, ничем не спровоцированной злонамеренности. Истории и легенды, в которых лисица показана носительницей болезней и бед, не только расширяют наши знания о китайском мире демонов, но и дают весьма ценные сведения относительно искусства медицины в Древнем Китае. Сюй-цзи, принц ханьского дома, удовлетворял свое любопытство, а возможно и жадность тоже, вскрытием древних могил. «Когда он открыл гробницу, принадлежавшую Луань Шу, оказалось, что гроб и вся утварь, предназначенная для тени умершего, сломаны или сгнили, так что не осталось почти ничего. В могиле находилась белая лисица, которая, увидев людей, испугалась и бежала. Слуги принца преследовали ее, но никак не могли поймать, и только ранили ее дротиком в левую лапу. На следующую ночь принцу приснилось, как к нему пришел человек с совершенно белой бородой и белыми бровями и со словами "зачем ты ранил меня в левую ногу?" прикоснулся к левой ноге принца своим посохом. Принц проснулся с распухшей ногой, на которой тут же появилась язва, которая не заживала до самой его смерти» («Соу шэнь цзи», гл. 15; см. также «Сы цзин цза цзи», гл. 6).

История эта воспроизводится в сочинении, датируемом четвертым столетием новой эры, что, конечно, не исключает возможности ее широкой распространенности уже в то время, к которому автор относит описываемые события. В мифах и легендах последующих столетий оборотни-лисицы также выступают в качестве существ, поражающих болезнями и взрослых людей, и детей. Дабы не увеличивать данный раздел до бесконечности, мы сейчас перейдем

сразу же к периоду правления танской династии и представим читателю перевод весьма занятной истории, популярной в ту эпоху, которая, с одной стороны, добавляет некоторые новые детали к образу лисицы-оборотня, сеющей болезни, а с другой — рисует ее в качестве несравненной обманщицы и мошенницы.

«В годы Чжэньюань династии Тан (785–805) у господина Пэя из Цзянлина, имя которого нам неизвестно, помощника начальника округа, был сын десяти с небольшим лет от роду, очень способный и умный, отличавшийся и усердием, и сноровкой, и внешностью, и манерами. Отец его очень любил. Внезапно мальчика поразила болезнь, и в течение десяти дней состояние его только ухудшалось. Лекарства не помогали, и Пэй, в надежде хоть как-то облегчить страдания сына, хотел уже было пригласить мага даосских искусств, который бы заговорил и изгнал (демона болезни), как вдруг в ворота дома постучали, и некий человек объявил, что его зовут Гао и что он умеет обращаться с амулетами. Пэй тут же пригласил его войти и взглянуть на ребенка. "Ваш сын страдает только от болезни, которую наслала на него лисица-оборотень, — сказал доктор. — Я владею искусством излечения от нее". Отец горячо поблагодарил его и умолял помочь. Доктор с помощью амулетов призвал и испросил (демона), и тут же мальчик внезапно поднялся со словами "я здоров". Обрадованный отец назвал Гао настоящим знатоком искусства, угостил его отменной едой и вином, после чего щедро вознаградил деньгами и шелком и со словами благодарности проводил до самых ворот. Перед тем как уйти, лекарь сказал: "Отныне я буду заходить каждый день".

Хотя болезнь отступила, душа мальчика (*шэнь-хунь*) еще не восстановилась: он постоянно бормотал бессвязные речи, его одолевали внезапные приступы смеха или плача, с которыми никак не удавалось справиться. Каждый раз, когда приходил Гао, отец просил его обратить внимание на состояние мальчика, но лекарь отвечал: "Жизненные силы ребенка удерживаются призраком и еще не полностью вернулись к нему; но не пройдет и десяти дней, как он успокоится. Я счастлив сказать, что причин для беспокойства нет". И Пэй верил ему.

Через несколько дней к господину Пэй пришел доктор по фамилии Ван и сказал, что обладает амулетами чудодейственной силы и может с их помощью разрушать и изгонять болезни, насылаемые демонами. Во время разговора с Пэем он добавил: "Я слышал, что горячо любимый вами сын болен и еще не выздоровел; я хотел бы взглянуть на него". Пэй провел его к мальчику, и лекарь в ужасе воскликнул: "Молодой господин поражен лисьей болезнью; если не начать лечение немедленно, состояние его станет очень тяжелым".Тогда Пэй рассказал ему о лекаре Гао, на что Ван улыбнулся и ответил: "Откуда вы знаете, что этот господин сам не является лисой?" Они сели и только приготовились заговаривать и изгонять (демона), как вдруг появился лекарь Гао.

Не успел он войти в двери, как тут же обрушился на господина Пэя: "Как же так! Мальчик только поправился, а вы приводите к нему в комнату лисицу. Ведь именно она — причина его болезни!" Ван, увидев Гао, в свою очередь закричал: "Поистине, вот она — злобная лисица; несомненно, вот она. Как может ее искусство заговаривать демона?" Так оба лекаря продолжали поносить друг друга, а вся семья Пэй стояла в оцепенении от испуга и удивления, как вдруг в воротах возник лекарь-даос. "Я слышал, — сказал он домашним, — что сын господина Пэя страдает от лисьей болезни. Я способен распознать демона; сообщите обо мне своему господину и испросите разрешения войти и поговорить с ним. Слуга поспешил передать все это господину Пэю; Пэй вышел и рассказал даосу о том, что происходит. "Ну, это дело уладить легко", — ответил даос и вошел в дом, чтобы посмотреть на обоих лекарей, которые тут же закричали, указывая на него: "Он тоже лиса! Как ему удается обманывать людей в обличье лекаря-даоса?" Лекарь же закричал на обоих страшным криком: "Эй вы, лисицы, возвращайтесь обратно в свои могилы в диких полях, что за городскими стенами, зачем вы изводите несчастных людей?" Он захлопнул дверь, и все трое продолжали браниться и драться. Страх господина Пэя только усиливался, а слуги находились в таком смятении, что не могли придумать никакого способа, чтобы избавиться от них. Но с наступлением сумерек шум

внезапно стих. Они открыли дверь и увидели трех лисиц, распростершихся на полу: они не двигались и лишь тяжело и часто дышали. Господин Пэй стал хлестать их плетью и бил до тех пор, пока они не умерли, а через десять дней мальчик поправился» («Сюань ши чжи»).

Дабы показать характер лисицы-обманщицы, всегда готовой к тому, чтобы извести человека своими хитрыми уловками и всячески досаждать ему, достаточно отметить хотя бы тот факт, что лисица отличается злобным и хитрым нравом, скрывающимся за мягкой и невинной наружностью. Как свидетельствует одна из приведенных выше легенд, именно в таком качестве лисицу воспринимали уже при ханьской династии. А истории, рассказанные Юй Бао, подтверждают, что в то время, когда жил их автор, люди наделяли лисиц способностью превращаться в очаровательных и милых девушек, с тем чтобы склонить мужчину к интимной близости. В облике искусной соблазнительницы лисица во все времена вплоть до настоящего времени давала мифотворческим талантам китайцев богатейший материал. Тот факт, что уже в сочинении, существовавшем во времена Юй Бао, околдовывающая людей лисица-оборотень сравнивается с женщиной весьма вольных нравов, жившей в глубокой древности, только подтверждает предположение, что вера в подобных оборотней была распространена и прежде четвертого столетия новой эры.

В «Сюань чжун цзи», тексте, существовавшем еще до шестого века, народные представления о тех опасностях, что таит в себе лисица-оборотень, отражены следующим образом: «Когда лисице исполнится пятьдесят лет, она может превратиться в женщину; когда ей исполнится сто лет, она становится красавицей, или *у*, обладающим духом (*шэнь*), или взрослым мужчиной, вступающим в отношения с женщинами. Эти существа способны знать о том, что происходит за тысячу с лишним ли от них; они могут отравлять людей с помощью колдовства, или завладевать ими, или приводить их в замешательство, так что люди теряют память и разум. А когда лисице исполняется тысяча лет, она поднимается на Небо и становится Небесной лисицей».

Продолжение историй Юй Бао о чудесах, написанное вскоре после «Сюань чжун цзи», показывает, что в четвертом столетии женщин вольных нравов зачастую выставляли «нанятыми» лисицами специально для того, чтобы сеять распутство и разврат. Так, на одной странице мы читаем: «Некто Гу Чжэнь из У во время охоты вдруг услышал около одного из холмов человеческий голос: "Ой-ой-ой, дела в этот год идут совсем плохо". Вместе со своими спутниками Гу Чжэнь обшарил холм и в яме, на самом деле бывшей древней могилой, обнаружил старую лисицу. Перед ней лежал свиток с письменами; положив на него лапы, она что-то писала. Они спустили на нее собак, и собаки с громким лаем задрали ее. Потом Гу Чжэнь взял свиток и увидел, что это список распутных женщин, в котором красным кружком обведены имена тех, кто уже вступал в запрещенную связь. Имен было более сотни, и среди них Чжэнь нашел имя собственной дочери» («Соу шэнь хоу цзи», цз. 9).

Суеверия относительно колдовских лисиц-оборотней, или, как их часто называют, *ху мэй*, «лисиц-соблазнительниц», были особенно распространены в правление династии Тан. Именно к той эпохе восходит огромное множество историй и преданий, сохранившихся и до настоящего времени. В «Гуан и цзи», наверное, наиболее известной книге о чудесах из всех, что созданы в танскую эпоху, есть немало историй о поистине драматическом вмешательстве оборотней-лисиц в жизнь людей. Следующая легенда прекрасно показывает и талант рассказчиков того времени, и общий характер и стиль народных представлений и суеверий, связанных с лисицами.

«Сын семьи Вэй из Дулина жил в Ханьчэне (пров. Шэньси); у него был сельский дом в десяти ли к северу от города. В первом году правления под девизом Кайчэн (836), осенью, он покинул город и отправился в загородный дом. Когда спустились сумерки, он увидел идущую с севера женщину в простом платье и с тыквой-горлянкой в руках. "Целый год я жила в деревне к северу от города, — сказала она. — Моя семья очень бедна; деревенский сборщик налогов плохо ко мне относится, и сейчас я направляюсь в управу, чтобы заявить на него. Я была бы

очень признательна вам, если бы вы записали все это на бумаге и отдали бы документ мне. Тогда я бы могла отнести его в город и таким образом смыть позор, который навлек на меня этот человек". Вэй согласился, и женщина вежливо поклонилась ему и села на землю. Достав из одежды чашу для вина, женщина сказала: "В тыкве у меня есть немного вина; давайте осушим ее вместе". И, наполнив чашу вином, она выпила за его здоровье. Вэй в свою очередь тоже поднял чашу, но тут с запада показался охотник верхом на лошади вместе со сворой собак. Увидев их, женщина вскочила и стремглав помчалась на восток, но не успела она пробежать и десяти шагов, как превратилась в лисицу. И тут Вэй с ужасом увидел, что чаша, которую он держит в руках, на самом деле представляет собой человеческий череп, а вино напоминает коровью мочу. Он вдруг почувствовал жар, который спал только через месяц» («Сюань ши чжи»).

Нет необходимости подробно пересказывать бесчисленные истории о приключениях людей, околдованных лисицами, сочиненные китайцами, переданные письму либо же передаваемые из уст в уста. Для наших целей достаточно привести лишь те легенды и фрагменты преданий, в которых наиболее выпукло представлены наиболее характерные моменты. Все остальное мы можем считать повторением и потому спокойно опустить. Среди тех, что заслуживают нашего внимания, есть истории, изображающие лисицу обманщицей поистине чудовищной: она не стесняется принимать облик святых и даже самих будд, и все для того, чтобы завоевать расположение мужчины и проникнуть даже в такие внушающие благоговейный трепет места, как императорские дворцы.

«В годы Юнхуэй династии Тан, — говорится в «Гуан и цзи», — в Тайюаня (пров. Шаньси) жил человек, называвший себя Буддой Майтрейей. Те, кто отправлялся к нему выразить свое почтение, видели, что сначала ростом своим он достигал небес, а потом спустя время постепенно уменьшался до пяти-шести чи; тело его было словно красный цветок лотоса среди листьев. "Знаете ли вы, — говорил он людям, — что у Будды три тела? Самое большое — это его подлинное тело; поклоняйтесь ему и почтительно падайте ниц перед ним". На что Фули, городской монах, глубоко проникший в сокровенное учение, со вздохом сказал: "После нынешней дхармы (состояния) реальности начнется дхарма признаков, а за ее пределами лежит последняя дхарма (т. е. высшая ступень совершенного сознания), а от этой последней дхармы до состояния отсутствия дхармы и признаков еще несколько тысяч лет. После исчезновения учения Шакьямуни мир нашей Великой кальпы[48] будет уничтожена, а после этого Майтрея сойдет с небес Тушита на материк Джамбудвипу. Но учение Шакьямуни еще не исчезло, и потому я не понимаю, с чего это Майтрея спустился так рано. Видимо, ревностное и преданное почитание на самом деле отдают ненастоящему Майтрее". И тут он, взглянув под ноги святому, увидел, что это на самом деле — лисица, а его флажки, цветы, бунчук и одеяние — все это на самом деле бумажные деньги из могилы. "Неужели Майтрея на самом деле такой!" — воскликнул Фули, потирая руки. И как только он произнес эти слова, лисица приняла свой подлинный облик. Она спрыгнула со своего места и бросилась наутек. Люди погнались за ней, но поймать ее не смогли».

В этом же сочинении сообщается:

«В царствование танской императрицы У Цзэ-тянь (684–706) была одна женщина, которая называла себя святым бодхисаттвой. Она знала все, о чем думали люди. Императрица пригласила ее ко двору; все, что бы она ни говорила, на деле так и выходило, и в течение нескольких месяцев ей искренне поклонялись и восхваляли ее как подлинного бодхисаттву. Потом во дворец прибыл монах Да-ань. Императрица спросила его, видел ли он женщину — бодхисаттву. "Где она? — спросил монах. — Я жажду увидеть ее". И императрица приказала устроить ему аудиенцию.

Мысли монаха, подобно ветру, устремились куда-то вдаль, а потом он спросил: "Ты говоришь, что можешь читать мысли; что ж, попытайся узреть, где были мои". — "Мысли ваши были на вершине пагоды, на круглых дисках среди колоколов", — ответила она. Немедленно

он вновь повторил свой вопрос, и женщина ответила: "Во дворце Майтреи на небесах Тушита слушали проповедь Дхармы". Когда же монах спросил в третий раз, она сказала, что мысли его находились на высочайшем из небес, там, где не существует ничего не имеющего сознания. Все три ответа были правильными.

Императрица пребывала в восхищении, но Да-ань сосредоточил свои мысли на четвертом плоде святости — архатстве[49], и на этот раз женщина-бодхисаттва не смогла дать ответ. И тогда Да-ань вскричал: "Ты не можешь распознать мои мысли, если я сосредоточил их на архатстве, как же тебе удастся узреть их, если я вознесу их (еще выше) к состоянию будд и бодхисаттв?" Женщина признала себя побежденной; она превратилась в лисицу, сбежала вниз по ступенькам и исчезла; никто не знал, куда она направилась».

«При династии Тан среди людей Дайчжоу (пров. Шаньси) жила девушка, старший брат которой нес службу в далеком гарнизоне. Девушка жила вместе с матерью, и однажды они увидели бодхисаттву, парящего на облаке. "Исполнен добродетели ваш дом, — сказал бодхисаттва матери. — Я хочу поселиться в нем. Поскорее приведите его в порядок, ибо скоро я буду частым гостем здесь". Жители деревни с огромным рвением бросились убирать дом, и как только они закончили, в дом на пятицветном облаке влетел бодхисаттва. Множество людей поспешило к нему с жертвоприношениями, но бодхисаттва приказал им не беспокоиться, желая, видимо, избежать наплыва верующих со всех сторон. Поэтому, жители деревни предупреждали друг друга держать язык за зубами. Бодхисаттва же вступил в связь с девушкой, и она забеременела. Прошел год, и домой вернулся ее брат, но бодхисаттва заявил, что не желает видеть в доме мужчин, и уговорил мать прогнать его прочь. Сын, таким образом, не мог даже приблизиться к бодхисаттве, и тогда он стал, предлагая деньги, искать даосского мага и в конце концов нашел одного, который использовал свое искусство. Так они раскрыли, что бодхисаттва был на самом деле старой лисицей; с мечом в руках старший брат ворвался в дом и зарубил оборотня».

Иногда народная молва наделяла лисиц-оборотней колдовскими способностями на том основании, что они якобы обладают таинственной жемчужиной, которая на самом деле является их душой. Как мы помним, жемчужины зачастую действительно считались одушевленными, и потому идея о том, что души живых людей могут иметь форму жемчужины, выглядит вполне естественной. «Лю Цюань-бо, живший при династии Тан, сообщает, что Чжун-ай (букв, «любимый всеми»), сын его кормилицы, в юности забавлялся тем, что ставил ночью на дороге сеть для того, чтобы поймать кабана, лисицу или какого-либо еще зверя. Деревушка Цюань-бо лежала у подножия горы. Как-то вечером Чжун-ай расставил сети в нескольких ли к западу от деревушки; сам он спрятался, чтобы посмотреть, что будет дальше. Вдруг он услышал в темноте звук шагов, а потом увидел крадущегося зверя. Увидев сеть, зверь встал на дыбы и превратился в женщину; на женщине была красная юбка. Обойдя сеть, женщина подошла к повозке, что стояла перед Чжун-аем, поймала крысу и съела ее. Тут Чжун-ай страшно закричал, женщина бросилась прочь и попала в сеть. Чжун-ай стал колотить ее дубиной и забил ее до смерти, но поскольку она, несмотря ни на что, не изменила своего облика, он испугался и стал сомневаться. "В конце концов, она может быть и человеком", — подумал он и бросил тело, сеть и все остальное в водоем, в котором вымачивали пеньку.

Когда он вернулся домой, стояла уже глубокая ночь. Он рассказал обо всем родителям, и семья решила наутро бежать. Но Чжун-ай сказал самому себе: "Видано ли это, чтобы женщины пожирали живых крыс? Наверное, это была лисица". Он снова пошел к водоему и, увидев, что женщина ожила, ударил ее большим топором прямо по пояснице — женщина превратилась в старую лисицу. Воодушевленный, Чжун-ай отнес зверя в деревню. Лисица была еще жива, и один буддийский монах посоветовал Чжун-аю сохранить ей жизнь. "Во рту у лисицы спрятана колдовская жемчужина, если сможешь завладеть ею, тебя полюбит вся Поднебесная", — сказал он. Связав зверю лапы, монах положил его в корзину и закрыл крышкой. Когда через несколько дней лисица уже могла есть, он закопал в землю сосуд с узким горлышком так, чтобы

горлышко находилось как раз на уровне поверхности. Потом он бросил в сосуд два куска зажаренной свинины, и лисица, желая получить мясо, но будучи не в силах добраться до него, положила челюсти на горлышко сосуда. Когда мясо остыло, монах бросил в сосуд еще два куска; рот у лисицы постепенно наполнялся слюной. Так они продолжали раз за разом, пока лисица, наконец, не изрыгнула жемчужину и не умерла. Формой жемчужина походила на игральную шашку, она была совершенно круглой и чистейшей воды. Чжун-ай часто носил ее в своем поясе, и люди любили и высоко ценили его».

Способность лисиц превращаться в людей нередко объяснялась тем, что лисицы, проникая в старые могилы и гробницы, соприкасаются там с телами умерших; следовательно, вполне естественно, что лисицы являются людям в облике, который после смерти принимают и сами покойники, а именно — в облике призраков. Одного из таких людей-призраков описывает Юй Бао: «На западной окраине Наньяна находился павильон, в котором не мог находиться ни один человек, а если он-таки оказывался в нем, то не мог избегнуть вреда. Однако один из жителей города по имени Сун Да-сянь, который придерживался правильного пути и всегда сохранял невозмутимость, провел как-то в павильоне целую ночь. Он сидел в темноте и играл на лютне; при нем не было никакого оружия и даже палки. В полночь появился призрак; он поднялся по ступенькам и обратился к Да-сяню. Глаза его смотрели очень пристально, зубы были словно полированные, и выглядел он просто омерзительно. Да-сянь продолжал играть на лютне, а призрак тем временем отправился в город и вернулся с головой мертвеца. "Не хочешь ли вздремнуть?" — сказал он Да-сяню, положив голову у него перед ногами. "Неплохо бы", — ответил Да-сянь. "Беда только в том, что у меня нет подушки; вот ее я хотел бы иметь". Призрак вновь куда-то исчез, но вскоре появился опять. "А не подраться ли нам на кулаках?" — сказал он. "Что ж, давай", — ответил Да-сянь. Не успел он сказать это, как призрак уже стоял перед ним. Но тут Да-сянь с такой силой схватил его в охапку и сжал, что призрак в отчаянии закричал: "Я умираю!" Да-сянь убил его, а когда занялся день, увидел, что это — старая лисица. С тех пор призраки в павильоне больше не появлялись» («Соу шэнь цзи», гл. 18).

Казалось бы, одних только способностей оборотней-лисиц вызывать болезни и, спрятавшись под человеческим обличьем, обманывать людей вполне достаточно для того, чтобы они заняли достойное место среди наиболее опасных демонов, внушающих китайцам постоянный ужас, однако их отличают и прочие отвратительные черты, которые только усиливают поистине всеобщую ненависть к ним. Согласно весьма древним суевериям, о которых мы в свое время уже упоминали, лисица способна вызывать огонь, ударяя хвостом. Объяснить причину возникновения таких суеверий вряд ли возможно.

В роли поджигательницы лисица выступает уже в легендах о несравненных подвигах Гуань Лу, великого мага и предсказателя. «Когда Гуань Лу проживал в деревенском домике, как-то он отправился с визитом к дальнему соседу, постоянно страдавшему от пожаров. Гуань Лу гадал по панцирю черепахи, и приказал соседу отправиться следующим утром к началу дороги, ведущей на юг, и ждать там господина, который будет ехать в старой повозке, запряженной черным буйволом. Сосед все сделал так, как он велел, и, несмотря на то, что господин очень торопился и просил позволить ему продолжить путь, задержал его.

Гость отправился отдыхать, но беспокойство одолевало его. Он прислушался к своим мыслям и, когда хозяин наконец покинул его комнату, взял меч и вышел из дома. Встав между двумя кучами хвороста, он притворился, что задремал, и вдруг прямо перед ним прошмыгнул маленький четвероногий зверек, который держал в лапе факел и дул на него, распаляя огонь. Испуганный незнакомец поднял меч и ударил зверька по пояснице, и тут он увидел, что это лиса. Более во владениях хозяина пожаров не случалось» («Сань го чжи», «Вэй чжи», гл. 29, 1.27).

Все то огромное зло, которое приносят оборотни-лисицы, пожалуй, лучше всего отражено в печальной истории из собрания Юй Бао: «В правление династии Цзинь в Усине (пров.

Чжэцзян) жил человек, у которого было двое сыновей. Как-то раз, когда они работали в поле, внезапно появился отец и набросился на них с ругательствами и кулаками. Они пожаловались матери, которая спросила мужа, почему он так поступил. Отец весьма удивился ее словам и решил, что это, должно быть, призрак сыграл злую шутку. Он сказал своим сыновьям убить его, если тот появится еще раз, но призрак затаился и больше не приходил. Отец, опасаясь, что призрак так или иначе изведет его сыновей, отправился присмотреть за ними, но тут один из них заметил его и с криком "вон призрак" убил и закопал тело в землю. Тогда призрак поспешил к их дому, принял облик отца и сказал, что сыновья убили оборотня. Вечером, когда они вернулись домой, все домочадцы искренне поздравляли их.

Истина оставалась сокрытой от них несколько лет, пока как-то раз мимо их дома не прошел священнослужитель. Он сказал сыновьям: "Ваш отец окружен весьма неблагоприятной аурой". Сыновья передали его слова отцу, который пришел в такую ярость, что они поспешили обратно к священнослужителю и посоветовали поскорее убраться; но когда учитель вошел в дом, отец превратился в большую старую лисицу, которая забралась под кровать. Ее вытащили и убили. Тот, которого они убили прежде, оказывается, был их настоящим отцом. Сыновья перезахоронили его в другой могиле и соблюдали по нему траур, но потом один сын покончил с собой, а другой умер от стыда и угрызений совести» («Соу шэнь цзи», гл. 18).

Порою, однако, обман, вершимый лисицами-оборотнями, не столь трагичен для людей, а иногда он даже приводит к комичным ситуациям, что, тем не менее, вселяет не меньший трепет и страх в сердца простодушных обывателей. Так, права быть включенным в исторические анналы династии Вэй удостоился следующий случай: «В первом году Тайхэ (477) оборотни-лисицы отрезали у людей волосы». И через сорок лет, «во втором году Сипин, начиная с весны, в императорской столице, держа людей в страхе и ужасе», оборотни-лисицы забавлялись тем же. «Вдовствующая императрица Лин в шестом месяце приказала начальнику охраны дворца Чунсюнь Лю Тэну наказывать всех виновных в похищении волос плетьми за воротами Тысячи Осеней» (гл. 112, I, I.25).

Некоторые детали относительно всеобщего страха и паники, обуявших столицу, содержатся в «Описании буддийских монастырей Лояна» «К северу от рынка лежали два квартала, Цысяо и Фэнчжун, где продавали гробы и склепы и сдавались внаем погребальные повозки. Там жил некто Сунь Янь, который зарабатывал пением траурных мелодий. Он был женат уже три года, но его жена еще ни разу не ложилась спать раздетой. Изумление его достигло предела, он улучил момент, когда его жена спала, раздел ее и увидел три волоса длиной в три чи каждый, напоминавшие хвост дикой лисицы. Из страха он развелся с нею, а жена, перед тем как уйти, схватила нож, отрезала ему волосы и бросилась прочь. Соседи погнались за нею, но она превратилась в лису и исчезла.

После этих событий еще у ста тридцати с лишним людей в столице отрезали волосы. Поначалу лисица ходила по дорогам в облике женщины, своей одеждой, украшениями и румянами прельщая всех, кто видел ее. Но у тех, кто приближался к ней, она отрезала волосы. Дошло до того, что на каждую женщину в ярких одеждах стали указывать пальцем, что она — лисица-оборотень. Все это происходило в четвертом месяце второго года Сипин и продолжалось вплоть до осени» (гл. IV).

Поскольку факт похищения волос у людей лисицами-оборотнями оказался занесенным аж в династийную хронику, в последующие времена рассказчики слагали множество сюжетов на эту тему. Мы, тем не менее, не будем подробнее останавливаться на их творчестве, поскольку многочисленные басни о лисицах-оборотнях из сочинений, написанных уже после династии Тан, не добавляют к нашей теме ничего нового. Все они не выходят за рамки тех представлений, что мы уже рассмотрели и описали. Вообще литература о лисицах-призраках довольно скучна, однообразна и зачастую просто безвкусна, но это не значит, что она не вознаградит своего переводчика. Ведь она в немалой степени увеличивает наши знания о зоологической мифологии, раскрывает нам изобретательность китайцев и их национальный

гений и знакомит нас со всевозможными уловками и хитростями, созданными воображением китайцев, которые они приписывали самым разным животным, но лисицам — в особенности. Благодаря этой литературе мы знаем также, как разоблачить обман коварных лисиц и вывести их на чистую воду. Раскрыть коварство лисиц-оборотней и заставить их явить свой подлинный облик можно не только ранив их или убив или напустив на них свору собак, о чем говорилось выше. Дело это по плечу ученым-книжникам, священнослужителям, монахам и магам-провидцам. Вернуть их в первоначальную форму можно с помощью волшебных заклинаний, а если они принимают облик ученого или святого, их можно перехитрить или превзойти в споре. С тем же успехом, как рассказывается в преданиях, им можно дать отравленную еду или использовать против них амулеты с загадочными надписями. Еще один хороший способ разоблачения — проверить, настоящий ли у них хвост или он напоминает хвостовидный придаток, и, если последнее, отрезать его, и тогда лисица бросится наутек на всех своих четырех лапах.

После всего этого уже неудивительно, что лисиц в Китае всегда жестоко преследовали. Выкурить лису из норы вместе со всем потомством, а потом сжечь было в Срединном государстве обычным делом. А тот факт, что в кодексе законов династии Мин и нынешнего правящего дома есть специальные уложения, запрещающие выкуривать лисиц из их обиталищ и тем самым разрушать могилы, лишь подтверждает, насколько часто подобное случается в Китае.

Лисица, как и тигр, может превращаться в человека не только благодаря «соседству» с человеческими костями и черепами, но и проглатывая амулеты или произнося заклинания. Возможно, в ее арсенале есть и иные средства достижения той же цели, но о них китайская литература ничего не говорит.

5. Прочие звери-оборотни

В соответствии с мировоззрением китайцев, каждое животное обладает душой и может принимать человеческий облик, поэтому вполне естественным представляется тот факт, что китайцы признают за всеми животными способность выступать в роли призраков и приносить зло человеку.

Еще в четвертом веке Гэ Хун предупреждал благочестивых соотечественников об опасности, которую таят в себе некоторые звери, а особенно — двенадцать из них (в соответствии с двенадцатью ветвями, каждая из которых указывает на один из дней каждой дюжины). В дни под циклическим знаком «инь» в горах появляется существо, которое само называет себя «начальником промысловцев». На самом деле — это тигр. Существо, называющее себя «хозяином дорог», — волк; называющее себя «начальником приказа», — старый дикий кот. Существо, в дни под циклическим знаком «мао» называющее себя «достойным мужем», — заяц; называющее себя «Отцом-Царем Востока», — кабарга; называющее себя «Матерью-Царицей Запада», — олень. Существо, в дни под циклическим знаком «чэнь» называющее себя «божеством дождя», — дракон; называющее себя речным богом Хэ-бо, — рыба; называющее себя «Чан гун-цзы», — краб. Существо, в день под циклическим знаком «сы» называющее себя [как царь] «я, одинокий», — змея из общинного храма; называющее себя «господином времени» — черепаха. Существо, в день, отмеченный циклическим знаком «у», называющее себя «третьим господином», — лошадь; называющее себя бессмертным, — старое дерево. Существо, в дни под циклическим знаком «вэй» называющее себя «повелителем», — баран; называющее себя «чиновником», — сайга. Существо, в дни под циклическим знаком «шэнь» называющее себя «государем», — обезьяна; называющее себя «одним из девяти министров», — человекообразная обезьяна. Существо, в дни под циклическим знаком «ю» называющее себя «генералом», — старая курица; существо, называющее себя «грозой разбойников», — фазан. Существо, в дни под циклическим знаком «сюй» называющее себя человеческим именем, — собака; называющее себя «чэньянским князем», — лисица. Существо, в дни под циклическим знаком «хай» называющее себя

«божественным государем», — свинья; называющее себя «благородной дамой», — золото и яшма. Существо, в дни под циклическим знаком «цзы» называющее себя «божеством-государем общины», — крыса; называющее себя «божественным человеком», — летучая мышь. Существо, в дни под циклическим знаком «чоу» называющее себя «книжником», — буйвол. Если знать имена этих существ, то никакого вреда от них не будет»[50] (гл. 17 «Дэн шэ»).

Олень, за исключением редких случаев, не представляет для человека опасности и, казалось бы, не должен играть роль демона в китайском фольклоре. Тем не менее, вот что рассказывается в одной древней легенде: «Се Хунь из области Чэнь подал в отставку по причине плохого здоровья и жил в уединении в Юйчжане. Как-то он отправился на прогулку и решил заночевать в одном пустом павильоне. Прежде там часто погибали люди. Во время четвертой стражи какой-то человек в желтых одеждах окликнул его по имени: "Ю-юй, открой дверь". Хунь, ничуть не смутившись и не испугавшись, предложил тому протянуть руку в окно. Человек действительно протянул Хуню запястье руки, и тогда Хунь что было сил рванул за руку и оторвал ее от тела. Человек убежал, а на следующее утро Хунь увидел, что это — передняя нога оленя. Он пошел по кровавому следу, поймал зверя, и больше призрак в павильоне не появлялся» («Соу шэнь цзи», цз. 18).

Иногда опасным оборотнем может стать и заяц, особенно старый, ибо он способен принимать самый разный облик. «В годы под девизом правления Хуанчу династии Вэй (220227) в области Дунцю один человек ехал как-то ночью верхом на лошади и увидел на дороге зверя, размером с зайца, глаза которого походили на зеркала. Он бросился под ноги лошади и не давал ей двигаться вперед, а всадник от испуга свалился с седла. Тем временем призрак приблизился и ударил всадника с такой силой, что тот упал на землю. Прошло много времени, прежде чем он очнулся. Призрак к тому времени уже исчез в неизвестном направлении.

Человек залез на лошадь и отправился дальше. Проехав несколько ли, он столкнулся с другим путешественником, перекинулся с ним несколькими словами и рассказал о том, что с ним приключилось. "Как я рад, что нашел спутника", — сказал он. "Я тоже путешествую один, — сказал незнакомец, — и не знаю, как выразить свою радость от того, что встретил вас. Конь ваш бежит быстрее меня; давайте, вы поедете впереди, а я последую за вами". И они продолжили путь вместе. "А как выглядел этот зверь, который так напугал вас?" — спросил незнакомец. "Обликом он походил на зайца, а глаза у него были словно зеркала; вообще, выглядел он омерзительно", — ответил всадник. "Что ж, посмотрите-ка на меня", — сказал вдруг незнакомец. Всадник взглянул на него и увидел того же самого призрака. Призрак прыгнул на лошадь, и всадник рухнул без чувств на землю. Лошадь вернулась домой одна, семья побежала на поиски и нашла его на обочине дороги. Ночью он пришел в себя и рассказал родственникам то, что поведали и мы» («Соу шэнь цзи», гл. 17).

Те немногие истории о демонах-обезьянах, которые нам удалось отыскать в китайской литературе, не слишком отличаются по своему характеру от многих других легенд о животных-оборотнях, и потому едва ли заслуживают пристального внимания. Некоторый интерес представляют лишь две древнейшие из них, рисующие обезьян в роли лисиц, волков и собак одновременно, т. е. как коварных совратителей жен и девушек, а так же, как хитрых соблазнительниц, которые в обличий красивых женщин сбивают с пути истинного и взрослых, и неопытных юношей, околдовывая их своими чарами и подрывая их здоровье и силы.

«В годы Тайюань правления династии Цзинь (376–396), в заднем дворце Дичжао, принца Динлина, перед покоями наложниц жила обезьяна. Внезапно все женщины вдруг одновременно забеременели, и каждая родила трех сыновей; все они, только выйдя из чрева матери, сразу начали прыгать и танцевать. Чжао был уверен, что во всем виновата обезьяна, и убил зверя и всех детей. Женщины стали плакать и причитать. Принц допросил их, и они признались, что видели молодого человека в одеждах из желтого шелка и прозрачной белой

шапочке, который был очень мил и смеялся и говорил как настоящий человек» («Соу шэнь хоу цзи», гл. 9).

«В последнем году Тайюань (396) некто Сюй Цзи-чжи отправился в поле на прогулку и увидел девушку с водяной лилией в руках; она подняла руку и поманила его к себе. Цзи-чжи был очарован ее красотой; и она пригласила его в свое жилище. С тех пор они стали общаться как старые друзья, но Цзи-чжи начал худеть и иногда рассказывал о являвшихся ему в видениях прекрасных комнатах и просторных залах с пышными диванами и широкими циновками. Несколько лет он веселился и пировал с этой женщиной, но однажды внимание его младшего брата Су-чжи привлек разговор людей в доме. Он подкрался поближе, чтобы разузнать, в чем дело, и увидел, как несколько девушек через заднюю дверь покинули дом, а одна осталась и спряталась в корзину. Он вошел, но Цзи-чжи разгневался и набросился на него: "Нам было так весело, как ты смеешь врываться?" И тут же добавил: "Там в корзине есть одна". Суй-чжи открыл корзину, увидел в ней обезьяну и убил ее. После этого болезнь брата прошла» («И юань»).

Заметное место в китайской демонологии занимают и крысы. Им, подобно лисицам и обезьянам, приписывается способность обращаться в человека и совращать людей, а также принимать облик буддийских священнослужителей, причем не всегда с коварными намерениями. Что касается обольщения и соблазнения женщин, то, они, как показывает следующая история, способны делать это и не воплощаясь в человека.

«Не так давно жил один человек, у него была дочь десяти с небольшим лет. Однажды утром она исчезла. Прошел год, но о ней не было ни слуху ни духу, но вдруг из подвала дома стал доноситься плач ребенка. Домочадцы вскрыли пол и обнаружили дыру, постепенно расширявшуюся вглубь и вширь, более чем в один чжан в длину. В ней сидела девочка с ребенком на руках, а рядом с ней — крыса, огромная и совершенно без шерсти. Увидев людей, девочка не подала и виду, что узнала их, из чего родители заключили, что она находится под дьявольским влиянием крысы. Когда крысу убили, девочка горько заплакала: "Он мой муж, почему они убили его?" Ребенка тоже убили, и стенания девочки стали невыносимыми. Она умерла еще до того, как ее начали лечить» («Гуан и цзи»).

В китайском фольклоре немало историй о том, как крысы, в облике людей либо других животных, целыми полчищами обрушиваются на дома и жилища людей, выскакивают из щелей и дыр и туда же прячутся. Такие появления крыс считаются, по китайским поверьям, неблагоприятными знамениями. Подобных рассказов действительно великое множество, что мы, несомненно, можем приписать обилию крыс, живущих рядом с человеком и каждодневно тревожащих его покой и сон. Следующая легенде, в частности, рисует крыс в качестве предвестников и даже как первоисточник зла.

«В последнем году правления под девизом Тяньбао (755), когда цензор Би Хан занимал пост губернатора Вэйчжоу, область попала под власть мятежника Ань Лу-шаня. Би Хан стал составлять план, который позволил бы привести разбойника к покорности, и еще не выступил, как вдруг через несколько дней увидел у себя во дворе несколько сот карликов. Ростом в пять-шесть цуней, они прыгали, скакали и слонялись без дела. Вместе с членами семьи он перебил их всех. На следующее утро толпа карликов в белых траурных одеждах с плачами и стенаниями положила тела погибших в гробы, водрузила их на повозки и отправилась к могиле, которую вырыли прямо во дворе. Вся траурная церемония проходила точно так же, как и у благородных людей. После похорон карлики исчезли в дыре в южной стене дома. Пребывая в великом изумлении и страхе, Би Хан вскрыл могилу и обнаружил в ней старую крысу. Тогда он вскипятил воду и вылил ее в дыру, а раскопав ее некоторое время спустя, нашел в ней уже несколько сот мертвых крыс. Через десять дней он потерпел поражение в битве, и вся его семья погибла» («Гуан и цзи»).

Еще одна легенда рассказывает о том, как крысы в облике хорошо вооруженных людей бесчинствуют на дорогах. «В первый год правления под девизом Ваньсуй (695) на дорогах,

ведущих в Чаньань, свирепствовала шайка разбойников. Днем грабители прятались, а под покровом ночи вершили свои темные дела. Шло время, путников убивали, но выйти на след преступников никак не удавалось. Люди были напуганы до такой степени, что не осмеливались покидать дома по утрам даже тогда, когда к вечеру можно было добраться до постоялого двора.

Когда обо всем этом узнал один лекарь-даос, остановившийся в придорожном кабачке, он сказал собравшимся: "Определенно, это не люди; они наверняка призраки". Глубокой ночью, взяв с собой старинное зеркало, он вышел на дорогу и стал ждать. Вдруг откуда ни возьмись появился отряд, состоявший из молодых воинов, хорошо экипированных и вооруженных. "Кто это стоит там у дороги?" — закричали они в один голос даосу. "Или ты не боишься за свою жизнь?" Но лекарь направил на них зеркало, и все они побросали оружие и щиты и убежали. Пять или семь ли лекарь преследовал их, все время повторяя заклинания и заговоры, пока все они не спрятались в одну большую нору. До самого утра лекарь наблюдал за норой, а потом вернулся на постоялый двор и позвал людей, чтобы раскопать нору. В ней оказалось свыше сотни огромных крыс, которых перебили всех до единой, когда они пытались спастись. Так со злом было покончено» («Сяо сян лу»).

В обличии других животных крысы могут проникать и в жилище человека. «Ли Линь-фу (высокопоставленный сановник, живший в восьмом веке) нездоровилось. Наутро он поднялся, умылся, облачился в официальные одежды и, намереваясь отправиться ко двору, приказал слугам принести сумку для писем, с которой он имел обыкновение ходить на службу. Ли Линь-фу почувствовал, что сумка тяжелее, чем обычно, и открыл ее — оттуда выскочили две крысы, которые, только оказавшись на полу, сразу же превратились в серых собак. Сверкая злобными глазами и скаля зубы, собаки неотрывно смотрели на него. Ли Линь-фу схватил лук и выстрелил, после чего они исчезли. Случай этот, однако, так глубоко потряс его, что, не прошло и месяца, как он умер»[51].

Среди множества животных, которые, согласно китайским поверьям, могут принимать человеческий облик с целью вступления в сексуальную связь с мужчинами или женщинами, находится место и для выдры. Одна из историй Юй Бао гласит: «В Уси, что в области У (юг пров. Цзянсу), на верхнем озере была построена дамба, смотритель которой по имени Дин Чу каждый раз во время сильного дождя обходил плотину. Как-то, когда почти непрерывно лили весенние дожди, он, как обычно, отправился на обход. Возвращаясь вечером домой, он заметил, что за ним идет женщина, одежда которой, и верхняя, и нижняя, была голубой, а в руках она держала зонтик такого же цвета. "Помощник Чу, подождите меня!" — закричала женщина. Дин Чу почувствовал ее притягательную силу и хотел было подождать ее, но потом подумал про себя, что он никогда прежде не видел здесь эту женщину и что незнакомая женщина в такое время и в такую погоду наверняка не кто иной, как призрак. Он ускорил шаг, но, оглянувшись, заметил, что женщина семенит за ним с точно такой же скоростью. Тогда он бросился бежать и, оборотившись еще раз, увидел, что женщина прыгнула в воду. Одежду и зонтик она отбросила в сторону: на самом деле они оказались листьями водяной лилии, а сама женщина — большой серой выдрой. Выдра эта часто обращалась в человека для того, чтобы совратить юношей» («Соу шэнь цзи», гл. 18).

«В Хэдуне Шан Чоу-ну с молодым юношей собирали на берегу озера тростник. Ночи они обычно проводили в маленькой хижине, стоявшей посреди пустынного поля. Как-то на закате дня Чоу-ну увидел, как мимо них проплывает лодочка, наполненная тростником, а в ней сидит молодая девушка: и лицом, и фигурой она была прекрасна. Она поселилась в его домике, и как-то ночью Чоу-ну спал с ней и почувствовал, какой неприятный запах исходит от нее. Насладившись с мужчиной, женщина попросила разрешения выйти, и только переступила порог, как превратилась в выдру» («И юань»).

«Согласно "Фуцзянь тун чжи", "Описанию Фуцзяни", в тридцать пятом году правления под девизом Цзяцзин (1556) в народе ходили слухи о призраках водяных выдр, похожих на

светлячков, которые убивали человека, если оказывались на его одежде. В городских домах били в гонги и барабаны, словно защищаясь от разбойников; по ночам люди даже не расстилали постели, а некоторые лекари-даосы продавали амулеты, якобы предохраняющие от зла. Власти заподозрили, что все это на самом деле придумали последние, и хотели уже наказать их, но они бежали, и больше призраки не появлялись».

6. Домашние животные в демонологии

Несмотря на то, что кошки в Китае одомашнены очень давно, историй об оборотнях-кошках в китайской литературе сравнительно немного. Очевидно, что народные суеверия обходили по преимуществу стороной этот класс «злых существ». Тем не менее, весьма интересен и одновременно поучителен следующий эпизод из придворной жизни, внесенный в исторические хроники под годом 598. Он свидетельствует, что, по крайней мере, в то время китайцы верили в существование ведьм, использующих для своих коварных целей оборотней-кошек. Вот как говорит об этом историк.

«По своему характеру Духу То был еретиком. Его бабушка с материнской стороны, госпожа Гао, служила коту-оборотню и убила своего зятя Го Ша-ло; благодаря ей колдовство вошло в его дом. Императору тайно доложили об этом, но он не поверил.

Случилось так, что императрица и госпожа Чэн, наложница Ян Су, одновременно заболели. Вызванные к больным лекари в один голос заявили, что причиной болезни является кошка-оборотень. Император, учитывая, что Духу То приходился императрице младшим братом по отцу, а его супруга — младшей сестрой Ян Су по отцу, заключил, что это их рук дело. Император тайно приказал его старшему брату Му проявить (братские) чувства и усовестить его, а потом, отослав всех приближенных, самолично увещевал его. Но То все отрицал, и тогда император, разгневавшись, понизил его ранг до начальника Сяньчжоу, а когда То выразил протест, назначил комиссию в лице Гао Гуна, Су Вэя, Хуанфу Сяо-сюя и Ян Юаня для того, чтобы разобраться в деле и осудить То.

Служанка То по имени Сюй Э-ни сделала следующее признание: колдовство пришло из дома матери То, которая постоянно служила кошкам-оборотням. В каждый день цзы она совершала в честь них жертвоприношения, поскольку, говорила она, день цзы соответствует крысе, а также говорила, что имущество того, кого убьет кошка-оборотень, попадает в тот дом, где она живет. Однажды То попросил вина, а когда жена сказала, что у нее нет денег на вино, обратился к Э-ни: "Скажи кошке-оборотню, чтобы она отправилась в дом господина Юэ и раздобыла для нас денег". При этих словах Э-ни забормотала про себя заклинания. Через несколько дней кошка-оборотень отправилась в дом Ян Су. И наконец, когда император вернулся из Бинчжоу, То якобы сказал ей в парке: "Передай кошке-оборотню, чтобы она отправилась в покои императрицы и заставила ее дать мне еще денег". После этого Э-ни вновь пробормотала заклинание, и оборотень вошел во дворец. Потом Ян Юань, служивший во внешней страже, отослал Э-ни прочь с тем, чтобы она привела кошку-оборотня. В тот же вечер она поставила горшок с ароматной рисовой кашей и, помешивая ее ложкой, воскликнула: "Киска, возвращайся, не оставайся во дворце!" Через некоторое время лицо ее посинело, и передвигалась она так, словно кто-то тащил ее за собой, и тогда она сказала: "Кошка-оборотень уже здесь".

Император передал дело в руки государственных министров. Цич-жан-гун Ню Хун посоветовал: "Если первопричиной зла, приносимого призраками, являются люди, с последствиями его можно покончить, убив этих людей". И тогда император приказал посадить То и его жену на повозку, запряженную теленком, и хотел уже было милостиво разрешить им покончить с собой у себя дома, но тут во дворце появился младший брат То, управляющий Палатой чинов и заслуг, и стал молить о пощаде. То даровали жизнь, но лишили всех рангов, а его жену, госпожу Ян, сослали в буддийский монастырь. Но еще прежде этих событий некий человек пожаловался, что его мать была убита чьей-то кошкой-оборотнем, но император счел его жалобу выдумкой и чепухой и с негодованием отослал его прочь. Однако теперь он

приказал, чтобы семьи, уличенные в насылании кошек-оборотней, истреблялись. То вскоре умер» («История северных династий», гл. 64, 11.10; «История династии Суй», гл. 79, II.4).

История эта лишний раз свидетельствует о том удивительном легковерии, которое в далекие времена поражало порой умы даже коронованных особ и государственных министров. В официальной истории танской династии рассказывается, что в следующем столетии императорские наложницы истово верили в то, что после смерти некоторые люди способны превращаться в кошек и мстить тем, кто преследовал их при жизни. Так, придворная дама Сяо Лян-ди, фаворитка императора Гао-цзуна и его супруги Ван, была обесчещена вместе с императрицей стараниями и кознями Чжао И, которая заняла ее место и впоследствии стала знаменитой императрицей У Цзэ-тянь. Она обвинила двух женщин в колдовстве. «Император повелел, чтобы их понизили до положения простолюдинов и посадили под домашний арест во дворце, а мать и братьев императрицы вместе со всем кланом Лян-ди приказал отправить в ссылку на юг. Тогда Сюй Цзин-цзун подал трону петицию, в которой говорилось, что Жэнь-ю (покойный отец опальной императрицы) не имел никаких особых заслуг, и предлагалось в связи с совершенным против трона преступлением уничтожить весь его клан, а гроб с его телом разрубить на куски. Тогда был издан эдикт, лишавший Жэнь-ю всех его (прежних) рангов и должностей; позднее У-хоу убила императрицу и Лян-ди. Однако еще до этого мысли императора вернулись к некогда любимой супруге, и он отправился к месту ее заточения. Супруга обратилась к императору со словами: "Ваше величество настолько добры, что вспомнили наши прежние счастливые дни; после того как я умру и вновь появлюсь на свет, чтобы наслаждаться солнцем и луной, молю вас, оставьте для меня во дворце пристанище, куда бы могло вернуться мое сердце", — "Я немедленно сделаю это", — ответил император. Когда же У-хоу прознала об этом, она заставила императора отдать приказ дать каждой из женщин по сто ударов палками и отрубить им руки и ноги; потом она велела связать эти руки и ноги вместе и бросить в сосуд с вином, заявив, что желает, чтобы обе они опьянели до самых костей. Через несколько дней обе женщины умерли, а тела их разрубили на части. Когда женщины узнали об отданном приказании, Лян-ди набросилась на своего врага с проклятиями: "От лисьих козней госпожи У нам нет спасения даже здесь, но когда потом я стану кошкой, я превращу ее в крысу и задушу ее в отместку за все то зло, что она причинила мне". Когда впоследствии императрице передали ее слова, она запретила держать кошек во всех своих шести дворцах» («Синь Тан шу», гл. 76, И. разд. 6).

В местном описании уезда Учэн, входящего в провинцию Чжэцзян, повествуется, среди всего прочего, и о призраке неизвестной и неописуемой наружности, который на деле оказался лошадью. Главный действующий персонаж истории — знаменитый полководец, живший в третьем столетии до новой эры, бывший одним их главных действующих лиц кровавых событий, связанных с падением первой династии Цинь. «Отступая под натиском врагов в области У, Сян Юй переправлялся через широкий водный поток, в котором жило странное существо: каждое утро и каждый вечер оно хватало хвостом несколько человек и пожирало их. Сян Юй вскочил чудовищу на спину, одной рукой ухватился ему за шею, а другой зацепился за дерево; так несколько больших деревьев одно за одним оказались вырванными с корнем. С наступлением дня все увидели, что на самом деле это лошадь, все тело которой было покрыто изображениями черного дракона» («Учэн сянь чжи»).

А следующая легенда показывает, что китайцы верили и в способность ослов принимать самые невероятные формы и преследовать людей. «В первом году Тяньбао (742) в окрестностях Чанъани, в деревне Яньшоу жил человек по имени Ван Сюнь. Как-то вечером трое человек собрались на ужин в его доме. Только они закончили трапезу, как вдруг увидели при отблесках свечи, что снизу к ним тянется большая рука. Сюнь и его друзья сперва перепугались, а когда присмотрелись, увидели, что рука была черного цвета и покрыта шерстью. Через мгновение откуда-то из-за тени послышался голос: "Господин, у вас гости, но

могу ли я обратиться к вам? Я хочу немного мяса, положите его мне в руку". Сюнь никак не мог понять, откуда идет голос, но положил в руку мясо, и рука исчезла.

Но вскоре она появилась вновь. "Господин, — сказал голос, — я был так рад, что вы угостили меня мясом. Оно почти закончилось, прошу вас, дайте мне еще". Сюнь еще раз положил мясо в руку, и рука снова пропала из виду. После некоторых сомнений друзья решили, что это, должно быть, призрак и что, если он опять придет, надо отрубить ему руку. Прошло немного времени, рука опять была тут как тут, тогда они схватили мечи и отсекли ее. Рука упала на пол, а сам призрак пропал; друзья наклонились, чтобы посмотреть, что же это за рука, и увидели в луже крови ногу осла.

Наутро они пошли по кровавому следу, чтобы найти чудовище. След привел их к одному их деревенских домов. Обитатели дома, которых они опросили, рассказали, что у них более двадцати лет жил осел, который прошлой ночью остался без ноги — видимо, кто-то отрубил ее мечом, и что они очень напуганы произошедшим. Тогда Сюнь подробно рассказал им обо всем, что с ним приключилось, и тогда они убили осла и съели его мясо» («Сюань ши чжи»).

Опять мы видим, что, согласно поверьям, увечье, нанесенное призраку в человеческом обличий, сохраняется и после его возвращения в животный облик. Перейдем теперь к другим домашним животным.

Согласно еще древнекитайским представлениям, призраки-козы и призраки-бараны принадлежат к демонам, населяющим землю, и называются *фэнь-ян*. Козы и бараны ведут себя точно так же, как и другие животные, а именно — принимая облик человека либо какие-то неясные смутные очертания призрака, они играют с человеком хитрую и опасную игру. Последствий их коварства, однако, человек может избежать, если он будет сохранять присутствие духа, будет умен и мудр.

Юй Бао сообщает: «Когда Сун Дин-бо из Наньяна (пров. Хэнань) был еще молод, как-то ночью он встретился с призраком. Он задал призраку вопрос и получил ответ: "Я — призрак, а кто вы, господин?" — "Я тоже призрак", — сказал Дин-бо, чтобы обмануть демона. "А куда вы направляетесь?" — вновь спросил призрак. "На рынок в Юань", — ответил Дин-бо. "Я тоже иду туда", — сказал призрак, и они прошли вместе несколько ли. Наконец, призрак заявил: "Мы идем слишком медленно, что вы скажете на то, чтобы поочередно нести друг друга на плечах?" — "Очень хорошо!" — не растерялся Дин-бо.

Первому очередь нести выпала призраку. Через несколько ли он сказал: "Вы слишком тяжелы для призрака, господин". — "Я стал призраком только недавно, и потому все еще тяжел", — ответил Дин-бо. И он посадил призрака, который почти ничего не весил, себе на плечи. Так они сменяли друг друга два или три раза. Наконец, Дин-бо спросил: "Поскольку я новый призрак, я не знаю, чего нам, призракам, нужно остерегаться и опасаться" — "Ничего мы не любим так, как человеческую слюну", — ответил призрак.

Они продолжили путь и вскоре добрались до воды. Дин-бо пустил призрака первым переправляться через реку, но, как он ни прислушивался, не мог уловить ни малейшего шума. Сам же он, переходя реку вброд, взбаламутил воду, и призрак спросил: "Что это там за шум?"

"Умерший недавно еще не умеет переправляться через реку, так что не удивляйся", — ответил Дин-бо.

Когда они уже подходили к рынку в Юань, Дин-бо, несший тогда призрака на плечах, внезапно схватил его. Не обращая внимания на его громкий пронзительный визг, Дин-бо связал его веревкой и, не слушая его речей, понес его прямо на рынок. Когда он бросил призрака на землю, тот превратился в барана. Дин-бо плюнул на него, чтобы он больше ни в кого не превратился, продал за тысячу пятьсот монет и отправился восвояси» («Соу шэнь цзи», гл. 16).

В этой истории находчивому и смекалистому человеку удалось перехитрить призрака. А вот в следующей все произошло как раз наоборот: призраки в облике баранов обманули человека.

«Чжу Хуа, житель Лояна, продавал баранов и тем зарабатывал на жизнь. В первом году Чжэньюань династии Тан (785) он отправился на запад в Биньнин, намереваясь обменять там своих баранов на других. Какой-то человек увидел его и сказал: "Господин пытается разбогатеть, продавая баранов? Что ж, если вы обменяете своих баранов на больших, у вас их станет меньше, а если обменяете на меньших, то у вас их станет больше. Баранов больше — выгода лучше". Хуа согласился с ним и сказал: "Если вы знаете кого-нибудь, у кого есть маленькие ягнята, я обменяю у него всех своих баранов".

Через несколько дней тот же самый человек свел Хуа с хозяином баранов, которому Хуа отдал всех своих, а взамен получил сто десять молодых ягнят. Собрав и больших, и маленьких баранов в одно стадо, Хуа отправился обратно в Лоян, но, когда он входил в ворота, все бараны, которых он получил в результате сделки, в мгновение ока превратились в призраков и убежали. Перепуганный насмерть, не понимая, что могло быть причиной случившегося, Хуа на следующее утро вернулся в Биньнин, чтобы встретиться с хозяином ягнят. Он был так разгневан, что хотел уже было схватить хозяина и доставить в управу, но хозяин спросил: "Что же я такого сделал?" — "Ты отдал мне в обмен на моих баранов этих ягнят, а когда я проходил через ворота, они все превратились в призраков. Разве это не черное колдовство с твоей стороны?" — "А ты, — воскликнул хозяин, — ты продаешь и покупаешь баранов целыми стадами и ради выгоды уничтожаешь жизнь; разве ты не знаешь, что это тягчайшее из преступлений, которые только можно совершить против Неба? Свои прегрешения ты не замечаешь, а обращаешь свой гнев против меня. Я пошлю всех этих баранов, чтобы они схватили и убили тебя". Сказал он и исчез, а Хуа был так поражен и испуган, что сам наложил на себя руки в Биньнине»[52]. Тайно присваивать жертвенные яства и вино, подносимые людьми божествам-покровителям, могут, оказывается, не только лисицы, но и бараны и козлы. Юй Бао сообщает: «При династии Хань в Ци жил человек по имени Лян Вэнь, который поклонялся Дао и выделил в своем доме три-четыре комнаты под кумирни даосскому божеству. Он отгородил трон для божества черной занавеской, и в течение десяти с лишним лет подносил туда жертвы. Однажды, когда он в очередной раз совершил жертвоприношение, из-за занавески послышался человеческий голос: "Я — принц высоких гор, я могу съесть и выпить много пищи и вина, я умею излечивать болезни. Вэнь, ты служил мне с искренней почтительностью долгие годы, и поэтому сейчас я позволяю тебе заглянуть за занавеску: бог пьян". Вэнь с глубоким почтением попросил дозволения увидеть лик божества. "Дай мне свою руку", — был ответ. Вэнь протянул руку и поймал бороду, что росла у божества на подбородке. Борода была очень длинной — Вэнь обернул ее вокруг руки, потянул за нее, и тут услышал блеянье козла, которое неслось с божественного трона. Сбежались перепуганные домочадцы и помогли Вэню вытащить существо. Оно оказалось козлом Юань Гун-лу, который потерялся лет за семь-восемь до того и которого с тех пор никто не видел. Они убили его и тем самым положили конец его проделкам» («Соу шэнь цзи», гл. 18).

Свиньи в китайской демонологии, как правило, наделяются теми же чертами и атрибутами, что и лисицы с собаками. Самые злобные и хитрые особи могут превращаться в женщин и околдовывать и очаровывать своими прелестями и чарами противоположный пол. Вот несколько связанных с ними историй.

«Ли Фэнь жил в езде Шаньгой в Юэчжоу. Он любил наслаждаться красотой гор и вод и потому поселился на горе Сыминшань. Под горой находился дом простолюдина Чжан Лао, семья которого, тем не менее, была очень богата. Они разводили свиней, но не убивали их по прошествии нескольких лет, а отпускали на волю. Как-то в последнем году Юнхэ (356), в день полнолуния в середине осени Ли Фэнь расхаживал при свете луны по внутреннему дворику и развлекал себя игрой на лютне, как вдруг услышал, что за воротами дома кто-то вздыхает от

восторга, перемежая вздохи восклицаниями и смехом. Ли Фэнь не мог догадаться, откуда идут эти звуки, и громко спросил: "Кто это так поздно проник в мою горную обитель?" — "Я очарована и восхищена прекрасным голосом талантливого человека", — с улыбкой ответила какая-то женщина. Она открыла ворота, и Ли Фэнь увидел девушку несравненной красоты — только, как он заметил, кожа вокруг рта у нее была черного цвета. "Вы не призрак и не принадлежите к бессмертным?" — спросил он. "Нет, — ответила девушка. — Я — дочь Чжана, наша семья живет тут же, в горах. Сегодня ночью родители мои отправились в гости в деревню, что лежит к востоку, а я тем временем украдкой пробралась сюда, чтобы нанести визит"... Они опустили занавески, и более не обращали внимания на лампу; лютня умолкла.

Наутро они проснулись с криками петуха. Женщина поднялась и хотела уходить, но Фэнь, влюбившийся в нее и ни за что не хотевший с ней расставаться, украл ее голубой войлочный башмачок и спрятал его в корзине со своей одеждой. После этого его одолела дремота и он заснул. Женщина сперва ласкала его, а потом, увидев, что одного башмачка нет, начала плакать и причитать. "Пожалуйста, отдай его мне. Я обязательно приду вечером опять. Если ты не отдашь его, я точно умру. Я умоляю тебя, будь так добр, верни мне его". Но Фэнь отказался вернуть ей башмачок и заснул; женщина же ушла вся в слезах, горестно вздыхая.

Фэнь проснулся от дрожи; женщины не было, но пол перед кроватью был залит свежей кровью. Фэнь подивился этому и заглянул в корзину с одеждой — вместо башмачка он увидел кусок ороговевшей кожи со свиного копыта. Ужасу его не было предела. Он пошел под гору по кровавому следу, и следы привели его прямо к свинарнику господина Чжана. Одна из свиней, завидев Фэня, уставилась на него злобным взглядом. Он рассказал обо всем господину Чжану, и тот, подивившись и перепугавшись одновременно, зажарил свинью. Фэнь же после этого случая оставил свое затерянное в горах пристанище и перебрался в другое место» («Соу шэнь цзи»).

Еще одна история, передаваемая Юй Бао: «При династии Цзинь один ученый-ши по фамилии Ван жил в области У. Возвращаясь как-то домой, он подошел к излучине реки; уже смеркалось, поэтому лодочники вытащили лодку на большую дамбу. Он заметил девушку семнадцати-восемнадцати лет, позвал ее и провел с ней ночь. На рассвете он снял металлический колокольчик и привязал его к руке девушки; потом он приказал своим людям следовать за ней, но когда те добрались до ее дома, никакой девушки они не нашли, но, проходя мимо свинарника, заметили большую свинью: на лодыжке у нее висел колокольчик» («Соу шэнь цзи», гл. 18).

В заключении приведем еще одну весьма занимательную историю, утверждающую, что домашние животные, если только их тела не истлели, могут превращаться в призраков и преследовать людей: «У одного крестьянина из деревни Тунцзин, что в Цзяннине, десять с лишним лет жила корова, которая за все это время родила двадцать восемь телят и тем самым принесла хозяину немалую выгоду. Корова одряхлела и больше не могла тащить плуг; все мясники просили крестьянина продать ее, но тот никак не соглашался расстаться с ней таким образом. Он отдал ее мальчику, чтобы он присматривал за ней до тех пор, пока корова не умрет своей смертью, а когда это случилось, похоронил ее. На следующую ночь крестьянин услышал за воротами дома какой-то стук. Это продолжалось несколько ночей подряд, а крестьянину и в голову не приходило, что причиной шума могла быть его корова. Но шум не прекращался в течение месяца с лишним, и можно было расслышать даже мычание и топот копыт, поэтому все деревенские жители решили, что они имеют дело с призраком коровы. Они разрыли могилу и увидели, что на теле коровы нет никаких признаков разложения. Глаза ее смотрели словно живые, а к копытам прилипли зернышки риса — было ясно, что недавно она ступала по земле. Взбешенный хозяин схватил меч и отрубил корове все четыре ноги; потом он вспорол ей брюхо и забросал ее навозом и нечистотами; после этого животное больше не появлялось. Когда какое-то время спустя могилу вновь вскрыли, труп коровы уже полностью разложился» («Цзы бу юй», гл. 14).

7. Призраки-рептилии

Фэй Чан-фан, несравненный маг и волшебник, мог, как мы помним, узреть истинную природу лисицы, даже если та в человеческом обличий ехала верхом на лошади. Среди прочих его подвигов — разоблачение и победа над ужасным призраком-черепахой, легенда о котором включена в «Историю Поздней Хань». «В Жунани год за годом появлялся призрак, который, приняв облик губернатора, к глубокому неудовольствию всех жителей области, преследовал стражников с барабанами, охранявших усадьбу губернатора. Как-то призрак столкнулся на дороге с Чан-фаном как раз в то время, когда он направлялся с визитом к губернатору. От страха и испуга призрак не мог даже сдвинуться с места. Потом он снял официальное платье и шапочку, преклонил колени и, ударяя лбом о землю, стал просить пощады. Чан-фан укорил его и сказал: "А теперь немедленно, прямо здесь, в центральном дворе, прими свой истинный облик". Призрак тут же превратился в черепаху, огромную, как колесо повозки; шея у нее была длиной в целый чжан. Потом Чан-фан приказал чудовищу явиться к губернатору и покаяться во всех своих преступлениях, а кроме того, вручил ему письмо с каким-то приказанием хозяину дамбы Гэ. Продолжая совершать земные поклоны, призрак со слезами принял письмо, отправился к дамбе, положил письмо на землю, лег рядом, вытянул вкруг него шею и тут же испустил дух» («Хоу Хань Шу», гл. 112, II, 1.13).

«В годы Кайхуан (581–601) в палатах и покоях дворца каждую ночь появлялся человек, который приставал к обитателям дворца и изводил их. Придворные чиновники доложили об этом императору. Император сказал: "Стража у ворот бдительна и строга; я не представляю, как кто-то может пройти мимо них. Должно быть, это злой демон. Если встретитесь с ним, убейте его". Поэтому, когда следующей ночью существо в обличье человека вновь появилось во дворце и забралось на кровать, они схватили мечи и зарубили его. Удары словно пришлись по сухим костям; существо свалилось с кровати и бросилось наутек, слуги побежали за ним, и тогда оно прыгнуло в пруд. Наутро император приказал осушить пруд. Когда пруд осушили, в нем обнаружили черепаху, диаметром в один чи; на панцире ее виднелись следы от ударов мечей. Черепаху убили, и призрак больше никого не тревожил» («История династии Суй», гл. 22, 1.15).

В Восточной Азии черепахам, как и целому ряду других животных, приписывали способность насылать на людей болезни. Тао Цянь сообщает: «Как-то в старину один человек и его слуга одновременно заболели болезнью живота. Все попытки вылечить их оказались безуспешными. Когда слуга умер, ему разрезали живот и обнаружили там белую черепаху с ярко-красными глазами. Черепаху полили отваром из ядовитых растений, а кроме того, засунули ядовитые растения ей в пасть, но ничто не могло ни повредить ей, ни даже просто воздействовать на нее. И тогда черепаху привязали к ножке кровати.

Как-то к больному прибыл посетитель. Он приехал на белой лошади, мочой которой полили черепаху. Та испугалась и попыталась спрятаться, но не смогла этого сделать, ибо была крепко привязана. И тогда она спрятала в панцирь голову, шею и лапы. Больной, увидев это, сказал своему сыну: "Быть может, мочой можно вылечить и мою болезнь". Для проверки они еще вылили на черепаху немного лошадиной мочи, а потом развели мочу водой. Больной начал принимать ее небольшими порциями, и, когда он выпил более пинты мочи белой лошади, болезнь отступила» («Соу шэнь хоу цзи», гл. 3).

Также большую опасность представляют черепахи, прячущиеся в земле; если человек случайно пройдет над ними, он может внезапно заболеть или еще как-либо пострадать. «Ли Цзун был губернатором Чучжоу, когда одна монахиня, пойдя как-то на базар, вдруг погрузилась в землю, села и никак не могла сдвинуться с места. И прежде много раз случалось так, что люди теряли способность либо есть, либо говорить. Поэтому в конце концов чиновники доложили обо всем Ли Цзуну. Ли Цзун приказал воинам унести монахиню и выкопать яму на том месте, где она провалилась. В яме нашли огромную черепаху размером в несколько чи. Когда черепаху бросили в воду, монахиня пришла в себя» («Цзи шэнь лу», гл. 19).

Аллигатор или крокодил *то*, который, по уверениям некоторых авторов, может достигать огромной длины, также обладает весьма сомнительной репутацией. Как и прочие звери, он умеет превращаться в женщину и совращать похотливых мужчин, а также может явиться в виде демона, несущего болезнь и смерть. «Житель Юнъяна Чжан Фу, возвращаясь домой на лодке, как-то вечером, проплывая через пустынную местность, увидел на берегу реки девушку. Девушка была прекрасна, она села в маленький челн и подплыла к Чжан Фу. "Уже ночь, а я очень боюсь тигров и не осмеливаюсь путешествовать ночью", — сказала она.

"Куда же вы направляетесь? — спросил Фу. — И почему вы так беспечны, что путешествуете даже без шляпы, которая могла бы уберечь вас от дождя? Скорее перелезайте ко мне в лодку; здесь вы не промокнете". Они поболтали еще немного, и девушка привязала свой челнок к лодке Чжан Фу, а сама улеглась на его постель. После третьей стражи дождь прекратился, и при свете луны Чжан Фу увидел, что женщина на самом деле — большой крокодил, положивший морду на его руку как на подушку. Чжан Фу в ужасе вскочил и хотел было уже поймать чудище, но оно быстро ретировалось, плюхнулось в воду и поплыло к челноку, который оказался прогнившим стволом дерева в чжан с лишним длиной» («Соу шэнь цзи», гл. 19).

«У начальника уезда Цзе была дочь, которая попала под дьявольские чары. Немало лекарей пыталось вылечить ее, но все безуспешно. И тогда отец девушки обратился с просьбой помочь к некоему Дун Фэну, пообещав отдать дочь ему в жены, если он сумеет поставить ее на ноги. Фэн принял предложение и позвал белого крокодила в несколько чжанов длиной. Когда крокодил подполз к двери, за которой лежала больная девушка, Фэн приказал слугам зарубить крокодила мечами. Девушка сразу же выздоровела и стала женой Дун Фэна» («Шэнь сянь чжуань», гл. VI).

«Буддийский монах Чжу-яо узнал заклятье, обладавшее божественной силой, которое давало ему полную власть над демонами. Демон наслал болезнь на незамужнюю дочь принца Гуанлина, и Яо пришел в дом принца, чтобы вылечить ее. С закрытыми глазами он бормотал заклинания, укоряя призрака: "Эй, ты, старый демон? По какому праву ты забываешь, что значит вести себя в соответствии с Дао, и осмеливаешься вредить людям?" При этих словах девушка громко заплакала. "Они убивают моего мужа", — воскликнула она. А призрак, спрятавшийся позади нее, молвил: "Теперь пришел мой последний час". Потом он разразился вздохами и рыданиями и произнес: "Против божественной власти я бессилен". После чего превратился в старого крокодила, который выполз во двор. Яо приказал забить его» («Чжи гуай лу»).

Укусы змей очень опасны и даже смертельны для человека, поэтому в том, что в Китае змей тоже наделяют самыми разными атрибутами, свойственными демонам и призракам, ничего удивительного нет. Более того, историй и преданий о змеях-оборотнях великое множество. Несчастные жертвы гнева змеи умирают, страдают от болезней и несчастья не только сами, но и зачастую вместе со своими семьями. В некоторых легендах описываются такие ужасы, что мы вправе утверждать, что они полностью лишены каких бы то ни было оснований. Но, справедливости ради, мы обязаны сказать: в не меньшем количестве историй явление змей считается благоприятным знаком.

Змеи-оборотни, как и призраки в целом, нередко выступают в китайской мифологии в качестве карающей десницы. Так, в конце правления династии Цзинь призрак возвестил гибель Чжугэ Чан-миня, храброго воина, одержавшего множество побед, но отличавшегося такой ненасытной жадностью при управлении своими землями, что измученные подданные в конце концов восстали и убили его вместе с членами семьи. Официальная история свидетельствует: «Став богатым и знатным, Чан-минь каждый месяц не мог спать в течение десяти ночей и метался по дому, словно сражаясь с кем-то. Мао Сю-чжи провел с ним одну из ночей и, когда увидел, в каком он пребывает ужасе и панике, спросил, что является причиной. Чан-минь ответил: "Я вижу зверя, черного и покрытого шерстью, но не могу увидеть его лап.

Зверь обладает силой, намного превосходящей мою, и я не в состоянии совладать с ним". Потом все это повторялось несколько раз: змеиная голова появлялась в доме повсюду, и на столбах, и на балках крыши. Чан-минь приказал своим людям развесить повсюду мечи (чтобы напугать змею) и при случае убить, но змея все время отступала перед мечами и появлялась тогда, когда их убирали. Змею пытались бить колотушками. Она разговаривала с домочадцами, словно человек, но никто не мог понять ее. Потом на стене видели огромную руку в семь-восемь чи длиной и запястьем толщиной в несколько пядей. Но рука исчезла после того, как приказали отсечь ее. Вскоре после этого Чан-минь был убит» («История династии Цзинь», гл. 85, 1.10).

Но змеи-оборотни преследовали в Китае не только злых и порочных людей. В «Тай пин гуан цзи» приводится легенда о том, как чудовище досаждало не кому-нибудь, а самому совершенномудрому Конфуцию. «Янь Хуэй и Цзы-лу сидели перед воротами дома Учителя, когда появился призрак и заявил, что хочет видеть Конфуция. Глаза его сверкали, словно солнце, и выглядел он так устрашающе, что Цзы-лу лишился чувств: губы его застыли, и он не мог вымолвить ни слова. Янь Юань же (Янь Хуэй) взял свою обувь, дубинку и меч, выступил вперед и схватил призрака за бедра. Призрак тут же превратился в змею, и Янь Юань зарубил ее мечом. Учитель вышел посмотреть, что случилось, и сказал со вздохом: "Храбрый человек не ведает страха и не теряет при этом мудрости; мудрый человек не храбр, но и храбрец не всегда обладает мудростью"».

Тао Цянь рассказывает страшную историю о том, как огромная змея, приняв человеческий облик, обманула целую семью с тем, чтобы удовлетворить свою похоть с невинной девушкой. «В период Тайюань династии Цзинь один ученый муж взял себе в жены девушку из соседней деревни. Пришло время свадьбы, и семья жениха послала за невестой людей, семья же невесты отправила ее в новый дом в сопровождении кормилицы. Свадебная процессия добралась до двойных ворот и множества залов, походивших на дворец царственной особы. Перед столбами горели факелы, а позади них на страже сидела служанка в богатых одеждах. Задние покои были убраны занавесками и гобеленами необыкновенной красоты.

Наступила ночь, и девушка, потихоньку роняя слезы, обняла свою кормилицу. Спустя время кормилица украдкой просунула руку за занавески, и поняла, что огромная змея толщиной со столб в несколько пядей обвилась вокруг тела девушки, закрыв его с головы до пят. В ужасе она бросилась прочь, и увидела, что служанка, охранявшая стоявшие под столбами факелы, тоже змея, только чуть меньших размеров, а сами факелы — горящие змеиные глаза» («Соу шэнь хоу цзи», гл. 10).

Уже в сочинениях ханьской династии змея предстает демоном, способным насылать тяжкие болезни. «В начале царствования императора Чжан-ди (76–89) жил некий Шоу Гуан-хоу, который умел разоблачать и наказывать всех *гуй* и *мэй*, приказывая им спутывать себя по рукам и ногам и являть свой подлинный облик. У жителя его деревни была жена, которую поразил болезнью *мэй*. Гуан-хоу разоблачил призрака, и за воротами дома нашли большую змею в несколько чжанов длиной» («Хоу Хань шу», гл. 112, II, 1.17). Вариации на эту же тему встречаются и в литературе как более ранних, так и последующих времен.

Немало небылиц, и притом весьма древних, придумано о том, как больные мужчины и женщины изрыгают из себя змей. Что, впрочем, не столь уж удивительно. Воображение суеверных людей легко и с готовностью увеличивало всевозможных кишечных червей до размеров змей. В «Ле сянь чжуань», тексте, созданном при ханьской династии или вскоре после нее[53], рассказывается о некоем Юань Су, знаменитом лекаре, продававшем лекарства и узелки, якобы обладавшие чудодейственной излечивающей силой. «Принц Хэцзянь, страдавший запором, купил у него лекарства и принимал их. Из него вышло более десяти змей». Отнюдь не всегда змеи проникают внутрь человека постепенно; порой они врываются в человека, разъедая и пожирая его изнутри. Показателен в этом отношении пример Цинь Чжэня. «Цинь Чжэнь жил в деревне Пэнхуан, что в Цюйэ. В голову его проникло существо,

похожее на змею. Когда змея появилась, повсюду разнеслась страшная вонь. Потом змея залезла в его ноздри и свернулась клубком в его голове. Он услышал сперва жужжание, а потом до него отчетливо донесся какой-то треск, словно кто-то поедал его мозги. Через несколько дней змея выползла из его головы, но потом вернулась опять. На этот раз Цинь Чжэнь завязал платком нос и рот, чтобы змея не могла проникнуть в него. В течение нескольких лет ничто не беспокоило его, за исключением головной боли» («Соу шэнь цзи», гл. 17).

Есть в литературе и примеры того, как души змей проникают в тела несчастных жертв и вызывают болезни. «В уезде Би один простолюдин поймал около канавы под южной стеной города маленькую змею, чуть более одного чи в длину. Он выпотрошил ее, обернул кольцами вокруг палки и изжарил на огне. Через некоторое время у его маленького сына все тело вдруг покрылось пузырчатыми волдырями, потом кожа его потрескалась, словно ее изжарили, и ребенок вскричал: "Ты убил меня без всякой вины; потом ты вынул из моего живота внутренности и бросил меня в огонь; вот почему я сделала так, чтобы сын твой испытывал такие же муки". Члены семьи, услышав эти слова, были изумлены и испуганы. Они взяли змею, вытащили бамбуковую палку, а потом полили ее водой. Воскурив ладан, они совершили молитвы и отнесли змею к тому месту, где ее нашли. Через некоторое время змея, извиваясь, уползла, а ребенок полностью выздоровел»[54]. В ряде сочинений рептилии-змеи, превращающиеся в оборотней, называются *тянь шэ*, «небесные змеи». Что подразумевали под этим понятием китайцы, нам неизвестно. В китайской мифологии есть одноименное существо, отчасти сопоставимое с западным Пегасом, но существует ли какая-то связь между ним и змеями-оборотнями, неизвестно. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с изобретением лекарей-шарлатанов, магов и заклинателей злых духов. Единственный, у кого нам удалось найти хоть какое-то упоминание о них — это автор «Мэн ци би тань». «В период Тайпин (976), когда Юнь Гуань-ци служил в округе Гуаннань и Гуанси (восточная Юньнань), какое-то животное отравило мелкого чиновника; все тело больного покрылось нарывами. Объявился лекарь, заявивший, что сможет вылечить чиновника; его позвали и предложили осмотреть больного. "Его терзает небесная змея", — сказал лекарь. "Болезнь проникла слишком глубоко, и теперь уже ничего сделать нельзя". Тем не менее, лекарь протыкал иглами раздувшиеся волдыри и покрывал язвы мазями, и сумел поймать более десяти существ, похожих на змей. Болезнь прекратилась. — Неподалеку от могилы моего отца в Сици, что в Цяньтане, одного крестьянина поразила проказа. Тело его покрылось гноящимися язвами, и он кричал и визжал, словно пришел его последний час. Буддийский монах из монастыря Сици понял, в чем причина болезни, и сказал: "Это не проказа; его отравила небесная змея". Монах содрал с дерева немного коры, сварил ее и дал больному более пинты отвара, наказав пить большими дозами. На следующий день болезнь прошла наполовину, а еще через два-три дня больной полностью выздоровел. Насколько мне известно, это была кора лесного орешника.

Однако я все-таки не знаю, что же представляет из себя Небесная змея. Некоторые говорят, что это паук, обитающий на желтых цветах кустарника: если паук укусит человека или если на человека попадет капля росы, он заболевает. Поэтому, да будут осторожны ступающие по росе» (гл. 25).

Таким образом, приписываемая небесным рептилиям болезнь представляет собой разновидность проказы и так или иначе проявляется в появлении на теле многочисленных язв, причиной которых могут быть укусы змеи. Опасными могут быть даже змееподобные тени, если они каким-либо образом проникают в тело человека. Что, впрочем, вряд ли стоит считать удивительным, ибо мы знаем, что в китайской демонологии тени существ отождествляются с их душами. Во втором веке новой эры Ин Шао писал:

«Когда мой дед Чэнь занимал пост начальника Цзи, как-то в день летнего солнцестояния он отправился к главному сборщику налогов Ду Сюаню и преподнес ему вина. В тот момент на северной стене зала висел лук красного цвета; тень от лука, по форме напоминавшая змею,

легла как раз на кубок с вином. Сюань очень испугался и почувствовал отвращение к вину, но отказаться не осмелился. С того дня у него начались режущие боли в груди и животе. Он не мог ни есть, ни пить, ослабел и исхудал; болезнь его лечили десятью тысячами способов, но побороть ее никак не удавалось.

Тем временем Чэнь по какому-то делу вновь пришел в дом Сюаня и увидел больного хозяина. Чэнь спросил его, что стряслось, и Сюань ответил, что он боится той змеи, что проникла в его живот. Чэнь вернулся в управу и стал размышлять, как быть, и тут его взгляд упал на лук, висевший на стене. Чэнь понял, что именно лук всему виной, и приказал одному из своих подчиненных у ворот принести в паланкине Сюаня. Тем временем он поставил кубок с вином так, чтобы змеевидная тень, отбрасываемая луком, вновь попала на вино. "Это тень от лука, висящего вон там на стене, и никакого призрака здесь нет", — сказал он Сюаню. При этих словах Сюань приободрился, сразу почувствовал себя лучше, и начиная с этого дня начал выздоравливать. Он поднялся по служебной лестнице до должности министра, поочередно занимал пост губернатора в четырех областях и снискал авторитет и известность»[55]. В заключении мы поведаем историю об оборотне-жабе, рассказанную Лу Сюнем в сочинении «Чжи гуай лу», относящемся к правлению династии Тан. «Ревизор Шэнь Цин сообщает, что в его местности жил мелкий чиновник, на дочь которого демон наслал болезнь. Ела и пила она нерегулярно; иногда она пела, потом вдруг начинала плакать, бегать нагишом и раздирать себе лицо ногтями. На помощь позвали колдуна-у, который воздвиг жертвенный алтарь, бил в барабан, играл на дудочке и бормотал разные заклинания.

Как раз в это время один пассажир из лодки, что причалила на ночь к пристани, расположился на ночлег рядом со сходнями, и вдруг увидел в темной яме жабу, огромную, как чаша, с красными глазами и мохнатыми лапами, которая танцевала под звуки барабана. Он взял бамбуковую жердь, проткнул ею жабу, поднял ее и привязал к веслу. В тот же миг он услышал голос девочки: "Зачем вы привязываете моего мужа?" И тогда человек постучался в двери дома и сказал хозяину: "Я умею лечить такие болезни". Отец, обрадовавшись, спросил, какую плату он хотел бы получить. "Не более нескольких тысяч монет", — ответил тот. "Я люблю свою дочь больше всего на свете, и в попытках облегчить ее страдания я уже истратил столько сотен связок монет, что не задумываясь отдам еще несколько тысяч, если они помогут вернуть ей здоровье. Я дам вам в два раза больше". Человек бросил жабу в кипящее масло, и уже на следующий день девочка была крепка и здорова».

8. Оборотни-птицы

В китайской литературе историй о превращении человеческих душ в птиц великое множество. Поэтому естественно ожидать, что и преданий и легенд о демонах и призраках в образе птиц, на самом деле являющихся, например, разгневанными душами тех умерших, что пострадали от жестокости и несправедливости, также немало. И ожидания наши сполна подтверждаются свидетельствами.

«В правление императора Хуэй-ди, во втором году Юней (291), — читаем мы в сочинении четвертого века, — из области Чаншань императору доставили "птицу — раненую душу". Она напоминала куропатку, но цвет перьев у нее был как у фазана. Император отказался принять ее, ибо ему не понравилось ее имя, однако перья птицы императору приглянулись. И тогда человек, хорошо разбиравшийся в зверях, сказал: "Когда император Хуан-ди убил Чи-ю, на одну женщину напал ягуар, приняв ее за кого-то другого. На седьмой день она все еще была жива, и император из сострадания похоронил ее в гробу под каменным сводом. Потом над могилой кружила птица и кричала, что она — раненая душа; это действительно была душа той женщины. С тех пор в полях и садах тех государств, где люди умирали не в отведенные судьбою сроки, собирались такие птицы. Так произошло при династии Хань, в конце царствования Ай-ди и Пин-ди, когда (узурпатор) Ван Ман уничтожил много мудрых и добрых людей. Тогда птица появлялась так часто и так жалобно кричала, что люди возненавидели ее имя. В Чаншань отправили приказ отогнать птиц стрелами, но лишь с воцарением ныне

царствующей династии Цзинь, когда были убраны мечи и щиты и установлен мир в пределах четырех морей, эти птицы только время от времени появлялись в диких полях. Из-за того страха, что вызывало в людских сердцах это имя, его изменили с *шан хунь* (раненая душа) на *сян хун*. В ту пору Сунь Хао (последний правитель дома У, низложенного Цзинь) получил титул Гуймин-хоу (дабы его душа не стала мстительной и не превратилась в эту птицу), и смысл слова *сян хун* (великодушное обращение) был созвучен этому".

В конце годов Юйпин (294) вновь царили смуты и кровопролитие. У ворот слышались тяжелые вздохи, а на улицах — плач; Чаншань вновь преподнесла дань, птиц выпустили на волю, и они улетели» («Ши и цзи», гл. 9).

Казалось бы, превратиться в демона-оборотня может каждая птица, ведь каждое живое существо, по китайским поверьям, обладает душой, однако лишь весьма ограниченный ряд представителей пернатых присутствует в китайской демонологии. Один из них — петух. Автор, живший в пятом столетии, свидетельствует: «В области Дайцзюнь был павильон, в котором постоянно появлялись призраки, проделкам которых никак не удавалось положить конец. Как-то вечером к павильону отправились студенты, люди, молодые и сильные, с намерением провести там ночь. Привратник всячески отговаривал их, но студенты заявили: "Мы сейчас быстро разгоним этих призраков". И остались на ночлег. Когда они ужинали, прямо перед ними вдруг появилась рука, игравшая на флейте с пятью отверстиями. Студенты засмеялись. "Как ты можешь зажимать отверстия флейты по всей длине с одной рукой? — сказали они призраку. — Давай-ка мы тебе поиграем". Но призрак возразил: "Вы полагаете, что у меня недостаточно пальцев?" И вытянул вперед другую руку, на которой было несколько раз по десять пальцев. Тут студенты решили, что час пробил: они выхватили мечи и стали наносить удары по руке. Призрак оказался старым петухом» («Ю мин лу»).

В 614 году произошел следующий случай. «Некто Ван Цзи, счастливый обладатель волшебного зеркала, отправился в Бянь, что в области Сун (пров. Хэнань). У хозяина дома, где он остановился, по имени Чжан Ци, была дочь, страдавшая от болезни. Каждый день с наступлением ночи она так горестно плакала, что не было сил выносить ее рыдания. Цзи спросил хозяина, что случилось с его дочерью, и тот ответил, что девушка болеет уже больше года: днем она спокойна, но как только приходит ночь, она плачет. Цзи остался в доме Чжана на ночь, и как только услышал крики девушки, вытащил свое зеркало и направил его на нее. "Тот, что с гребнем, убит", — воскликнула она. Под ее кроватью лежал большой мертвый петух. Это была птица хозяина, жившая у него уже семь или восемь лет»[56]. «Ян из Циньюаня (пров. Шэньси) занимал пост помощника командующего гарнизоном провинции. Перед западной стеной его дома был открытый участок земли. Как-то утром он отправился на службу и еще не вернулся домой, когда его семья за обедом вдруг увидела гуся с фальшивыми бумажными деньгами на спине, который проковылял через ворота и направился прямиком в комнату, обращенную к западной стене. "Неужели этот гусь явился из храма божества?" — в удивлении воскликнули члены семьи и приказали слугам прогнать его. Но слуги, войдя в комнату, увидели в ней только старика с парой пучков волос на голове и сединой на висках. Вся семья до одного человека в ужасе бежала прочь. В это время домой вернулся Ян и, узнав о том, что произошло, схватил палку и напал на призрака, но призрак так умело изворачивался, то исчезая в одном углу комнаты, то появляясь в другом, что попасть по нему никак не удавалось. Вне себя от ярости Ян вскричал: "Я вернусь после обеда и убью тебя". На что призрак сделал шаг вперед и ответил с поклоном: "Да будет так".

У Яна было двое дочерей. Старшая отправилась на кухню, чтобы нарезать мяса и приготовить отцу обед, но когда она положила мясо на камень для резки, оно внезапно исчезло. Прямо с ножом в руке она побежала к отцу и рассказала ему о случившемся, но тут из-под камня вылезла большая рука, покрытая черной шерстью, и чей-то голос произнес: "Режь, пожалуйста". Девушка бросилась сломя голову из кухни и бежала до тех пор, пока не лишилась чувств; потом она заболела. Младшая дочь хотела было взять соль из большого

кувшина, но из него выпрыгнула большая обезьяна и взгромоздилась девушке на плечи. Девушка ринулась прочь, но только в главном зале дома смогла сбросить ее с себя. Младшую дочь тоже поразил недуг.

Тогда позвали колдуна-у; он воздвиг алтарь, чтобы излечить дочерей, но призрак тоже соорудил алтарь и исполнил ритуал, который оказался более сильным. Ни один другой колдун-у ничего не мог поделать с призраком; более того, каждый из них в испуге убегал. Вскоре и жена, и обе дочери Яна умерли. Тогда пригласили человека по имени Мин Цзяо, владевшего искусством управляться с демонами, чтобы он прочитал священные книги. В первую же ночь призрак, обругав Яна и плюнув в него, бежал. Более он не появлялся в доме, но в том же году умер и сам Ян» («Цзи шэнь лу»).

В призраков-оборотней превращаются также вороны и совы. Голос, да и само присутствие этих птиц не только неблагоприятны для человека, но и самым непосредственным образом влекут за собой зло. То, что уже в далекой древности вороны олицетворяли несчастье и беду, подтверждает стихотворение из «Ши цзина», которое мы приводили выше. «Ворону с белой шеей, — говорит комментатор «Канона птиц»[57], - люди, живущие в юго-западных областях, называют "воробьем-призраком"; ее карканье предвещает беды и несчастья». «Ее способности, — свидетельствует другой автор, — позволяют ей проникать в природу счастья и несчастья; поэтому, где бы ни жила эта птица, люди боятся ее, а жители юго-запада считают ворону призраком, способным предсказывать будущее» («Эрья и», раздел «Вороны»). Души убитых ворон могут преследовать обидчиков с жестокостью и хитростью, свойственной разве что душам мертвых людей. Так, в сочинении времен танской династии говорится: «Когда Пэй Чжун-лин занимал пост губернатора Цзянлина, он послал своих полководцев Хун-шоу и Ван Чжэня в Линнань (пров. Гуандун и Гуанси). Исполнив приказание губерантора, они, возвращаясь домой, остановились на постоялом дворе в Гуйлине, где, завидев их, стая ворон начала шумно кричать. Ван Чжэнь бросил в них камень и убил одну птицу, которая упала в заросли бамбука. Внезапно у другого полководца Тань Хун-шоу так заболела голова, что он не мог продолжать путь. Он сказал Ван Чжэнь отправляться вперед одному и подождать его где-нибудь или сообщить о его болезни семье, чтобы они прислали за ним людей.

Пэй Чжун-лину тем временем приснился сон: Тань Хун-лин говорил ему, что на обратном пути его убил Ван Чжэнь и, забрав деньги и вещи, оставил его тело в бамбуковой роще. Не прошло и двух дней, как прибыл Ван Чжэнь и испросил новых указаний. Губернатор вызвал его к себе, передал его чиновникам, которые били его плетьми и допрашивали по всей строгости закона. Через десять дней вернулся Тань Хун-шоу, и тогда губернатор узнал о камне, который Ван Чжэнь бросил в ворону, и понял, что это душа птицы так отомстила за себя»[58]. В китайской литературе также немало преданий о том, как души мертвецов, павших жертвой жестокости, беспощадно преследовали своих убийц в облике ворон. «Ли Чэн-сы, уроженец Эчжоу, жил при династии Тан. Семья его была богатой, состояние его исчислялось мириадами монет, но у него была уродливая жена и сын десяти лет — оба страдали болезнью поясницы и нижних конечностей. Чэн-сы ненавидел их, взял в дом четырех наложниц и все время проводил с ними в увеселениях.

Однажды наложницы, выпив вина, посоветовали ему развестись с уродливой женой, выплатив ей сто тысяч монет. Но решение жены довести дело до сведения властей остановило его. Тогда он вместе с наложницами придумал другой план. Ночью они дали несчастной женщине выпить вина, а потом отравили ее вместе с сыном. Но через десять дней после похорон около полудня стали прилетать две вороны и клевать Чэн-сы сердце, доставляя ему нестерпимые муки. Спастись от них не было никакой возможности. Отчаявшись, Чэн-сы зарылся в землю и прошло много времени, прежде чем он пришел в себя. Так продолжалось целый год, и ни один из десяти тысяч испробованных способов не помогал.

Случилось так, что Ло Гун-юань, лекарь-даос из Цин-чэна, проходил между реками Хуай и Сы. Чэн-сы пригласил его в свой дом и спросил, не обладает ли он каким-либо

чудодейственным средством, которое бы отвратило зло и помогло ему. "Здесь действуют несправедливо обиженные души, — ответил лекарь. — Они пожаловались Небесному Владыке, и Небо дало им право мстить людям. В таких случаях колдовство бессильно. Единственный путь заслужить прощение в совершенных преступлениях — это воздвигнуть даосский алтарь, украсить его талисманами желтого цвета и с почтением вознести молитвы к Небу". Три дня и три ночи Чэн-сы все делал так, как велел даос. На второй день черные птицы перестали прилетать, а во сне ему явились жена и сын. "Ты несправедливо с помощью яда избавился от жены и сына, — сказали они. — Мы доложили об этом Небесному Владыке, и он позволил нам отомстить. Но теперь, благодаря волшебству чудодейственных желтых амулетов, Высочайший повелел, чтобы мы возродились на небесах и получили счастливое воздаяние. Поэтому мы навсегда теряем узы мести, привязывавшие нас к тебе"» («Юнь цзи ци цянь»).

В Китае обитает несколько видов сов. И несомненно, что именно ночной образ жизни совы и ее жуткое уханье послужили причинами того, что китайцы наделяли эту птицу демоническими атрибутами. Встреча с совой считается исключительно неблагоприятной, а особенно с теми экземплярами, у которых на голове хохолок, именуемый *гоу-гэ*. В первой половине восьмого века Чэнь Цзан-ци писал: «Если она появляется в городе, город опустеет, если она появляется в доме, дом опустеет; если же она постоянно остается на одном месте, вреда от нее не будет. Любой, кто услышит издаваемый ею крик, похожий на смех, должен поспешить прочь. В северных землях обитают два вида сов: *сюнь* и *ху*, которые похожи друг на друга и, тем не менее, принадлежат к разным видам. Называются они так вследствие звуков "сюнь" и "ху", которые они издают; глаза у них как у кошки, размером они с *цюй-юй*. Если птицы эти издадут звуки, похожие на смех человека, кто-нибудь обязательно умрет.

Кроме того, есть еще и *сю-лю*, которая тоже принадлежит к этому же типу, но меньше размерами и желтого цвета; по ночам она проникает в дома, собирает там ногти с пальцев людей и (благодаря этому?) узнает о счастье и несчастье их обитателей. Когда ее ловят, то в зобу у нее находят эти ногти, поэтому те, кто стригут ногти, зарывают их во дворе дома» («Бэнь цао ши и», цит. в «Бэнь цао ган му», гл. 49).

«*Гу-хо* может унести обе души человека. Согласно "Сюань чжун цзи", *гу-хо* — это птица-оборотень, призрак, который, одеваясь в перья, становится летящей птицей, а сбрасывая перья, превращается в женщину. Говорят, что таким призраком становятся женщины, умершие во время родов: поэтому у них две большие груди. Они обычно крадут чужих детей с тем, чтобы воспитывать их как своих. Ни одна семья, в которой есть маленькие дети, не должна оставлять ночью на улице их одежду, ибо летающая по ночам птица помечает одежды кровью, и ребенок упадет в судорогах от испуга или будет страдать от истощения, называемого "истощением безвинных". Птиц этих очень много в Цзинчжоу, и там их тоже называют птицами-оборотнями».

В девятом столетии Дуань Чэн-ши, видимо, счел орнитологический фольклор достаточно интересным, чтобы записать его. Он добавляет также, что ночную птицу называют и *тянь ди нюй*, «дочерью Небесного императора», и *дяо син*, что может быть названием звезды. Дуань Чэн-ши знакомит нас и с еще одной разновидностью этих птиц, так называемой «чертовой колесницей», поистине дьявольским созданием, «специализирующимся» на похищении человеческих душ. «У птицы, которую называют "чертовой колесницей", по преданию, было десять голов. Она похищала человеческие души, но одну ее голову сожрали собаки. В области Цинь эта птица с наступлением темноты иногда издает звуки, напоминающие лязг мечей и грохот колесниц. Однако другие говорят, что звуки издают пролетающие в воздухе водяные птицы» («Ю ян цза цзу», гл. 16). Еще до того, как Дуань Чэн-ши записал эти свидетельства, Чэнь Цзан-ци говорил о страшном похитителе душ так: «"Чертова колесница" летает с криками в темноте, проникает в жилища и крадет души и ци людей. Согласно традиции, было время, когда птица имела десять голов; потом одну съели собаки, и голов осталось девять. Из незаживающей раны постоянно сочится кровь, и, если кровь попадет на дом, не миновать

несчастья. Когда жители Цзин и Чу (Хунань и Хубэй) слышат в ночи, как летает и кричит эта птица, они гасят лампы и, чтобы отогнать ее, стучат в двери и дергают за уши собак, ибо, как они говорят, птица эта боится собак» («Бэнь цао ши и», цит, в «Бэнь цао ган му», гл. 49). В «Цзин-Чу суй ши цзи», «Календаре обрядов областей Цзин и Чу», сочинении, написанном в шестом столетии, читаем: «В первом месяце года множество птиц-призраков путешествует в ночи. В каждом доме люди колотят по кроватям и стучат в двери, щипают и крутят уши собакам и гасят лампы и свечи, чтобы отвадить их».

Статный журавль, которого в Китае так высоко почитают, которым так восхищаются и считают символом долголетия, тоже, оказывается, может пасть до того, что превратится в лису и стать дьяволом-искусителем в человеческом обличье. «В правление императора династии Цзинь Хуай-ди, в период Юнцзя (307–313), некто Сюй Ши отправился как-то на прогулку и встретил в поле прекрасную девушку, которая была очаровательно свежа и бела лицом. Девушка подошла к нему, они обменялись несколькими нежными словами, и девушка пропела:

Добрые слова о вас дошли до меня давным-давно,
И с тех пор мое сердце дни и месяцы ожидало вас.
Как я могла встретить вас, благородный гоподин?
Я мечтала о вас, но как издалека родится чувство?

Ши тоже сразу полюбил девушку, и она, обрадовавшись, пригласила его в дом, накрыла стол и поставила перед ним еду, вино и много рыбы. На следующий день, когда Ши не вернулся, его братья отправились на его поиски и нашли его сидящим на берегу озера рядом с девушкой. Старший брат напал на девушку с тростниковой палкой, но она тут же обратилась в белого журавля и взмыла высоко в небо. Ши был настолько удивлен, что прошло больше года, прежде чем он окончательно пришел в себя» («И юань»).

9. Дьявольские рыбы

Как мы помним, даже совершенная мудрость Конфуция не уберегла его от встречи со змеей-оборотнем в человеческом обличье. Кроме того, авторы древности повествуют и о посещении Учителя дьявольским человеком-рыбой. «Конфуций, пребывая в меланхолии, сидел во дворе дома, перебирал струны и напевал, когда в сумерках появился какой-то человек, ростом свыше девяти чи, в черных одеждах и высокой шапке. Его грубый голос взбудоражил всех вокруг. Цзы-гун выступил вперед и спросил: "Кто вы такой?" Но незнакомец схватил его и зажал под мышкой. Потом выступил Цзы-лу с натянутым луком и сражался с незваным гостем во дворе дома. Но и ему не удалось одолеть его. Конфуций внимательно посмотрел на человека и заметил, что в местах сочленения пластин его кольчуги зияют бреши размером с ладонь. "Почему ты не стреляешь в незащищенное место?" — воскликнул Конфуций. "Стреляй туда, и тогда победишь". Цзы-лу выстрелил, и незнакомец распростерся на земле, превратившись в огромную рыбу *ти* свыше девяти чи длиной.

Конфуций сказал: "Зачем явилось сюда это существо? Я слышал, что, когда звери стареют, они собирают все оставшиеся у них жизненные силы и приходят туда, где царит несчастье. Наверное, именно это привело сюда зверя. Не связан ли как-то его приход с моим грустным расположением духа и равнодушием к пище или с болезнями тех, кто следует за мной. Конечно, шестью домашними животными, а также черепахами, змеями, рыбами, травой, деревьями и так далее в конце концов овладевают *шэнь*, и они преследуют людей как призраки, которых называют "пятью ю", пятью областями (направлениями компаса), соответствующими пяти элементам, поскольку во всех областях живут такие существа. "Ю" означает "старый", поскольку существа эти преследуют людей только когда состарятся. Но если их убить, то они ничего не смогут поделать, так что какое несчастье может теперь пасть на меня? Быть может даже, случай этот произошел благодаря неизмеримой доброте Неба, которое связало мою судьбу; для чего же еще мог явиться сюда этот зверь? Поэтому мне не стоит прерывать игры на лютне и пения". Цзы-лу приготовил рыбу, которая источала приятный

аромат, и даже страдавшие от болезни последователи Учителя поднялись с постелей. На следующий день все они смогли продолжить путь» («Соу шэнь цзи», гл. 19).

Чрезвычайно дурной славой демона, насылающего болезни, пользовалась рыба под названием *шан*, «Рыба *шан* похожа на линя и вся в красных пятнышках; длина самых крупных превышает один чи. Она встречается в Юйчжане, где обитает преимущественно в грязных и илистых водоемах, иногда целыми сотнями. Рыбы *шан* могут становиться демонами-*цзу*, околдовывать и дурачить людей, а также завладевать их душами. Владельцы земель и полей, окружающих такие водоемы, не осмеливаются вредить им; они время от времени обращаются к ним с молитвами и приносят жертвы, прося о богатом урожае, и тогда их земли дают в два раза больше плодов. Но владельцы вынуждены скрывать свои имена, а также покидать поля через три года — только так можно избежать несчастья, насылаемого этими рыбами.

Вред, приносимый рыбами-*шан* человеку, заключается в следующем: они изменяют положение лица, рук и ног людей, и спастись от этого можно только молитвами и испрашиванием прощения за прегрешения. По ночам они выползают на землю и оставляют следы грязи, а там, куда они приползают, раздаются дразнящие слух звуки. У командующего двадцать пятой армией Северного императора есть амулет, способный побороть чары водяных *цзу*. Можно написать заклинание на камне или кирпиче и бросить его в пруд, где живут эти рыбы; или, выцарапав на досках, прибить у края водоема, и тогда налетит ветер и дождь или будет грохотать гром, и рыбы обязательно покинут место. Знакомые с этими способами могут применять их» («Лу и цзи»).

Чтобы стать демоном, способным насылать болезни, рыба должна принадлежать к определенному типу. «При династии Тан в Лояне проживал некто Лю И из Хэдуна. Как-то погожим весенним днем он рыбачил на реке И и поймал большую рыбу, которую отнес домой и пустил в бассейн с водой. У него был сын семи-восьми лет, и в ту же ночь Лю И приснилось, что рыба укусила его в грудь. Он проснулся в холодном поту и тут же слышал крик ребенка. "Мне приснилось, что большая рыба укусила его в грудь, — сказал он. — Ребенок кричит от нестерпимой боли". Поскольку явь и сон совпали, Лю обследовал грудь сына и, к своем ужасу, обнаружил прыщи и кровь. На рассвете он выпустил рыбу в реку, затем пригласил буддийских монахов с тем, чтобы они прочитали сутры перед образами святых. Через десять с небольшим дней прыщи на груди у ребенка исчезли. С тех пор Лю И больше никогда не ловил рыбу» («Сюань ши чжи»).

Хотя рыбы, как известно, принадлежат к холоднокровным, сей факт не помешал китайским авторам сочинять и записывать истории о том, как рыбы, приняв человеческий облик, обманывают мужчин и женщин, искушая их, соблазняя и даже вступая в брак с ними. «Героями» подобных небылиц становятся даже крабы. «В Цзиньлине, где множество крабов, есть старая легенда об одном из них, панцирь которого был в пять чи, а клешни — в два раза большей длины. Он регулярно появлялся под покровом ночи и кусал людей. В ту пору жила в тамошних местах целомудренная женщина, все еще незамужняя, хотя ей уже перевалило за тридцать. Однажды ночью на ее дом напали разбойники, она в ужасе убежала, но дорогу ей преградил краб. В мгновение ока он превратился в прекрасного юношу, и начал соблазнять ее. С глубоким возмущением непорочная девушка воскликнула: "Что это за призрак осмеливается бесчестить меня? Когда я умру, я превращусь в ядовитую лисицу и тогда убью тебя". И с этими слова она бросилась головой на камень и умерла. На следующее утро в сильном тумане люди нашли на дороге мертвого краба; путников в тех местах более никто не тревожил. И поныне, сгущается туман, многие крабы лежат в спячке[59].

10. Оборотни-насекомые

В китайской демонологии находится место и для насекомых. «В годы Иси династии Цзинь, — сообщает Тао Цянь, — некто Гэ Хуэй-фу из Ушана проводил ночь в доме семьи его жены, когда после третьей стражи перед крыльцом появились двое человек с факелами. Гэ понял, что они пришли не с добрыми намерениями, и подошел поближе, чтобы дать им отпор.

Он уже хотел было обрушить на них свою палку, как вдруг они превратились в бабочек, которые метались туда и сюда, пока не стукнулись Хуэй-фу о бок. Он повалился на землю и вскоре умер» («Соу шэнь хоу цзи», гл. 8).

Цикады в человеческом обличье склонны к соблазнению женщин в не меньшей степени, чем всевозможные четвероногие и рептилии. «В правление Сунь Хао из царства У (третий век) начальник столичного округа Чжу Дань из Хуайнани по прозвищу Юн-чан занимал пост губернатора Цзяньани. У одного из его подчиненных была жена, на которую демон наслал болезнь, но чиновник подозревал жену во внебрачной связи. Как-то, заявив, что отправляется по делам, чиновник остался и стал следить за женой через расщелину в стене. Он увидел, что она сидит за своим ткацким станком и работает, но при этом смотрит на стоящее вдалеке тутовое дерево. Потом женщина приблизилась к дереву и стала разговаривать и смеяться. Чиновник заметил на дереве юношу четырнадцати-пятнадцати лет, одетого в голубую рубашку с рукавами и с повязкой на голове того же цвета. Решив, что это и есть соблазнитель, чиновник натянул тетиву и выстрелил. Но юноша превратился в щебечущую цикаду, огромную, как корзина, и улетел. Жена же, как только услышала свист летящей стрелы, воскликнула: "Берегись, в тебя стреляют", чем привела в изумление своего благоверного.

Вскоре чиновник случайно услышал на улице следующий разговор, который вели меж собой двое юношей. "Почему я больше не видел тебя?" — спросил один. "Мне не повезло, — отвечал другой, тот самый юноша, который сидел на дереве. — В меня стреляли, и я долгое время болел от полученных ран". — "И как ты сейчас?" — "Я вылечил себя мазью, что стояла на стропилах в доме губернатора Чжу". Тогда чиновник отправился к Чжу Даню и сказал ему: "Знаете ли вы, что ваша мазь украдена?" — "Я давным-давно положил ее наверх, на стропила. Как ее можно украсть оттуда?" — ответил губернатор. "Вы ошибаетесь, мой господин. Прошу вас, проверьте, там ли она", — попросил чиновник. Дань не поверил ни единому слову, поднялся наверх и нашел мазь завернутой, как и прежде, с тем же самым ярлыком. "Ах ты негодяй! — воскликнул губернатор. — Как ты смеешь столь упрямо и хитро лгать? Мазь, естественно, на том же самом месте, что и была". Но чиновник стоял на своем: "Откройте ее, прошу вас". И действительно, оказалось, что половина содержимого исчезла, а на оставшейся в банке мази явно просматривался отпечаток человеческого пальца. Испугу Даня не было предела. Он подробно расспросил чиновника, и тот рассказал ему все от начала до конца» («Соу шэнь цзи», гл. 17).

Не меньшую угрозу человеческой морали таят в себе и пауки. «К югу от города Цзянся (пров. Хубэй) в монастыре Тефосы, Железного Будды, есть "колодец пауков". Люди рассказывают, что во времена танской династии там жили два паука — белый и красный, которые превращались в красивых женщин и соблазняли людей. Поэтому, чтобы усмирить их, отлили статую Железного Будды» («Цзянся чжи», или «Местное описание Цзянся»). Согласно существующим в Амое поверьям, злобные демоны-пауки насылают кошмары. Особую неприязнь жители Амоя питают к *бай-гуй*, «белому призраку» — большому, но совершенно безобидному домашнему пауку. Они уверены, что по ночам паук ползает по потолку, располагается прямо над спящими людьми и «давит» на спящего на спине человека до тех пор, пока он не перевернется на бок и не спрячет тем самым грудь от пагубного воздействия паука. Говорят также, что этот паук отличается от обычных пауков тем, что у него нет одной лапки. А несомненными последствиями его присутствия считаются красные и синие полосы, иногда остающиеся на теле человека, который во время сна подвергся воздействию *бай-гуй*.

В заключении раздела о насекомых, которых китайская демонология также наделяет способностью вредить людям, приведем следующую историю. «В пятом году Юаньцзя династии Сун (428) в Юйчжане жил человек по имени Ху Чун. Как-то осенним вечером перед его женой и младшей сестрой вдруг упало сверху большое насекомое — сороконожка длиной в целых два чи. Женщины приказали служанке поймать ее и выбросить, но не успела служанка выйти за дверь, как они увидели старую ведьму, одетую в вонючие лохмотья, у которой не

было глазных яблок. В третьем месяце шестого года, когда двери дома были закрыты, они умерли одна за другой» («И юань»).

Итак, насекомые, змеи, жабы и прочие рептилии — одним словом, все ползающие гады, действительно ядовитые или воображаемые таковыми, представляют для людей особую опасность, если их самих или их души насылают злобные люди для того, чтобы отравить кого-то, или так или иначе навредить его здоровью и жизни. Однако подобный искусный демонизм, по сути, является колдовством, и читатель узнает о нем из второй части настоящей книги.

Глава шестая

Демоны-растения

Как мы уже отмечали в свое время, в соответствии с китайской философией и народными представлениями, деревья, кустарники и даже травы тоже обладают душой точно так же, как люди и животные. В таком случае вполне естественным можно считать то обстоятельство, что китайцы выделяют из огромного класса растений те, что по самой природе собственного существования нацелены на нанесение вреда человеку. Следовательно, мы имеем полное право говорить о таких растениях в контексте нашего исследования наравне со всеми прочими видами демонов, оборотней и призраков.

Одушевленные растения подразделяются на две категории: тех, что просто заключают в себе аморфную субстанцию *шэнь*, и тех, что обладают душой человека или животного. Первые оказывают благотворное и целительное воздействие на человека, излечивают его от телесных и душевных недугов и болезней, продлевают жизнь и даже могут способствовать обретению бессмертия. Таким образом, можно ожидать, что растения-демоны принадлежат исключительно ко второй категории, что полностью подтверждается многочисленными свидетельствами китайских источников.

Антропоморфные растения-демоны точно так же, как лисицы, волки и другие звери, подстерегают замужних либо незамужних женщин и склоняют их к удовлетворению своих порочных страстей. Существует множество историй и преданий о том, как они хитростью и коварством обманывают своих жертв и насылают на них сумасшествие или болезни, как они хитроумными уловками заманивают жертв в искусно расставленные сети и похищают их либо их души. «В правление династии Цзинь один чиновник купил как-то на рынке молодую рабыню по имени Хуай-шунь, которая рассказала ему, как дочь ее тетки попала под чары красного растения сянь. Она встретила красивого миловидного юношу в красной одежде, рассказавшего ей, что дом его находится к северу от отхожего места. С тех пор девушка пребывала в прекрасном расположении духа и непрерывно напевала песни. Каждый день с наступлением вечера она неожиданно прекращала работать и отправлялась куда-то за дом. Когда члены семьи проследили за ней, они не увидели ничего, кроме растения *сянь*, на котором висели браслеты и кольца девушки. Они срезали растение, после чего девушка, проплакав и попричитав всю ночь, испустила дух» («И юань»).

«В первом году Чжзньюань (627) умерла любимая дочь Ли Цзи. Похоронили ее в Бэйман, и Цзи приказал молодому слуге поселиться рядом с ее могилой. В один из дней девушка предстала перед слугой и обратилась к нему со словами: "На самом деле я не умерла — меня украл *шэнь* большого дерева. Сейчас он отправился с визитом к божеству Западной горы, и у меня появилась возможность спастись. Зная, что вы здесь, я пришла к вам, потому что стыд, пережитый мною с тех пор, как я покинула родителей, не позволяет мне вернуться в отчий дом. Я надеюсь, что вы спрячете меня где-нибудь, и я тогда вознагражу вас, сделав вас богатым человеком".

Ошеломленный слуга долго не мог вымолвить ни слова от испуга и изумления, но потом пообещал исполнить ее просьбу и соорудил для нее отдельное жилище. Иногда девушка уходила утром и возвращалась только к концу дня, но порой она покидала свое жилище в сумерках и приходила только на рассвете. Двигалась она с быстротою ветра. Прошел месяц, и

девушка принесла слуге в награду десять цзиней золота. Слуга принял золото и продал несколько лянов[60]. Но потом человек, у которого пропало золото, схватил его и пожаловался властям Лояна, которые спросили слугу, откуда он взял золото. Когда слуга все им подробно рассказал, они попытались схватить девушку, но она исчезла. А все остальное золото превратилось в камни желтого цвета» («Сунь сян лу». Этот текст нам неизвестен).

А в таком грандиозном сочинении, как «История династии Мин», мы читаем: «Когда в восьмом году периода правления под девизом Чэнхуа (1472) Чжан Бин получил ученую степень цзиньши, он получил должность начальника уезда Яньшань (пров. Цзянси). Одну девушку там отдавали замуж, но, когда (свадебная процессия) прибыла к воротам дома ее жениха, выяснилось, что невеста исчезла. Обе семьи обратились с жалобами к властям, но те не смогли вынести вердикт. Тогда Чжан Бин приказал обследовать окрестности города. Когда он увидел большое дерево, из-за которого невозможно было обрабатывать землю, он хотел срубить его, но сопровождавшие его сказали, что на вершине дерева живет *шэнь*. Чжан Бин не послушался их и повел людей, чтобы свалить дерево. Тут слева от дороги появилось трое людей, одетых в официальные одежды и шапочки, и стали кланяться Бину. Он обругал их, и они тут же исчезли. Когда начали рубить дерево, из него хлынул поток крови. И тогда Бин пришел в ярость: он схватил топор и срубил дерево. Из гнезда выпали две женщины, которые сказали, что наверх их занесло сильным ветром. Одна из них была той самой, что недавно отдали замуж» («Мин ши», гл. 161, 1.18).

Но отложим в сторону примеры искусного соблазнения и обольщения женщин деревьями-демонами и обратимся к другим, увы, более печальным историям. Гэ Хун рассказывает, что во времена бессмертного по имени Лю Пин, который, несмотря на три прожитых столетия, все еще был юн, стоял старый храм. «В этом храме росло дерево, над которым постоянно разливался свет, и многие люди, останавливавшиеся под деревом, внезапно умирали. Ни одна птица не осмеливалась свить на дереве гнездо. Пин решил покарать дерево. Несмотря на то, что стояло лето, дерево засохло и умерло. Внутри ствола нашли огромную змею в семь-восемь чжанов длиной, которая тоже испустила дух. После этого дерево больше не вредило людям» («Шэнь сянь чжуань»[61], гл. 5). Похожая история произошла и с волшебником Шоу Гуан-хоу, о котором мы уже упоминали. «В одном дереве обитал демон. Всякий, кто останавливался рядом с этим деревом, тут же погибал; птицы, пролетавшие над ним, замертво падали вниз. Хоу покарал дерево, и оно засохло и рухнуло, несмотря на летнюю жару. В нем увидели огромную, уже умиравшую, змею в семь-восемь чжанов длиной» («История Поздней Хань», гл. 112, II, 1.17).

Таким образом, обезоружить и убить демонов и призраков, живущих внутри дерева, можно, срубив дерево. Однако нападать на дерево весьма небезопасно, поскольку тем самым можно разозлить обитающего в нем демона и спровоцировать его ярость. Юй Бао сообщает: «В Янчжоу сестра некоего Гу Цю из Бецзя болела с десятилетнего возраста. Когда ей уже перевалило за пятьдесят, Гу попросил Го Бо погадать о ее состоянии. Гадатель получил гексаграмму[62] шэн, означавшую серьезную ошибку. Объяснение гексаграммы гласило: "Значение гексаграммы "серьезная ошибка" неблагоприятно; засохшая ива, растущая подле могилы, не зацветает; мятущаяся блуждающая душа встречает колесницу дракона; человек запутался в делах, ребенок страдает от напастей демона; причина тому — срубленное дерево и смерть змеи, обладавшей духовной силой; но это прегрешения не его, а его предков". И тогда Цю разузнал историю своей семьи. Оказывается, кто-то из членов семьи последнего поколения срубил дерево и убил большую змею, которую он обнаружил в нем. С этого времени девочка заболела, а во время ее болезни над крышей дома кружили тысячи птиц, приводя всех в изумление, поскольку никто не мог объяснить причину этого. А какой-то крестьянин из этого же уезда, проходя мимо дома, взглянул на птиц и увидел дракона, правящего колесницей, а также ослепительный свет, переливавшийся пятью цветами. Спустя короткое время удивительное видение исчезло» («Соу шэнь цзи», гл. 3).

А Суй Юань сообщает: «Когда Инь Вэнь-дуань был генерал-губернатором Шэньси, он получил от начальника уезда Хуаинь следующее послание: "Ниже я сообщаю подробности своей встречи со злым призраком и свидетельствую о собственной смерти. Перед третьим залом в моем доме росло старое дерево хуай, которое не давало свету проникать в комнаты. Я хотел срубить его, но все чиновники в городе в один голос заявили: "В этом дереве живет *шэнь*, поэтому рубить его нельзя". Я не поверил им и срубил дерево. Более того, я приказал вырыть и корни. Когда корни вырыли из земли, я увидел свежее мясо, а под ним — картину, на которой была нарисована полулежащая обнаженная женщина. С глубоким отвращением я сжег картину, а мясо скормил собакам, но в ту же ночь ощутил что со мной происходит что-то странное. Нет, я не был болен, но пребывал в удрученном состоянии, в ушах у меня слышался какой-то грохот, глаза мои ничего не видели, но уши слышали. Я понял, что больше не живу в этом мире. Поэтому, покорнейше прошу Ваше Превосходительство прислать сюда нового чиновника".

Инь положил послание в рукав, а потом дал прочитать своему личному секретарю, который спросил: "И какой ответ мы должны послать?" Не успел он сказать эти слова, как доставили другое послание, в котором сообщалось о кончине от болезни начальника уезда Хуаинь» («Цзы юй», гл. 7).

Растения-призраки могут превращаться и в собак и в таком виде преследовать людей. «В конце царствования династии Лян все бывшие обитатели опустевшего дома в Бусицзя, что в Цайчжоу, в один голос заявляли, что дом этот несчастливый и не пригоден для жилья. Человек по имени Вэй Фу-то вошел в дом с факелом в руке и, остановившись в переднем зале, увидел в полумраке существо с лицом человека и телом собаки, но без хвоста, которое бегало и прыгало по дому. Вэй выстрелил в зверя из лука, и одной стрелы оказалось достаточно, чтобы он исчез. На следующий день дом открыли и нашли стрелу вошедшей по самое оперение в ствол сгнившего дерева длиной больше одного чи[63]; вокруг стрелы была видна спекшаяся кровь. С тех пор призраки в доме больше не появлялись».

Деревья-призраки могут принимать и облик огромных черных чудовищ. «В годы Тайхэ (827–836) жил некто по имени Цзян Ся, мелкий чиновник, в доме которого происходили странные и таинственные вещи. Каждую ночь появлялся великан, черный, как смоль, распространявший вокруг себя свет; все, кто видел его, пугались, заболевали и умирали. Потом появился колдун и прорицатель Сюй Юань-чан, которому чиновник приказал с помощью магических амулетов и заклинаний покарать призрака. Вечером Юань-чан уселся под западным балконом зала и стал ждать. Неожиданно появился великан; Юань-чан достал амулет и бросил его в чудовище. Амулет попал великану в руку, раздался звук, словно руку отрезали, и рука упала на землю. Великан исчез, а Юань-чан увидел, что упавшая на землю рука на самом деле — сухая ветка дерева. На следующее утро слуга из дома сказал ему: "Ваш амулет прилип к дереву, что растет в северо-восточном углу". Они немедленно отправились туда: у дерева была отрублена ветка — на самом деле это и была рука великана. Тогда они срубили дерево, и с тех пор призраки больше не беспокоили обитателей дома» («Сюань ши чжи»).

Раны, нанесенные дереву-демону в человеческом обличье, остаются, по китайским поверьям, и после того, как призрак примет свою изначальную форму. Точно так же, как мы помним, происходит и тогда, когда раны получают люди, превратившиеся в животных. Увечье зверя сохраняется и у человека, что, несомненно, помогает разоблачать таящих угрозу для людей оборотней. Вот еще одна история такого же характера.

«К северо-западу от Аиньлай стоял буддийский монастырь. Монах по имени Чжи-тун каждый вечер удалялся в тихую и холодную рощу, где его никто не мог потревожить, и с "Саддхархма пундарика сутрой"[64] в руках погружался в медитацию. Так прошло несколько лет. В одну из ночей появился какой-то человек: до самого рассвета бродил он по монастырю, выкрикивая имя монаха. Это продолжалось и на следующую, и на третью ночь. Когда на третью

ночь его голос вновь достиг дверей кельи монаха, Чжи-тун спросил: "Зачем ты зовешь меня? Войди и спроси". На пороге появилось существо в шесть с лишним чи ростом, в черной одежде, с синим лицом, широкими глазами и большими губами. Увидев монаха, оно сложило руки перед собой. Чжи-тун, пристально посмотрев на незнакомца, сказал ему: "Замерз? Двигайся поближе к огню". Незнакомец сел, а Чжи-тун продолжил нараспев читать сутры.

Ближе к пятой страже незнакомец, разомлев от тепла, громко захрапел у огня, закрыв глаза и открыв рот. Увидев это, Чжи-тун взял ложку для ладана и бросил ему в рот несколько горящих угольков. Существо вскочило со страшным воем и бросилось к воротам, после чего со стороны холма, что был расположен за монастырем, донесся звук, словно кто-то споткнулся. На следующее утро Чжи-тун осмотрел место и нашел там кусок коры. В поисках неведомого существа он взобрался на холм и увидел в нескольких ли от себя большое зеленое дерево-тун с зелеными ветвями, а выбоина на корнях дерева, казалось, была сделана совсем недавно. Он приставил к выбоине кусок коры и обнаружил, что по размерам она совершенно подходит, и от отметины не остается и следа. Примерно посередине ствола дровосек вырубил дупло глубиной в шесть цуней — это был рот призрака, поскольку в нем до сих пор тлели и мерцали огоньки. Тогда Чжи-тун поджег дерево, и призрак более не появлялся в монастыре» («Ю ян цза цзу», доп., гл. 1).

Вредоносная природа деревьев-призраков ярче всего проявляется тогда, когда они становятся причиной болезни и смерти людей. Выше мы уже приводили историю о дереве-оборотне, вызывающем болезни. Ниже мы представляем читателю еще две легенды того же рода из сочинения, датируемого девятым столетием. «В десяти ли к югу от уездного города Цзяо-чэн по ночам часто появлялись призраки, пугавшие людей, вызывавшие недуги и даже приводившие к смерти. Долгое время они причиняли большое беспокойство тамошним жителям, пока один из них, проходя как-то ночью к югу от города с луком и стрелами, не заметил вдруг призрака, похожего на человека-великана, одетого в красное, с черным платком на голове. Сгорбившись, призрак медленно приблизился к нему, словно пьяный; тем временем перепугавшийся человек натянул до отказа тетиву и выпустил стрелу — стрела попала в призрака. Призрак исчез, а крестьянин бросился со всех ног в северном направлении, добрался до трактира и рассказал о том, что с ним произошло. На следующий день к западу от рва, окружавшего город, он увидел красное коричное дерево с торчащей из ствола стрелой, которую он опознал как свою собственную. Он вытащил ее, отнес домой и обнаружил кровь на ее кончике. Уездные власти, которым донесли об этом случае, распорядились сжечь дерево, и с тех пор к югу от города зло прекратилось» («Сюань ши чжи»).

«На берегу реки Дунло (неподалеку от Лояна) стоял старый дом; в его главный зал и просторные внутренние покои вели ступени. Все, кто жил в этом доме, внезапно умирали, и дом стоял пустой и был заперт на засов. Так продолжалось долгое время, пока в годы Чжэньюань (785–804) придворный министр Лу Цянь из Фаньяна не стал цензором и не получил назначения в восточную область (т. е. в Лоян). Он решил купить этот дом и поселился в нем. Кто-то сказал ему: "Дом пользуется дурной славой и непригоден для жилья". На что Цянь ответил: "Я могу положить этому конец".

Ночью он вместе с одним чиновником расположился в зале, а остальным слугам приказал спрятаться за воротами. Чиновник отличался отвагой и слыл хорошим лучником; с луком и стрелами он уселся перед главным окном.

В кромешной мгле в дом кто-то постучал. Чиновник спросил, в чем дело, и услышал ответ: "Посланец с письмом от командующего Лю к цензору Лу". Больше Цянь ничего не ответил, и тогда письмо бросили через отверстие в стене. Цянь приказал слуге прочитать письмо. Оно гласило: "Я жил здесь целый год. Главный зал, внутренние покои, даже ступени — все это мое жилище, духи ворот и дверей — мои подданные. Разве правильно и справедливо, что вы, господин, врываетесь в мой дом? Если бы у вас был дом и я бы вступил в него, разве вы

одобрили бы это? Вы не боитесь меня, но разве у вас нет чувства стыда? Побыстрее убирайтесь отсюда, господин, иначе вы навлечете на себя позор поражения и гибели".

Как только письмо дочитали до конца, оно растворилось, словно искры пламени, унесенные ветром. И тут же раздался громоподобный голос: "Командующий Лю желает видеть цензора Лу!" И вот он появился — огромный призрак ростом в несколько десятков чжанов. Он стоял во дворе и держал в руке тыкву. Слуга до отказа натянул тетиву лука и выстрелил — стрела просвистела и попала в тыкву. Тогда призрак, оставив тыкву, исчез.

Через какое-то время он вернулся. Он положил руки на каменную кладку и через отверстие заглянул внутрь — лицо его казалось очень странным. Слуга выстрелил опять, целясь призраку в грудь. Призрак вздрогнул и, испугавшись, бежал в восточном направлении. На следующее утро Цянь приказал своим людям идти по его следу. Следы привели их к заброшенному участку земли к востоку от дома. На нем росла ива высотой в сто с лишним чи, а из ее ствола торчала стрела. Это и был так называемый "командующий Лю". Цянь приказал срубить дерево на дрова, и с тех пор зло обходило стороной обитателей дома.

Через год, во время ремонта главного зала и комнат, под черепицей дома обнаружили тыкву, размером в целый чжан — из середины ее также торчала стрела. Эта была как раз та тыква, которую нес в руках "командующий Лю"» («Сюань ши чжи»).

Как правило, все истории о деревьях-призраках так или иначе следуют духу представленных выше. Пересказывать их и далее было бы слишком утомительным занятием. В заключении отметим, что и поныне в Китае весьма широко распространены суеверия о том, что деревья-призраки опасны для человека. В южной Фуцзяни люди стараются не рубить большие деревья и даже большие ветви из опасения, что обитающий в них дух разгневается и обязательно отплатит обидчику либо его соседям болезнями или причинит какой-либо иной вред. Особенно почитаются вечнозеленые деревья жун — самые высокие из тех, что произрастают в этой части Китая. В Амое некоторые даже остерегаются сажать деревья — по некоторым поверьям, как только саженцы станут толщиной с шею тех, кто их посадил, люди будут задушены поселившимися в них духами. Объяснение таким странным суевериям нам получить так и не удалось. Возможно, именно ими отчасти объясняется практически полное отсутствие лесоводства в здешних местах, где деревья размножаются только естественным путем.

Глава седьмая

Призраки — безжизненные предметы

Отличительной чертой китайской демонологии является «оживление» безжизненных предметов и мертвой субстанции. Мы знаем, что душа любой вещи может покидать ее и принимать облик человека или животного; она же может превратить безжизненный предмет в живой и действующий, особенно если речь идет о статуе или изображении. От подобных представлений прямой путь до доктрины, что мертвые предметы могут источать болезненное демоническое влияние, или, проще говоря, преследовать людей и вредить им.

В текстах такие «предметы-призраки» называются *цзин*, как и призраки-животные, а их пришествие — *цзин гуай*, «явление *цзин*». Значительную часть этого класса призраков составляют уже упоминавшиеся «демоны земли», которые обитают в тяжелых, редко передвигаемых вещах, и могут разгневаться, если кто-то их потревожит, и принести вред беременным женщинам или детям. Однако из всего этого отнюдь не следует, что каждый, живущий в каком-нибудь неодушевленном предмете призрак является «демоном земли».

Духи безжизненных вещей часто проявляют свою порочную природу, возвещая о неблагоприятных и несчастливых событиях. По простоте душевной люди делают из этого вывод, что духи на самом деле являются единственной причиной и источником всяких бед. В сочинениях часто описываются случаи, когда, после того как мебель в доме опрокидывалась без всякой видимой причины, появлялись странные знаки наподобие сгустков крови, в воздухе

летали вещи странного цвета, возникал яркий неведомый цвет, в окна вплывали облака, поблизости сгущался туман — неожиданно умирали люди, вспыхивали пожары или происходили какие-либо прочие напасти. Во многих случаях все сомнения относительно того, что это призраки одушевляют безжизненные предметы, снимались либо благодаря внезапным вспышкам яркого света, либо, еще чаще, видением в облике зверя или человека — том образе, который, как мы знаем, как правило, принимают души предметов. Гэ Хун говорил о представляющих опасность для человека, взращивающих зло призраках золота и яшмы, наводняющих леса и горы в облике женщин. Мы читаем также о маленьких, миниатюрных людях и животных, сделанных из камня или железа, которые возникают и исчезают, словно живые призраки. «В Цзянхуай жила женщина, отличавшаяся распущенностью. Ее все время одолевали похотливые мысли, от которых она не могла избавиться ни днем, ни ночью. Как-то, поднявшись на рассвете, она увидела позади своего дома двух юношей, молодых и прекрасных лицом, похожих на придворных пажей. Она хотела уже было схватить их, но они вдруг превратились в веники, которые она потом сожгла» («Ю мин лу»). Подобные галлюцинации, сравнимые с умопомешательством, вполне серьезно принимались за действие призраков-соблазнителей. Однако мертвые вещи могут вести себя и похуже. «Цзян Вэй-юэ не боялся ни демонов, ни духов. Как-то он спал в одиночестве под окном и услышал снаружи человеческие голоса. "Это вы, проклятые призраки? — гневно воскликнул он. — Если да, то входите, поглядим друг на друга; но если у вас здесь нет никакого дела, то незачем пугать меня". Не успел он произнести эти слова, как призраки ворвались в дверь и хотели уже было залезть на его постель, но увидели, что Вэй-юэ совсем их не боится, и отошли к стене. Всего их было семь. Вэй-юэ спросил их, зачем они встали у стены, а когда не получил ответа, набросился на них с подушкой. Один за одним призраки выбежали через дверь; Вэй-юэ бросился за ними, но увидел только, как они исчезли во дворе. На следующий день он перекопал землю и нашел семь сломанных спиц от колеса» («Гуан и цзи»).

«В годы Кайчэн (836–841) случилось так, что в семью Ши Цзун-у, помощника командующего Гуйлиня, с юности отличавшегося хорошим искусством стрельбы из лука, пришла тяжелая заразная болезнь, которой заболели все старшие и младшие члены семьи. Каждый день глубокой ночью в дом входил человек, от тела которого исходил свет, и с его появлением больные начинали кричать и стонать еще сильнее. Ни один лекарь не мог справиться с болезнью, и тогда Цзун-у в один из вечеров взял свой лук и встал на страже у ворот, ожидая призрака. Когда призрак появился Цзун-у прицелился и выстрелил. Первая же стрела достигла цели — сияющее пламя призрака разлетелось мелкими искорками. Тогда Цзун-у приказал принести факелы, чтобы осмотреть место, и они нашли перевернутый подсвечник из камфорного дерева, которым в семье пользовались уже много лет. Подсвечник разрубили на мелкие кусочки, сожгли их, а пепел выбросили в реку. После этого все больные поправились» («Гуйлинь фэн ту цзи», «Описание земель и обычаев Гуйлиня»).

В неодушевленные предметы со злобными намерениями превращаются и горные демоны, о которых мы говорили во второй главе, широко известные в Китае благодаря своим хитрым и опасным для человека проделкам. «В первом году Юаньцзя династии [Лю]Сун (424) в Фуяне один человек по фамилии Ван устроил в почти высохшем канале запруду для того, чтобы наловить крабов. Отправившись наутро осмотреть ее, он обнаружил кусок дерева размером в два чи и дыру в запруде, через которую все крабы убежали. Он починил ловушку, а кусок дерева выбросил на берег, но когда на следующий день он опять пришел к ловушке, она, как и накануне, оказалась сломанной. Во второй раз он восстановил запруду и выбросил кусок дерева, на третий день все повторилось. Ван понял, что это дело рук призрака. Он положил кусок дерева в корзину, в которой собирался нести крабов, закрыл ее крышкой и отправился домой, повторяя про себя, что разрубит его на куски и сожжет. Когда до дома оставалось еще две-три ли, он вдруг почувствовал, что в корзине что-то шевелится. Он обернулся, чтобы посмотреть, в чем дело — оказывается, дерево превратилось в существо с лицом человека и

телом обезьяны, с одной рукой и одной ногой. "Я очень люблю крабов, — сказало существо. — Поэтому сегодня я залез в воду, сломал запруду и съел их всех. Я совершил преступление против вас, но прошу вас, господин, простите меня, откройте корзину и выпустите. Я — горный дух, я помогу вам и загоню в вашу ловушку самых больших крабов". — "Ты досаждаешь и беспокоишь людей, — ответил Ван. — И это не единственное преступление, которое ты совершил, и это будет стоить тебе жизни". Всеми способами существо просило отпустить его, но Ван просто смотрел ему в лицо и ничего не отвечал. Наконец, существо спросило: "Как ваши имя и фамилия, господин? Я хочу знать их". Оно повторяло вопрос вновь и вновь, но Ван ничего не отвечал. Когда они были уже рядом с домом, существо пробормотало: "Он не отпускает меня, не называет своего имени, что бы мне такое придумать? Если он только ответит, то сразу же умрет". Придя домой, Ван разжег огонь и бросил туда дерево; оно больше не шевелилось и не издавало ни звука. Местные жители говорили, что это был горный *сао*: если *сао* знает имя и фамилию человека, он может ударить и ранить его, вот почему он так настойчиво добивался от Вана ответа, чтобы навредить человеку и освободиться самому» («Соу шэнь хоу цзи», гл. 7).

Подобных историй в китайской литературе неисчислимое множество. Встречаются они и у достаточно поздних авторов. Так, Суй Юань сообщает: «Когда пассажиры плыли на лодке по озеру Поянху, внезапно поднялся ветер и откуда ни возьмись появился черный канат, похожий на дракона, который начал бить их; все люди в лодке получили раны. Его назвали "канат-полководец". В течение ряда лет ему приносили жертвы, а в десятом году Юнчжэн (1728) во время сильной засухи, на образовавшейся в озере мели нашли сгнивший канат. Крестьянин разрубил его на куски и сжег их. Когда вода исчезла, из него выступила кровь. С тех пор "канат-полководец" больше никому не вредил, и команды кораблей более не совершали в честь него жертвоприношений» («Цзы бу юй», гл. 18).

Мы читаем о целых шайках антропоморфных призраков как больших, так и малых размеров, сеющих ужас и панику, а в конце концов оказывающихся разносимыми ветром листьями. Читаем мы и о людях, слышащих по ночам странные разговоры и выясняющих наутро, что их вели меж собой предметы домашней утвари: после сожжения этих вещей ночные диалоги прекращались. По причинам, объяснять которые нет необходимости, способностью обращаться в призраков и вредить людям наделялись мин ци, сосуды и прочие предметы, которые опускали в могилу вместе с умершими. После того как призраков били, рубили, кололи либо стреляли в них, они возвращались в свою изначальную форму. Порой по воздуху летают крышки гробов, нанося людям увечья и даже убивая их — сладить с ними нет никакой возможности, если только не сжечь гроб со всем его содержимым. От множества таких летающих предметов исходит отвратительный запах разлагающейся человеческой либо животной материи; если к ним прикоснуться, они оказываются мягкими и скользкими на ощупь. Преследовать излишне суеверных потомков могут и вещи, принадлежащие их предкам. «К Лю Сюаню, жившему в Юэчэне, как-то после захода солнца явилось существо в черных штанах и черном плаще. Он взял факел, взглянул в лицо непрошеному гостю и увидел, что у того нет семи отверстий, так что оно слепо натыкалось на все подряд. Он попросил предсказателя узнать с помощью гадательных стеблей, что предвещает это событие, и предсказатель ответил: "Эта вещь принадлежала твоим предкам; если она будет продолжать существовать, то вскоре превратится в призрака и станет убивать людей. Но раз у нее нет глаз, ты можешь с ней справиться". Лю схватил существо, связал его веревками и несколько раз ударил мечом — оно превратилось в подушку, которая, оказывается, служила еще его деду» («Ци и цзи»).

Сгнившие деревья и метлы могут вызывать пожары. «В год дин-мао губернатора Люйчжоу Аю Вэя перевели в Цзянси. После его отъезда в провинции случился большой пожар, а по ночам время от времени с факелами ходили какие-то существа. Поскольку схватить их не удавалось, некоторых из них убили стрелами — они оказались досками гробов, сгнившими деревьями, старыми метлами и тому подобными вещами. Весть эта вселила еще больший ужас

в сердца жителей провинции, и только через несколько месяцев, когда губернатором Люйчжоу стал Чжан Цзун, пожары прекратились» («Цзи шэнь лу»).

Нет необходимости напоминать читателю, что с настоящими людьми и животными китайцы наиболее охотно отождествляют те предметы, которые наиболее походят на них. Как следствие, особой способностью вредить людям наделялись статуи. В китайской литературе множество историй и преданий на этот счет. «В доме Лу Цзань-шаня стояла фарфоровая фигурка невесты. Она находилась в доме уже несколько лет, и как-то жена Лу в шутку посоветовала ей стать наложницей ее мужа. И с этого момента Лу постоянно был в возбуждении и все время видел женщину, лежавшую за занавесками на его кровати. Поскольку видение не прекращалось, он подумал, что, должно быть, это фарфоровая статуя преследует его; он отправил ее в монастырь, чтобы там ей подносили жертвы. На следующее утро послушник, подметая пол в главном храме монастыря, увидел женщину. Он спросил ее, откуда она, и женщина ответила, что она — наложница Лу Цзань-шаня, а отослали ее сюда оттого, что жена ревнует ее. Увидев кого-то из членов семьи Лу Цзань-шаня, послушник обо всем рассказал ему. Цзань-шань подробно расспросил послушника и понял, что женщина, которую тот видел, и лицом и одеждой походила на статую. Тогда он приказал разбить статую на мелкие кусочки — внутри ее обнаружили пятно спекшейся крови, размером с куриное яйцо» («Гуан и цзи»).

«У северных ворот Цзяхэ (пров. Хунань) находился Детский мост, названный так потому, что на каждом из четырех углов балюстрады стояла статуя ребенка, вырезанная из камня. Когда его построили — неизвестно, однако по прошествии с тех пор долгого времени на мосту стали появляться призраки. Иногда это происходило ночью: призраки стучались в двери домов и просили еду, бродили и скакали на базаре при свете луны. Люди часто видели их там. Как-то наиболее смелые и отважные жители остались на ночь у моста посмотреть за ними — и, действительно, они увидели, как вторая и третья каменные статуи медленно сошли с моста. С громкими криками "призраки! призраки!" люди погнались за ними, размахивая мечами, пока не догнали их и не отрубили им головы. С тех пор призраки перестали появляться» («Гуа и чжи»).

«У военного судьи из Юэчжоу Лю Чуна внезапно выступили на голове язвы, отчего он стонал и вздыхал, вызывая у всех жалость и сочувствие. Он позвал знатока магических искусств. Лекарь наблюдал за ним целую ночь, а потом сказал: "Женщина в зеленой юбке не отвечает на мои вопросы. Она под вашим окном — немедленно избабьтесь от нее". Чун

осмотрел место под окном, но не обнаружив ничего, кроме изящной фигурки девушки-певички, сделанной из фарфора зеленого цвета. Статуэтку истолкли в железной ступке, а порошок сожгли. Язвы сразу же исчезли» («Чжао е цянь цзай»).

«В правление династии Тан некто Вэй Сюнь проводил каникулы в столице. Как-то раз он читал в своем кабинете "Алмазную сутру", как вдруг увидел за воротами дома женщину, ростом в три чжана, в бардовой юбке. Взобравшись на стену, женщина проникла в дом. Она схватила господина за волосы, повалила его на пол и потащила за собой, но он не выпускал из рук сутру и смог, хоть и насмерть перепугавшись освободиться. Когда существо тащило Сюня за собой, все обитатели дома бежали за ним и кричали на призрака, который поэтому был вынужден спрятаться в большой куче навоза. Г осподин к тому времени весь посинел, а язык его вывалился изо рта на целый чи. Обитатели дома отнесли его в кабинет, но прошло еще много времени прежде чем он пришел в себя. Потом крестьяне разворошили навозную кучу и нашли в ней фигурку невесты, сшитую из кусков материи, в белой рубашке и бардовой юбке. Они сожгли ее на том месте, где встречаются пять дорог и тем самым положили конец ее превращениям» («Гуан и цзи»).

Среди преследующих людей видений упоминаются также большие бумажные «Избавители», которых, как мы помним, носили впереди погребальных процессий с тем, чтобы отогнать злых духов. Казалось бы, весьма странно, что эти образы вместо того, чтобы честно I исполнять то, для чего они созданы, напротив, сами выступают в роли демонов. Однако впечатления, производимого их устрашающим видом на простодушных и суеверных людей, было вполне достаточно для того, чтобы человеческое воображение наделило их чертами на стоящих призраков, блуждающих в поисках жертвы. «Фуянский принц Хуань Янь-фань[65] отправился как-то на озера, чтобы вместе с друзьями предаться веселью и винопитию. На закате большинство гостей разошлись, но он, а также несколько его друзей, были настолько пьяны, что заснули среди озер. После второй стражи вдруг появилось существо в целый чжан[66] ростом и более десяти пядей в обхвате, которое держало в руках алебарду. Сверкая гневными глазами и громко крича, оно бросилось прямо на Фаня и его друзей, которые спрятались и боялись пошелохнуться. Но Фань обладал и мужеством, и силой. Он вскочил на ноги и с громкими криками, выставив вперед кулаки, двинулся вперед, заставив существо повернуться и бежать. Фань увидел неподалеку большую иву, отломал от нее сук и набросился на существо. Удары звучали так, словно стучали по полому предмету. Фаню пришлось нанести их немало, прежде чем существо бросилось наутек. С неистовой яростью Фань гнался за ним, пока оно не исчезло в старой могиле. Наутро они приблизились к могиле и поняли, что имели дело со сломанным "избавителем"» («Гуан и цзи»).

А вот что гласит история, повествующая о случае, произошедшем в середине восьмого века. «Доу Бу-и занимал пост канцлера палаты. Собравшись попросить об отставке в связи с преклонным возрастом, он вернулся в родные места. Дом его находился в Тайюани (пров. Шаньси), неподалеку от северной стены города, в уезде Янцюй. Бу-и был человеком сильным, смелым и отважным. В нескольких ли к северо-востоку от Тайюани на дороге постоянно блуждал призрак ростом в два чжана; особенно часто он появлялся, когда облака сгущались и шел сильный дождь. Люди, которые, случалось, видели его, умирали от страха. Несколько молодых людей пообещали пять тысяч монет тому, кто вступит в борьбу с призраком и убьет его, но никто не польстился на награду, кроме Бу-и. Вечером он отправился в путь. Люди говорили: "Этот человек спрячется где-нибудь за городом, а потом будет кормить нас баснями, что убил его. Должны ли мы верить ему?" И они тайком последовали за ним.

Бу-и добрался до места как раз в тот момент, когда появился призрак. Бу-и кинулся на него и выстрелил из лука; стрела попала в призрака, и тот бросился наутек. Бу-и побежал за ним и выстрелил в него еще дважды, после чего призрак упал в ущелье. Когда Бу-и вернулся, люди встретили его с весельем и радостью; они отдали ему деньги, которые он потратил на угощение. На следующий день все отправились на поиски того существа, которое подстрелил Бу-и. В ущелье они нашли "избавителя", сплетенного из веток, из которого торчали три стрелы. После этого демон дороги исчез» («Цзи вэнь»),

В следующей части данной книги, посвященной колдовству, читатель узнает, как под чарами колдунов, желающих причинить зло другим, статуи и прочие предметы превращаются в призраков.

Глава восьмая

Демоны и медицина

Предыдущие главы продемонстрировали внимательному читателю, что разнообразные призраки, исполняющие главную роль в распространении зла в космосе, чаще всего приносят людям вред и беды в виде насылаемых ими болезней. Именно таковыми их чаще всего рисуют китайские авторы, поэтому говорить об этом еще было бы излишним, если бы китайская система патологии и медицины также не рассматривала их в качестве источника болезней. Поэтому мы не можем обойти вниманием свидетельства наиболее ярких китайских представителей данной области человеческих знаний об этом вопросе.

Вера в то, что призраки являются причиной болезней, насчитывает долгую историю в Китае. Любопытная история Чжуан-цзы показывает, что люди, в том числе и представители высшего сословия, верили в это уже в его времена. «Циский Хуань-гун (683–642 до н. э.) вместе с Гуань Чжуном, управлявшим колесницей, охотился на болотах и увидел призрака. Князь схватил Гуань Чжуна за руку и сказал: "Вы видите его, отец Чжун?" — "Ваш преданный слуга ничего не видит", — ответил тот. С охоты правитель вернулся, разбитый болезнью, и не выходил несколько дней. Среди циских чиновников был один по имени Хуан-цзы Гао-ао, который сказал: "Князь вредит сам себе, как может демон повредить вам?"… Тогда Хуань-гун сказал: "Да, но существуют ли демоны?" Чиновник ответил: "В глубине живут *ли*, на поверхности — *се*, а в кучах пыли во дворе дома обитают *лэй-тин*; в низинах северо-востока прыгают *бэй-э* и *ва-лун*, в низинах на северо-западе есть *и-ян*; в воде живут *ван-сян*, на холмах — *чжэнь*, в горах — *гуй*, в полях — *фан-хуан*, а в болотах — змеи *вэй*"[67]. — "Позвольте спросить, как выглядит змея *вэй*?" — сказал Хуань-гун. "Толщиной она со ступицу колеса, а длиной — с оглоблю, на ней пурпурное одеяние и красная шапка; существо это не выносит грохота повозок, и, как только заслышит его, зажимает руками уши и встает; тот, кто увидит ее, станет властителем-гегемоном". Хуань-гун рассмеялся и сказал: "Именно ее я и видел". С этими словами он облачился в официальную одежду и головной убор и посадил рядом с собой Хуан-цзы. Еще прежде, чем закончился день, болезнь незаметно отступила» («Нань хуа чжэнь цзин», гл. 19).

То, что вера в демонов, насылающих болезни, идет с глубокой древности, подтверждается и уже отмечавшимся нами выше фактом: традиция, сохраненная авторами, жившими при династии Хань, приписывает способность приносить вред здоровью людей трем давно покойным сыновьям мифического императора, жившего в двадцать шестом столетии до новой эры, считая их распространителями лихорадки и чумы, болезней, в силу своей частоты и исключительной опустошительности глубоко потрясавших китайцев. В шестой главе «Ле-цзы»[68] мы находим описание визита трех лекарей к больному другу Ян Чжу, двое из которых заявляют, что причиной болезни не являются призраки. В то же время отметим, что в «Ши мин», тексте, датируемом вторым веком нашей эры, говорится (гл. 1, разд. 1), что «*и* (эпидемия, чума или заразная болезнь) — это то же самое, что и *и* (использовать, задействовать); то есть *гуй* заставляют чуму действовать».

Ван Чун, в целом скептически относившийся к распространенным в его время суевериям, также не поднялся над этими представлениями. «Одни говорят, — пишет он, — что *гуй* — это *ци*, которых люди видят и от которых заболевают. *Ци*, не гармонирующие с природой человека, могут поразить его; поразив человека, они превращаются в *гуй*, принимают человеческий облик и становятся видимыми. Когда болезнь вступает в самую тяжелую стадию, *ци* процветают; в этом состоянии *ци* в облике человека являются к больному, и, когда достигают его, он может видеть их. Если человек заболел в горном лесу, тогда демон, которого он видит, — это призрак горного леса; если же человек заболел в области Юэ, он увидит перед собой человека из этой области. Отсюда ясно, что явления Гуань Фу и Доу Ина — это принимающие зримую форму *ци* господствующего времени года… Другие говорят, что *гуй* происходят от людей и становятся болезнями, когда сталкиваются с людьми» («Лунь хэн», гл. 22).

Китайский фольклор, да и медицина, часто приписывали возникающие болезни действию призраков или демонов. Начиная еще со времен ханьской династии практически в каждой книге так или иначе присутствуют «примеры» того, как потусторонние существа тем или иным образом вызывают у людей недуги или даже приводят их к смерти. Их появление и присутствие ощущается через холод или ледяной ветер — ведь они принадлежат инь, темному, холодному началу; либо через отвратительный запах; они могут захлопывать двери и окна, бросать камни и другие предметы, производить таинственные звуки, особенно наверху, на крышах домов; они могут называть своих жертв по именам, имитировать диалоги и беседы, которые явно будут

услышаны — все эти события легковерные люди воспринимали как предвестье неминуемых бед. Наиболее распространенное представление — и наиболее естественное: призраки проникают в тело тех, на кого они насылают болезнь. Оно сложилось еще задолго до новой эры, о чем, в частности, свидетельствует эпизод из «Цзо чжуань», относящийся к 580 г. до н. э.

«Князю Цзинь-хоу явился во сне большой демон с растрепанными волосами, свисавшими до самой земли, который, ударяя себя в грудь и топая ногами, говорил: "Ты несправедливо убил моих внуков, но Небесный император откликнулся на мою просьбу". С этими словами демон сломал большие ворота, достиг внутренних ворот и вошел внутрь; князь в страхе бежал в задние покои, но призрак сломал и эту дверь. Правитель проснулся и, призвав колдунью Сан-тянь, рассказал ей свой сон. "Что он означает?" — спросил князь. "Вы не попробуете зерна нового урожая", — ответила она.

Князь заболел. Он попросил царство Цинь прислать лекаря, и циньский правитель отправил к нему лекаря по имени Хуань. Еще до прибытия лекаря князю приснился сон, что причиной его болезни стали два мальчика. "Это искусный лекарь, боюсь, он навредит нам. Может, нам лучше бежать?" — говорил один. На что другой ответил: "Если мы спрячемся над его *хуан* и под его *гао*[69], то что он сможет сделать с нами?" Лекарь прибыл и заявил: "Вашу болезнь одолеть невозможно, ибо она затаилась над *хуан* и под *гао*. Я не могу с ней справиться, мои (иглы) не достанут туда, мои лекарства не проникнут туда. Вылечить болезнь невозможно". — "Вы, действительно, искусный лекарь", — сказал князь, щедро одарил его и отослал обратно.

В шестом месяце Цзинь-хоу пожелал отведать новой пшеницы и отправил своего интенданта в поле, наказав принести ее. Повар приготовил блюдо, а князь велел привести колдунью Сан-тянь, показал ей пшеницу и казнил ее. Он собрался уже было отведать блюдо, как вдруг у него схватило живот; он пошел в отхожее место, упал в яму и умер. Утром одному мелкому чиновнику приснился сон, как он несет правителя на небо; в полдень он обнаружил в отхожем месте Цзинь-хоу, вытащил его и был впоследствии погребен вместе с ним».

Еще одним свидетельством в пользу того, что китайцы часто приписывали болезнь проделкам демона, может служить следующая история из книги, датируемой четвертым или пятым столетием новой эры. «Ли Цзы-юй, несмотря на молодые годы, уже слыл искусным лекарем; современники превозносили его проницательность и чудесное умение. Сюй Юн был губернатором Юйчжоу и жил в Лияне, когда его младший брат заболел. Более десяти лет у него страшно болели сердце и живот, и он уже находился при смерти, когда в один из вечеров случайно услышал, как один демон из-за ширмы обращается к другому, проникшему в его живот: "Почему ты не убьешь его немедленно?" — спрашивал тот, что за ширмой. "Если ты не сделаешь этого, Ли Цзы-юй, оказавшись здесь, испробует против тебя то, что прежде не применяли, и ты умрешь". На что демон, сидевший в животе, ответил: "Я не боюсь его". Наутро Сюй Юн послал за Цзы-юем. Не успел Цзы-юй войти в ворота дома, как больной услышал внутри себя жалобный голос. Цзы-юй вошел в дом, взглянул на больного и сказал: "Это болезнь, вызванная демоном". Он достал из своей холщовой сумки пилюлю красного цвета, составленную из восьми, ядов, и дал его больному — в животе его тут же раздались громкие звуки. Несколько раз больного проносило, после чего он поправился. Этим лекарством была "пилюля девяти ядов", который применяют до сих пор» («Соу шэнь хоу цзи», гл. VI).

Те демоны, что являются душами умерших, могут насылать болезни с помощью вещей, которые родственники опускают в могилы вместе с усопшим. Так, о знаменитом предсказателе Гуань Ло мы читаем: «В то время жена и дочери начальника Синьду жили в постоянном страхе; они заболели одна за одной. Он приказал Гуань Ло гадать об их состоянии. Ло дал ответ: "Мой господин, в западном углу этого зала лежат два мертвеца: один с копьем, а другой — с луком и стрелами; их головы внутри стены, а их ноги — снаружи. Один из них протыкает копьем головы членов вашей семьи, и поэтому головы у них болят так сильно, что они не могут даже их поднять; другой метит в их грудь, вот почему сердца их тревожатся и болят так, что они не

могут ни пить, ни есть. Днем они слоняются по свету, а к ночи возвращаются и насылают на людей болезни, вселяя в них беспокойство и страх". Тогда скелеты достали и выбросили, и все в доме поправились» («Сань го чжи», гл. 29, 1.15).

В китайских источниках демоническое влияние, оказываемое на человека потусторонними силами через овладение его естеством или каким-либо иным способом, обозначается тем же самым словом *мэй*, о котором читатель уже знает. *Мэй* — это горные, лесные призраки; может данный иероглиф обозначать и призраков в целом, особенно призраков старых существ. Как мы помним из предыдущих глав, проникать в людей и вредить им — вполне обычное дело для духов животных, растений и даже неодушевленных предметов. *Мэй*, таким образом, не только существительное, но и глагол, имеющий значение «терзать, мучить, сбивать с толку, наводить порчу». Например: *гуй мэй жэнь*, «гуй терзает человека», или *жэнь бэй гуй вэй мэй*, «человек околдован призраком», и т. д. Другие похожие термины — *и* и *пин* с первоначальным значением «опираться», а также *фу*, «привязывать себя к»; *то* или *лай*, «покоиться»; *жань*, «заражать» и т. д.

Чаще всего призраки выступают в качестве источников болезни в тех случаях, когда они мстят людям за причиненное зло. Мы уже говорили в специальной главе, что, как правило, в таких случаях жертва бредит или сходит с ума и в конце концов умирает. Действительно, разве для простодушных людей беспорядочная, бессвязная речь бредящего больного есть что-либо иное, как не действительное отражение того, что он слышит и видит, а спазматические движения его конечностей вызваны чем-либо еще, а не отчаянной борьбой с невидимыми мучителями, а болевые судороги творят не чьи-то незримые, беспощадные руки? Во многих историях говорится, что мучители сами сообщают устами больного находящимся рядом о том, почему они проникли в его тело, и тогда всякий экзорцизм и лекарства, как правило, оказываются бесполезными.

Отождествление болезней с проделками демонов произошло в Китае, очевидно, еще в глубокой древности, но и до сего дня принцип этот является чуть ли не фундаментальным для китайской патологии и медицины. Лекари, во все эпохи обогащавшие китайскую медицинскую литературу многочисленными и объемными трактатами, чаще всего обозначают влияние демонических сил словом се, с которым читатель уже сталкивался и которое в более узком смысле «вызывания болезни» мы встречаем и в «Су вэнь», и в «Нань цзин», старейших из известных нам сочинений по китайской медицине. Иероглиф *суй* всегда являлся специальным медицинским термином и обозначал «эффект, последствия *се*». Именно в этом смысле он употребляется в «Цзо чжуань», где под 540 год до н. э. мы читаем о болезни цзиньского правителя, в связи с чем гадатели заявили, что духи «Ши-чэнь и Тай-тай произвели суй». Также и в медицинских, и в прочих сочинениях нередко встречается и термин се суй, хотя в общем-то его можно счесть излишне пространным.

Есть, однако, и такие авторы, которые отрицают, что болезни вызваны призраками, и настаивают даже с несколько странным упорством, что виной всему — *се*. Но если спор по поводу *се* что-то и доказывает, так только то, что слово это стало скорее техническим термином, обозначающим некое таинственное, неестественное, неблагоприятное влияние, реальность которого каждый мало-мальски образованный китаец отрицает, но которое невежественные люди слепо отождествляют с призраками точно так же, как это делали их предки.

Китайские лекари различают несколько видов *се*. Особенно охотно рассуждают они о внешних и внутренних *се*, воздействующих на человека извне и изнутри; соответственно, *се* могут обитать в людях, и поэтому на практике отождествляются с теми призраками, что их вызывают; болезнь, таким образом, сводится к действию демонических сил.

Кроме того, проводится четкое разграничение между *ян се* и *инь се*. Первые вредят здоровью человека, подавляя и нейтрализуя действие инь как внутреннее, так и внешнее, а

последние в свою очередь то же самое проделывают с ян. *Ян се* любят нападать на человека днем, а *инь се* — ночью. Особая роль придается *фэн се*, «се ветра», что неудивительно, поскольку именно с ветром в первую очередь связано изменение погоды, температуры, а значит, ветер есть главная причина болезни, тем более что еще в глубоко почитаемой медицинской библии Хуан-ди сказано, что «ветер есть начало ста существующих болезней» («Хуан-ди су вэнь», гл. III). Далее следуют *шу се*, «се жары», влияние которых особенно зримо в жаркое время года; *хань се*, «се холода», вызывающие катар и ревматизм; *ши се*, «се влажности и испарений», и *цзао се*, «се засухи». *Хо се*, «се огня», иссушают кровь и жизненные соки организма либо сгущают их и мешают потоотделению; *му се*, «се дерева», как правило, проявляют свою вредную природу весной, ибо это время года ассоциируется с деревом и т. д.

Теорий относительно способов функционирования *се* также великое множество, но они сходятся в том, что все *се* без исключения порождают в организме человека разрушающие здоровье *ду ци*, «ядовитое дыхание или воздействие», или просто *ду*, «яды». Если *се* приводят к смерти человека, то это *ша се*, «убивающие се», а их яды — это *ша ци*, «убивающие воздействия». Как правило, авторы признают, что как только *ци* крови, составляющие *шэнь*, покидают тело, ухудшаются или ослабевают, *се* тут как тут и готовы занять их место; другими словами, когда *чжэн ци*, «правильные, естественные ци» устраняются, *се ци*, их противоположности, становятся на их место, и тогда больной человек, словно подтверждая реальность данного процесса, бредит, мечется, произносит бессвязные речи и совершает сумасбродные поступки. Из всего этого следует, что пока жизненные силы человека находятся в состоянии *шэн*, «полноты, изобилия», он в состоянии справиться с *се* и ему нечего их бояться; но как только это состояние равновесия нарушается вследствие одной либо нескольких причин из великого множества таковых, придуманных китайским воображением, *се* овладевают организмом, подтачивают и разрушают его. Таким образом, едва ли есть какая-либо болезнь, в которой не замешаны бы были уничтожающие силы *се*; они редко бывают первопричиной, но именно их действие наиболее активно и значительно по последствиям.

Призраки, нападающие на того человека, в котором они замечают болезнь, в медицинских трактатах обозначаются термином *ши*, «труп», который в данном случае надлежит переводить как «фактор, превращающий в труп», «фактор смерти», «смертность». О них упоминал Ван Чун, говоривший, что люди с несчастливой судьбой иногда видят *фэй ши*, «летящих *ши*», или *цзоу сюн*, «бегущих *сюн*» (*сюн* — зло), или людей — все они есть *гуй*. В своем сочинении он упоминает «летящих *ши*» наряду с «плывущими *сюн*» и говорит о «летящих *сюн*» и «плывущих *ши*», обитающих в жилищах людей («Лунь хэн», гл. 25, разд. «Цзе чу» и гл. 24, разд. «Бянь суй»). Очевидно, что все эти термины в его время обозначали одно и то же: призраков, вызывающих смертельные болезни.

Более подробные сведения о *ши* дает нам медицинский трактат в восьми главах «Чжоу хоу бэй цзи фан», «Готовые и быстрые средства для (того места, что) позади локтя», приписываемый Гэ Хуну, но значительно и профессионально дополненный и отредактированный Тао Хун-цзином[70]. В первой главе этого сочинения ши подразделяются на пять видов, которые одновременно и молниеносно нападают на человека:

«1. Летящие или, просачивающиеся сквозь кожу и проникающие в кишки и внутренности; когда бы они ни действовали, они вызывают непрерывную острую боль.

2. Спрятанные *ши*, прилепляющиеся к костям, проникающие в плоть и поражающие кровяные сосуды. Если они начинают действовать, не следует приближаться к трупам и совершать траурные визиты. Ибо при звуках плача и стенаний они активизируются.

3. *Ши* ветра, которые мечутся по четырем конечностям больного, так что определить, куда они проникли, невозможно. Когда они проявляют себя, больной становится понурым и встревоженным. Действуют они, когда дует ветер или идет снег.

4. Проникающие *ши*, извиваясь, движущиеся по четырем конечностям, поражающие сердце и бока и вызывающие спазмы и острую боль. Действуют они в холодное время.

5. *Ши*-болезни; все тело парализовано, жизненные силы действуют неестественно и беспорядочно, больной всегда понурый и слабый. Если характер болезни меняется каждые две недели, внезапно наступит великое зло (смерть)».

Симптомы воздействия этих пяти *ши* не слишком отличаются друг от друга, и потому эффективными в борьбе с ними могут оказаться одни и те же, или почти одни и те же, средства и лекарства. «Симптомы эти следующие: вздутие живота и сильные боли в нем, затрудненное дыхание, приступы в сердце и груди, приступы боли в обоих боках».

Едва ли можно сомневаться в том, что Гэ Хун либо его предшественники, философы и знатоки медицины, пришли к открытию пяти *ши* вследствие того, что цифра «пять» играет огромную роль в системе вселенной, в естественной этике и внутреннем строении человеческого тела. В любом случае, несомненным фактом является то, что авторы медицинских трактатов учили о соответствии каждого *ши* одному из пяти цветов и пяти внутренностей, к которым они по природе своей стремятся. Благодаря столь мудро предустановленному порядку, хороший врач, при помощи полезных книг, при любой болезни может установить, какое из пяти категорий лекарств для лечения внутренних органов следует заказать в ближайшей медицинской лавке.

В том же классическом сочинении по медицине говорится: «Демонические болезни — это, согласно Гэ Хуну, "болезни-трупы", входящие в пять *ши*; они охватывают также все порчи, вызываемые *гуй* и *се*. Разнообразных форм их от тридцати шести до девяносто девяти. Как правило, они бросают человека то в жар, то в холод, вызывают выделение жидкости, угнетенное состояние, а также лишают человека способности говорить, так что от него становится невозможно узнать, что причиняет ему страдания, хотя на теле его нет ни одного места, которое бы не болело. Так проходят месяцы и годы, силы человека растрачиваются, а функции организма — прекращаются, и концом этого является смерть. А после смерти болезнь переходит к тем, кто его окружал, так что вся его семья может погибнуть» («Чжоу хоу бэй цзи фан», гл. 1)[71]. Кроме вышеназванных недугов, против которых, как и можно было ожидать, китайские лекари со своим искусством оказывались бессильными, упоминается еще один, явно инфекционный, который называется *чуань ши*, «передаваемый, наследуемый *ши*». «Болезнь эта, — говорится в одном древнем сочинении, — заключается в том, что кровь и дыхание человека ухудшаются и ослабевают, а внутренние органы истощаются и опустошаются. Болезнь возникает тогда, когда человек попадает под влияние призраков, и те задействуют свои *се*»[72]. Таким образом, очевидно, что чахоточные болезни относятся к данному классу недугов.

Но призраки в первую очередь являются причиной внезапных болезней, называемых поэтому *гуй цзи*, «удар призраков» или «нападение призраков». Вот как описывает их Гэ Хун: «Сильная боль в груди, острая боль в боках, режущая боль в животе, которую невозможно терпеть; иногда у больного внезапно случается кровавая рвота, либо кровь течет из носа или из заднего прохода. Такие болезни называют также *гуй пай*, "толчки призрака"» («Чжоу хоу бэй цзи фан», гл. 1, пар. 4). Бянь-цяо (шестой век) говорил, что быть пораженным злом (*чжун э*) — то же самое, что внезапная смерть (*цзу сы*) или «удар призрака». «Те, кто заболевают от удара призрака, никогда не умирают медленной смертью; он поражает человека, словно укол кинжала» («Бэй цзи цянь цзинь яо фан», разд. «Гуй цзи»). Внезапное нападение (*цзу у*) равносильно «удару зла, оно принадлежит к тому же типу, что внезапная смерть или удар демона» (Там же, разд. «Цзу у»).

Попасть под такие *чжун э*, «удары зла», или, полностью, *цзу чжун э ци* или *цзу чжун гуй ци*, «внезапные удары зла или *ци* призраков» человек может в любое время, но особенно часто ночью, если он выйдет из дома и тем самым подставит себя. Поэтому мудр тот, кто, выходя в ночь, берет с собой фонарь, оберегающий от призраков, или еще лучше, факел. Вообще

ночных прогулок следует избегать, за исключением разве что самых необходимых, таких как, например, с целью справить нужду. Человек может внезапно почувствовать спазмы в груди и внутренностях и упасть на землю от удушья, судорог, с онемевшими пальцами и руками; изо рта и носа может пойти кровь. В таких случаях, когда человек уже вроде бы лишился жизненных сил или с виду даже умер, ему необходима немедленная помощь, иначе он больше не очнется. Уносить его с того места, где он упал, опасно; люди, собравшиеся вокруг него, должны бить в гонги и барабаны, зажечь ладан, и плевать ему в лицо, пока он не придет в себя.

Внезапное оцепенение, коматозное состояние, транс, каталепсию, эпилепсию, летаргию, конвульсии и прочие последствия «ударов призраков» китайские авторы обозначают общим термином *цзюе*, который следует понимать как «подвешенное состояние» после похищения души призраком. Ранее мы уже говорили об этом, называли два класса призраков — похитителей душ и перечисляли простейшие средства, которыми, по китайским поверьям, можно вернуть души обратно в тела несчастных жертв. Гэ Хун в воем медицинском трактате называет такие болезни *ши цзюе*, где *ши* — «труп», а *цзюе* пишется с ключом «нога» и имеет значение «похищать, оттягивать», что вряд ли можно считать случайностью или ошибкой переписчика. «Болезни *ши цзюе,* — говорит автор, — это *цзу сы*, или внезапная смерть, при которой, однако, пульс еще прощупывается, больной слышит шипение или свист, а в ногах его сохраняется тепло» («Чжоу хоу бэй цзи фан», гл. 1, пар. 2). Таким образом, Гэ Хун относит эти болезни к разряду вызываемых «ударом призрака», идентичных «внезапной смерти»; точно так же поступали и все знатоки медицины последующих времен. Отметим мимоходом, что, по практически всеобщему убеждению, «потеря души» вовсе не обязательно сразу же проявляется «болезненным образом». Свидетельство тому — следующая история.

«В правление династии Южная Ци, в первый год Юнмин (483) придворный канцлер Ма Дао-ю сидел как-то во дворце, как вдруг пространство перед ним заполонили призраки, которых слуги, однако, не видели. В мгновение ока двое демонов проникли ему в уши и вытащили из него душу (*хунь*), и душа упала прямо ему на башмаки. Указывая на нее пальцем, канцлер спросил слуг, видят ли они что-нибудь, но окружавшие его ничего не заметили. Тогда они спросили, какой формы его душа, и Дао-ю ответил: "Она похожа на лягушку. У меня больше нет жизненных сил, и призраки по-прежнему в моих ушах". Слуги взглянули на его уши и увидели, что они непомерно раздуты. На следующий день канцлер умер» («Щу и цзи»).

Чжу Чжэнь-син, живший при династии Юань, писал: «*Ши цзюе*, летающие *ши* и внезапные *цзюе* — все это следствия ударов зла. Если проявляется неправильное (*бу чжэн*) влияние, руки и ноги неожиданно утрачивают подвижность и холодеют, кожа покрывается пупырышками, лицо становится черно-синим, а жизненный дух не удерживается в теле. Больной говорит с ошибками либо лепечет бессвязные речи, либо у него сжимаются челюсти, либо он утрачивает способность восприятия и никого не узнает, либо у него начинается головокружение, он вскакивает, вертится и. в конце концов, падает. Таковы симптомы внезапных *цзюе*, внешних влияний (*гэ у*), летающих *ши* и ударов призраков. Болезни эти часто являются следствием траурных визитов, посещений храмов или могил» — т. е. тех мест, где обитают призраки» («Синь фа», разд. «Цзюе ни»). А Чжан Цзе-бинь, живший в пятнадцатом столетии, говорит: «*Ши цзюе* есть безусловное проявление внезапного "удара зла", вызванного внешними *се*, такими как неправильное (*бу чжэн*) воздействие четырех сезонов либо горных демонов, или смертоносное влияние земли, или пяти *ши*, ночных призраков[73] кошмаров и так далее». «Удары зла» — худшие из болезней, насылаемых демонами — могут проявляться по-разному. Лоу Ин утверждает, что среди них следует различать боли в животе, запоры или колики, астму, искривление спины и бедер и т. д. Более того, он говорит: «Если у больного внезапно расширяется сердце и раздувается живот и при этом нет ни поноса, ни рвоты, значит, его поразило то, что люди называют "ударом зла". Причина этого кроется в том, что жизненные силы его незавершенны, сердце и воля

переполнены страхом, и поэтому его настигает удар злых духов. Некоторые из пораженных пребывают в угнетенном состоянии и молчат, другие бормочут бессвязные и исступленные речи, клевещут и поносят людей, разглашают чужие тайны и чернят даже тех. кого, казалось бы, должны почитать. Иногда они сулят беду или счастье, но когда наступает время для исполнения пророчеств, ничего не происходит. Они взбираются на кручи и пересекают пропасти, словно ступают по ровной поверхности; некоторые рыдают и плачут, другие стонут и вздыхают, они избегают общества людей и ведут себя словно пьяные либо сумасшедшие. Болезнь проявляется десятью тысячами способов, каждый из которых надлежит исследовать и лечить в соответствии с местными обычаями» («И сюэ ган му»).

Таким образом, китайские лекари и знатоки медицины пребывали в убеждении, что больные, мечущиеся в бреду или отмеченные какими-либо иными признаками умопомешательства, поражены «ударом зла», т. е. что ими завладел демон. Дьявольскому вмешательству приписываются даже жар или горячечное исступление; одним словом, нет ни одной болезни, о характере которой было бы сформировано правильное представление. Как мы уже отмечали, в соответствии с идущей из глубины веков традицией, жар отождествляли с демоном сына мифического императора, жившего аж в двадцать шестом веке до новой эры; здесь же укажем, что на протяжении всей китайской истории ни один из признанных авторитетов в области медицины так и не подверг сомнению демоническое происхождение этой болезни. Периодически повторяющаяся лихорадка, утверждали они, это демоны или их се, время от времени проникающие в тело больного и покидающие его, вызывая тем самым горячую лихорадку (*ян*), также называемую «мужской» (*му нюэ*), или холодную (*инь*), также называемую «женской» (*пинь нюэ*). Внезапные приступы, во время которых больной бредит, особенно случающиеся по ночам, прямо именовались «дьявольской лихорадкой» (*гуй нюе*). Точно так же многие лекари обозначают и эпидемии малярии, преобладающие в то или иное время года, при том или ином ветре, во влажном и жарком климате; некоторые, правда, называют «дьявольской лихорадкой» только ночные приступы, ведь ночь — время царствования призраков, и нет надобности говорить, что данной «концепции» придерживались в основном простые необразованные люди. Существует весьма тонкая классификация типов лихорадки, в частности, есть вызываемая *ян се*, гнездящимися в светлой либо темной душе человека, или же *инь се*, содержащимися в одной из этих душ, но подобные детали выходят за сферу нашего исследования.

В любом случае, фольклорные свидетельства с гораздо большей степенью яркости и достоверности, чем научные, подтверждают наличие демонического начала в любом типе лихорадки. «Начальник уезда Шанъюань (пров. Цзянси) Чэнь Ци-дун в молодости жил вместе с неким Чжаном в храме Гуаньди в Тайпине. Там Чжан заболел лихорадкой. Чэнь, занимавший с ним одну комнату, как-то в полдень почувствовал усталость и прилег на кровати прямо напротив больного, как вдруг заметил во дворе бледного лицом мальчика в блестящей одежде, в темно-синих шапке, обуви и чулках. Мальчик просунул голову в дверь и посмотрел на Чжана, а Чэнь, решив, что он, наверное, служит кем-нибудь в храме, ни о чем не спросил его; внезапно у Чжана поднялся жар, а когда мальчик ушел, жар спал. На следующий день, когда Чэнь опять прилег отдохнуть, он проснулся от исступленного крика Чжана, которого рвало так сильно, словно это бил ключом источник. Когда Чэнь открыл глаза, он увидел, что у постели Чжана стоит тот самый мальчик, пританцовывает, делает какие-то движения руками и смеется, и при этом смотрит на больного, будто говоря, что делает это нарочно. Тут Чэнь понял, что перед ним демон лихорадки. Чэнь бросился к нему, чтобы ударить, но, коснувшись кулаками демона, он ощутил, какой тот нестерпимо холодный. Мальчик со свистом вылетел из комнаты, Чэнь бросился за ним и преследовал его до центрального двора, где призрак исчез. Чжан пошел на поправку, но руки у Чэня почернели, словно их кто-то закоптил, и оставались такими до конца его дней» («Цзы бу юй», гл. 7).

В Амое боязнь «призраков лихорадки» въелась в сердца людей настолько глубоко, что они с явной неохотой произносят даже название этой болезни *хань-жэ*, что значит «холод-и-жара»; поистине, наилучший способ призвать дьявола — это произнести его имя. Люди предпочитают называть лихорадку *ци ши а бин*, «болезнью нищего» в надежде показать тем самым призракам болезни, что они ненавидят ее, и заставить призраков перестать досаждать людям. Заболевших лихорадкой расспрашивают не о том, на что конкретно они жалуются, а об их общем самочувствии, тем самым тоже пытаясь отвести лишнюю угрозу. Впрочем, подобную линию поведения можно проследить по отношению практически ко всем болезням. Более того, считается признаком дурного тона и невоспитанности использовать в переписке слова «болезнь» или «демоны болезни»; их заменяют выражениями типа *цзао хуа сяо эр*, «дети, несущие превратности судьбы».

Действию потусторонних сил и злых духов в Китае приписывается не только лихорадка, но и сумасшествие. В классическом каноне по искусству врачевания выделяется пять его причин: «Ниже даны пять видов помешательств, вызываемых *се*: когда они входят в *ян* (человека), он сходит с ума; когда они входят в *инь*, его разбивает паралич. Если они твердо завладеют его *ян*, у него начнутся припадки эпилепсии, если они твердо завладеют его *инь*, он онемеет. Если *ян се* войдут в его *инь*, человек становится тихим, если *инь се* покинут его *ян*, он станет буйным. Таковы пять помешательств» («Хуан-ди су вэнь», гл. 23).

Се могут разрушать разум больного в несколько этапов через последовательный ряд заболеваний. В трактате по медицинскому искусству Чжан Цзи, высокого сановника, жившего во втором-третьем веках новой эры, сказано: «Когда *се* своим завыванием тревожат спокойствие *хунь* или *по* человека, его дыхание и кровь убывают; убывание крови и дыхания передается сердцу, сердце и дыхание ослабевают, и человек становится пугливым. И тогда, когда во время сна он закрывает глаза, ему снится, что он уносится вдаль, ибо дух его рассеивается, его *хунь* и *по* беспорядочно блуждают, упадок *инь* приводит к эпилепсии, а упадок *ян* вызывает умопомешательство»[74]. В русле данной концепции авторы медицинских трактатов утверждают, что, если сумасшедший под демоническим влиянием видит и говорит о странных, неизвестных вещах, о призраках и духах, теряя даже минимальный контроль за своими глазами, ушами, языком и жестами, это доказывает, что «пустота дыхания и крови» достигла апогея, а разум утратил остатки ясности. Однако обильное выделение слизи вкупе с сумасбродным буйством и беспокойством отнюдь не всегда являются подтверждением действия *се*; их можно объяснить катаром, инфекцией и пр. Если женщине снится, как она вступает в сексуальную связь с призраком, или если она бредит после тяжелых родов или во время сильной менструации, причиной этого может быть пустота крови, ставшая следствием истечения ее *шэнь*. Авторы медицинских трактатов также практически единодушны в том, что психоз и безумие есть следствие овладения *се* сердцем больного — средоточием его души.

Взгляды ученых мужей на проблему умопомешательства удивительным образом совпадают с представлениями простых людей. В Амое люди говорят, что все сумасшедшие без исключения находятся под властью *сяо гуй*, «демонов безумия». Если человек страдает припадками в первые теплые дни года, он пребывает в сетях *таохуа гуй*, «демонов цветов персика», ибо в это время персиковые деревья одевают свой весенний наряд; поэтому человека можно сделать безумным, просто ударив веткой персика. *Сяо гуй* боятся в первую очередь из-за того, что, по поверьям, они крепко-накрепко прилепляются к своим жертвам. Против них бессильны самые изощренные заклинания и заговоры, какие только придуманы человеческим гением, и, если такой демон проник в человека и отнял у него разум, семье его не остается ничего более, как терпеливо ждать, когда призрак соблаговолит уйти по собственной воле.

Тот факт, что безумие повсеместно и безусловно приписывается действию злых духов, вполне объясняет и то, почему галлюцинации мечущихся в бреду людей, которым мерещатся воображаемые существа и звери, здоровые люди принимают ни больше ни меньше как за

реальное появление призраков. И просто поразительно, насколько часто в медицинских трактатахпри перечислении симптомов сумасшествия «безумные, бессвязные речи» (*ван юй*) упоминаются в непосредственной связи с «видением призраков» (*цзянь гуй*). Впрочем, если уж китайцам, находящимся в здравом уме и полной памяти, повсюду видятся призраки, то что говорить о тех случаях, когда они больны и мечутся в бреду. Близки к демонам сумасшествия, но менее злобны и привязчивы демоны, вызывающие скоротечную либо постоянную рассеянность рассудка, которых китайцы Амоя называют *ми хунь гуй*, «призраками, смущающими или сбивающими с толку *хунь*», либо *у шэнь а гуй*, «духами, приводящими к утрате *шэнь*». Они похищают из людей *хунь* и *шэнь*, составляющие человеческий разум, либо часть их, и тем самым вызывают глубокую апатию, рассеянность и забывчивость. Действию этих духов приписываются утрата внимания, временное умопомрачение, сумасшествие, но без буйства и бешенства, а также идиотизм и слабоумие — словом, все психические отклонения, неопасные для остальных людей.

Как уверяют китайцы, очень часто призраки похищают души тех, кто глубокой ночью покидает свой дом и направляется в общественную уборную. Потерянный и неприкаянный, такой человек блуждает между зловонных ям и никак не может найти выход в лабиринте стен. Однако, если случится появиться другому человеку с фонарем или факелом, душа тут же возвращается в лунатика, ведь похитивший ее призрак, как и все прочие потусторонние существа, страшно боится света и, только завидев его, тут же исчезает, спасая свою жизнь. Именно фотофобией демонов люди объясняют тот факт, что подобных случаев в общественных уборных никогда не бывает днем. Но порой происходит гораздо более худшее: многих мужчин и женщин, выходивших ночью из дома с неизвестными целями, спустя много дней находили где-нибудь среди холмов, истощенных от голода и с помраченным рассудком. Сознание несчастным можно вернуть только многократно и громко выкрикивая их имена — тогда душа, услышав призыв, откликается на него и возвращается в тело. Выше мы приводили слова Гэ Хуна о таких духах.

Маленькие дети, немощные и слабые, организм которых обладает куда меньшей, в сравнении со взрослыми, сопротивляемостью, подвержены демоническому влиянию в значительно большей степени. Проискам се приписывается любой испуг ребенка, переходящий сначала в хныканье, а потом и в истеричный рев. «Истеричный плач, вызванный испугом, — это влияние се, пробравшихся в сердце, и лечить их следует успокаивающими душу пилюлями», — говорится в специальном медицинском сочинении[75]. Представления эти «блестяще» подтверждаются тем, что нередко детей охватывают конвульсии и спазмы. Итак, подытожим, что же говорят авторы о данном классе болезней. Они возникают вследствие испуга, поражают сердце и печень, а потом вредят и душе ребенка. Причин их может быть несколько. Главная и наихудшая среди них — это *кэ у*, «столкновение со странным внешним влиянием», описанное в медицинском трактате, приписываемом Гэ Хуну. Как утверждал этот признанный авторитет всех времен, «*кэ у* относятся к типу ударов зла и приводят к сердечным судорогам и вздутию живота, с острой болью в сердце и груди. У означает столкновение, т. е. столкновение с внешним воздействием» (Чжоу хоу бэй цзи фан», гл. 1). Источником внешнего воздействия могут быть и люди, вот почему разделяются два вида конвульсий: *чжун гуй у* и *чжун жэнь у*, «столкновение с призраком» и «столкновение с человеком». Впрочем, многие проницательные авторы подразделяют последние еще на несколько подвидов, в зависимости от того, какая именно женщина или какой именно мужчина напугали ребенка, или даже в зависимости от того, какое животное вызвало его испуг, и в каждом конкретном случае предписывают разные лекарства. *Кэ у* противодействуют нормальной (*чжэн*) *ци*, т. е. здоровым силам в организме ребенка; они есть *се*, которых непреднамеренно передают люди, приближающиеся к ребенку, звери или даже ветер. Подхватить подобную «инфекцию» ребенок может в любое время, даже в момент рождения. Поскольку конвульсии несколько напоминают каталепсию как по причинам, так и по проявлениям и последствиям, их также

называют «ударами призраков» или «ударами зла». Как и при прочих болезнях, вызываемых потусторонними силами, проникновение в организм призраков и их се становится возможным при плохом здоровье или неправильном расположении органов. Впрочем, подробно останавливаться на этом мы не будем.

Призраки, нападающие на детей, особенно «любят» похищать их души. «Влияние *шэнь* маленького ребенка — мягкое и слабое, его дух хрупок и недостаточен, вот почему когда его *шэнь* или *хунь* похищает демон, это проявляется во внезапном обострении какой-нибудь тяжелой болезни. Ребенок не может двигаться, кожа желтеет, он громко и часто кричит, а изо рта идет смрадный запах[76]. В свое время мы говорили, что жители Амоя пытаются лечить страдающих от конвульсий, призывая их души и возвращая их в тело с помощью гонгов и одежды больного.

Особый тип демонов-похитителей детей — это *цзи*, порожденные суеверными представлениями еще в глубокой древности. В «Шо вэнь» сказано: «*Цзи* — это одеяние призрака; также говорят, что это демоны, похищающие детей. Иероглиф состоит из элемента "призрак" и фонетика *цзи*» (гл. 9, I). Вполне возможно, что демоны-похитители как-то связывались или даже отождествлялись с призраками, пугающими детей, так называемыми «детьми Чжуань-сюя».

Первым, кто предоставил нам некоторые сведения о *цзи* и их деяниях, был Сунь Сы-мо. «Как правило, — пишет он, — ребенок получает болезнь *цзи*, если в тот момент, когда мать его забеременела, злой дух из зависти поражает плод в ее утробе и тем самым вызывает болезнь у ребенка. Поэтому *цзи* — крошечные призраки. Болезнь проявляется также иногда в том случае, если беременная женщина не изгнала *цзи* до конца. Когда дух порождает болезнь, начинается понос и жар, а иногда появляется волосатое, отвратительное и омерзительное существо с длинными бровями — таковы симптомы. Больные должны пить отвар из желчи дракона. Если женщина, ребенок которой еще не ходит, вновь становится беременной и продолжает при этом кормить грудью первого ребенка, то плод подвергнется воздействию *цзи* и пожелтеет; симптомами являются истощение, выпадение волос и сильный жар» («Бэй цзи цянь цзинь яо фан»).

Авторы более позднего времени объясняют влиянием *цзи* и другие детские болезни и предписывают принимать различные «действенные» лекарства. Говорить об этом подробнее также нет необходимости. Все они единодушно советуют беременным матерям, кормящим грудью старшего ребенка, сразу же отнимать его от груди, как только они заметят ухудшение его здоровья. Впрочем, в китайских деревнях, где нередко можно видеть женщину, кормящую грудью четырех-пятилетнего ребенка, вряд ли следовали этому совету. Естественно, что точно так же авторы медицинских трактатов отговаривают родителей разрешать вскармливать детей кормилицам, если те беременны. Вообще, молоко беременных женщин они считают вредным и ядовитым. «Такое молоко, — говорит Ли Ши-чжэнь, — я называю запретным; если ребенок ест такое молоко, у него начинаются понос и рвота, атрофия и болезнь *цзи*, ибо оно чрезвычайно ядовито («Бэнь-цао ганму», гл. 52, 1.22).

Таким образом, если верить Сунь Сы-мо и другим авторам, *цзи* — это душа плода, приносящая вред его старшим братьям и сестрам. Однако некоторые врачи уверяют, что болезнь *цзи* получила свое название оттого, что вызывает у больного ребенка истощение, и он выглядит вялым и слабым, точно таким же, как и *цзи*. Возможно, что в распространенном в Амое, где люди хорошо знакомы с самыми разными призраками, выражении *цзи-цзи хао* — так называют таинственные щебечущие звуки, раздающиеся порой в доме, *цзи-цзи* обозначает именно таких демонов — похитителей детей. А иностранцев они иронически называют *а-цзи*.

Поскольку медицинская наука, как и вся китайская наука в целом, заключается преимущественно в осмыслении заключений различной степени вероятности, сделанных на основе наблюдения за фактами, подпитываемого суевериями и заблуждениями, она не умеет четко отличать транс, каталепсию и прочие формы нечувствительности от собственно смерти.

Ведь тело остается неподвижным, онемелым и сохраняет ту позу, которая была ему придана; интеллект не работает, невозможны и преднамеренные движения, но такое состояние может быть временным. Неудивительно поэтому, что в китайских медицинских трактатах мы находим множество советов, как лечить «мертвых», т. е., как возвращать их к жизни; и авторы их легко используют слово «смерть» там, где речь идет только о напоминающем таковую временном состоянии. Также вполне естественно, что смерть, как и прочие формы потери чувствительности, представляется результатом деятельности злых духов, поражающих своих жертв либо крадущих их души.

В качестве подтверждения приведем следующую историю. «В конце периода правления под девизом Шэнпин династии Цзинь (361) в уезде Гучжан, глубоко в горах, жил старик, у которого была дочь. Некто Чжао Гуан из Юйхана попросил ее руки, но получил отказ. Вскоре старик заболел и умер. Девушка отправилась в уездный город, чтобы купить гроб, по дороге встретила Гуана и рассказала ему, что случилось. "Я сейчас так занята, — добавила она. — Если вы отправитесь в мой дом и побудете рядом с телом отца, пока я не вернусь, то я выйду за вас замуж". Гуан согласился. "В свинарнике, — сказала девушка, — вы найдете свинью. Забейте ее, чтобы мы смогли приготовить жертвенное угощение".

Когда Гуан подошел к дому девушки, он услышал, что кто-то хлопает в ладоши, смеется и танцует. Он приподнял циновку, висевшую на дверях дома, и увидел, что толпа призраков бросает туда и сюда тело несчастного старика. Гуан схватил палку и с громкими криками ворвался в дом. При виде его все призраки разбежались. Гуан встал около тела, а потом вывел свинью и забил ее.

Ближе к ночи он вдруг увидел позади тела старого демона. Демон протянул руку, прося немного мяса, но Гуан крепко схватил ее, так что призрак не мог никуда бежать. Он держал призрака и не отпускал его, как вдруг где-то снаружи другие призраки заголосили как один: "Старый слуга, этот обжора, вот он попался так попался, ура!" — "Ах ты старый дьявол!" — воскликнул Гуан. "Так это ты убил старого господина! Немедленно верни сюда его дух, и тогда я отпущу тебя. В противном случае пеняй на себя!" — "Это мои дети, развлекаясь, убили его!" — вскричал старый призрак и велел молодым демонам вернуть душу обратно. Старик ожил, и Гуан отпустил демона. Когда девушка вернулась с гробом домой и увидела своего отца живым и невредимым, она остолбенела, а потом разрыдалась. Гуан взял ее в жены» («Ю мин лу»).

Считается также, что призраки иногда убивают своих жертв, проникая в пищу и так попадая в живот человека. «Жители Юйчжана, — свидетельствует «Цзи шэнь лу», — любят употреблять в пищу грибы, но выше всего они ценят за изысканный вкус гриб, который они называют "Желтая госпожа". Один человек как-то приготовил такие грибы для работников, чинивших его дом. Один из работников, укладывавший черепицу на крыше кухни, взглянул вниз и увидел около котла, накрытого маленькой крышкой, в котором готовилось кушанье, голого призрака. Призрак подбежал к котлу и прыгнул в него. Хозяин дома подал приготовленные грибы, и тот работник был единственным, кто не ел их, хотя и не сказал, почему. В тот же самый вечер все, кто ел грибы, умерли».

Вера в призраков, насылающих болезни, была широко распространена среди простого народа во все времена; и ночные кошмары как ничто другое подкрепляли и поддерживали ее. Действительно, для того, кто находится в плену подобных представлений, если спящий задыхается, то под тяжестью демона, якобы сидящего у него на груди; если дыхание его затрудняется, то оттого, что демон схватил его железной хваткой, а внезапные резкие движения во сне есть не что иное, как отчаянная попытка сбросить демона. Вполне естественно поэтому, что сам иероглиф *янь*, «кошмар», состоит из элементов «призрак» и «давить». В классических сочинениях этот иероглиф не встречается, из чего, однако, не следует, что идея о насылании ночных кошмаров демонами в древние времена отсутствовала. Мы говорили выше, что такими призраками могут быть пауки. И словно в подтверждение

суеверия, что причиной ночных кошмаров являются призраки, в медицинских сочинениях они называются «*гуй янь*», «дьявольскими кошмарами». Их авторы уверяют нас, что призраки «удушают» людей — весьма удобный способ объяснения внезапной смерти человека в постели от апоплексии или чего-либо еще. Все подобные случаи: *цзу янь*, «внезапные кошмары», *гуй янь бу у*, «дьявольские кошмары (после которых человек) не просыпается», *янь мэй бао цзюе*, «жестокий конец во время сна от кошмара» ничуть не отличаются от прочих «дьявольских ударов» или «ударов зла». Их наносят все те же призраки, «вырывающие» души из больных. Гэ Хун говорит: «Что касается ночных кошмаров, если больной не пробуждается от сна, его *хунь* и *по* бродят вне тела; их похищают *се* и заносят в списки (умерших); души желают вернуться обратно, но, пока им это не удается, они избегают света, поскольку при свете они не могут вновь войти в тело» («Чжоу хоу бэй цзи фан», гл. 1).

Как и можно было бы ожидать, Гэ Хун говорит, что таких больных можно оживить, призвав их души обратно. Метод этот, однако, сопряжен с использованием какого-то количества одурманивающих средств. «Перевяжи ноги больного пенькой, спроси, почему он оказался в таком состоянии, и пообещай, что велишь развязать его. Затем пусть один человек сядет рядом и наблюдает за головой больного, а другой пусть выкрикивает во дворе его имя. Сидящий должен отвечать "да, я здесь", и тогда больной оживет. Если спящий не просыпается, ни в коем случае нельзя допускать, чтобы на него попадал свет, ибо свет может убить его; но, если его сильно укусить за пятку и большие пальцы на ногах у самого ногтя и несколько раз плюнуть ему на лицо, он очнется. Через стебель тростника дуй ему в уши, а в нос ему вставь двадцать семь его волосков, свитых в одну нить» (Там же).

Некоторые детали в сочинениях других авторов отличаются от вышеизложенных, но общий настрой остается тем же. «Человек может повеситься, упасть и разбиться, умереть от кошмара, утонуть и задохнуться — таковы пять причин преждевременной кончины. Когда происходит такое, внутренние органы человека не отмирают мгновенно, поскольку мы имеем дело со смертью, вызванной внешними обстоятельствами; *хунь* и *по* все еще наблюдают за телом, находясь позади него, а поскольку они неподалеку, при помощи магического искусства их можно призвать обратно, и тогда они войдут в тело и смогут оживить его[77]. «Если человек, которого во время сна тревожил кошмар, не просыпается, его *хунь* и *по* блуждают рядом с телом и удерживаются *се*; следует призвать их обратно в полной темноте, остерегаясь попадания малейшего света на спящего, ибо тогда *хунь* и *по* не войдут в него, и он умрет прямо под светом. Призраки-кошмары являются прямо из света и потому не боятся его. К спящему не следует также обращаться, находясь совсем рядом с ним или слишком нетерпеливо, ибо тогда можно потерять его *шэнь* и *хунь*» («Шэ шэн яо лу», «Самое важное о возвращении жизненной силы»).

Прострелы, подагра и схожие ревматические симптомы жители Амоя приписывают козням демонов-карликов, которых авторы обозначают иероглифом *хо*. Эти опасные существа развлекают себя тем, что вызывают внезапные порывы ветра и воздушные тяги, которые вздымают клубы пыли на узких улочках и в переулках. На местном диалекте это явление называется *гуй цзы фэн*, «дьявольским ветром». Радость *хо* доставляет и такая забава: они любят раздирать лица людей с такой силой, что меняют черты лица до неузнаваемости. Они делают конечности людей негибкими, оставляя их калеками на всю оставшуюся жизнь — одним словом, именно они являются причиной всех болезней, которые можно обозначить термином *чжун фэн ша*, «смертоносные удары ветра». Вера в карликов-демонов настолько глубоко укоренилась в сердцах местных жителей и настолько распространена, что нередко можно услышать, как люди выражают свой гнев следующими словами: *ци гуй цзы фэн пу чжэ*, «да ударит тебя дьявольский ветер».

Истоки происхождения демонов ревматических симптомов можно проследить вплоть до глубокой древности. Если следовать словарю Канси, то иероглиф *хо* есть всего лишь иная форма иероглифа *юй*, который, как свидетельствует ключ, означает «жаба, земноводное». Еще

в «Ши цзине», древнейшем каноническом сочинении, *юй* ассоциируется с призраками, ибо употребляется рядом с иероглифом *гуй*: «*Гуй* или *юй*, добыть все равно нельзя». Лю Сян, философ, живший в первом столетии до новой эры, свидетельствует: «Говорят, что *юй* появились на юге Юэ (пров. Гуандун); в Юэ был избыток женщин, женщины и мужчины купались в одних и тех же местах, однако женщины пользовались преимуществом, отчего появился дух распущенности. Вот почему совершенномудрые древности назвали этих животных *юй*, ибо иероглиф этот похож на иероглиф *хо*, "соблазн". Действительно, животные эти могли стрелять в людей с берега реки и вообще родственны "стреляющим призракам". Веления Неба твердо и справедливо запрещают мужчинам ставить себя наравне с женщинами и потому Небо создало этих отвратительных существ, которые убивают своими выстрелами тех, кто склонен к похоти» («Эрья и», «Юй»).

Позднейшие авторы, в меньшей степени озабоченные святым негодованием против греховных *bains mixtes* жителей юга, дают нам более подробные сведения о таинственных *юй*, свободные от необузданной игры воображения. «Шо вэнь» говорит, что «*юй* — это *дуань ху*». Выражение это можно буквально перевести как «короткий лук», но, скорее всего, оно представляет собой фонетическую транскрипцию, поскольку второй иероглиф иногда встречается с ключом «зверь», и тогда получается «короткая лисица», что уже очевидная бессмыслица. Тем не менее, местные авторы могут быть и правы, что *дуанъ ху* следует воспринимать именно в буквальном смысле как существо, «стреляющее» смертоносным дыханием, водой или песком. Данное обстоятельство и могло стать причиной появления слова, однако, мы все-таки склоняемся к тому, что само слово породило верования в стреляющую способность неких животных.

«Оно напоминает черепаху, — продолжает «Шо вэнь», — имеет три ноги, изрыгает на людей дыхание и так убивает их». Чжан Хуа (232–300) пишет: «В горах Цзяннани к югу от Янцзы в ручьях обитают животные-стрелки, принадлежащие к классу чешуйчатых. Размером они в один-два цуня. Во рту у них есть нечто, напоминающее по форме лук, и они стреляют своей *ци* по теням людей; в том месте, куда они попадают, появляются язвы, которые, если их не лечить должным образом, приводят к смерти. Ныне, если насекомое с*юй-соу* помочится на тень человека, в тех местах, куда попала ее моча, у человека тоже появляются язвы» («Бо у чжи», гл. 3, «И чун»). Сюй-соу, как правило, описывают как маленьких ящериц; здесь мы говорить о них не будем.

Современник Чжан Хуа по имени Лу Цзи (260–303) говорит о *юй* следующее: «По берегам рек Янцзы и Хуай они встречаются повсюду. Когда на воде появляется тень человека, идущего по берегу, они бросаются на тень и так убивают его, вот почему их называют "стреляющими по теням". Если жителю юга нужно войти в воду, вначале он бросает несколько обломков черепицы или камней, чтобы вода замутнилась, и только затем входит. Некоторые говорят, что если животное возьмет в рот песок и выстрелит им в человека, то в том месте, где он попадет на тело, возникают язвы, как при проказе» («Мао ши цао му няо шоу чун юй шу», разд. «Жу гуй, жу юй»).

Юй Бао, пожалуй, первым наделил таинственных *юй* качествами болезнетворного демона, от действия которого людей поражает паралич, онемение членов и болезни головы. «В правление Гуан У-ди династии Хань (25–58) в Пин (Сычуань?) жили в реке какие-то существа, которых называли *юй* или *дуань-ху*. Они набирали в рот песок и метали его в людей. У тех, в кого попадал песок, онемевали сухожилия и нервы тела, болела голова и начинался сильный жар; в худшем случае они умирали. Жившие на берегу реки люди, которые боролись с этими существами с помощью магического искусства, находили в их мясе песок и камни. Слова "Ши цзина" "*гуй* или *юй*" мне непонятны. Ныне люди называют их "речным Ядом"» («Соу шэнь цзи», гл. 12).

Рассуждает об этих существах в присущем только ему своеобразном стиле и Гэ Хун, дополняя свои замечания «данными», безусловно, подсказанными ему его собственным

богатым воображением. «На великой равнине центральной части страны пневмы земли чисты и гармоничны, там находятся славные горы нашего государства и там вовсе нет такой напасти. Ныне же в землях У и Чу жара и влажность вызывают обильные испарения и миазмы. И, хотя здесь также есть истинные горы Хэншань и Хошань, в них много разных ядовитых тварей. Например, здесь водится "лисичка", которую также называют "ядовитой жабой", или "стрелком", или "стреляющим в тень", но на самом деле это водяное насекомое, напоминающее цикаду, а по размеру сходное с тройной чаркой. У него есть крылья, и оно может летать. У этого насекомого нет глаз, но оно наделено острым слухом. Во рту у него есть особая пластина, напоминающая рог или лук. Как только это существо услышит человеческий голос, так эта пластина во рту, напоминающая рог или лук, немедленно выстреливает особой пневмой, которая вылетает из воды и жалит человека так, что на его коже появляется язва. Если выстрел попадет в тень человека, то человек все равно заболевает, хотя язва и не появляется. Если человека не лечить от этого недуга, то он непременно погибнет. Эта болезнь похожа на сильное обморожение, и человек умирает ранее, чем пройдет десять дней с момента укола» («Баопу-цзы», гл. 17, «Дэн шэ»)[78].

Концепция, что человеку можно принести вред, навредив его тени, имеет, как мы помним, древнее происхождение и связана с определенными представлениями о родственности тени и души. Таким образом, можно считать выясненным, что *юй*, скорее всего, — нечто вроде водяного жука, краба или какого-либо земноводного, которое, не сомневаемся, наша зоологическая наука когда-нибудь опишет и тем самым лишит его мрачного мифического ореола.

Разрушительного влияния демонов люди никогда не ощущали столь остро и никогда не боялись так сильно, как во время эпидемий, когда мириады *вэнь-и гуй*, «демонов эпидемии и мора», наводняли страну и косили людей сотнями и тысячами. В такие времена большие деньги делают на торговле заклинаниями, амулетами и лекарствами, отгоняющими демонов; люди стекаются в храмы и совершают самые разнообразные церемонии, о которых мы будем не раз говорить в дальнейшем.

Как мы помним, еще сын мифического императора Чжуань-сюя превратился в демона, насылающего мор, из чего можно сделать вывод, что уже в глубокой древности люди верили в таких демонов. Медицинские трактаты самых разных эпох однозначно свидетельствуют, что чуму порождают определенные виды *се*, активность которых подчинена чередованию времен года, причем каждое время года создает благоприятные условия для каких-то конкретных эпидемий. Отсюда и название — *тянь син се*, «*се* движения Неба».

Несомненно, что в различных частях Китая и в разные времена демоны эпидемии именовались на местных диалектах. И распространяемые ими зло и вред, увы, не ограничивались только болезнями. В сочинении шестого столетия рассказывается: «В городе Хуанчжоу (Хубэй) жили призраки *хуан-фу*, которые творили зло везде, где бы они ни появлялись. Одежда их была желтого цвета. Если они, смеясь во весь рот, приходили в какой-нибудь дом, то в этом доме обязательно начиналась эпидемия. Размеры их менялись в зависимости от высоты того места, к которому прикреплялась циновка, закрывающая вход в дверь Они не показывались уже более десяти лет, поэтому и служилые люди, и простой народ жили в постоянном страхе (что они вот-вот придут). У человека из Люйлина по имени Го Син-чжи была служанка, родившаяся в его же доме, которую звали Цай-вэй; она была молода и красива. В годы Сяоцзянь династии Сун (454–457) появился человек, называвший себя горным духом. Внешне он походил на человека, но был совершенно голый и ростом в целый чжан; руки и грудь у него были желтого цвета, но кожа и лицо — исключительно белыми и чистыми, а речи его отличались правильностью и безукоризненностью. Люди приняли его за демона *хуан-фу*. Он приходил встречаться со служанкой, которая покорилась его воле, словно он был человеком. Он посещал ее много раз, постоянно скрывая свое тело; время от времени, однако, он становился видимым и представал всегда в разном облике. Он был то высокий, то

низкий, походил то на дым или испарения, то на камень, ребенка, женщину, птицу или зверя. Но следы ног его всегда были человеческими, в два чи длиной, за исключением немногих случаев, когда они напоминали отпечатки гусиных лап. Ладони его рук были размером с целую чашу. Он открывал двери и захлапывал окна, появляясь повсюду словно призрак, но шутил со служанкой как обычный человек» («Шу и цзи»).

Очевидно, демоны *хуан-фу* отождествлялись с демонами эпидемий еще при ханьской династии, ибо в комментарии к официальной истории этой династии, написанном при династии Тан, упоминается некий Яо Ба, губернатор Юйчжана, живший в первой половине второго века новой эры и прославившийся своими экзорсистскими способностями. «Область постоянно страдала от зла, приносимого людям демонами *хуан-фу*; но по прибытии Ба все демоны исчезли, и с тех пор в области больше не случалось эпидемий» («Хоу хань шу», гл. 87, 1.3; издание годов Цяньлун). От эпидемий, насылаемых демонами, страдают не только люди, но и домашний скот. «В шестом году периода под девизом правления Шаосин (1136), в деревне Юйгань вся семья Чжан спала, когда мальчик-пастушонок, ночевавший в хлеву, вдруг услышал, как кто-то стучит в ворота. Он быстро вскочил и увидел, как несколько сот крепких людей, закованных в доспехи, украшенные пятью цветами, и в красных шлемах, вбежали в хлев и исчезли. Наутро все коровы, которых было пятьдесят голов, погибли. Люди эти были демонами чумы» («И вэнь цзун лу»).

Учение о том, что вселенная состоит из пяти элементов, действие которых распространяется на все природные феномены, естественным образом приводит к выводу, что элементы эти влияют и на болезни, доставляющие людям бедствия и страдания. Соответственно и вызывающие болезни призраки подразделяются на пять классов, согласно пяти элементам. В классическом сочинении по гаданию мы читаем: «Когда возникают и процветают *гуй* металла, они поражают голову и зубы, а если они соединяются с Белым Тигром[79], начинает течь кровь и гной. Когда приходит время действовать *гуй* дерева, свирепствуют болезни, вызываемые ветром (ревматизм и пр.), а головная боль и помутнение в глазах постепенно отступают. *Гуй* воды вызывают попеременно то жару, то холод и в основном порождают лихорадку; поэтому понос и катар вылечить трудно. *Гуй* огня вызывают онемение вкупе со слабостью, отчего начинают болеть глаза. А *гуй* земли порождают пустоту в селезенке и желудке, а также желтые язвы; когда они действуют, обязательно возникают болезни грудной клетки[80]. Из пяти классов призраков ведущую роль в демонологии играют три, которые были рассмотрены нами выше в специальных главах. Это демоны дерева, т. е. те, что обитают в деревьях, растениях и деревянных предметах, демоны воды и демоны земли. Особенно опасны для человека последние, ибо им не обязательно сталкиваться с ним непосредственно. Они могут обитать в его доме в практически любой вещи, которой человек пользуется, либо оказывать на вещь прямое воздействие.

Демоны огня — это блуждающие огоньки; еще древние уверяли, что они содержатся в крови. Ле-цзы утверждает, что «кровь лошадей становится кружащимися *ignes fatui*, а кровь людей превращается в огоньки на полях». Огоньки эти китайцы никогда не считали благоприятными для человека. Их описывают как в высшей степени опасные, приносящие людям болезни и опустошающие поля. «Когда, после того как взойдут посевы кукурузы, огоньки-призраки порхают в ночи туда-сюда и сжигают их, это шестое бедствие. Огоньки эти исходят из стволов гниющих деревьев, так что дерево — их мать, а огоньки — ее дети. Пока дети находятся в утробе матери, тело ее не гниет, ибо в природе детей не разрушать собственную мать, даже если им суждено пробыть внутри ее тысячу осеней. Но как только приходит дождливый год, в заброшенных могилах, что раскиданы по диким долинам — часто разрытых и развороченных лисицами, — старые гробы намокают и гниют, и тогда дерево, которое я называю веществом-матерью, разлагается, и огоньки, которым не к чему больше цепляться, отрываются от него и улетают. Огоньки эти порождаются *инь* и не испускают лучей *ян*, они дожидаются сумерек после заката, чтобы вырваться из своих щелей. У них нет

сил подняться в воздух, поэтому они проползут несколько чи и останавливаются. Когда початки и листья кукурузы соприкасаются с ними, они тут же отрываются, опаляются или сгорают. Люди, охотящиеся за ними, только завидев испускающие огоньки корни деревьев, тут же обрушиваются на них с градом ударов, как и на самих призраков. Мне не известно, откуда идет суждение, что призраки порождает гниющее дерево. Когда призраки-огоньки завидят свет фонаря, они исчезают» («Тянь гун кай у»).

Лишенные предрассудков люди легко узнают в этих светящихся демонах, уничтожающих посевы, якобы порождаемых гниющей растительной и животной субстанцией, светлячков, прожорливых и ненасытных, откладывающих яйца и личинки на кукурузных полях. Еще в «Ли цзи»[81] мы читаем (гл. 23, 1.3), что «гниющая трава превращается в светлячков в последнем месяце лета». Разные авторы, как, например, Цуй Бао в своем сочинении «Гу цзинь чжу», прямо называют этих насекомых линь, что значит «блуждающие огоньки». Осмелимся спросить, неужели тот факт, что иероглиф этот состоит из элементов «огонь», «рис» и «неудачный, неблагоприятный» является чистой случайностью? Некоторые легенды уверяют, что светлячки, как и блуждающие огни, есть продукты человеческой крови. «В правление императора Хуай-ди династии Цзинь, в период Юнцзя (307–313) некто Дин Ду из Цяого переправлялся через Янцзы. Когда он приблизился к границе Иньлина, уже спустились сумерки, стоял густой туман. Вдруг он заметил в северном направлении существо, похожее на человека. Существо упало, затем поднялось, и из его глаз и головы брызнула кровь. На земле образовались две кровяные лужи, в каждой из которых было больше *шэна* крови. Ду и его двоюродный брат в один голос закричали на призрака, и он исчез. А в том месте, где он стоял, кровь превратилась в несколько тысяч светлячков, которые разлетелись во все стороны» («Чжи гуай лу»).

Светлячки появляются в Китае в самое жаркое время года. В Фуцзяни в седьмом месяце, когда все население совершает жертвоприношения душам усопших, которые благодаря искусству буддийских священнослужителей специально освобождаются на это время из ада, они просто кишмя кишат. Совпадение это, безусловно, ежегодно лишний раз подкрепляет веру людей в то, что насекомые эти являются призраками людей. Однако, к счастью, как сказали бы жители Амоя, призраки эти, как правило, держатся в стороне от человеческих жилищ и редко залетают в дома. «Девушки, блуждающие в ночи, — это огни светлячков. Они — жизненный дух трупов, лежащих на земле. Если воскурить ладан, они уберутся. Они приносят счастье, если, когда они появляются в доме человека, их цвет голубой, и беду, если их цвет — красный»[82]. Историй, связывающих злых духов с блуждающими огнями великое множество. Вот две из них. «В области Хуэйцзи регулярно появлялся огромный демон высотой в несколько чжанов и несколько десятков пядей в обхвате. Он носил высокую шапку и черную одежду. Се Дао-инь, направляясь как-то через кладбище к пруду, увидел в вечерних сумерках около пруда пару факелов. Потом они вошли в воду и расплылись по поверхности в несколько десятков чжанов, их белый шелковый цвет постепенно сменился кроваво-красным и, наконец, они рассыпались на несколько сотен огоньков, которые бросились за повозкой Се. Среди множества огоньков он ясно различил огромного призрака, с головой размером с целую корзину в пять даней риса. Демон выглядел, словно пьяный, и с обеих сторон его поддерживали маленькие призраки. В тот же год разразился мятеж Сунь Эня (конец четвертого века), который поддержали все жители Хуэйцзи. В те времена говорили, что видение Дао-иня было пророческим» («Чжи гуай лу»).

«Ли Шу служил в Сюйчжоу, а дом его находился в Фугоу. Весной второго года Юнтай (499) он отправился домой на праздник Цинмин и уже неподалеку от реки Болян проезжал мимо одного места, где прежде была могила. Оно находилось шагах в двадцати от дороги, и там обычно играли и резвились мальчики-пастухи. Но на этот раз Ли Шу увидел на месте могилы пещеру размером с большое блюдо, и из нее изливался свет. Все это разбудило в Ли Шу любопытство, он спешился, подошел к могиле и увидел пять девушек в красивых одеждах,

сидевших в соответствии с порядком пяти главных направлений, которые без устали вышивали, склонившись над пламенем свеч. Шу издал звук, пять огней исчезли, и все пять девушек тоже пропали вместе с ними. С недобрыми чувствами он вернулся, вскочил в седло и пустил лошадь вскачь, но не успел он дойти до дороги, как пять огней выскочили из могилы и бросились за ним. Он мчался изо всех сил, но не смог оторваться от преследователей. Он взмахнул хлыстом, но огни спалили его. Пока он не проскакал десять ли, отделявших его от реки Болян и не натолкнулся на собак, огни не исчезли. На рассвете он заметил, что хвост у его лошади сожжен, а крестец и ноги — опалены. С тех пор могила эта зовется "могилой пяти девушек". Она сохранилась до наших дней»[83]. Призраки, связанные с элементом металл, упоминаются редко. Но поскольку у каждого из четырех остальных элементов есть «свои» демоны, металл не должен являться исключением. Более того, всякий, хоть сколько-нибудь знакомый с китайской философией, просто убежден в реальности существования призраков всех элементов, поскольку они соответствуют четырем направлениям компаса и центру, которые прямо-таки кишат призраками. Согласно медицинским трактатам, демоны металла преимущественно вредят легким человека, ибо философия связывает легкие именно с этим элементом. Едва ли стоит уточнять, что к данному классу призраков относятся призраки и духи, обитающие в металлических предметах. Более изысканная теория связывает демонов металла с планетой Венера, которую китайцы называют *цзинь син*, «звезда из металла», кровожадной и насылающей болезни небесной силой, олицетворяющей осень, время смерти и упадка природы. В таком качестве Венера выходит на передний план исключительно в астрологических предсказаниях, о чем мы будем говорить в нашей книге, посвященной даосизму.

Глава девятая

Призраки, приводящие к самоубийству

Душа всякого утонувшего человека или человека, ставшего жертвой тигра, не успокаивается до тех пор, пока не заставит новую жертву погибнуть точно таким же образом. Аналогично ведут себя и призраки-демоны самоубийц — они непрерывно ищут себе так называемую «замену», *ти*, или *цзяо-ти; дай*, или *цзяо-дай*. Вот почему в доме, где один человек покончил с собой, рано ли поздно ли, но обязательно опять случаются самоубийства. Убеждение это настолько глубоко укоренилось в умах китайцев, что дома, отмеченные этим злом, очень трудно сдать внаем, а порой они вообще признаются непригодными для жизни.

Замену себе ищет не *шэнь* самоубийцы, ибо *шэнь* человека поднимается к небу и соединяется с высшей силой *ян*, из которой он проистекает, и потому не в его природе нести вред, но *по* или *гуй*, которые спускаются на землю и возвращаются на то самое место, где человек покончил с собой. Об этом, в частности, говорит Ли Ши-чжэнь: «До человека — это нечто похожее на сожженные пшеничные отруби, находящиеся под повешенным, если ее немедленно выкопать, то ее можно разрушить, но если этим пренебречь, она погружается все глубже в землю, и, пока не будет уничтожена, самоубийства будут повторяться. Действительно, человек получает два начала — *инь* и *ян*, которые составляют его тело, его *хунь* и *по*; до тех пор пока оба начала пребывают в гармонии, человек живет, но как только они расходятся, человек умирает, и тогда его *хунь* поднимается на небо, а его *по* проникает в землю. Поскольку *по* принадлежит к *инь*, ее *цзин* впитывается землей и превращается в вышеупомянутую субстанцию» («Бэнь-цао ган-му», гл. 52).

В Китае человек, решающий по собственной воле уйти из жизни, как правило, использует для этой цели веревку, вот почему в Амое призраков самоубийц называют *дяо гуй*, «призраки повесившихся». Практически все жители Амоя, от самых образованных до последних кули и нищих-попрошаек, твердо верят в их существование. Впрочем, огромное множество циркулирующих, передаваемых из уст в уста историй об этих призраках дают им, казалось бы, на это право. Расскажем читателю две из них.

Не так много лет прошло с тех пор, как один лодочник перевозил как-то неизвестного ему человека с материка в город. Незнакомец вез с собой небольшую балку, что вызвало у лодочника подозрения: действительно, какой чудак будет тащить через широкий залив такую пустяковую вещь, которую в городе можно купить на каждом углу? Лодочник неторопливо греб, постепенно завязал разговор с незнакомцем и узнал, куда тот направляется. Вскоре лодочник высадил пассажира на пристани, получил свою плату, но не успел незнакомец скрыться из виду, как деньги, которыми он расплатился, превратились в руке лодочника в кусочки бумаги, которые в ходу в мире призраков. Тут лодочник все понял, поспешил к дому, упомянутому незнакомцем, и прибыл как раз вовремя, чтобы спасти хозяйку, которая, в бессильной ярости от только что полученной трепки от своего благоверного, уже собиралась повеситься на стропилах крыши.

Конец следующей истории оказался для ее героя более печальным. Как-то вечером человек проходил мимо могил и заметил, как кто-то изо всех сил пытается перетащить балку через стену соседнего дома. Решив, что это вор, человек через боковую калитку пробрался в дом и предупредил его обитателей, которые тщательно обыскали весь дом, но не нашли ничего подозрительного. Правда, они спасли женщину, которая собиралась повеситься на стропилах крыши. Все члены семьи сердечно благодарили человека, разрушившего злобные замыслы дьявольских сил, и, преисполненный гордости и самоудовлетворения, он отправился домой и рассказал обо всем своей жене. Жена его, однако, была особой чрезвычайно любопытной, она не захотела довольствоваться только рассказами и пожелала увидеть, как же на самом деле все происходило. Покорный муж взобрался на стул, перекинул через одну из балок шнурок, обмотал вокруг шеи петлю, как вдруг чья-то невидимая рука выбила из-под него стул, и он отправился в вечность с переломанной шеей. Так злобный демон все-таки получил свою жертву, и вдобавок еще и удовлетворил свою месть.

В пользу широкой и повсеместной распространенности веры в призраков-самоубийц свидетельствуют и многочисленные письменные источники, главными действующими лицами которых они являются.

«Чэнь Гун-пэн находился в дружеских отношениях со своим соседом Ли Фу. Осенним лунным вечером Чэнь отправился к дому Ли, намереваясь поболтать со старым приятелем. "Я только собирался было выпить вместе с женой немного вина, — сказал ему Ли, — но обнаружил, что оно закончилось. Посиди немного, я схожу и куплю его, и тогда мы сможем вместе полюбоваться луной". Чэнь сел, держа в руках свиток со стихами, и стал ждать возвращения друга.

Вскоре за воротами появилась женщина в голубом платье и с растрепанными волосами. Она открыла ворота, вошла внутрь, но, заметив Чэня, тут же исчезла. Чэнь предположил, что женщина эта была из семьи Ли, которая, увидев незнакомого человека, решила, что ей не следует с ним встречаться; поэтому, он пересел в сторону, чтобы дать ей пройти. Женщина вытащила что-то из рукава одежды, спрятала под оградой и поспешила в дом. Чэнь, сгорая от любопытства и желая узнать, что же она спрятала, подошел к ограде и увидел окропленную кровью веревку, от которой исходил неприятный запах. Он решил, что женщина эта — призрак повесившегося человека; он спрятал веревку в сапог и, как ни в чем ни бывало, уселся на прежнее место.

Вскоре женщина с распущенными волосами вышла из дома и направилась к тому месту, где она оставила веревку. Не обнаружив ее, она страшно разгневалась и побежала у тому месту, где сидел Чэнь. "Отдайте мне мою вещь!" — вскричала она. "Какую вещь?" — спросил Чэнь, но женщина ничего не ответила. Выпрямившись, она открыла рот настолько широко, насколько было возможно, и обожгла Чэня ледяным дыханием, так что волосы у него встали дыбом, а зубы застучали от холода; лампа зашипела, приобрела зловещий зеленый оттенок, и, казалось, вот-вот погаснет. "У призрака есть *ци,* — подумал про себя Чэнь, — а у меня неужели нет?" И он тоже изо всех сил дунул на женщину. И о чудо! — в том месте, где поток

воздуха попал в женщину, образовалась дыра. Вначале исчез ее живот, затем грудь и, наконец, голова; через мгновение она превратилась в легкий дым, который рассеялся, исчез и больше не появлялся.

Спустя какое-то время пришел Ли с вином и громко закричал, что его жена повесилась на кровати. Но Чэнь лишь улыбнулся в ответ: "С ней ничего не могло случиться, поскольку веревка призрака все еще у меня в сапоге". Пока он рассказывал обо всем, что произошло, они вместе вошли в дом и освободили жену Ли из петли. Потом они влили ей в рот имбирного напитка, а когда она пришла в себя, спросили, почему она решила умереть. Женщина ответила:

"Хотя мы очень бедны, мой муж любит привечать гостей; чтобы купить вина, он взял последнюю заколку для волос, что осталась у меня; но, как бы ни велика была моя печаль, плакать я не могла, поскольку во дворе находился гость. И тут позади меня появилась женщина с распущенными волосами, которая сказала, что она наша соседка и живет слева от нас и что муж мой забрал заколку вовсе не для того, чтобы попотчевать гостя, он якобы отправился в игорный дом. Услышав это, я была вне себя от гнева и печали; я подумала, что, если мой муж не вернется домой из-за того, что уже поздно, гость никуда не уйдет, ибо некому будет сказать ему об этом и — тут женщина с распущенными волосами собственными руками сделала петлю. "С помощью этого вы сможете вступить в беспредельную радость царства Будды", — сказала она. Я просунула голову в петлю, но женщине никак не удавалось крепко затянуть ее; петля все время ослабевала. Тогда со словами "я принесу для вас собственный пояс Будды, с помощью которого вы сами станете Буддой" она выбежала из дома и отсутствовала длительное время. Я же все это время спала, а потом пришли вы и спасли меня". Потом они поспрашивали людей и выяснили, что за несколько месяцев до того повесилась одна женщина в их деревне» («Цзы бу юй», гл. 4).

Таким образом, мы видим, что, по поверьям, веревка, при помощи которой самоубийца свел счеты с жизнью, потом переходит к его призраку, блуждающему с ней в поисках «жертвы-замены», и что если с помощью этой веревки покончил с собой один человек, то это же может случиться и со вторым, и с третьим и т. д. «В Ханчжоу (пров. Чжэцзян) в доме, стоявшем у моста Вансянь, где жила семья Сюй, обитал призрак повесившегося человека. Мясник по имени Чжу Ши-эр, уверенный в своей отваге, взял с собой нож, которым он убивал свиней, взобрался со свечой на чердак и устроился там на ночлег. После того как пробили третью стражу, пламя свечи стало синим, и по лестнице в дом вскарабкалась старая ведьма с распущенными волосами; в руке она держала веревку. Чжу набросился на нее с ножом, ведьма же пыталась поймать его веревкой, и тогда он разрезал веревку. Однако концы ее соединились и веревка обвилась вокруг ножа; но нож проходил сквозь веревку так легко, словно это было орудие резчика пеньки. Они боролись какое-то время, но силы начали постепенно оставлять старую женщину. "Чжу Ши-эр, — страшно закричала она, — я вовсе не боюсь тебя, по благосклонности судьбы у тебя есть пятнадцать тысяч медных монет, которых ты еще не получил; поэтому я прощаю тебя, но ты не мог получить деньги прежде, чем столкнулся с ловкими руками госпожи Цзинь Лао-цинь". С этими словами она удалилась, волоча за собой веревку. Чжу спустился с чердака, рассказал людям, что с ним приключилось, и показал нож, обагренный красной кровью и издающий зловоние. Через год он продал свой дом за пятнадцать тысяч монет, но в тот же самый день умер» («Цзы бу юй», гл. 8).

Как мы только что видели, призраки самоубийц могут нападать даже на храбрых и отважных людей. Подтверждает это и следующая история. «Полицейский из Цзюйжуна (пров. Аньхуэй) по имени Инь Цянь славился умением ловить грабителей; каждую ночь он нес дозор в каком-нибудь темном, редко посещаемом месте. Однажды он направлялся в одну деревню, как вдруг его обогнал какой-то человек с веревкой в руке, который явно куда-то спешил, ибо бежал изо всех сил. "Должно быть, это грабитель", — сказал про себя Инь и стал преследовать его, пока тот не добрался до одного из домов и не перелез через стену. Инь решил, что лучше

пока его не ловить, а понаблюдать за ним, ведь если он доставит в управу невиновного, он не получит никакой награды; если же он подождет, пока человек выберется из дома и отнимет у него добычу, он наверняка поимеет больше. Но тут он услышал еле сдерживаемый плач женщины. Подозрения его усилились, он перебрался через стену и увидел замужнюю женщину, расчесывающую перед зеркалом свои волосы, в то время как существо с распущенными волосами, притаившееся на стропилах крыши, пытается поймать ее веревкой. Теперь Инь понял, что это демон повесившегося ищет себе замену. С громким криком Инь ворвался в дом через окно; сбежались перепуганные соседи, Инь рассказал им, в чем дело, и тогда они увидели женщину, повесившуюся на балке. Люди подняли ее и тем самым спасли, а свекор и свекровь сердечно поблагодарили Иня и поднесли ему вина.

Когда все разошлись, Инь отправился той же дорогой домой. Солнце еще не взошло. Услышав позади себя какое-то тиканье, Инь обернулся и увидел призрака с веревкой. "Какое тебе дело до того, что я поймал ту женщину? — гневно спросил призрак. — Почему ты нарушаешь наши обычаи?" — и с этими словами набросился на Иня с кулаками. Но Инь был не робкого десятка, он тоже стал бить призрака, и кулаки его словно ударяли во что-то холодное и отвратительное. Начинался рассвет, и силы призрака с веревкой убывали тем быстрее, чем светлее становилось вокруг, в то время как ловкость и сила Иня только возрастали. Он крепко схватил призрака, но тут проходивший мимо человек увидел, что на самом деле Инь сжимает кусок сгнившего дерева и страшно ругается. Приблизившись, прохожий увидел, что Инь вроде бы спит, но тут Инь пришел в себя, и кусок сгнившего дерева упал на землю. "Призраки цепляются за это дерево, — гневно воскликнул Инь, — но я не пощажу его". Он отнес дерево домой и прибил гвоздями к столбу, что стоял у него во дворе.

После каждую ночь оно стонало и плакало, словно страдало от нестерпимой боли и горя. Через несколько ночей после того, как это прекратилось, стали раздаваться жалобные, похожие на детские, голоса, разговаривавшие с этим существом, успокаивавшие его и просившие от его имени милости, но Инь не обращал на них внимания. Среди голосов звучал и голос призрака: "Радуйся, что хозяин дома просто пригвоздил тебя, если бы он связал тебя веревкой, страдания твои были бы несравненно страшнее". — "Попридержи язык", — в один голос тут же зашептали остальные призраки. На следующий день Инь заменил гвоздь веревкой. Ночью он не слышал завывания призрака, а наутро он обнаружил, что кусок сгнившего дерева исчез» («Цзы бу юй», гл. 6).

Раз демоны покончивших с собой постоянно блуждают в поисках новых жертв, они, само собой, всегда тут как тут, как только у кого-нибудь возникает желание уйти из жизни. В официальной истории династии Цзинь мы читаем о чиновнике Пу Ча-ци, носившем также имя Жэнь-цин, жившем в первой половине тринадцатого столетия, который решил покончить с собой, чтобы уберечь от позора свое имя. «Когда Ци вернулся домой, мать его дремала, но внезапно проснулась. "Матушка, что с вами случилось?" — спросил Ци. "Я видела во сне, — ответила она, — как между балками крыши спрятались трое человек. Это испугало меня, и я проснулась". Жэнь-цин встал на колени и сказал: "Эти люди, спрятавшиеся между балок, — демоны. Я, ваш сын, хотел повеситься на этих балках, а вы предвидели это в своем сне". Все члены семьи расплакались и пытались разубедить его со словами: "Неужели вы не думаете о своей старой матери?" Но мать остановила их: "Не мешайте моему сыну, он принял правильное решение". И он повесился» (гл. 124, 1.9).

Мы уже видели, что демоны нередко побуждают людей к самоубийству в ходе государственных экзаменов на занятие должности. Причем желание уйти из жизни может возникнуть при одном только виде призрака самоубийцы, о чем повествует следующая история. «В первом году Юн-шунь (682) в Тунчжоу мать Юань Шуя сидела как-то днем в главном зале дома и увидела, как в дом въезжает маленький человечек верхом на пони. Ростом он был не более двух-трех чи, и лошадь его была соответствующих размеров. Облаченный в богато украшенные одежду и доспехи, сверкавшие на солнце, он какое-то время ездил вдоль

стен, окружавших двор, а потом исчез, после чего у матери возникло сильное желание покончить с собой, так что все члены семьи были вынуждены удерживать ее. Через год или около того желание это немного утихло, но однажды ночью, удалившись на покой, она положила одежду под одеяла и убежала через ворота. Слуги заметила ее и начали поиски, но она бросилась в колодец, и пока они вытаскивали ее, она умерла»[84]

Глава десятая

Призраки, обладающие материальным телом

Вампиры

От внимательного читателя, ознакомившегося с предыдущими главами, не могло ускользнуть, что китайцы далеко не всегда представляют себе призраков в некоем эфирном облике, но, наоборот, скорее склонны придавать им форму более или менее вещественную и плотную, если не сказать материальную. Феномен подобных воззрений вызвал к жизни страшных демонов, обладающих огромной силой, о которых мы сейчас расскажем подробнее. Вначале, однако, приведем в качестве примера две аутентичные истории.

«В годы под девизом правления Кайюань (713–742) губернатор Лян-чжоу (ныне пров. Ганьсу) Го Чжи-юнь во время инспекционной поездки неожиданно скончался на почтовой станции в ста ли от столицы провинции. Душа его покинула комнату, приказав при этом смотрителю почтовой станции затворить ее и никогда не открывать, и возвратилась в город. При этом слуги, сопровождавшие его, не подозревали о том, что их господин умер. Уладив в течение сорока дней все общественные и частные дела, она приказала своим людям отправиться на почтовую станцию и забрать останки. По их возвращении она лично руководила облачением тела и положением в гроб, после чего попрощалась с семьей, вошла в тело и легла в гроб. Больше она не появлялась» («Гуан и цзи»).

Другая история не менее удивительным образом показывает, насколько совершенной, зримой и осязаемой копией тела может быть душа. «В первом году Чжэньюань (785) умер Ли Цзэ из Хэнани, помощник управляющего дворца. Еще до того как тело положили в гроб, в доме с соболезнованиями появился человек в красном, заявивший семье, что его зовут Су и что он — канцлер палаты. Он вошел в комнату, и, когда его стенания и рыдания достигли наивысшей степени, тело вдруг поднялось и обменялось с ним ударами. Родственники в ужасе выбежали из комнаты. Двое оставшихся закрыли дверь и дрались до самого вечера; когда же надевшие траурные одежды сыновья хозяина отважились вступить в комнату, они увидели, что два тела лежат рядом на кровати. Размерами, обликом, чертами лица, бородами и даже одеждой они нисколько не отличались друг от друга. Созвали всех членов клана, но и они не смогли отличить одно от другого, и тогда их похоронили вместе в одном гробу» («Ду и чжи»).

Идея о том, что души могут путешествовать в облике, трудно отличимом от телесного, не будет казаться столь уж неестественной, если мы вспомним, что, по китайским поверьям, духи умерших предстают перед живыми именно в той материальной форме, в какой те знали их, когда они были живы. Китайцы полагают, что духи и демоны обитают в могилах внутри тел умерших или даже в отдельных частях тела; поэтому неудивительно, что простодушным китайцам они являлись в виде иссохших скелетов либо отдельных костей и черепов. Тела умерших и даже кости должны поддерживать, укреплять и усиливать могущество душ, к которым они принадлежат, следовательно, демон, у которого есть «собственные» тело или кости, в могиле либо же вне ее, по определению, должен обладать особой злой силой. Это отнюдь не немощный и слабый демон, проделки которого проницательные и умные люди легко разоблачают и который поэтому, желая совершить что-то плохое или принести вред, вынужден прибегать к обману и хитрости. Этот демон, обладающий субстанциальностью, на которую он может опереться, нападает на людей открыто и прямо и отличается огромной силой и неимоверной жестокостью.

«В первом году Юнтай (765) в Янчжоу к северу от монастыря Сяо-ганьсы жил человек по фамилии Ван. Как-то летом он сильно напился и лежал на кровати, при этом рука его свешивалась вниз. Жена его, опасаясь, что он заболеет ревматизмом, хотела было поднять ее, как вдруг перед кроватью появилась большая рука, схватила Вана и стащила его с кровати, после чего тело его стало медленно уходить в землю. Жена вместе со служанками пыталась вытащить его обратно, но ничего не помогало — земля словно разверзлась. Одежда и пояс, которые Ван положил рядом, также исчезли. Тогда, собрав все силы, члены семьи все-таки вытащили его наружу, и на глубине более двух чжанов нашли иссохший скелет, который, очевидно, находился там уже несколько столетий. Я не знаю, что это был за призрак» («Ю ян цза цзу», цз. 13).

Представления об экстраординарной силе демонов, сохраняющих власть над телом либо отдельными его частями, прекрасно дополняются концепции о возможности возрождения тела, во все времена сохранявшей свое влияние на умы китайцев. Таким образом, создается достаточно прочное основание для возникновения веры в так называемых «трупов-призраков», или «блуждающих призраков», веры, побуждавшей людей, если верить книгам, эксгумировать и уничтожать трупы, которые, якобы, продолжают «являться» людям. «За южными воротами Даньяна у человека из рода Люй был сад, с которого он получал большой доход. Когда плоды созревали, Люй вместе с сыновьями всегда оставался сторожить, чтобы защитить сад от воров. Как-то ночью, когда ярко светила луна, а отец сидел на камне и не сводил глаз с деревьев, он заметил, как словно из-под земли среди деревьев появилось существо с беспорядочно ниспадающими волосами. Взор его помутился от страха, он позвал сыновей, и они все вместе хотели уже было поймать ночного гостя, но увидели, что это — одетая в красное женщина, которая вдруг быстро выпрямилась во весь рост. Отец в ужасе упал на землю, и сыновья помчались домой что есть духу, словно сумасшедшие, а за ними по пятам бежала женщина. У главных ворот она прекратила погоню и остановилась — одна нога за воротами, а другая — внутри. На крики сыновей сбежалась вся семья с мечами и палками, но никто не осмеливался приблизиться к женщине, поскольку ее холодное дыхание могло поразить любого. Она вновь двинулась вперед, наклонилась, забралась под кровать, и более ее не видели.

Отца привели в чувство имбирной водой, потом сыновья отнесли его домой и созвали соседей. Все вместе они стали копать землю под кроватью и нашли красный гроб с телом женщины, облаченным тоже в красное; женщина была похожа на ту, что видели ночью. Более ни отец, ни его сыновья не отваживались охранять по ночам свой сад. Прошло три дня, и в саду нашли человека, лежавшего под деревьями. Человеку дали вина, он очнулся, и тогда его спросили, как он здесь очутился. «Я — ваш сосед, живу к западу от вас, — ответил он. — Я увидел, что у вас здесь много плодов, которые никто не охраняет, и я пришел сюда, чтобы украсть их, но тут заметил под деревом человека без головы, который поманил меня к себе. Я так испугался, что без чувств рухнул на землю». Вновь сыновья выкопали на указанном соседом месте яму и на этот раз нашли черный гроб с телом, у которого не было головы. Оба тела, еще достаточно твердых и неразложившихся, они положили рядом и сожгли; с тех пор призраки больше не появлялись» («Цзы бу юй», гл. 14).

Подобными «мерами» против трупов, коих считали опасными для человека, боролись, видимо, во все времена. Еще две тысячи лет тому назад супруга императора Чжоу Синя[85] приказала выкопать и сжечь тела пяти убитых ею наложниц и служанок мужа из-за того, что призраки их якобы тревожили ее покой. В пятом столетии, еще до своего отречения, «Цзиньаньский принц Цзы-сюнь по совету [шаманки] у вскрыл усыпальницу вдовствующей императрицы Чжао (супруги императора Вэнь-ди), дабы пресечь зло, которое она могла породить» («История южных династий», гл. 11, 1.7). Несомненно, такие же мысли одолевали и знатного вельможу, сжегшего тело своей жены, чтобы она не могла восстать из мертвых и вступить в любовную связь с другим господином.

Многие трупы-призраки посещают людей в образе черепа. Так, еще в собрании Тао Цяня (четвертый век)[86] мы читаем следующую историю: «В Синье заболела мать некоего Юй Цзиня. Он и оба его младших брата ни на шаг не отходили от ее постели и даже днем жгли огни (чтобы отогнать призраков). В один из дней они увидели, как занавески вдруг несколько раз свернулись и опять развернулись, при этом перед кроватью как-то странно завыла собака. Все обитатели дома сбежались посмотреть, что же случилось, но увидели они не собаку, а мертвеца, лежавшего на полу; на голове у него еще были волосы, а глаза вращались в глазницах — от этого зрелища вся семья чуть не лишилась чувств от ужаса. Существо, стараясь не прикасаться к нему, вынесли из дома и закопали в землю на поле позади двора; но, когда на следующее утро пошли посмотреть на могилу, оказалось, что существо сумело выбраться на поверхность и глаза его вращались, как и прежде. Его вновь зарыли, но на следующий день оно опять очутилось на земле. Тогда его опять похоронили, забросав на этот раз сверху черепицей, и больше существо не появлялось. Через день мать испустила последний вздох» («Соу шэнь хоу цзи», гл. 8).

В другом сочинении сообщается: «В деревне Лайтин, что в Шанду, госпожа Ли сидела как- то днем в главном зале своего дома и увидела покойную сестру своего мужа в белых одеждах, на голове у нее был платок. Призрак приблизился к ней и напал на нее, госпожа Ли сначала бегала вокруг кровати, но призрак не отставал. Тогда она выскочила из дома. Они что есть духу понеслись через холмы и камни, но никто не осмеливался прийти на помощь. К счастью, у северных ворот на призрака набросились с хлыстами всадники; под их ударами призрак начал исчезать, пока от него не осталось ничего, кроме платка. Когда платок подняли, под ним увидели череп» («Гуан и цзи»).

«У Сунь Цзюнь-шоу из Шаншу был отвратительный характер, он любил оскорблять шэнь и поносить гуй. Однажды, во время прогулки по горам, он решил справить нужду. Смеха ради он сел на иссохший череп, лежавший подле заброшенной могилы, испражнился и сказал: "Ешь, разве это не вкусно?" На что череп ответил, щелкая челюстями: "Да, очень". Перепуганный Цзюнь-шоу бежал так быстро, как только мог, а череп катился за ним, словно колесо повозки. Так они добрались до моста, взобраться на который череп не сумел. Уже с моста Цзюнь-шоу увидел, как череп покатился на прежнее место. Бледный, словно сама смерть, Цзюнь-шоу возвратился домой и сразу же заболел. Он подносил ко рту свои испражнения и пожирал их, говоря при этом: "Ешь, разве это не вкусно?", после чего опорожнялся и вновь поедал их. Так продолжалось целых три дня, после чего он умер» («Цзы бу юй», гл. 1).

История, приведенная выше, по-видимому, является вариацией следующей. «В год бин или дин периода под девизом правления Чжиюань (1336 или 1337) Инь Ган-ло и еще несколько жителей Люйлина гуляли как-то вечером по берегу озера Сицзяху. Они ели соленые сливы, а в рот черепу, лежавшему у дороги, наложили камней, приговаривая при этом: «Не находишь ли их часом солеными?» Потом они отправились дальше и подошли к длинному рву. И тут при свете луны они увидели, что за ними катится черный шар и кричит: «Они соленые, соленые!» Страшно перепугавшись, все бросились наутек и бежали более десяти ли, пока не оказались у переправы, что подле деревни Жун. Более того голоса они не слышали» («И вэнь цзун лу»).

Охотиться на людей черепа могут и не будучи спровоцированными. «Местность Чучжоу (пров. Чжэцзян) — очень гористая. В уезде Лишуй, к югу от пика Сяньдуфэн, Обители Бессмертных, местные крестьяне, вспахивая землю и сея, забираются высоко в горы, до половины их высоты. В тех местах множество призраков, и люди начинают и заканчивают работать очень рано, не осмеливаясь задерживаться до темноты. Как-то в конце осени землевладелец по фамилии Ли отправился в деревню, чтобы собрать урожай риса, и остановился в сельском домике. Ночью, когда ярко светила луна, он отправился на гору, что вздымалась перед домом, и увидел скачущее прямо на него белое существо. Перепугавшись, он поспешил обратно к домику, а существо гналось за ним по пятам. К счастью, у ворот имелась решетка, которую можно было выставить вперед и через которую призрак не мог перебраться.

Ли сумел установить ее и, собрав все свое мужество, отважился посмотреть наружу. При свете луны он увидел, как череп кусает решетку и бьется об нее; исходившая от него вонь была просто невыносимой. Когда прокричал петух, череп рухнул на землю, словно груда белых костей, а наутро от него не осталось и следа.

Ли расспросил местных жителей, и один из них сказал: "Можете порадоваться тому, что вам довелось столкнуться с призраком Белая кость, это спасло вас от беды. Если бы это была седовласая старуха, которая прикидывается, что держит лавку, она предложила бы вам попробовать ее табаку, а те, кто выкурят его, больше не просыпаются. Призрак этот появляется и Творит свои злые дела в лунные ночи, когда дует чистый ветер, и совладать с ним можно только с помощью метлы". Я так и не смог узнать, что же это за призрак» («Цзы бу юй», гл. 17).

Призраками, гоняющимися за людьми, могут быть даже фрагменты черепа. «Буддийский лекарь и священнослужитель Син-жу поведал следующую историю о приключениях фучжоуского монаха по имени Хун-ци, человека высокой добродетели, который вел чистую, аскетическую жизнь. В песке на берегу реки он нашел фрагмент человеческого черепа, положил его в корзину с одеждой и отнес в монастырь. Через несколько дней, когда монах спал, кто-то схватил его за ухо и потянул, после чего раздался грохот, словно упал какой-то предмет размером в несколько шэнов[87]. Монах решил, что это сделала кость, но на следующее утро он проснулся на полу возле кровати. Тогда он разбил кость на шесть кусков и побросал их в водосточный желоб. В середине ночи оттуда появились огни размером с куриное яйцо и исчезли под черепицей крыши. Тогда Хун-ци взял свечу и сказал, обращаясь к кости: "Ты не в состоянии помогать живым людям, для каких же замыслов Небу нужно использовать тебя, сгнившую кость?" После чего призрак исчез» («Ю цза цзу», гл. 13).

Однако гораздо чаще в историях о демонах и призраках умершие возвращаются в мир людей и преследуют их все-таки в «полной» материальной форме. Согласно «Цза чжуань», еще в шестом столетии до новой эры Цзы Чань утверждал, что мертвец может превратиться в очень опасного демона, если его душа или души не покинут тело. На распространенность таких представлений указывают многочисленные тексты самых разных времен, вплоть до дня сегодняшнего. Так, еще во втором веке один из авторов писал:

«В Жунани (пров. Хэнань), в павильоне у западных ворот Жуяна обитал призрак. Посетители, останавливавшиеся в павильоне, умирали, а если им удавалось оказать сопротивление призраку, то они обязательно теряли либо волосы, либо жизненные силы. Когда кто-то расспрашивал об этом павильоне, ему рассказывали о странных существах, посещающих это место еще с незапамятных времен. Потом сюда прибыл Чжэн Ци из Илу, чиновник из этой провинции. В шести или семи ли от павильона очень красивая женщина попросила у него разрешения сесть в его повозку. Вначале Ци отказал ей, но затем она все-таки села рядом и доехала с ним прямо до подножия ступенек, ведущих в павильон. Стражники предупредили его, что подниматься в павильон нельзя, на что Ци отвечал, что хочет остановиться в нем. Уже стемнело, Ци взошел по ступенькам наверх и остался там на ночь вместе с женщиной.

Еще до рассвета Ци покинул павильон. Стражник поднялся наверх, чтобы прибраться, и увидел мертвую женщину. В ужасе побежал он к начальнику павильона, который приказал бить в барабан, чтобы созвать местных чиновников, и все вместе они отправились наверх, чтобы осмотреть тело. Женщина оказалась женой некоего У, жившего в восьми ли к северо-западу. Когда тем же вечером тело умершей клали в гроб, светильник погас, а когда принесли новый, оказалось, что она исчезла. Семья немедленно забрала тело домой. Что касается Чжэн Ци, то не успел он проехать и нескольких ли, как его одолела боль в животе. Когда он добрался до павильона Лиян в Синьдуне, боль усилилась, и он умер. Больше никто не осмеливался входить в этот павильон» («Фэн су тун и», гл. 9).

В книге Юй Бао также описывается этот случай; а вот другая история, включенная в его собрание. «В Инчуани один человек по имени Чжун Ю, по прозвищу Юань-чан, в течение

нескольких месяцев не посещал официальные собрания; его характер и поведение казались настолько странными, что кто-то спросил его, что с ним случилось. Ю признался, что к нему часто приходит женщина необыкновенной красоты. "Несомненно, она — призрак! — сказали ему. — Убей ее". В следующий раз, когда женщина пришла к Ю, она не вошла в дом сразу же, а задержалась во дворе. Когда Ю спросил, почему она так поступает, женщина ответила: "Ты хочешь меня убить". — "Нет", — сказал Ю и настойчиво позвал ее. Когда женщина вошла, Ю, хоть и против своей воли, ударил ее и ранил в бедро. Женщина тут же выскочила из дома и побежала прочь, вытирая на ходу капавшую кровь кусочком ткани. На следующий день Ю отправился по ее следам. Следы привели его к большой могиле, в гробу лежала красивая женщина, тело и руки которой были как у живого человека; на ней было платье из белого шелка и расшитые красные шаровары. На левом бедре виднелась рана, кровь из которой была вытерта кусочком ткани, спрятанным в шароварах» («Соу шэнь цзи», гл. 16).

«Местный ученый-ши Чжэн Бинь-Юй, — читаем мы в тексте восьмого столетия, — сообщает, что, когда он жил в Хэбэе, у тамошнего деревенского старосты умерла жена; тело ее еще лежало непогребенным, когда в один из дней после заката дочери вдруг услышали словно несшиеся издалека звуки музыки, которые медленно приближались. Когда звуки достигли двора, тело зашевелилось; когда музыка проникла в дом и зазвучала меж балок и стропил крыши, умершая поднялась и начала танцевать; потом звуки стали удаляться, и тело, спотыкаясь, покинуло дом и последовало за ними. Семья была объята ужасом; ночь была безлунной, поэтому никто не осмелился идти на поиски тела. В первую стражу домой вернулся староста. Узнав о том, что произошло, он отломал от тутового дерева сук толщиной с руку и, выпив для храбрости вина, отправился на поиски, бормоча про себя страшные проклятия. Он добрался до зарослей кустарника, среди которых было много могил, прошел еще пять или шесть ли, когда услышал звуки музыки, доносившиеся из кипарисовой рощи; приблизившись, он увидел женщину, которая при свете огня танцевала под деревьями. Староста поднял палку и ударил ее; музыка оборвалась, он взвалил тело на спину и отнес его домой» («Ю ян цза цзу», гл. 13).

Китайские мертвецы, как мы видим, обладают способностью танцевать под музыку, однако нам не попадались истории о том, чтобы мертвые собирались вместе специально для ночных *danses macabres*. Как показывают две приведенные выше легенды, в «обладающих телом» призраков превращаются неразложившиеся трупы только что умерших еще до того, как их скроет тяжелое бремя дерева и глины. Причем исполненными ярости и злобы демонами становятся даже добрые и мягкие женщины, о чем повествует следующая история, которую читают, рассказывают и пересказывают очень и очень многие вплоть до сего дня.

«В Янсине (пров. Шаньдун), в местечке Цайдянь жил один старик. Деревня его находилась в пяти-шести ли от главного уездного города. Вместе с сыновьями он держал придорожный кабачок, в котором останавливались проезжие торговцы, бывали здесь и возницы, и странствующие коробейники. Как-то на закате дня перед кабачком появились четверо. Взглянув на дом, они приблизились к нему, намереваясь заночевать, но все спальные комнаты для посетителей оказались заняты. Поскольку другого места для ночлега поблизости не было, они стали настойчиво просить хозяина, чтобы он их где-нибудь пристроил. Хозяин вздохнул и сказал, что место, быть может, и найдется, но только оно вряд ли придется им по вкусу. Путники ответили, что все, о чем они мечтают, — это одна циновка на всех, на которую можно было бы прилечь, и крыша над головой, и что привередничать они не собираются. Дело было в том, что у хозяина только что умерла невестка, тело ее все еще лежало в доме, а сын отправился покупать гроб, но еще не вернулся. Старик повел незнакомцев в дом, одиноко стоявший вниз по улице, в котором лежало тело девушки. Они вошли: тусклый свет от лампы падал на стол, за которым была натянута занавеска. Там лежало тело, завернутое в бумажный саван. В отгороженной занавеской части дома стояли в ряд четыре кровати. Путники настолько устали, что не успели их головы коснуться подушек, как тут же послышался громкий храп.

Один из них, однако, заснул не так скоро и услышал странный скрип, исходивший от той кровати, на которой лежало тело. Он немедленно открыл глаза и при свете лампы, стоявшей перед телом, увидел, как женщина выбралась из савана и поднялась. Через мгновение она коснулась ногами пола и медленно вошла в спальню. Наклонившись, она приблизилась к кроватям и трижды дунула на трех спавших путников; четвертый же, опасаясь, что призрак попадет и в него, потихоньку натянул одеяло на голову и, затаив дыхание, прислушался. Женщина дунула на него точно так же, как и на остальных; потом он почувствовал, что она вышла из комнаты, и, услышав шуршание бумажного савана, высунул голову — женщина неподвижно лежала на прежнем месте.

Страх его был так велик, что у него не хватило мужества поднять тревогу. Он потихоньку потрогал ногой своих товарищей, но они не шевелились, и тогда он решил, что ему ничего не остается, как одеться и исчезнуть. Однако не успел он подняться и взять одежду, как вновь раздался скрип, отчего он, вне себя от ужаса, опять юркнул с головой под одеяло. Он ощутил, как женщина приблизилась к нему и несколько раз дунула, после чего удалилась. Через короткое время он понял по шуршанию бумаги, что она опять легла на кровать и завернулась в саван. На этот раз он очень медленно вытянул из-под одеяла руку, схватил свои штаны, быстро просунул в них ноги и что есть духу прямо босиком ринулся из дома. Женщина немедленно вскочила, словно только и ждавшая, чтобы броситься в погоню, но к тому времени, как она вышла из-за занавески, путник уже отворил засов и бросился наутек.

Преследуемый призраком путник мчался вперед с громкими криками, которые разбудили всю деревушку. Он хотел была ударить в дверь кабачка, но не стал делать этого из опасения, что потеряет время, и тогда призрак настигнет его. Поэтому, завидев дорогу, ведущую в уездный город, он побежал по ней что было сил, пока не добрался до восточного предместья. Там он увидел буддийский монастырь и, услышав звуки деревянной рыбы[88], бросился к внешним воротам и стал отчаянно колотить в них. Но монахи, встревоженные столь внезапным посещением, не осмеливались впустить его; когда же он обернулся, призрак был уже совсем рядом, в каком-нибудь одном чи от него. Тогда он попытался найти убежище за белой ивой в четыре-пять чи толщиной, что росла у ворот монастыря. Он уворачивался то вправо, то влево, что все более приводило призрака в ярость и отнимало силы у обоих. Вдруг призрак застыл на месте. Путник, задыхающийся и взмокший от пота, опять спрятался за деревом; тогда призрак приподнялся и, раскинув в стороны руки, попытался обхватить дерево вместе с несчастным. В этот момент путник присел к земле, а призрак, упустив жертву и поймав пустоту, остался стоять неподвижно, обхватив дерево руками.

Монахи из монастыря еще долго прислушивались и, когда звуки затихли, осторожно вышли из монастыря и нашли путника распростертым на земле. При свете факелов они осмотрели его — хотя он казался мертвым, сердце его тихонько билось. Они принесли его в монастырь, но очнулся он только наутро. Монахи напоили его бульоном и стали расспрашивать о том, что с ним приключилось, и тогда путник поведал им свою историю. В это время зазвучал утренний колокол, и с первыми лучами солнца, когда все вокруг еще тонуло в тумане и дымке, монахи отправились к дереву и обнаружили, что рядом с ним, обхватив его, по-прежнему неподвижно стоит женщина.

Перепуганные монахи доложили обо всем в уездную управу. Начальник лично прибыл на место, чтобы провести расследование, и первым делом приказал своим людям оторвать руки женщины от дерева; однако руки, казалось, словно приросли к дереву, так что отодрать их не удавалось. Приблизившись, они увидели, что четыре пальца на каждой руке были загнуты, словно крючья, и ушли в глубь дерева так глубоко, что не было видно ногтей. Еще несколько человек попытались вытащить руки из дерева; когда, после неимоверных усилий, им это удалось, отверстия, оставленные на стволе пальцами женщины казались словно высверленными сверлом или выбитыми зубилом.

Тогда чиновник отправил гонца к хозяину кабачка, который выдал ему путаную смесь правды и неправды относительно исчезновения тела и гибели путников. Когда гонец в свою очередь рассказал ему о происшедшем в городе, старик пошел вместе с ним и забрал тело домой. Обливаясь слезами, путник говорил чиновнику: "Я покинул дом с тремя товарищами, а теперь вынужден возвращаться один; что мне делать, чтобы односельчане поверили моим словам?" Тогда чиновник выдал ему соответствующий документ, одарил подарками и отправил домой» («Ляо Чжай чжи и», гл. 13).

Не менее поучительна и следующая история. «Ученый из Шаосина (пров. Чжэцзян) по фамилии Ван получил годовое жалованье рисом (за свои достижения на ученом поприще), когда одна зажиточная деревенская семья пригласила его к себе в качестве учителя. В их доме, однако, места для учителя не нашлось, но, к счастью, на расстоянии одной ли от них стоял новый дом, хозяева которого искали покупателя. Семья купила этот дом, и учитель поселился в нем.

Осмотрев внутренние комнаты дома, Ван вышел наружу, стал ходить туда и сюда, а потом прислонился к воротам. Уже спустились сумерки, сияла луна, и тут Ван заметил под горой яркий свет. Он подошел поближе и увидел, что свет исходит из гроба, сделанного из неокрашенного дерева… "Если бы этот свет исходил от призрака, — сказал Ван самому себе, — пламя было бы белого света, а по краям чуть оттенено красным. Может быть, это сияние золота или серебра?" Он вспомнил, что в "Сумке мудрости" записано, что некоторые тюрки и хунны, облачившись в траурные одежды, клали гробы на повозки и закапывали их за пределами города и что те, кто по их следу находили свежие могилы, обнаруживали в них гробы, полные желтого и белого металла; быть может, этот гроб — нечто подобное? Какое счастье, что не кто-нибудь, а именно он оказался поблизости и может получить такое богатство!

Он отодвинул камень, вытащил из гроба гвозди, поднял крышку и — каков же был его ужас, когда он увидел труп, лицо мертвеца было мертвенно-бледного цвета, а живот непомерно вздут. На голове у него была шапка из пеньки, а на ногах соломенные сандалии — в таком погребальном облачении в области Юэ хоронили родителей, переживших своих сыновей. От страха и отвращения Ван отпрянул, но чем дальше он отступал, тем выше поднимался труп. Наконец, когда Ван сделал еще несколько шагов, тело мертвеца резко выпрямилось во весь рост. Что было сил Ван бросился прочь, но труп преследовал его по пятам. Ван вбежал в дом, запер за собой дверь, затворил ее на засов и взобрался на чердак. Только теперь он впервые смог чуть перевести дух. Предположив, что труп удалился, он открыл окно и выглянул наружу, но мертвец заметил его и, обрадовавшись, одним прыжком ворвался в дом, подскочил к двери, начал изо всех сил колотить в нее, а когда понял, что не может проникнуть внутрь, издал душераздирающий жалобный крик. Тем не менее, при третьем ударе дверь отворилась, словно распахнутая чьей-то невидимой рукой, мертвец взобрался по ступенькам на чердак, и тут уже Вану ничего не оставалось делать, как взять дубинку и вступить с ним в схватку. Не успел мертвец добраться до верхней лестничной площадки, как получил удар дубиной по плечу — по полу рассыпались висевшие на чердаке кусочки серебряной бумаги. Мертвец остановился и начал подбирать их; Ван воспользовался этим и, собрав все силы, толкнул мертвеца так, что тот покатился вниз по ступенькам. В этот момент раздался крик петуха, и мертвец остался неподвижно лежать на полу. Ван осмотрел труп — мертвец, распростерся на полу, а на его бедренной кости виднелась рана, полученная при падении. Ван созвал людей, и, когда те унесли труп прочь, чтобы сжечь, тяжело вздохнул и сказал: "Моя жадность вызвала труп из могилы, а жадность самого мертвеца привела к тому, что теперь его сожгут". Стало быть, если даже призракам не пристало быть алчными, то что уж говорить о людях!» («Цзы бу юй», гл. 13).

Призраки-мертвецы отнюдь не всегда убивают людей; многие занимаются кражами и грабежом. «Двое друзей из Цзиньлина (Нанкин) — Чжан Юй-гу и Ли вместе вели торговлю в Гуандуне. По каким-то делам Чжан вернулся с юга домой. Ли попросил его передать своей

семье письмо, поэтому Чжан, как только прибыл домой, сразу отправился вручить его. В доме он увидел гроб и узнал, что за то время, пока их не было, отец Ли умер. Он преподнес жертвы душе усопшего и совершил приличествующие поклонения, что семья Ли высоко оценила. Появилась вдова и, увидев красивого и приятного молодого человека, которому было не более двадцати лет, поставила перед ним лакомства и усердно потчевала. Поскольку уже стемнело, она предложила ему заночевать у них.

Спальные покои Чжана и зал, где находился гроб, разделял только открытый двор. Во вторую стражу Чжан вдруг заметил, как вдова Ли вышла из женских покоев и стала подглядывать за ним в щелку окна. Он весьма удивился и, решив, что порядочной женщине не пристало вести себя подобным образом, твердо решил прогнать ее, если она откроет дверь и войдет. Однако женщина, с курительной палочкой в руках, повернулась к алтарю усопшего мужа и стала бормотать какие-то заклинания, словно увещевая его, после чего вернулась к комнате Чжана, сняла с себя пояс, связала им верхние железные кольца двери, а потом медленно удалилась. Чжан был настолько напуган и одновременно удивлен всем этим, что не отважился снова лечь спать. Вдруг с того места, где стоял гроб, донесся странный скрип, крышка гроба упала на землю, и из гроба поднялся человек с черным как смоль лицом. Из зеленых зрачков его глубоко посаженных глаз исходил свет, а сам мертвец производил невероятно страшное и отвратительное впечатление. Быстрыми шагами он выбежал из зала и направился прямиком к комнате Чжана. Подойдя к двери, мертвец издал характерный для призраков жуткий свист, после чего словно со всех четырех сторон сразу подул холодный ветер, и пояс, висевший на двери, разлетелся на мелкие кусочки. Напрягши все силы, Чжан старался удержать дверь, но мертвец оказался сильнее и ворвался внутрь.

К счастью, в комнате стоял большой деревянный шкаф; Чжан толкнул шкаф на мертвеца, шкаф опрокинулся, и мертвец оказался под ним. В тот же миг Чжан выскочил наружу. Все происходившее не осталось без внимания госпожи Ли. Она и все домочадцы бегали туда-сюда с факелами и светильниками, Чжану влили имбирный отвар, чтобы привести его в чувство, после чего госпожа Ли сказала ему: "Это мой муж. Он вел далеко не праведную жизнь, поэтому и превратился в демона-мертвеца, выходит по ночам и творит зло. Он был помешан на богатстве. Прошлой ночью он явился мне во сне и сказал, что приедет некто Чжан с письмом. "В поясе у этого человека, — сказал он, — двести монет; я убью его, заберу половину к себе в гроб, а остальное отдам тебе на хозяйство". Я решила, что все это ночной кошмар и не более, но тут появились вы и остановились у нас на ночлег. Я зажгла перед гробом ладан, молила, заклинала и упрашивала его не давать воли его порочным желаниям. Опасаясь, что он все-таки встанет из гроба, откроет дверь и убьет вас, я связала кольца двери своим поясом, но я и думать не могла, что у него такая силища". Тело отнесли обратно в гроб, и Чжан посоветовал женщине сжечь его, причем чем раньше, тем лучше, чтобы раз и навсегда пресечь то зло, которое он может натворить. "Я уже давно думаю об этом, — ответила женщина. — Но он мой муж, и я никак не могла решиться. Теперь, однако, думаю, больше нет возможности следовать предписанным обычаям". Чжан помог женщине с расходами на алтарь, к которому они пригласили известных буддийских священнослужителей, дабы они отслужили по покойному службу и сожгли тело. Лишь после этого семья смогла жить в мире и спокойствии» («Цзы бу юй», доп., гл. 6).

Приведенные выше легенды достаточно ярко описывают, насколько опасными и кровожадными могут быть демоны-мертвецы. И даже могущественные божества не могут порой избежать вреда с их стороны, если осмелятся встать между ними и их жертвами. «Торговец тканями из Сучжоу по имени Ли Цзю пересекал как-то горы Хо-шань. Смеркалось, все придорожные кабачки были переполнены, поэтому он вынужден был заночевать в буддийском храме. Водяные часы показывали вторую стражу, торговец крепко спал, и ему приснилось, что божество Вэйто[89] ударяет его по спине и кричит: "Вставай, вставай быстрее, тебе грозит большая опасность, если спрячешься за мною, сможешь спастись". Ли проснулся,

весь дрожа, вскочил на ноги и услышал, как из гроба, стоявшего поодаль от его кровати, раздается скрип. Из гроба встал мертвец, весь покрытый белыми волосами, словно он носил надетое навыворот одеяние из шкур серебряных крыс. На лице его тоже росли такие же волосы, черные глаза сидели глубоко, а из зеленых зрачков исходили яркие лучи. Чудовище двинулось прямо на Ли, намереваясь напасть на него, но Ли бросился к алтарю, на котором стояли статуи буддийских божеств и, съежившись, спрятался за спиной Вэйто. Мертвец обхватил руками статую и вонзил в нее зубы с такой силой, что послышался треск; Ли изо всех сил стал звать на помощь, все монахи повыскакивали из своих постелей и с дубинами и факелами ринулись на помощь. Мертвец отпустил статую и убежал обратно к гробу, который потом нашли, как и прежде, закрытым. Наутро монахи осмотрели Вэйто, чтобы узнать, не пострадал ли он от демона-мертвеца. Оказалось, что его дубина расколота на три части, из чего можно было сделать вывод, какой огромной силой и жестокостью обладало чудовище. Монахи сообщили о случившемся властям, которые впоследствии сожгли гроб, а Ли, преисполненный благодарности к Вэйто за помощь, сделал новую позолоченную статую этого божества» («Цзы бу юй», гл. 22).

Демоны-мертвецы чаще всего обозначаются в текстах термином *цзян ши*, «окостеневшие, неподвижные трупы». Еще одно весьма распространенное выражение — *ши гуай*, «явления мертвецов» или «призраки-мертвецы». Вера в этих призраков широко распространена среди доверчивых и суеверных обитателей Амоя; здесь, а также в прилегающих районах бытует поверье, что их порождает солнечный или лунный свет, если он попадает на гроб, в котором находятся еще не погребенные человеческие останки. В этом нет ничего странного, если вспомнить, что именно свет и тепло универсума пробуждают все к жизни. Мертвые особенно часто становятся *цзян ши*, если их погребение по каким-то причинам надолго откладывается, что вызывает их горечь и гнев — серьезное предупреждение живым, что не следует относиться небрежно к обязанностям перед покойником. Кроме того, практически повсеместному распространению веры в мертвецов-призраков способствует и тот факт, что вся территория китайской империи буквально устлана непогребенными человеческими останками.

В Китае есть области, где только лишь из страха перед *цзян ши* тела умерших оставляют на открытом воздухе, чтобы ускорить процесс их разложения. Вывод этот можно сделать хотя бы из следующего замечания Суй Юаня. «К западу от Фэнсяна (пров. Шэньси) умерших простолюдинов не погребают сразу же, а оставляют их тела на открытом воздухе, пока их плоть и кровь не исчезнут, и только после этого хоронят; в противном случае, как говорят, мертвые породят зло (*сюн*). Если погребение произойдет до полного разложения тела, труп якобы получит *ци* земли и через три месяца покроется волосами. Беловолосого называют "белое зло", а черноволосого — "черное зло". Потом он приходит в дома и приносит беду» («Цзы бу юй», гл. 2).

Отметим и еще одну деталь, которой мы также уже кратко касались: *цзян ши* пожирают людей и охотятся за человеческой кровью. Поэтому их можно считать аналогами европейских вампиров, оживших трупов, которые вырываются из своего могильного плена и нападают на людей, дабы утолить жажду человеческой плотью и кровью. Однако свидетельств о *цзян ши* — кровососах в китайской литературе до восемнадцатого столетия нам отыскать не удалось. Единственный текст, который дает сведения об этих чудовищах, — это «Цзы бу юй». «Когда губернатор Инчжоу Цзян жил в провинции Чжили, он как-то встретил человека, который непрерывно размахивал руками, словно ударяя в колокол. Когда Цзян спросил его, зачем от это делает, тот поведал ему следующую историю[90].

"Семья моя живет в деревне такой-то, в которой лишь несколько десятков дворов. С гор в деревню спускался *цзян ши*, который мог летать по воздуху, и пожирал маленьких детей. Хотя каждый день на закате люди закрывали двери домов и прятали своих детей, тем не менее, время от времени чудовищу удавалось похищать ребенка. Крестьяне осматривали его могилу,

но не могли отыскать ее дна, так что никто не осмеливался предпринять что-нибудь против него.

В это время мы узнали, что в городе живет один даос, большой знаток магических искусств. Мы собрали деньги и подарки и отправились к нему просить о том, чтобы он помог поймать призрака. Он согласился, и в день, выбранный как благоприятный, появился в нашей деревне. Он воздвиг алтарь для совершения колдовства и сказал людям: "Мое искусство позволяет покрыть сетью небо и землю, так что демону будет некуда улететь, но вы должны мне помочь своим оружием. Кроме того, мне потребуется отважный человек, который войдет в могилу". Никто из крестьян не осмелился предложить себя для этого дела, за исключением меня; я выступил вперед и спросил, для чего я ему нужен. "Призраки-мертвецы, — ответил даос, — как правило, очень боятся звуков колоколов и гонгов; когда спустится ночь, ты должен подкараулить тот момент, когда призрак вылетит из могилы, и затем спуститься в нее с двумя большими колоколами. Но ни в коем случае не прекращай ударять в них, ибо даже самой короткой паузы будет достаточно, чтобы мертвец вернулся в свою могилу, и тогда тебе не сдобровать".

Водяные часы только начали опускаться, когда лекарь взошел на алтарь, чтобы исполнить свое колдовство. Я же с двумя колоколами дождался той минуты, когда призрак вылетит из могилы. И тогда я быстро, как только мог, начал поднимать и опускать руки, которые чередовались, словно капли дождя; я не осмеливался остановиться ни на миг, поскольку призрак был уже у входа в могилу. Как ужасен он был — он не сводил с меня своих свирепых глаз, но из-за звуков колоколов он не осмеливался вернуться в могилу, а летал кругами вокруг нее. Повсюду ему преграждала путь толпа людей, так что деваться ему было некуда; поэтому, раскинув руки в стороны и отчаянно размахивая ими, он сражался с крестьянами, пока первый отблеск зари не пригвоздил его к земле. Жители деревни подобрали его и сожгли. Я же все это время оставался в могиле и не знал о том, чем все закончилось, и продолжал непрерывно звонить в колокола, не решаясь остановиться. Лишь к полудню пришли люди и вызвали меня громкими криками; с тех пор мои руки беспрестанно двигаются, болезнь эта не прошла у меня до сего дня"» («Цзы бу юй», гл. 12).

«Сюцай Лю, получивший первую ученую степень в Уцзяне (пров. Цзянсу), преподавал нескольким ученикам из семьи Цзян в Юаньхэ. В сезон Чистого Света он возвратился домой: ему был предоставлен отпуск для того, чтобы он мог прибрать могилы предков. Исполнив долг, он собрался вновь отправиться на службу и сказал жене: "Завтра я уезжаю, приготовь для меня еду пораньше". Жена ответила, что сделает все, как он велит, и на следующий день поднялась с первыми петухами. Деревня Лю находилась на берегу реки, на холме позади их дома. Жена вымыла в реке рис, собрала в огороде овощей и все приготовила; уже рассвело, но муж ее все не подымался. Она отправилась к его комнате, чтобы разбудить его, но сколько она ни звала, он не отвечал. Тогда она отдернула занавеску — муж лежал на кровати без головы, и при этом не было никаких следов крови.

Страшно перепугавшись, она позвала соседей. Все они стали подозревать ее в любовной связи и убийстве мужа и сообщили о происшедшем властям. Явился чиновник и провел предварительное следствие, после чего приказал положить тело в гроб; женщину заковали в кандалы и допросили, но свидетельств против нее не было. Тогда женщину бросили в тюрьму; прошло много месяцев, но приговор так и не был оглашен. Потом сосед, отправившись как-то на гору за дровами, обнаружил заброшенную могилу, а в ней — незасыпанный землей гроб; гроб, большой и крепко сколоченный, хорошо сохранился, а крышка его была чуть приподнята; он естественным образом предположил, что могилу вскрыли воры. Он позвал людей, они подняли крышку гроба и увидели мертвеца с чертами живого человека, покрытого белыми волосами. В руках он держал голову человека, в котором опознали сюцая Лю. О находке доложили властям; судьи приказали доставить голову, но мертвец так крепко держал ее в руках, что даже несколько человек не смогли вырвать ее. Тогда чиновник приказал им

отрубить руки *цзян ши*. Из ран полилась свежая кровь, а в голове Лю крови не осталось ни капли — чудовище высосало ее всю. По приказу властей труп сожгли, женщину выпустили из тюрьмы, и на том дело закончилось» («Цзы бу юй», гл. 2).

Заметим, что в Европе тоже распространено поверье, что наилучший способ борьбы с вампирами — это огонь. Но китайцам известны и другие пути их уничтожения. Так, они полагают, что если сразу же после того, как монстр покинул могилу, уничтожить крышку гроба, его злые деяния сразу же прекратятся, поскольку если в гроб свободно поступает воздух, содержимое его немедленно разлагается, а значит, утрачивает силу. «Один господин, сильный и крепкий, гостил в Хугане; жил он один в старом буддийском храме. Как-то ночью, когда ярко светила луна, он вышел за ворота погулять и среди деревьев смутно разглядел какое-то существо, в платке, повязанном по танской моде, которое так легко двигалось по направлению к нему, что он не мог сомневаться — перед ним был призрак. Когда существо удалилось в самую темную часть сосновой рощи и там вошло в старую могилу, он был совершенно убежден, что это — *цзян ши*.

Господин этот слышал в свое время, что такой демон не может причинить никакого вреда, если потеряет крышку гроба. Поэтому на следующую ночь человек спрятался в роще, чтобы, когда призрак покинет могилу, забрать крышку гроба. Когда закончилась вторая стража, призрак действительно выбрался из могилы, словно у него была назначена какая-то встреча. Человек следовал за ним до ворот большого дома, с чердака которого женщина в красном сбросила белую веревку, по которой призрак смог бы забраться в дом; призрак схватил ее, вскарабкался наверх, и они о чем-то долго и тихо беседовали.

Теперь для нашего героя самым главным было пойти по следам призрака и стащить крышку с гроба. Хорошенько спрятав ее, он вновь скрылся в самой глубокой части рощи. Ночь близилась к концу, поэтому призрак возвращался в большой спешке. Заметив отсутствие крышки, он страшно перепугался. Призрак искал ее повсюду, а потом побежал обратно по той же самой дороге, по которой и пришел. Человек последовал за ним. Около дома он опять увидел мечущегося туда и сюда мертвеца, который что-то кричал, а женщина ему что-то отвечала с чердака. Она сделала ему знак рукой, словно говоря о том, чтобы он больше не приходил, но в этот миг прокукарекал петух, и мертвец рухнул замертво прямо на дороге. В ранний утренний час рядом с телом собрались прохожие; все без исключения выглядели подавленными и перепуганными. В надежде удовлетворить свое любопытство, они поспешили к дому: это был семейный храм семьи Чжоу, на чердаке которого стоял гроб, а рядом с гробом лежала женщина-*цзян-ши*. Все собравшиеся убедились, что имеют дело со странным случаем общения двух демонов; их положили рядом и сожгли» («Цзы бу юй», гл. 12).

Еще одно эффективное и весьма простое средство избавиться от посещений призраков-мертвецов — это подождать, пока из какого-нибудь подозрительного гроба не выйдет мертвец, а затем разбросать вокруг гроба рис, красный горох и кусочки железа. Возвратившись, мертвец не сможет перебраться через эти предметы и в конце концов замертво упадет на землю; после чего его можно без всякой опаски сжечь, и лучше вместе с гробом. Единственная проблема — найти человека, который был бы столь отважен и храбр, чтобы согласиться участвовать в подобном мероприятии.

По китайским поверьям, мертвецы нередко вдруг садятся на погребальном ложе и тем самым приводят в страх и трепет своих скорбящих родственников. В таком случае шеста, куска мебели или какого-нибудь предмета из домашнего хозяйства — лучше всего для этой цели подойдет веник — достаточно для того, чтобы тело вернулось в горизонтальное положение, при этом важно не допустить, чтобы к телу прикасались домашние кошки. «Лю И-сянь слыл в Ханчжоу хорошим портретистом. В одном доме с ним жили отец с сыном. Отец умер, а сын, отправившись покупать гроб, попросил, через другого соседа, И-сяня нарисовать портрет отца. Художник отправился в дом усопшего, где, к своему сожалению, никого не нашел.

Предположив, что тело покойника лежит наверху, он поднялся по лестнице, сел подле кровати, на которой лежал умерший, и достал кисти.

Внезапно мертвец поднялся одним рывком. И-сянь подумал, что имеет дело с «бегущим трупом» и остался сидеть неподвижно. Мертвец также не шевелился, только открывал и закрывал рот с закрытыми глазами, при этом морща брови. Если я побегу, подумал про себя И-сянь, мертвец обязательно бросится за мной; лучшее, что я могу сделать, — это потихоньку довести начатое до конца. Он взял кисти, разложил бумагу и набросал контуры мертвеца; труп тем временем подражал каждому движения руки и пальцев художника. Сянь кричал громко, как только мог, но никто не отзывался. Внезапно по лестнице поднялся сын. Увидев сидящего на кровати отца, он от ужаса рухнул на пол, а прибежавший вслед за ним сосед был так поражен видом воскресшего мертвеца, что кубарем скатился вниз по лестнице. Перепуганный насмерть И-сянь собрал все свое мужество, чтобы оставаться на месте пока, наконец, не прибыли носильщики с гробом. Вспомнив, что "бегущие трупы" боятся метлы, он закричал: "Принесите метлу", и носильщики поняли по этим словам, что в доме — "бегущий труп". Они схватили метлу, поднялись по лестнице, с помощью метлы вернули тело в прежнее положение, а потом привели в чувство сына, лежавшего на полу, влив ему в горло имбирного напитка, после чего положили тело в гроб» («Цзы бу юй», гл. 5).

Даже если человек уже попал в смертельные объятия цзян ши, его можно вызволить оттуда. «До того как поступить на государственную службу, Ю Мин-фу, по прозвищу Бэй-лянь, жил в Хэнани. По его словам, в тех местах под навесами за городом хранилось так много гробов с покойниками, что случаи нападения на людей цзян ши происходили очень часто. Но крестьяне придумали средство для борьбы с ними, причем достаточно бесхитростное: если кто-либо попадал в объятия трупа, и тот сжимал человека так крепко, что даже после того, как мертвецу отрубали руки, впившиеся в плоть человека, когти по-прежнему невозможно было вытащить, крестьяне вбивали в позвоночник мертвеца семь плодов жужуба, после чего хватка мертвеца ослабевала. Они несколько раз применяли такой способ и нашли его весьма действенным. Если мертвец начинал двигаться вскоре после смерти, его называли "бегающей тенью"; на него оказывает воздействие дыхание *ян*. Если человек попадет в объятия такого демона, освободить его можно описанным выше способом» («Цзы бу юй», доп., гл. 8).

Теоретизируя по поводу явлений трупов-призраков, китайцы в целом признают, что призраки эти пребывают под властью *по*, т. е. той из двух душ, что отождествляется с землей, в которую она возвращается вместе с телом. Таким образом, если *по* — это «грубая», неразумная душа, то призраки, а значит, и их деяния, не направляются ни разумом, ни добродетелью, ни благопристойностью. Поэтому-то они и рыщут повсюду, не зная удержу, и вредят даже тем, кто никогда не делал им ничего плохого. Однако их «добрый гений», *хунь*, до некоторой степени все-таки может управлять их поведением, ведь именно благодаря этой душе они возрождаются. Благодаря *хунь* они иногда превращаются в добрых призраков, однако необходимо соблюдать осторожность, ведь их «темная сторона» не подавлена полностью, и в любой момент по может восстановить свое доминирующее влияние. Наши теоретические рассуждения хорошо иллюстрирует следующая история.

«В уезде Наньчан провинции Цзянси два господина — один средних лет, а другой молодой — постигали учение в монастыре Бэйланьсы, Северной Орхидеи; они были хорошими друзьями. Старший господин отправился домой и там внезапно умер; другой же, не зная о приключившемся несчастье, оставался в монастыре и продолжал занятия. Как-то поздним вечером он дремал, и вдруг увидел, как его старший друг открывает ворота и входит в монастырь. Присев на кровать, он похлопал молодого друга по спине и сказал: "Не прошло и десяти дней после нашего расставания, как я внезапно умер, и вот теперь я призрак, который, будучи не в силах побороть в себе дружеские чувства, пришел к тебе попрощаться". Юноша хотел было закричать и позвать на помощь, но не смог вымолвить и слова. Но второй успокоил его: "Если бы я вынашивал желание навредить тебе, я не стал бы так искренне говорить с

тобой. Не бойся, я пришел, чтобы поручить тебе кое-какие дела, оставшиеся после моей смерти незавершенными". Понемногу придя в себя, юноша спросил, что это за дела. "Во-первых, — ответил призрак, — у меня есть старая мать, которой теперь уже за семьдесят, и жена, которой нет и тридцати, несколько ху риса будет им достаточно для пропитания; я надеюсь, что ты во всем позаботишься о них. Далее, у меня есть неопубликованная рукопись, я хочу, чтобы ты напечатал ее, пусть даже из-за нее я потеряю ту малую известность, что смог обрести за годы жизни. Наконец, в-третьих, у меня остался неуплаченный долг в несколько тысяч монет; прошу тебя, верни его". Юноша пообещал исполнить все его желания. Тогда мертвец поднялся и со словами "теперь, дав тебе эти поручения, я могу уйти" хотел уже было удалиться, но юноша, весь страх которого исчез, ибо старший друг говорил с ним словно обычный человек, с той же интонацией и теми же словами, и видя, что черты лица его были как у живого, со слезами стал умолять его остаться. "Мы расстаемся на такой долгий срок, — говорил он. — Почему бы вам не задержаться еще на чуть-чуть, отчего вы так торопитесь?" И тут мертвец тоже расплакался и вновь присел на кровать. Какое-то время они оставались вместе и беседовали о превратностях судьбы, пока, наконец, призрак не поднялся во второй раз, сказав: "Все, теперь я ухожу".

Призрак стоял, но не уходил. Он пристально смотрел на юношу и вдруг стал настолько отвратителен, что юноша, к которому вернулся первоначальный страх, стал подгонять его: "Теперь вы сказали все, что хотели. Идите". Но мертвец не двигался и даже после того, как юноша, ударив по кровати, громко закричал. Мертвец неподвижно застыл на месте, и тут страх юноши достиг своего предела — он вскочил с кровати и бросился наутек; призрак ринулся за ним. Он преследовал юношу несколько ли, пока тот не перемахнул через стену и не рухнул на землю с другой стороны. Это препятствие мертвец преодолеть не мог; он вытянул шею и заглянул по ту сторону стены — слюна и пена, вытекавшие из его рта, падали юноше прямо на лицо. Ранним утром мимо проходили люди; они дали юноше выпить крепкого имбирного настоя, и как раз в тот момент, когда он понемногу приходил в себя, появились члены семьи умершего, искавшие его тело. Они так ничего и не узнали о случившемся, забрали тело домой и положили его в гроб.

Сведущие в подобных вещах люди говорили: "*Хунь* человека добра, а по зла, *хунь* — это духовная мудрость в человеке, а *по* — тупа и неразумна. Когда мертвец впервые появился, духовная мудрость еще не полностью покинула его; но *по* также сопровождала *хунь*, и как только *хунь* исчезла, чувство любви растворилось. *Хунь* полностью рассеялась, а *по* осталась в человеке; пока *хунь* присутствовала в теле, это был словно прежний живой человек, но как только она ушла, мертвец перестал быть тем человеком. Блуждающий по свету мертвецом и "избегающий тени" порождает *по*; только люди, обладающие Дао, в силах сдерживать и подавлять ее"» («Цзы бу юй», гл.1).

А в нижеследующей истории призрак-мертвец приходит на помощь человеку. «Сюцай Цзо, получивший начальную ученую степень в Тунчэне, жил со своей женой, происходившей из рода Чжанов, в согласии и супружеской верности. Когда она заболела и умерла, Цзо, будучи не в силах расстаться с ее останками, целыми днями лежал рядом с ее гробом. В пятнадцатый день седьмого месяца семья его проводила церемонию Мэнлань (умилостивления душ и освобождения их из ада). Все домочадцы покинули дом, чтобы участвовать в службе в честь будд, а сюцай в одиночестве сидел рядом с гробом жены над книгой, когда вдруг налетел холодный ветер и появился призрак повесившегося человека; волосы его растрепались, из тела сочилась кровь, а позади волочилась веревка. Призрак направился прямиком к Цзо, намереваясь напасть на него. В ужасе сюцай быстро подскочил к гробу и закричал: "На помощь, дорогая жена!" И тут женщина отодвинула крышку гроба и села. "Эй ты, злобный демон, — раздался ее громоподобный голос, — как смеешь ты столь непочтительно нападать на моего супруга!" И, размахивая руками, она обрушила на него град ударов, так что призрак, хромая-, покинул дом. Потом она повернулась к сюцаю: "Глупец, всему виной твоя ревностная

супружеская любовь, но ты так несчастен, что злые призраки не преминут навредить тебе; иди ко мне, сбрось свою смертную оболочку и давай опять, как и прежде, жить в гармонии и согласии до глубокой старости". Сюцай покорился, и женщина вернулась в гроб. Он позвал домочадцев, которые обнаружили, что гвозди, которыми был заколочен гроб, сломаны, а из-под крышки торчит подол женской юбки. Не прошло и года, как сюцай тоже умер» («Цзы бу юй», гл. 17).

Впрочем, у мертвецов могут быть и иные причины вставать из могил и преследовать живых. Известны случаи, в которые верят все поголовно, когда жертвы убийства возвращаются в мир людей на какое-то время, чтобы отомстить убийце и покарать его. Стоит сказать, что подобные суеверия являются хорошим средством устрашения для посягающих на человеческую жизнь. «В Сичане, что в Чанчжоу (пров. Цзянсу), жил человек по фамилии Гу; как-то на закате дня он оказался за городом и попросился на ночлег в старый храм. Настоятель сказал ему: "Сегодня я должен совершить погребальный обряд в одной семье, мои ученики уже отправились туда, так что в храме никого не будет. Прошу вас, присмотрите за храмом". Гу согласился; когда настоятель ушел, он запер ворота храма, потушил лампу и лег спать.

Во время третьей стражи кто-то начал неистово стучать в ворота храма. "Кто там?" — закричал Гу, и голос снаружи ответил: "Шэнь Дин-лань". Шэнь Дин-лань когда-то был товарищем Гу, но уже прошло более десяти лет с тех пор, как он умер. Перепуганный Гу отказался открыть ворота, но человек закричал: "Не бойся меня, я должен поведать тебе одну тайну. Если ты немедленно не откроешь, я превращусь в призрака, и неужели ты думаешь, что тогда я не смогу выломать дверь и войти без твоей помощи?" Гу не мог не открыть дверь, замок издал глухой звук, словно тело человека рухнуло на землю.

Руки у Гу дрожали от страха, глаза беспрестанно мигали, и он хотел уже было зажечь свечу, как вдруг с земли послышался громкий голос: "Я не Шэнь Дин-лань, я только что умер в доме к востоку отсюда, отравленный женой, которая мне изменила. Я сказал тебе, что я Шэнь Дин-лань, ибо хочу просить тебя отплатить за то зло, что мне причинили". — "Но я не чиновник, — сказал Гу. — Как я могу отплатить?" На что призрак ответил: "Раны на моем трупе могут свидетельствовать". — "Где же ваше тело?" — спросил Гу. "Иди сюда с лампой и посмотри, но учти, что, когда я вижу свет, я утрачиваю способность говорить". В этот момент послышались голоса людей и раздался стук. Гу пошел к воротам, чтобы впустить их: это настоятель и его ученики возвратились в храм. Все они были перепуганы, ибо, как сказали они, "как раз в то время, когда мы, совершая погребальный обряд, читали сутры, тело таинственным образом исчезло, так что нам ничего не оставалось делать, как закончить и идти домой". Гу рассказал им, в чем дело, они осветили тело факелами и увидели, что из всех семи отверстий сочится кровь, обагряя землю вокруг тела. На следующий день они донесли о случившемся властям, которые покарали виновных» («Цзы бу юй», гл. 2).

Описанные выше представления китайцев о призраках-мертвецах записаны представителями интеллектуальной среды, но они, безусловно, разделяются и массой простого народа. Авторы показывают собственную веру в то, о чем они пишут, обильно подкрепляя демонологию положениями философии инь-ян, ведь призраки, как и все прочее в космосе, создаются взаимодействием этих двух начал. Согласно автору «Цзы бу юй», призраков-мертвецов следует отличать от трех других видов трупов. «В земле есть блуждающие трупы, спрятанные трупы и непревращающиеся кости — всего три вида; все они не имеют гробов и внешнего облачения. Первые меняют место под влиянием луны, в соответствии с (двадцатью четырьмя) сезонами. Спрятанные трупы лежат сокрытые в земле в течение тысячелетий, не разлагаясь. А непревращающиеся кости — это кости той части тела, которая прежде обладала особой жизненностью; когда кости погребены, гроб и одежда разлагаются, тело вместе со скелетом превращается в глину, и только кости этой части тела не изменяются. Цвет у них, как у черного янтаря; долго пребывая под влиянием луны и солнца, они тоже приобретают способность творить зло. У носильщиков риса в последнюю очередь сгниют плечевые кости, а

у рикш — бедренные кости, ибо благодаря их труду именно в этих костях накапливалась вся жизненная сила, поэтому-то эти кости так долго гниют в земле. Так же обстоит дело и со "спрятанными трупами"; "спрятанный труп", который спустя долгое время получает жизненную силу, превращается в блуждающий, а по прошествии еще более длительного периода — в летящую якша» («Цзы бу юй», доп., гл. 7).

«*Цзян ши* по прошествии значительного времени обретают способность летать и более не скрываются в гробах. Тогда они покрываются белыми волосами длиной в целый чи и даже больше, которые растут беспорядочно; когда они выходят из могилы или водворяются обратно, они излучают свет. Еще через более длительное время они становятся парящими якша и не умирают до тех пор, пока их не поразит гром. Единственное оружие, из которого их можно убить, — это ружье. Жители гор в Фуцзяни постоянно сталкиваются с ними, и в таком случае зовут охотников, чтобы те, спрятавшись на ветвях деревьев, напали на них. Существа эти очень сильны, настолько, что могут сравниться с медведями. Они появляются ночью, хватают людей и губят посевы» (Там же). «Господин Юй Цан-ши говорит: "*Цзян ши*, являющийся по ночам, чтобы похищать людей, внешне выглядит упитанным и не столь уж отличается от живого человека, но если днем вскрыть его гроб, он будет иссохшим и худым, словно мумия. Некоторые, когда их сжигают, издают писк"» («Цзы бу юй», гл. 24).

«Цзян Мин-фу из Чанчжоу говорит: "Львы и слоны, на которых ездят будды, хорошо известны человеку, а волки, которыми, сидя верхом, правят будды, — неизвестны. Такие волки — это видоизмененные *цзян ши*. Предположим, что какой-то человек, проходя ночью мимо могилы, видит, как мертвец открывает гроб и выходит наружу. Полагая, что он имеет дело с *цзян ши*, человек ждет, пока мертвец не оставит гроб, потом наполняет гроб черепками и камнями и забирается на чердак ближайшего крестьянского дома, чтобы наблюдать за происходящим. К четвертой страже труп возвращается быстрыми шагами назад, явно неся что-то в руках. Приблизившись к гробу и обнаружив, что забраться в него не удастся, мертвец бросает по сторонам яростные взгляды, глаза его широко открыты и сверкают огнем. Наконец, он замечает на чердаке человека, бежит к нему, чтобы поймать его, но ноги его не гнутся, подобно мертвому дереву; взобраться по лестнице он не может и в бессильной злобе отбрасывает лестницу в сторону. Испуганный человек, видя, что лестницы нет и вниз ему не спуститься, хватается за ветки дерева и соскальзывает вниз; но *цзян ши* видит его и бросается в погоню. Объятый ужасом человек что есть силы бежит прочь. К счастью, он умеет плавать. У него мелькает мысль, что мертвец, скорее всего, не сможет войти в воду; он переплывает на другой берег, а мертвец бегает в растерянности по берегу туда и сюда, кричит голосом призрака и страшно воет. Потом, трижды высоко подпрыгнув, призрак превращается в животное и убегает прочь. Он оставляет что-то на земле; оказывается, это тело ребенка, наполовину изглоданное и высосанное полностью. Некоторые говорят, что при своем первом превращении трупы становятся демонами засухи, а при втором становятся волками. Звери эти обладают разумом, они изрыгают огонь и пламя и могут сражаться с драконами; вот почему будды ездят на них, чтобы держать их в покорности"» («Цзы бу юй», доп., гл. 3).

Таким образом, в Китае вампиризм тоже связывается с ликантропией. Если мы вспомним, что, по некоторым поверьям, мертвецы могут становиться демонами засухи, о чем мы говорили выше, значит, последние могут принимать троякую форму, либо же существует три их вида. «Есть три вида ба, насылающих засуху. Первые похожи на зверей, вторые — видоизменившиеся *цзян ши*;, оба этих вида способны порождать засуху и останавливать ветер и дождь. Но главные, высшие демоны засухи, называемые *гэ*, приносят еще больший вред; они похожи на людей, но выше их ростом, и у них один глаз на макушке головы. Они пожирают драконов, и все Властелины дождя боятся их, ибо как только они увидят, что собираются тучи, они запрокидывают головы и начинают дуть, разгоняя облака во все стороны; солнце палит еще ярче. Человек не в силах совладать с ними. Некоторые говорят, что, когда Небу угодно,

чтобы началась засуха, испарения горных ручьев сгущаются и превращаются в таких демонов. Когда демоны исчезают, льет дождь» («Цзы бу юй», гл. 3).

Поскольку и телесно, и психически животные близки людям, их тела, если они не успели разложиться, могут стать опасными мертвецами-призраками. Об этом, в частности, говорил Суй Юань.

Глава одиннадцатая

Призраки — антропофаги

Китайцы издавна верили в демонов-людоедов, и в сознании простого народа вера эта укоренилась довольно прочно. В Китае в периоды повального голода употребление в пищу человеческого мяса было явлением достаточно обыденным, так что едва ли можно было бы ожидать, что антропофагия окажется несвойственной для свирепых и кровожадных призраков.

В первую очередь среди демонов-каннибалов мы должны назвать призраков-мертвецов, о которых шла речь в предыдущей главе; их также отличает постоянное стремление к человеческой крови. Во-вторых, это тигры-людоеды и волки-оборотни, о которых мы говорили в главе V. Одно из древнейших упоминаний о призраках-антропофагах мы находим у Вэй Чжао; на основании его указаний мы можем сделать вывод, что уже в его времена *ван-сян* считались каннибалами. Помним мы и о «небесных собаках», охотниках за человеческой печенью и кровью. А у Дуань Чэн-ши мы читаем: «В годы Дали (766 — 780) в деревне в Вэйнани (пров. Шэньси) жил служилый человек; находясь в столице, он заболел и умер. Жена его, родом из семьи Лю, осталась жить в деревне вместе с сыном одиннадцати-двенадцати лет. Как-то летней ночью на ребенка вдруг напали бессонница и страх. Когда пробили третью стражу, мать его увидела старика в белом одеянии, изо рта его торчали два клыка. Старик пристально посмотрел на женщину, потом медленно подошел к ее кровати, рядом с которой крепко спала служанка, и схватил служанку за горло. Раздалось громкое чавканье; старик сорвал с женщины одежду, схватил ее и в мгновение ока обглодал до самых костей, а потом поднял ее скелет, чтобы высосать все внутренности. Мать увидела, что рот у старика был огромный, размером с целое сито. Тут заплакал ребенок, и видение сразу же исчезло, но от служанки остались одни лишь кости. Несколько месяцев после этого случая прошли без всяких происшествий» («Но гао цзи», I).

Следующая история взята из сочинения того же автора. «В годы Чжэньюань (785 — 805) к западу от почтовой станции Ваньюань жил некто Ван Шэнь. Своими собственными руками он посадил вязовую рощу и поставил в ней хижину из соломы, чтобы в летние месяцы потчевать путешественников рисовой водой. У него был сын лет тринадцати, который помогал ему обслуживать посетителей.

Однажды сын сообщил ему, что на дороге стоит молодая женщина и просит воды. Отец наказал сыну позвать ее. Девушка в одежде из голубоватой ткани и белой косынке была еще совсем юна. Она сказала, что дом ее находится в десяти ли к югу, что муж ее умер, не успев оставить детей, что траур ее вот-вот закончится и что теперь она направляется в Мавэй, чтобы узнать, любит ли семья ее по-прежнему и может ли она обратиться к ним с просьбой о пище и одежде. Она говорила так ясно и так разумно и вообще была столь восхитительна, что Ван Шэнь оставил ее в своем доме и накормил; жена его тоже привязывалась к девушке все больше и больше.

Потом супруги сказали ей: "Сестра, у тебя поблизости нет родственников, не хочешь ли ты стать невестой нашего сына?" Девушка с улыбкой ответила: "Мне не на кого положиться, поэтому позвольте мне выполнять самую грубую работу, ходить к колодцу и стряпать на кухне". Ван Шэнь достал свадебное платье и подарки, и девушка стала женой их сына.

Ночь стояла невыносимо душная. "Сейчас повсюду полно грабителей, — сказала она своему мужу, — не открывай дверь". В полночь жене Ван Шэня явился во сне ее сын с растрепанными волосами и сообщил, что его съели почти целиком. Испуганная женщина

хотела уже было пойти и взглянуть на сына, но Ван Шэнь рассердился, и ей ничего не оставалось, как снова лечь спать. Но ей опять приснился тот же сон. Муж с женой взяли факелы и окликнули сына и невестку — в ответ не раздавалось ни звука. Они попытались открыть дверь, но она не поддавалась, видимо, была заперта изнутри, так что им пришлось выбивать ее. Когда дверь распахнулась, из нее выскочило существо с круглыми глазами, клыками и голубоватым телом и исчезло. От сына их не осталось ничего, кроме мозга, костей и волос».

Согласно источникам, в 781 году целые орды призраков-людоедов, охотившихся в основном за детьми и сердцами взрослых, ввергли в хаос и панику целые области. Далее, в официальной истории династии Сун говорится: «В годы Сюаньхэ (1119–1126) во владениях Лоянфу появились существа, похожие на людей, которые, однако, садились на землю, как собаки. Они были совершенно черные, глаз и бровей было практически не различить. Вначале они хватали по ночам детей и пожирали их, а потом начали врываться в дома средь бела дня и приносить несчастья. Где бы они ни появлялись, везде раздавались шум и крики, и покой людей нарушался. Их называли "черными людьми". Сильные мужчины по ночам вооружались копьями и дубинами, чтобы защититься от них; некоторые пользовались всеобщей паникой для своих неблаговидных целей. Прошло целых два года, прежде чем это прекратилось» («Сун ши», гл. 62,1.15).

Если уж авторы таких авторитетных книг, как официальные истории, не сомневаются в существовании демонов-каннибалов, то что уж говорить о простонародье — легенды о них ходили по всей империи. Традиция упоминает так называемых *шань хэшан*, «горных монахов», по-видимому, двойников «морских монахов», о которых мы говорили; время от времени, особенно в периоды наводнений, они выходят из рек и ручьев, нападают на одиноких и беззащитных путников и пожирают их мозг. Но отвратительнее любых каннибалов мира демонов те чудовища, которых снедает столь неутолимая жажда человеческой плоти, что они охотятся даже на мертвецов. Представления об этих существах также насчитывают долгую историю, ибо, как мы помним, еще в источниках начала новой эры некоторые «демоны земли» изображаются в облике баранов, поедающих покойников в их могилах.

Свидетельством, подтверждающим распространенность уже в древние времена верований в демонов-некрофагов, можно считать следующий текст. «Военный поселенец из уезда Нанькан по имени Цюй Цзин-чжи в первый год правления под девизом Юаньцзя династии Сун (424) отправился вместе со своим сыном на лодке из уездного города вверх по реке к одному из ее отдаленных истоков. Берега реки были дикими, заброшенными и очень высокими; нога человека ни разу не ступала на них. Вечером отец и сын причалили к берегу, соорудили навес, но тут Цзин-чжи поразил "удар зла", и он сразу же умер. Его сын разжег костер и стал охранять тело отца. Вдруг он услышал вдалеке чей-то жалобный голос, звавший "дядя!". Почтительный сын испугался и спрашивал себя, что бы это могло значить, но тут откуда ни возьмись перед ним появилось это воющее существо. Размерами оно было с человека, волосы его ниспадали до самой земли и покрывали большую часть лица, так что даже семь отверстий нельзя было разглядеть. Существо назвало свое имя, выразило сыну соболезнования, но испуг у того не проходил, он оставался настороже и по-прежнему поддерживал яркий огонь. Существо говорило о прошлом и будущем, утешало сына, уверяя, что тому нечего бояться, но в тот миг, когда сын отошел к огню, существо село над головой покойника и протяжно завыло. В отблесках пламени костра сын наблюдал за всеми его движениями; он увидел, как чудовище наклонилось над лицом умершего и тут же принялось сдирать кожу, так что вскоре остались одни только кости. Перепуганный насмерть сын все- таки решился напасть на чудовище, но у него не было никакого оружия; в следующий миг тело отца превратилось в белый скелет, начисто лишенный плоти и кожи. Что за демон был этот *гуй* или *шэнь*, так никто и не узнал» («Шу и цзи»).

Китайцы верят, что призраки могут пожирать жертвенные яства, и при этом пища якобы даже не уменьшается в количестве, поэтому неудивительно, что демоны наделяются

способностью поедать тела мертвецов, не оставляя при этом на них никаких следов. «В молодости Чжан Хань был человеком волевым и решительным и водил в Чаньани дружбу с такими же отважными и прямыми людьми. У него была любимая наложница. С Ханем она была очень счастлива, но тут в близлежащем уезде умер один из знакомых Ханя, и он уехал. Вернулся он только через несколько месяцев и узнал, что его любимая наложница умерла.

Хань глубоко переживал утрату. Солнце село, так что он вынужден был заночевать в ее доме. Женщину еще не похоронили, и гроб с ее телом стоял в углу главного зала. Другого места для ночлега не нашлось, но разве смерть может разлучить, пока жива любовь, подумал Хань и улегся под муслиновой занавеской.

Минула полночь, свет луны разливался по двору, но заснуть Ханю не удавалось — он лишь горько вздыхал и всхлипывал. Вдруг он заметил между воротами и ширмой какое-то существо. Выглянув из-за ширмы, существо осмотрелось вокруг; оно двинулось вперед, потом снова попятилось назад и, в конце концов, оказалось на середине двора. Ростом оно было в один чжан, в штанах из шкур леопарда, зубы его напоминали зубья пилы, а растрепанные волосы в беспорядке ниспадали на плечи. Потом один за одним появились еще три призрака; они перемещались скачками, и каждый тащил за собой красную веревку. "Что делать с тем достопочтенным, что лежит на кровати?" — спрашивали они друг друга. "Он спит", — решили они, поднялись по ступенькам и приблизились к тому месту, где стоял гроб. Сбросив лежавшие на нем предметы, они вытащили гроб на лунный свет, открыли его, схватили тело, оторвали ку тела конечности, разрубили на куски и, сев кругом, сожрали. Кровь струилась по двору, а на земле были разбросаны клочки одежды с мертвого тела.

Все увиденное причинило глубокую боль перепуганному Ханю. Только что, сказал он про себя, они назвали меня почтенным человеком; значит, если я нападу на них, ничего плохого со мной не случится. Он потихоньку взял бамбуковый шест, который увидел за занавеской, и бросился из темноты на демонов, обрушил на них град ударов, сопровождая их громкими криками. Тут уже демоны перепугались и бросились наутек; Хань, воспользовавшись моментом, преследовал их, пока они не перемахнули через стену в северо-западном углу и не исчезли.

Однако один из демонов оказался слабее остальных, не смог преодолеть препятствие и спасся бегством лишь после того, как получил удар шестом такой силы, что из тела его брызнула кровь. Встревоженные суматохой, обитатели дома выскочили из кроватей и ринулись на помощь. Хань рассказал им обо всем, и они решили положить останки скелета в новый гроб, но, когда они подошли к тому месту, где прежде находился гроб, оказалось, что с ним ничего не случилось; не обнаружили они никаких следов и там, где происходило дьявольское пиршество. Хань настолько смутился, что склонен был уже считать все это кошмарным сном, но на стене виднелись пятна крови, а на верхней ее части — отпечатки следов, которых прежде никогда не видели. Через несколько лет Хань поступил на государственную службу» («Гун дун», гл.1).

Глава двенадцатая

Призраки и духи, являющиеся после смерти

Считаем необходимым еще раз напомнить читателю о распространенном у китайцев с древнейших времен представлении о возможности возрождения мертвецов, представлении, вызвавшем к жизни огромное количество разнообразных идей и обычаев, связанных с избавлением от умерших. По поверьям, душа может вернуться в тело вскоре после смерти еще до того, как первые признаки разложения засвидетельствуют, что она окончательно покинула и останки, и дом, в котором они находятся, и тем самым оживить его. Китайцы, живущие в постоянной боязни потусторонних существ, с тревогой ожидают возвращения души, ибо кто может дать гарантию, что она не превратится в злобного демона, каковыми в большинстве своем и являются духи?

Таким образом, можно утверждать, что зловещий образ восставшего из мертвых преследует многих и многих китайцев с давних пор. Однако первые упоминания о таких призраках мы находим лишь в текстах, относящихся приблизительно к седьмому веку. Так, в своих «Домашних наставлениях» Янь Чжи-туй пишет: «В книгах, не могущих сравниться (с каноническими), говорится о *ша*, возвращающихся в дом после смерти. И тогда сыновья и внуки бегут прочь и прячутся, отказываясь оставаться в доме; они украшают черепицы заклинаниями и амулетами и совершают разные церемонии, чтобы побороть зло. В день, когда выступает траурная процессия, они разжигают перед воротами огонь и разбрасывают вокруг дома тлеющие угли, дабы изгнать и отвратить домашнего демона» («Янь-ши цзя сюнь», разд. 6).

Иероглиф *ша*, которым обозначается данный класс демонов, имеет значение «смертоносный, кровожадный», и сам по себе достаточен для того, чтобы понять, какой опасной и огромной силой наделяли таких демонов китайцы. В сочинении девятого столетия утверждается, что они имеют форму птицы. «В народе говорят, что через несколько дней после смерти человека из гроба его появляется птица, которую зовут *ша*. В годы под девизом правления Юаньхэ (806–820) человек по фамилии Чжэн вместе с уездными чиновниками ловил зверей в полях Сичжоу (пров. Шаньси) и поймал в сеть большую птицу голубого цвета, ростом свыше пяти чи. Не успел он отдать приказ вынуть птицу из сети и показать ему, как она пропала из виду. Весьма удивленный этим, он опросил жителей ближайшей деревушки, и они сказали ему следующее: "Несколько дней назад в нашей деревне умер человек, и гадатель сказал, что сегодня его ша покинет тело; семья его стала наблюдать и увидела, как из гроба вылетела большая голубая птица; может быть, именно она попалась к вам в сети?" В годы под девизом правления Тяньбао (742–756) столичный губернатор Цуй Гуан-юань во время охоты столкнулся с птицей-призраком, и все произошло точно так же, как в описанном выше случае» («Сюань ши чжи»).

«Цзиньши из Чжэнчжоу (пров. Хэнань) по имени Цуй Сы-фу проводил ночь в Зале Дхармы буддийского монастыря; он уже засыпал, как вдруг услышал чей-то крик. Он вскочил на ноги и увидел, что кричит птица, похожая на журавля, темно-синей окраски; глаза ее горели, словно светильники, она хлопала крыльями и громко кричала пронзительным, душераздирающим голосом. Сы-фу так перепугался, что бросился к боковой галерее, и тогда крик прекратился. На следующий день он рассказал о случившемся монахам, и вот что они ответили: "Прежде здесь никогда не появлялись призраки, но десять дней назад в зал положили несколько гробов с телами умерших; может быть, она оттуда". Добравшись до столицы, Сы-фу поведал обо всем священнику по имени Кай-бао. "Об этом говорится в сутрах Трипитаки, — сказал он. — Птица эта есть превращенное дыхание трупа только что умершего. Мы зовем ее "призраком Мары инь"» («Цин цзунь лу»).

В книге, предисловие к которой датируется 1250 годом, мы находим следующие весьма примечательные строки, показывающие, что во времена сунской династии боязнь возвращения души мертвеца в дом, где случилась смерть, была связана с суеверными представлениями и обычаями. «Согласно Чжао Дун-шаню из Юэ (пров. Чжэцзян), в год гэнсюй периода под девизом правления Чунью (1250) Си Фэнь потерял своего отца, губернатора области Хуэйцзи. Во время похорон произошли три примечательных события: во-первых, никто не бросился бежать при виде *ша*; во-вторых, не приглашали ни буддийских, ни даосских священников; и в-третьих, не совершали поклонений *инь-ян*. Мне неизвестно, когда впервые было упомянуто о бегстве от *ша*. На сотый день после кончины Люй Цая, придворного знатока ритуальных жервоприношений, а также в конце того года, его *ша* сеяла зло. Обычно *ша* делают это так: если человек умирает в день *сы*, то, если это *ша* мужчины, она возвращается на сорок седьмой день, чтобы убить девочку тринадцати-четырнадцати лет; а если это *ша* женщины, она появляется с юга и убивает бледного мальчика в третьем доме. В семьях Чжэн, Пань, Сунь и Чэнь ша дважды, на двадцать четвертый и двадцать девятый день, возвращается в дом,

который посетила смерть; поэтому, члены семей предупреждают друг друга и убегают загодя. Из придорожных кабачков тела умерших выносят в тот же день; куда же тогда приходят их *ша*? В столичных домах тоже все переворачивается вверх дном, и обитатели бегут из него прочь. Чжао Дан-шань говорит: «Но как же возможно такое, чтобы люди, которые совершают погребальные ритуалы в память родителей, в это же самое время беспокоятся о том, чтобы сохранить в целости свои тела, и по этой причине оставляют гроб запертым в пустом доме? И разве может отец повредить своим детям, ведь если они спят в одиночестве и траурном одеянии на соломе и кладут под голову вместо подушки ком земли, никто не потревожит их ночью и никакое зло не падет на них?»[91] Не обошел своим вниманием эту тему и Чжао Юй. В своем ценном собрании исторических заметок по самым разным вопросам он пишет: «Хун Жун-чжай[92] сообщает в "И цзянь чжи", что, когда Тун Чэн, вельможа ранга эр-лан, умер и тело его было положено в гроб, члены его семьи, в соответствии с народными обычаями, посыпали землю перед очагом золой, чтобы узнать, кем в следующем перерождении будет умерший; на золе они обнаружили два отпечатка лап гуся и предположили, что умерший возродится в облике какого-нибудь животного». Хоу Дянь в «Си цяо е цзи»[93] описывает такой случай: «Когда мой односельчанин Гу Ган умер, его *ша* вернулась в дом. Случилось это ночью. Жена поднесла душе умершего ладан, бумажные деньги, мясо и лакомства; зал украсили занавесками с вышитым орнаментом, плотно закрыли дверь, после чего все спрятались в соседнем доме, кроме одной старой женщины, которую оставили стеречь жилище. Женщина увидела, как какой-то зверь, размерами с собаку, но похожий на обезьяну, склонился над столом, на котором стояли подношения умершему, и стал пожирать мясо. Заметив женщину, зверь накинулся на нее и стал наносить удар за ударом, пока на ее крики о помощи не прибежали члены семьи, которые, однако, никого не увидели».

В трактате о живых *ша* мужского и женского пола Чу Юн, живший при Сун, говорит: «Когда в один из дней умирает человек, в другой день он подвергается влиянию *ша*. Школа инь-ян утверждает, что существуют *ша* — мужчины и женщины, которые либо покидают тело, либо не покидают; но разговоры эти не заслуживают доверия. Если женщина — *ша* не покидает тела, правая нога поворачивается по направлению к левой; если же мужчина — *ша* не покидает тело, левая нога поворачивается по направлению к правой; если обе *ша* остаются в теле мертвеца, обе ноги поворачиваются друг к другу; а если обе *ша* оставляют тело, ноги не сгибаются, но раздвигаются в стороны» («Гай юн пун као», гл. 22).

Веру в то, что души мертвецов — *ша* являются в свои прежние жилища и нападают на их обитателей, довольно-таки трудно примирить с представлениями иного рода, тоже глубоко проникшими в сознание китайцев, а именно, что души эти не могут быть врагами бывших родственников, напротив, они выступают в качестве их естественных покровителей, своего рода домашних божеств-защитников очага. Недоумение по поводу такой непоследовательности высказывал, как мы помним, и один их китайских авторов. Однако боязнь *ша*, очевидно, насчитывает долгую историю, ибо, быть может, именно она лежит в основе древнего ритуала, когда правителей обязательно сопровождал эскорт заклинателей духов, вооруженных самыми разнообразными инструментами, «отгоняющими зло». Несомненно, тот же страх до сих заставляет жителей Амоя пребывать в твердом убеждении, что посещение домов, в которых побывала смерть, или даже встреча с погребальной процессией очень опасны для человека и что в таких случаях он обязательно должен совершить некие очистительные церемонии.

Опасности, которые таят в себе души мертвецов, усугубляются еще и тем обстоятельством, что они часто появляются вместе с могущественными демонами, под чьей властью они находятся. Говоря в свое время об обычаях и ритуалах, связанных со уходом человека в мир иной, мы упоминали о распространенном среди китайцев верованиии в то, что покидающий бренный мир человек попадает в объятия злобных демонов. Впрочем, в этом нет

ничего удивительного, ибо как может человек, которого при жизни потусторонние существа окружали со всех сторон, избегнуть их коварных козней после того, как он расстался со своей материальной оболочкой, а значит, и со своей физической силой?

«В области Хуайань человек по фамилии Ли жил со своей женой в гармонии даже более совершенной, чем гармония лютни и арфы. Но в возрасте тридцати с небольшим лет Ли заболел и умер. Тело положили в гроб, но супруга его никак не могла найти в себе силы для того, чтобы заколотить крышку гроба гвоздями; дни и ночи напролет она горько плакала, время от времени поднимая крышку, чтобы еще раз взглянуть на лицо мужа. В старину всегда бывало так, что на седьмой день после смерти человека появлялась его *ша*. Накануне этого дня все, даже ближайшие родственники, убежали из дома, жена же не захотела этого делать: спрятав детей в другой комнате, она села за занавесками кровати, на которой когда-то спал ее муж, и стала ждать.

Когда пробили вторую стражу, налетел холодный ветер, лампа вдруг стала источать зеленый свет, и женщина увидела демона с красными волосами и круглыми глазами. Ростом он был в чжан с лишним, в руках держал железный трезубец; на веревке он втащил тело мужа в комнату. Но как только он увидел стоявшие перед гробом жертвенное вино и яства, он тут же бросил и веревку, и свой трезубец и начал запихивать все это себе в рот огромными горстями — каждый раз, когда он заглатывал кушанья, в животе его раздавалось щелканье. Тем временем муж в глубоком удручении ходил по комнате, прикасался к столам и стульям, тяжело вздыхая, и, наконец, подбежал к своей кровати и поднял занавески. Жена его зарыдала и схватила его в свои объятия, но тут же она почувствовала дикий холод, словно какое-то густое ледяное облако двигалось вслед за мужем, а теперь окутало и ее. Красноволосый демон попытался было оттащить мужа от нее с помощью веревки, но тут женщина стала громко звать на помощь своих сыновей и дочерей. Призрак с красными волосами убежал прочь, а жена и дети, облепив душу со всех сторон, положили ее в гроб — мертвец начал дышать. Тогда жена взяла мужа на руки, отнесла на кровать и дала ему выпить рисового отвара. На рассвете он пришел в себя. Железный трезубец демона оказался бумажным, похожим на те, что люди сжигают во время церемоний в честь духов.

Они вновь стали жить как муж и жена, и прожили так больше двадцати лет. Жена, которой к тому времени уже исполнилось шестьдесят, молилась как-то в храме Чэнхуанмяо и заметила двух лучников, которые вели закованного в кангу преступника. Приглядевшись, она узнала в закованном в кангу того самого красноволосого демона. Он обрушился на нее с проклятиями: "Из-за моего обжорства ты сумела перехитрить меня, из-за чего я должен был двадцать лет носить кангу; и теперь, когда я опять встретился с тобой, неужели ты думаешь, что я дам тебе спастись?" Женщина вернулась домой и умерла» («Цзы бу юй», гл.1).

В другой истории, включенной в это же сочинение, рассказывается, что сопровождающие ша демоны являются, оказывается, слугами властителей мира духов, вершащих правосудие в потустороннем царстве. «Повсюду, когда кто-либо умирает, на четырнадцатый день после смерти люди кладут одежду мертвеца и покрывала позади гроба, после чего вся семья прячется — люди верят, что душа придет, чтобы воссоединиться с телом. Они называют ее "возвращающейся *ша*"». Герой этой истории ожидает призрака своей жены и спрашивает его: «Люди говорят, что, когда человек умирает, призраки, исполняющие роль стражников, хватают его и связывают, так что возвращающиеся *ша* приходят в сопровождении *ша* — призраков. Как же тебе удалось остаться одному?» На это призрак, Пэн, отвечает: «Призраки-*ша* являются стражниками, виновных они тащат на веревке, обмотанной вокруг шеи; но владыка подземного мира провозгласил меня невиновным, и поскольку старые узы, связывавшие нас, еще не разрушены, он позволил мне вернуться домой в одиночестве».

В журнале Пекинского Восточного Общества за 1898 году профессор Груб приводит некоторые сведения о подобных суевериях, распространенных среди жителей Пекина. *Ша ци*, «смертоносное дыхание или душа», говорит он, обладает одним из пяти цветов. Она разрушает

счастье того, кто попадается ей на пути. Она покидает тело покойника ночью, на первый, второй или третий день после смерти, или даже позже — колдуны-предсказатели каждый раз извещают членов семьи о точном времени. И тогда вся семья прячется, оставив в комнате в качестве жертвоприношений еду и, если умерла женщина, гребень и зеркало. То, что *ша*покинула тело, можно уловить по легкому, едва уловимому звуку; после чего вся семья выходит из укрытия. Автор рассказывает историю об одном грабителе, который, решив воспользоваться тем, что все обитатели дома спрятались, облачился в овечью шкуру, чтобы походить на волосатого демона, распустил волосы, выкрасил красной краской лицо и пробрался в дом. Но кто-то из домашних остался в комнате, чтобы присмотреть за светильниками. Заметив призрака, он спрятался под гробом. Затем, увидев, что тот открывает все ящики подряд и вот-вот уйдет с добычей, натянул на голову белое погребальное одеяние и выскочил из-под гроба прямо на грабителя. Выдумка оказалось очень удачной — перепуганный грабитель, решив, очевидно, что перед ним — настоящий призрак, без чувств рухнул на пол.

Глава тринадцатая

Черные бедствия

Катастрофы, вызываемые действиями демонов, обозначаются, как мы отмечали выше, иероглифом *шэн*; особый же их тип называют *хэй шэн*, «черные бедствия».

В «Истории Ранней Хань» мы читаем: «Цвет дерева — синий, поэтому существуют синие *шэн* и синие *сян* (добро, добрые предзнаменования)» («Цянь Хань шу», гл. 27, II,1.2). Мы знаем, что элемент Дерево и синий цвет ассоциируются с востоком и весной; получается, что, если следовать такой линии рассуждений, должны быть *шэн* и *сян* пяти цветов, связываемые с пятью элементами, главными направлениями компаса и временами года.

Шэн и *сян* пяти видов действительно упоминаются в том же разделе «Истории Ранней Хань», что и приведенный выше фрагмент. Различные китайские официальные истории изображают их по-разному, но преимущественно в виде пара либо облаков определенной степени плотности, появление которых в дальнейшем оказывается либо в высшей степени благоприятным, либо катастрофическим и для династии, и для всего народа. Внимание самых ужасных и опасных призраков привлекают черные *шэн*, что вполне естественно, поскольку черный цвет олицетворяет темное начало *инь*, к которому принадлежат все потусторонние существа. Например, о них говорит официальная история династии Сун: «В последнем году периода правления под девизом Юаньфэн (1085) по ночам во внутренних покоях дворца появлялось существо размером с большую циновку, и в тот же год умер император Шэнь-цзун. В последнем году периода правления под девизом Юаньфу (1100) оно опять появлялось несколько раз, после чего скончался император Чжэ-цзун. Потом вплоть до периода Дагуань его видели то тут, то там среди бела дня, но начиная с первого года Чжэнхэ (1111) оно стало приходить чаще. Оно возникало повсюду, там, где только слышало голоса людей; появлению его предшествовал страшный грохот, словно опрокидывался целый ряд домов. Ростом оно было в один чжан, по виду напоминало черепаху с золотыми глазами, а когда двигалось, издавало звук, похожий на стук гальки. Его окружало облако черного пара, которое обволакивало всех людей; все, чего бы оно ни касалось, оказывалось забрызганным протухшей кровью. Ни копья, ни мечи не помогали против него. Иногда оно превращалось в человека, иногда — в осла. Оно приходило и днем, и ночью начиная с весны и на протяжении всего лета; его встречали во все времена года; зимой, правда, видели редко. Чаще всего оно появлялось в боковых дворах, где живут дворцовые слуги, но не обходило стороной и внутренние покои; в конце концов, к нему привыкли, и оно перестало внушать такой большой ужас. В последнем году Сюаньхэ (1125) оно вело себя тихо и приходило редко, но потом разразилась смута» («Сун ши», гл. 62,1.15). В результате этой «смуты» сунская династия утратила контроль над Северным Китаем.

«В третьем году Чжэнхэ (1113), в день летнего солнцестояния министр Хэ Чжи-чжун совершал на северной окраине императорские жертвоприношения (земле), когда из Зала соблюдения поста выплыло черное облако длиной в несколько чжан и, пролетев около одной ли, достигло окруженного стенами алтаря и окутало место для жертвоприношений. Потом оно проплыло между светильниками и факелами, рядом с людьми, но внезапно вновь приблизилось к алтарю; исчезло оно только после того, как церемонии подошли к концу» (Там же).

Черные демоны в виде собак, которые между 1119 и 1126 годами рыскали по Лояну и его окрестностям и даже пожирали маленьких детей, были, очевидно, именно таким «черным бедствием». Появлялись они и при династии Мин: в официальной истории минского дома этому предмету посвящено целых два раздела, в которых отмечено около тридцати случаев. Согласно источнику, они появлялись в виде черного или серого пара, либо же дождя из песка, чернил или черного гороха. Апогея их деятельность достигла в 1476 году. «В двенадцатом году Чэнхуа, в седьмом месяце, в день *гэн-сюй* в западной части столицы появились черные *шэн*. Они приходили по ночам и ранили людей. Цензо — управляющий западной частью города доложил о происходящем императору, который повелел принять меры к их поимке и запретил населению делиться своими опасениями друг с другом, дабы не создавать панику. Главный государственный секретарь Шан Ло предложил, в связи с приходом черных *шэн*, восемь мер, которыми можно было бы умиротворить их, и император с удовлетворением принял их. Восемь мер, предложенные Шан Ло, предусматривали следующее. Наставнику тибетских монахов не давать второй раз пожалованную грамоту. Трон не должен принимать никаких даров, за исключением традиционной дани с четырех сторон света. Люди любого звания и состояния могут лично докладывать обо всем властям. Послать чиновников из ведомств расследовать дела преступников с тем, чтобы выяснить, не оказались ли среди них невинные и угнетенные. Отложить или прекратить все строительные работы. Армии, стоящие на трех границах, должны получить все, что им причитается. Пограничные заставы привести в полную готовность. В провинцию Юньнань назначить особого губернатора» («Мин да чжэн цзи», «Хроника главных государственных дел династии Мин»).

Эпизод этот, достоверность которого подтверждается и фактом включения его в нормативную историю династии «Мин ши» (Биография Шан Ло», гл. 176, 1.18), примечателен, кроме всего прочего, и тем, что влияние «призракофобии» заставляло даже императоров предпринимать те или иные политические действия и менять систему государственного управления. Но мы должны помнить, что китайцы считали призраков карающими посланниками Неба. О том, насколько глубоко случавшаяся время от времени паника затрагивала даже официальный мир Пекина, можно судить хотя бы из следующего, также должным образом зафиксированного в официальной истории факта. «Когда в седьмом месяце, в день *гэн-сюй* появились черные *шэн*, император в день *и-чоу* (пятнадцать дней спустя) самолично вознес молитвы Небу и Земле в Запретном городе, признав себя виновным в следующих ошибках: предпринятые действия не были умеренными, работы, возложенные на народ, оказались непосильными, к словам преданных и верных чиновников не прислушивались, гуманного правления не осуществлялось. В день *учэнь* (через три дня) по всей Поднебесной были разосланы посланники, чтобы расследовать дела заключенных» («Мин ши», гл.14, I.1), Не сообщается, сподвигло ли самоуничижение и самобичевание императора Небо на то, чтобы оно отозвало призраков обратно, но история династии приводит следующие подробности.

«Если мужчины и женщины из народа спят по ночам, не укрывшись (из-за жары), существо с золотыми зрачками и длинным хвостом, похожее на лисицу или собаку, с черным облаком на спине входит в окна и проникает прямо в комнаты. Когда оно приходит, в людей вселяется ужас и страх, и весь город впадает в панику. Люди вытаскивают мечи, зажигают огни, бьют в гонги и барабаны и преследуют его, но поймать не могут. Однажды, когда император проводил аудиенцию у ворот Фэн-тяньмэнь, его телохранители заметили существо

и подняли шум. Император хотел было встать с гуманными и добродетельными намерениями, но существо схватило императора за одежду, после чего затихло» («Мин ши», гл. 28, I.33).

Другой автор пишет, что, когда по ночам эти призраки нападают на спящих людей, у тех «появляются раны на руках и ногах, щеках, животах или спинах, из которых вытекает желтая жидкость… Люди узнают о ранах только когда просыпаются, ибо раны болят не слишком сильно… Призраки сперва действовали в северо-западной части города, но никто не осмеливался доложить о них до тех пор, пока раненые жертвы не появились в каждом районе и не пожаловались в полицию. Цензор — надзиратель района арестовал и допросил людей и, найдя факты достоверными, доложил о них трону; люди заявляли, что не знают, какие существа нанесли им раны; многие из видевших их рассказали чиновнику, что они черного цвета, с маленькими золотыми зрачками, длинными хвостами и похожи на собак или лисиц; всего их было не менее двадцати. Они перестали появляться только по прошествии десяти дней» («Мин цзяо дай дянь»).

Черные *шэн*, по свидетельству источников, в 1512 году свирепствовали в Шуньдэ и Хэцзяни провинции Чжили, они нападали на людей, наносили им раны и даже убивали их. По форме и размерам они варьировались от кошки до собаки; вскоре существа красного и черного цвета наводнили Пекин, а также Хэнцю в провинции Хэнань («Мин ши», гл. 28, I.33). Некоторые подробности их «деятельности» в 1557 году в Хэнчжоу мы приводили выше, а в 1572 году в Ханчжоу, провинция Чжэцзян, они показались «в клубах черного дыма, в виде змеевидных существ, крутящихся, словно колесо повозки; глаза их сверкали, как молнии, а после их посещений ударял мороз и шел град» (Там же). Другие описания добавляют только то, что иногда они бросают черепицу и камни. В 1558 году в Хэнъяне, провинция Хунань, они «нападали по ночам на женщин, так что изо рта у несчастных шла кровь, и они умирали» («Хугуан тун чжи»). А в Шаньси, в уезде Пу, в 1600 году появился волосатый призрак в виде большой бочки, который спустился с ивы и исчез («Шаньси тун чжи»).

Многочисленность появлений подобных призраков в прошлом только лишний раз подтверждает, что вера в «черные напасти» процветает в Китае и поныне. Некоторые распространенные среди простого народа представления о черных *шэн* приводит Суй Юань. «Жители Чжучэна (пров. Шаньдун) говорят, что в их местах, в деревне за городом, принадлежащей семье Инь, есть много древних могил, в которых, если верить старинным легендам, обитает призрак, похожий на человека, у которого, однако, вместо лица — лишь облако черного пара. Ростом он более чем в чжан, выходит из могилы по ночам, а днем прячется. Когда призрак встречает на дороге человека, то, находясь еще на расстоянии полета стрелы, он издает звук, напоминающий удар грома, от которого человек теряет мужество и у него начинается бешено колотиться сердце. Но те, кто видел и слышал призрака, не знают, кто он на самом деле, поскольку, только издав страшный звук, существо это выпускает облако черного пара между собой и человеком, но как только отвратительный вонючий запах его достигает органов обоняния, пар тут же исчезает. Крестьяне обычно предупреждают друг друга об этой дороге, которую они считают проклятой, поэтому с наступлением сумерек никто не отваживается ходить по ней.

Как-то один торговец солью, жадный и к тому же пьяница, находился в их местах. Напившись, он забыл о предупреждении и по ошибке свернул на ту самую дорогу. Луна к тому времени уже светила целых две стражи, как вдруг на дорогу выскочил призрак и преградил ему путь, издав громкий свист. Торговец попытался было ударить его шестом, но не смог попасть по нему; ужас его достиг предела, не зная, как еще себе помочь, он схватил горсть соли и бросил ее в призрака и — о чудо! — призрак покружил вокруг него, потом отпрянул, сморщился и погрузился в землю. Торговец побросал всю соль, которую он нес с собой в корзине, на то место, где исчез под землей призрак, и отправился дальше. Наутро он по своим следам вернулся обратно и увидел, что соль, которую он кучей вывалил на землю, стала красного цвета, от нее исходил такой отвратительный и мерзкий запах, что его было

невозможно вынести, а рядом с ней на земле виднелись капли крови. После этого призрак в тех местах больше не появлялся» («Цзы бу юй», доп., гл. 8). Как мы видим, иногда с призраком можно справиться с помощью такой обыденной вещи, как соль; вообще многие китайцы считают соль достаточно могущественным средством в борьбе с потусторонними силами.

Глава четырнадцатая

Некоторые дополнения

Несомненно, что в сознании китайцев существовали и многие другие призраки, и даже целые классы призраков, память о которых стерлась с течением времени. Кроме того, вплоть до сего дня сохраняются различные местные верования, объекты их «действуют» на ограниченной территории, а потому свидетельства о них принадлежат исключительно сфере устного фольклора и не могут быть почерпнуты из письменных источников. Таким образом, есть еще огромная масса прочих представителей потустороннего мира, о которых мы не знаем почти ничего, кроме имен и названий, либо же не ведаем даже и этого. Так обстоит дело с *лай* или *чэн-чэн*, о которых мы упоминали выше. Таинственные неопределимые призраки незримо распахивают двери и окна, производят мистический шум, бросают черепицу и прочие предметы, вообще совершают всякого рода пакости, безобидные и не совсем безобидные, кои нет возможности приписать человеку. Людское воображение создавало таких призраков в бесчисленных количествах во все времена, наполняя человеческие сердца бесконечной тревогой и ужасом, пока не проходило время, и уже новые поколения выдумывали своих существ, которые частично либо полностью затмевали и вытесняли прежних. От многих представителей иного мира, увековеченных авторской кистью, китайцев и поныне бросает в дрожь; об их деяниях читают, рассказывают и передают из уст в уста, тем самым поддерживая и неуклонно развивая традиции суеверной призракофобии. К таким призракам принадлежат, в частности, существа, о которых повествуют следующие истории.

«Фа-чжан, монах буддийского монастыря Лунмэньсы в Хэнани, был родом из Юаньу, что в Чжэнчжоу. В годы Баоли (825–826) он вернулся из Лунмэньсы в Юаньу. У семьи его было несколько цинов земли, на которой уже созрела, но еще не была убрана кукуруза. Как-то вечером он отправился в поле, но его конь вдруг застыл и отказывался двигаться вперед; монах ударил коня хлыстом, но конь не тронулся с места, а только смотрел куда-то на восток, словно заметив там что-то. Монах взглянул в ту же сторону и в нескольких сотнях шагов различил при свете луны существо, похожее на сгнившее дерево, которое, тем не менее, решительно шло прямо на него. Объятый ужасом, он повернул коня, но не успел он отъехать от дороги и нескольких десятков шагов, как, оглянувшись, увидел, что существо приближается — ростом в шесть-семь чи, источающее невообразимую вонь, хуже, чем из лавки, в которой продают соленую рыбу. Часто и тяжело дыша, оно двигалось в западном направлении; Фа-чан хлестнул коня и направился следом, держа дистанцию в несколько десятков шагов.

Так они проследовали около одной ли и оказались около дома крестьянина Вана, в который существо и прокралось. Фа-чан остановил коня и стал наблюдать. Вскоре он услышал, как в доме кто-то воскликнул: «На мельнице умирает корова, иди-ка и посмотри!» А спустя еще какое-то время раздался крик: «Во флигеле осел погружается под землю, и никто не спасет его!» Потом послышались испуганные всхлипывания, и, когда Фа-чан увидел, что кто-то выбегает из дома, он спросил, что все это значит. «У хозяина дома есть сын десяти лет, и вот он умирает», — ответил незнакомец. И не успели эти слова сорваться с его губ, как монах вновь услышал причитания и испуганные возгласы. Странные звуки продолжали доноситься из дома до полуночи, потом они стали тише, а к рассвету смолкли вовсе. Пребывая в удивлении и замешательстве, Фа-чан рассказал о случившемся соседям. Все вместе они приблизились к жилищу Вана, чтобы выяснить, что же произошло на самом деле — в доме царила мертвая тишина, не доносилось ни звука; они открыли дверь и обнаружили всех обитателей — их было более десяти — мертвыми. В доме не осталось даже ни одной живой собаки или курицы» («Сюань ши чжи»).

«В период правления под девизом Сюаньхэ (1119–1126) один офицер из Шэньси занял пост инспектора в одной из областей провинции Цзин-дун. Через год с лишним после получения должности в один из дней он увидел за перегородкой большого призрака с синим лицом, голова которого, несмотря на то, что обладатель ее сидел на полу, достигала перекрытий крыши. Будучи человеком военным, отважным, храбрым и бесстрашным, чиновник натянул лук и выпустил стрелу прямо призраку в живот. Но призрак, рассмеявшись, только сказал: "Ага, попал!" Когда же в него выпустили вторую стрелу, он воскликнул: "Что ж, неплохой выстрел!" И только когда двадцать стрел утыкали призрака так, что он стал походить на дикобраза, он рухнул и больше не шевелился.

В этот момент два маленьких демона попытались вынести из дома мать чиновника. Опасаясь поранить или убить ее, чиновник отбросил в сторону лук и стрелы и чтобы спасти ее, позвал на помощь своих сыновей, слуг и наложниц, однако никто из них не откликнулся. Тогда он заглянул в другие комнаты дома и увидел, что все обитатели мертвы, тела их лежат на полу в одной куче, и из каждого торчит стрела, которыми он стрелял в призрака. Из двадцати человек, молодых и старых, в живых остались только он и его мать. Как только ужас и горе его чуть улеглись, его подчиненные побежали к начальнику уезда, чтобы доложить о случившемся, и из управы прислали людей, чтобы узнать, что же произошло на самом деле. Все были настолько поражены и испуганы, купили гробы и положили в них тела убитых. Прошла ночь, и чиновник хотел уже было отправиться на похороны, но по какой-то надобности открыл боковую комнату и — увидел в ней всех членов своей семьи, целых и невредимых, только сидевших в сонном оцепенении. Он обо всем им рассказал, но они ничего не поняли из его рассказа. Тогда чиновник открыл гробы, но нашел в них лишь корзины с навозом, метлы, сосуды, ковшики и тому подобное. Вся семья быстро перебралась в другое место, и дом остался пустовать»[94]. Наглость и злобность демонов поистине беспредельны и заставляют их выходить за рамки самых элементарных приличий даже по отношению к невинным женщинам. «Сны о совокуплении с призраком» регулярно упоминаются в медицинских сочинениях в качестве симптомов женских болезней, из чего можно сделать вывод, что такие сны китайские женщины видели повсеместно и достаточно часто и что они, как и все прочие сны, связанные с призраками, принимались за реальные явления последних.

Авторы, с присущей китайцам возвышенностью рассуждающие о женских галлюцинациях, обычно приписывают их, как и большинство других видов помрачения рассудка, рассеиванию *ци* крови. Поскольку кровь отождествляется с шэнь, рассеивание ее приводит к тому, что *шэнь* утрачивает опору в теле, кишках и других жизненно важных внутренних органах, и частично либо полностью уходит из них, тем самым предоставляя хорошую возможность опасным для человека се укрепиться там вместо нее. В таком случае больная уходит в себя, замолкает либо же разговаривает сама с собой; припадки истерического смеха чередуются с рыданиями, а пульс у нее то замедляется, то, напротив, убыстряется. Все это есть симптомы действия *суй*, т. е. влияния демонов.

Еще один симптом подобного «истерического умопомрачения» — боязнь мужчин. Главные его жертвы — вдовы и монахини, а также старые девы, но справедливости ради скажем, что последних в китайском государстве — очень и очень немного. Во многих случаях заболевание приводит к так называемой «демонической беременности» — ужасное пугало всех суеверных женщин. Врач-гинеколог тринадцатого века писал: «Если внутренние органы у женщины находятся во взаимной гармонии, тогда *ци* крови изобильная и плотная, а ее душевные силы крепки и процветают, так что ни се ветра, ни злобные духи не могут повредить ей. Но если *ци* крови пуста и ущемлена, душевные силы будут страдать от мягкости и слабости, и тогда призраки самых разных видов оседлают ее. Если они проникнут в ее внутренние органы, будет казаться, что женщина беременна; такое состояние называется "демонической беременностью"»[95]. Впрочем, отнюдь не все авторы убеждены в «виновности» демонов, если речь идет о видимой беременности. Так, в весьма авторитетном трактате шестнадцатого

столетия мы читаем: «Иногда задают вопросы, что же такое демониакальная беременность. На это скажем следующее: "То, о чем размышляешь днем, видишь по ночам, поэтому можно считать правилом, что, если мужчины и женщины имеют непристойные намерения, ленивы и ничем не заняты, пламя в их печени и почках может вспыхнуть в любой момент, и тогда, если они боязливы, им часто снятся сны, в которых они совокупляются с призраками". Таким образом, так называемая "демониакальная беременность" — это не настоящая беременность, и здесь не может быть никакой речи о беременности в результате "оплодотворения демоном". Старинная мудрость гласит: там, где похотливые мысли беспредельны, желания (детей) не осуществляются. Белая жидкость похоти и отвратительная белая жидкость попадают в матку, свертываются там и порождают "демониакальную беременость"; это кровь самой женщины и семя свертываются и образуют ком, который поднимается к ее груди и животу, а когда он заполняет их, создается впечатление, что женщина беременна».

Но если беременность ненастоящая, что тогда надлежит думать обо всем этом? Хуа Бо-жэнь в своем труде «О действенности лекарств» говорит следующее: «В храме Жэньсяомяо, Гуманности и Сыновней Почтительности, единственная дочь гадателя по имени Ян Тянь-чэн как-то, гуляя в сумерках по боковой галерее, заметила призрака в желтых одеждах. Она почувствовала пробуждение чувств, и в ту же ночь ей приснилось, как она совокупляется с этим призраком. Живот у нее вздулся, и все признаки говорили о том, что она забеременела, когда Бо-жэня попросили осмотреть ее. Он обследовал ее и сказал: "Имеет место случай демонической беременности". И, когда мать девушки подробно рассказала ему о причинах случившегося, он вылечил ее кровопусканием и лекарствами, вызывающими преждевременные роды — из нее вышло более двух *шэн* головастиков и рыбьих глаз. Действительно ли она не совокуплялась с этим призраком? Совокупление могло иметь место, но нет никаких причин утверждать, что оно действительно было, ибо как может чучело, сделанное из дерева и глины, вступить в связь с человеческим существом и как оно может обладать семенем, способным оплодотворить человека? О, несомненно, здесь не женщина соблазнила призрака, но призрак одурачил женщину. Я полагаю, что эта девушка, уже достаточно взрослая, но не имеющая супруга — одна из тех, о ком мы можем сказать: Там, где непристойные мысли беспредельны, желание (детей) остается неосуществленным. Ученые, исполненные правильных принципов, остерегайтесь верить в подобные ошибочные и еретические истории!»[96] Таким образом, Юй Бо, автор приведенных выше строк, возводит причины так называемой «демонической беременности» к менструальным нарушениям. Под его мнением могут подписаться и многие другие китайские лекари, ибо среди длинных списков разнообразных рецептов против зла, приводимых ими, мы регулярно встречаем загадочное «лекарство, обезглавливающее демона» — яркое свидетельство того, что искусство врачевания в Китае еще далеко не излечилось от старого и весьма распространенного убеждения, что призраки в состоянии вызвать «демоническую беременность», и что в изгнании или отпугивании их от несчастных женщин, несомненно, положительную роль могут сыграть те или иные лекарства.

Таковы взгляды китайских лекарей и врачей. Если же говорить о простом народе, то вполне естественно, что он разве что еще более истово верит в возможность тайных отношений между призраком и человеком. Мы уже говорили в соответствующих главах о том, как подобные грехи совершают демоны-растения и демоны-животные; мы видели также, что женщины, имевшие связь с животными-призраками, рожали на свет детей. Схожих историй в самых разных книгах великое множество. «Тань Шэну, жившему при династии Хань, было сорок лет, жены у него не было, и он отличался тем, что часто выходил из себя. Как-то он засиделся за чтением "Ши цзина" далеко за полночь, когда перед ним вдруг предстала девушка лет пятнадцати-шестнадцати, с чертами лица настолько прекрасными и одетая в такое восхитительное платье, что никто в Поднебесной не смог бы сравниться с нею, и заговорила с ним так, словно они были мужем и женой. "Я не такая, как другие, — сказала она, — в течение

трех лет ни один лучик света не должен упасть на меня". Они стали мужем и женой, и она родила ему ребенка. Когда минуло два года, у мужа не осталось более сил сдерживать свое любопытство. Спустилась ночь, и, подождав, пока жена заснет, муж подошел к ней со светильником в руках — выше талии была плоть, как у всех людей, а внизу виднелись только иссохшие кости. В этот момент женщина проснулась. "Вы не уважаете меня, — сказала она. — Я пришла в этот мир, почему же вы вместо того, чтобы еще на год удержать свое любопытство, посветили на меня?" Шэн начал извиняться, из глаз его лились слезы, а женщина продолжала: "Мы прожили вместе так долго и строго соблюдали свой долг; теперь же мы должны расстаться навсегда. Меня тревожат мысли о ребенке; если вы вдруг обеднеете, ему не выжить; идемте со мной, у меня что-то есть для вас". И муж пошел следом за ней в изысканный зал, убранство и утварь которого были ослепительны. Там она вручила ему платье, унизанное жемчужинами, и сказала: "Это поможет тебе", после чего, оторвав кусок ткани от его одежды, оставила его одного и пропала.

Потом Шэн отнес платье на базар, где кто-то из членов семьи принца Цюй-яна купил его за десять миллионов монет. Принц узнал платье. "Это одежда моей дочери, — сказал он. — Как оно может продаваться на базаре? Несомненно, тот, кто продавал его, выкопал из земли ее тело". Принц арестовал Шэна и подверг его пытке, Шэн рассказал ему все, как было, но принц не поверил ему. Принц приказал вскрыть могилу дочери, но нашел ее в полном порядке. Из- под крышки гроба торчал кусок ткани; он подозвал к себе мальчика, и увидел, что тот очень похож на его дочь. И тогда принц поверил. Он призвал Тань Шэна, вернул ему платье, признал своим зятем, а сына его наградил титулом Стража Дверей и Ворот» («Соу шэнь цзи», гл. 16).

Нельзя не подивиться тому обстоятельству, что в китайских текстах мы не находим ничего, что бы указывало на факт совокупления матери с каким-нибудь призраком как на причину появления на свет чудовища-монстра. Тем не менее, чудовищ довольно часто именуют призраками, примеры тому мы видели. В «Цзы бу юй» сообщается: «Жена Чжэн Жо-ши, сюцая из Шаосина, происходившая из семьи Вэй, родила ему якшу, все тело которого было синего цвета, а широкий рот раскрывался вверх. Глаза у него были круглыми, нос — острым, а волосы — красными; кроме того, у него были шпоры, как у петуха, и копыта, как у лошади. Не успел он выползти из чрева, как тут же укусил за палец повивальную бабку. Сюцай так испугался, что схватил нож, чтобы убить чудовище; но якша, прежде чем испустить дух, какое-то время размахивал руками, словно защищаясь. Кровь у него была голубой. Мать его умерла от ужаса» («Цзы бу юй», цз. 23).

Призраки приходят к людям не только для того, чтобы удовлетворить свою похоть, но и чтобы насытиться пищей. Поистине, никакие духи, включая духов умерших, не могут обойтись без еды и питья, без одежды или даже денег, вот почему они, постоянно голодные и испытывающие жажду, а то и находясь на грани «истощения», все время блуждают в надежде отыскать яств и вина. Духи и призраки украдкой поедают пищу, которую потребляют люди, причем последние зачастую не замечают этого, ведь потусторонние существа довольствуются невидимой, «эфирной» составляющей еды. Тем не менее, в Китае существует расхожее мнение, что они не притрагиваются к пище, если та не «поднесена» им специально в качестве жертвоприношения.

Делать такие жертвоприношения — в интересах спокойствия и безопасности самого человека. Человек прекрасно понимает, что не стоит делать этого слишком часто, ибо в таком случае от призраков спасенья не будет; однако насколько ни был бы человек щедр, сколько бы ни оставлял он для духов яств и сладостей, всегда найдутся такие, которые будут выискивать возможность навредить ему с одной только целью — чтобы выпросить у него еще. Нет надобности говорить, что такие призраки — настоящее дьявольское отродье среди себе подобных, нарушители главного и основного закона, что духам не позволено вредить человеку, если Небо не вынесло свое подтверждение и согласие на это. Поэтому, если духи в своей

жадности и неистовстве зайдут слишком далеко, они рискуют тем, что человек, доведенный до гнева и отчаяния их проделками, может отправиться жаловаться в храм божества Стен и Рвов, которому Небо поручило нести ответственность за поведение потусторонних существ в той или иной области, и тогда божество поймает их, призовет к суду, будет сечь кнутом, пытать и мучить и может даже казнить. О таком божественном правосудии говорят многие истории и легенды, а призраки, вымогающие жертвы, в свою очередь сами становятся героями самых разных сюжетов. Следующая история взята из книги пятого века.

«Призрак только что умершего человека, тощий и слабый, увидел как-то призрака друга того самого человека, умершего лет за двадцать до него, который был толстый и сильный. После того как они обменялись приветствиями, толстый призрак спросил: "Что это с тобой случилось?" — "Я так голоден, что уже больше нет сил терпеть, — ответил второй. — Если ты знаешь, как помочь мне, твой долг сказать об этом". — "Это очень просто: преследуй людей, они будут бояться тебя и давать тебе еду" — ответил толстый призрак. Голодный призрак направился в один из домов. Там жила белая собака; он схватил ее и пронес по воздуху; все члены семьи страшно перепугались и в один голос заявили, что никогда прежде не видели такого чуда. Гадатель провозгласил: "Призрак-гость просит пищи; убейте собаку, поднесите ее в жертву призраку во дворе дома вместе с фруктами, вином и рисом, и тогда больше ничего не случится". Семья последовала совету гадателя, и призрак получил в качестве жертвы много еды. С тех пор он регулярно приходил к людям точно так, как его учил другой призрак» («Ю мин лу»).

А вот несколько более близких к нам по времени преданий. «Инь Юэ-хэн жил в Ханчжоу за северо-восточными воротами; как-то он возвращался домой с берега Песочной реки, за пазухой у него лежало пол-цзиня каштанов. Путь его пролегал мимо озера Чаши Подаяния, через малонаселенную, пустынную местность, пересеченную холмами, с множеством открытых могил. Вдруг он почувствовал, что ноша, которую он нес, полегчала, а узел ослаб; он ощупал мешочек и обнаружил, что каштаны исчезли. Он пошел обратно и нашел их на одной из могил на кладбище, заброшенном, со вскрытыми усыпальницами. Он собрал каштаны, вновь засунул за пазуху и поспешил домой.

Не успел он съесть их, как тут же заболел и с глубоким вздохом сказал: "Мы так долго не ели каштанов и хотели попробовать твои, чтобы насытиться, но ты снова унес их; отчего же ты такой жадный? Вот почему мы сейчас в твоем доме, и мы не уйдем из него, пока не наедимся досыта". Вся семья перепугалась и поспешила выставить еду, дабы смыть вину хозяина.

Среди жителей Ханчжоу есть обычай: когда бы они ни сталкивались с призраками, один человек идет впереди них и выводит их за ворота, а второй идет позади и запирает ворота. Семья тоже последовала этому правилу, но они поспешили затворить ворота, и тут Инь Юэ-хэн громко вскричал: "Когда у вас в доме гости, следует относиться к ним с глубоким почтением; вы же захлопнули ворота еще до того, как мы успели выйти, и защемили мне ногу. Я не в силах терпеть боль, так что, если вы не приготовите еще хорошей еды и не пригласите меня отведать ее, я никогда не покину ваш дом". И семье ничего не оставалось делать, как вновь заклинать духов молитвами и жертвоприношениями, после чего Иню немного полегчало. Потом ему то становилось лучше, то болезнь опять возвращалась, но он так и не избавился от них, и, в конце концов, умер» («Цзы бу юй», гл. 6).

«Воришка из рода Ци проделывал свои делишки с большим искусством и в конце концов стал красть так часто, что перепугался, что все начнут преследовать его, и тогда он поселился в полуразвалившейся хижине неподалеку от кладбища. Во сне ему явились призраки. "Если ты должным образом попотчуешь нас, — сказали они, — мы сделаем тебя богатым", и Ци пообещал во сне, что именно так и поступит. Но, проснувшись, решил, что исполнять такое обещание было бы слишком большой глупостью, и так ничего и не выполнил.

Потом ему во сне опять привиделись призраки. "В течение трех дней, — заявили они, — ты должен поднести нам жертвы, в противном случае мы при свете дня будем отнимать у тебя

все то, что ты крадешь ночью". Ци решил покориться, но, проснувшись, опять не совершил жертвоприношения. Через три дня он тяжело заболел. Он попросил жену присмотреть за вещами на тот случай, если призраки решат исполнить то, чем они грозили ему во сне, и — о чудо! — когда солнце достигло зенита, ворованные вещи внезапно сдвинулись со своих мест, словно подталкиваемые какой-то волшебной рукой. Ци хотел было подняться с постели и поймать их, но руки и ноги его словно кто-то сковал, и только тогда, когда все вещи исчезли, оковы пали и болезнь прошла. Тут в голове у него прояснилось, и он сказал с улыбкой: "Я воскурял ладан печали, чтобы дурачить других, а теперь меня самого одурачили духи; вот каковы призраки дневного света, о которых говорят люди". С тех пор он изменил свои привычки и стал честным человеком» («Цзы бу юй», гл. 23).

Интересный способ, которым призрак смог заполучить поклонение и жертвенные яства, описывается в следующей истории. «Офицер императорской стражи, любивший скачки и стрельбу из лука, преследуя как-то у восточных ворот зайца, столкнулся со стариком, который наклонился над колодцем, чтобы набрать воды; всадник не смог остановить летевшую во весь опор лошадь, и старик упал прямо в колодец. Офицер сильно перепугался, повернул лошадь и поспешил домой. Той же ночью он увидел, как старик открывает двери и входит в его дом. "Ты не убивал меня намеренно, — гневно сказал старик. — Но если бы, увидев, как я упал в колодец, ты позвал на помощь людей, жизнь моя, быть может, была бы спасена. Почему же ты решил повернуть лошадь и поспешить домой?" Офицеру было нечего сказать, и тогда старик принялся бить его фарфор, ломать двери и вообще крушить все подряд. Вся семья стояла на коленях и молила его, подносила жертвы и совершала молитвы, но призрак сказал: "Все это бесполезно; если вы хотите успокоить меня, вырежьте из дерева поминальную табличку, напишите на ней мое имя и фамилию и подносите мне каждый день в качестве жертвы свиные ножки; обращайтесь ко мне так, словно я — ваш предок, и тогда я прощу вас". Они сделали все так, как сказал призрак, и он перестал досаждать им.

С тех пор офицер, когда бы путь его ни пролегал через восточные ворота, всегда ехал кружной дорогой, дабы не оказаться опять перед тем самым колодцем. Однажды, проезжая эти ворота в кортеже императора, он хотел было, как и прежде, устраниться от прямого пути, но его командир сказал: "Если император спросит, где ты, что нам отвечать? И вообще, разве можно бояться призраков при свете дня и голубом небе, в присутствии тысячи колесниц и десяти тысяч всадников?" Так что офицеру волей-неволей пришлось проехать мимо колодца. Он увидел, как рядом с колодцем в той же самой позе стоит тот же старик; он бросился вперед, схватил его за платье и гневно сказал: "Ага, сегодня я поймал тебя здесь: несколько лет назад ты налетел на меня на всем скаку, а после не помог; и как ты со всем этим живешь?" Старик оскорблял всадника и бил его, а офицер, перепуганный, простонал убитым голосом: "Как я могу искупить свою вину? Все это время ты принимал жертвы в моем доме и самолично обещал простить меня; почему же ты теперь обращаешься ко мне с такими словами?" Но речь его лишь усилила гнев и ярость старика. "Я не мертвец, — сказал он, — чего мне твои жертвы? Когда твоя лошадь столкнула меня в колодец, один прохожий, заслышав мои крики, вытащил меня; как же ты можешь принимать меня за духа?" Уже совсем потерявшись от страха, офицер привел старика в свой дом, и тут они увидели, что на поминальной табличке было вырезано имя отнюдь не этого старика. Старик засучил рукава, а затем, изрекши ругательство, со всего размаха бросил табличку на пол, а потом расколотил и жертвенную утварь, и пока вся семья стояла в недоумении, не зная, что и думать обо всем этом, в воздухе раздавался громкий смех, который постепенно растворился» («Цзы бу юй», гл. 2).

«Су Дань-лао из Ханчжоу слыл человеком речистым и бойким на язык, он насмехался над всеми подряд, и люди ненавидели его. В первый день Нового года они нарисовали на листе бумаги изображение духа чумы и прикрепили рисунок на воротах его дома. Дань-лао, открыв на рассвете ворота, увидел рисунок и, громко рассмеявшись, взял его в дом. Он почтительно пригласил его сесть, выпил в компании с ним вина, а потом торжественно сжег. В тот год

вспыхнула эпидемия чумы. Все заболевшие соседи наперебой приносили жертвы духу чумы, а некоторые больные в бреду говорили голосом демона: "В первый день Нового года Су Даньлао совершил поклонение мне, но, к своему стыду, я до сих пор не нашел возможности отблагодарить его; те из вас, кто желает отвратить меня, должны пригласить Су ко мне, и тогда я уйду". Теперь те, кто совершал жертвоприношения духу чумы, соперничали друг с другом за право пригласить Су, который каждый день ел и пил столько, сколько только мог. Никто из членов его семьи — а в ней было более десяти человек, и молодых, и старых — не заболел чумой» («Цзы бу юй», гл. 2). Таким образом, призраки выпрашивают еду не только для себя, но и для своих друзей среди людей.

Трюки и уловки, к которым прибегают призраки, чтобы раздобыть еду, отличаются и по характеру, и по степени хитрости и изобретательности. При этом, как свидетельствует ряд историй, нередко призраки устами заболевших вещают, какую именно еду они хотят получить, какое количество и какого типа бумажные деньги они желают иметь, а также в каком конкретном месте должны быть преподнесены дары. Если семья выполняет все их требования, то больной либо выздоравливает, либо же его уста изрекают новые приказания, а его бессвязные речи, непонятные для простого уха, истолковывают «специалисты», которые могут быть как мужского, так и женского пола. Нередко призрак заявляет, что он — душа умершего, останки которого покоятся в какой-нибудь заброшенной могиле по соседству, куда семья в последующем и опускает жертвы. Справедливости ради отметим, что далеко не всегда призраки остаются неблагодарными; нередко они так или иначе вознаграждают людей за поднесенные им еду и вино. Более того, описываются даже случаи, когда призраки из чистой признательности благодарят беременных женщин, даруя им сыновей. Делают они это, помещая в чрево женщин души, купленные на те самые бумажные деньги, которые женщины сжигали для духов.

В наше исследование о мире китайских духов мы могли бы ввести отдельную главу о злобных демонах мертвецов. Однако в разных главах мы уже так или иначе говорили о них, как-то: о призраках утопленников, о призраках жертв тигров, о призраках самоубийц, об оживших мертвецах и вампирах, о призраках, появляющихся после смерти, о призраках-мстителях, воздающих должное за зло, причиненное при жизни или уже после; наконец, о демонах засухи. Поскольку мертвецы составляют весьма значительную часть огромного полчища потусторонних существ, вполне естественно, что чаще всего призраки являются возле могил и на кладбищах, а потому эти места представляют для человека большую опасность, особенно после захода солнца. Вот рассказ о том, какие ужасные вещи могут произойти здесь с человеком.

«В уезде Яньши, что в Хэнани, жена крестьянина Чжан Юаня, госпожа Сы, возвращалась от своей матери в дом мужа. Брат мужа вышел на дорогу встретить ее. Путь их пролегал мимо старой могилы, подле которой раскинуло свои ветви большое дерево. Женщина решила справить нужду, велела брату мужа придержать осла, повесила на дерево свою красную льняную юбку, но, когда она вернулась, оказалось, что юбка исчезла. Вернувшись домой, она провела ночь вместе с мужем. Наступило утро, но они не вставали; домашние постучали в дверь и вошли в комнату — хотя окна были, как обычно, заперты, у лежавших на кровати мужа и жены не было голов.

О случившемся доложили властям, но те не смогли разрешить дело. Арестовали и допросили брата мужа, и, когда он рассказал о том, как накануне пропала юбка, чиновник решил отправиться к могиле. Позади могилы обнаружили пещеру, к которой вела протоптанная дорожка, что говорило о том, что в нее кто-то постоянно входит и выходит. Когда чиновник все внимательно осмотрел, он нашел около пещеры красную льняную юбку, точь-в-точь как та, что была у несчастной женщины. Могилу раскопали и нашли в ней две головы; гроба в могиле не было, да и вся она была очень узкая, а длиной не более чем с человеческую руку. Чиновник так и не смог вынести вердикт» («Цзы бу юй», гл. 2).

Глава пятнадцатая
Мир призраков как отражение мира людей

Главы, в которых мы поведали читателю о призраках и демонах, неоднократно показывали, что зачастую потусторонние существа ведут жизнь удивительно схожую с той, которой живут обычные люди. Призраки приходят к людям и преследуют их в облике, если не абсолютно тождественном, то близком к человеческому. Они говорят точно так же, как люди, их одолевают те же чувства любви или зависти, как и люди, они испытывают желания и страсти и вступают в интимную связь как между собой, так и с человеческими существами. Используя оружие, они сражаются наравне с людьми, объединяются в шайки и отряды, а порой образуют даже прекрасно экипированные армии; нападение призраков можно отразить с помощью самых обычных стрел, мечей и копий. Призраки и демоны знают толк в деньгах, едят человеческую пищу, пьют вино и одеваются, как люди; короче говоря, китайцы создали себе духов в полном смысле слова по своему образу и подобию.

И разве удивительно в таком случае, что народное воображение приписывает призракам также и социальную жизнь, мало чем отличающуюся от человеческой? Отрывок из «Цзо чжуань», который мы цитировали выше, показывает, что уже в шестом столетии до новой эры китайцы пребывали в убеждении, что, как в человеческом обществе, сила и могущество демона напрямую зависят от многочисленности и мощи того клана, к которому он принадлежал, будучи еще живым, и членом которого остался даже после смерти. Воззрения эти подтверждают распространенность в обществе представлений о том, что крепость семейных и клановых уз не ограничивается земным миром. Родина кланов находилась в *гуй фан*, «стороне призраков и демонов», реального положения которой, естественно, никто не знал.

В «И цзине» под одной из черт гексаграммы под названием Цзи цзи мы читаем: «Гао-цзун напал на область призраков (*гуй фан*) и через три года покорил ее». А в гексаграмме Вэй цзи одна из черт предполагает идею «нападения на область духов, после чего в течение трех лет счастье будет царить в большом государстве». Пассажи эти явно указывают на древнее предание, согласно которому Гао-цзун, или У-дин, живший, по традиции, в четырнадцатом столетии до новой эры, повел свои войска в поход на далекие варварские земли. Об этом же свидетельствуют и так называемые «Бамбуковые книги»: «В 32 году своего правления У-дин пошел войной на область призраков и стал лагерем в Цзин, а в тридцать четвертом году армия вана покорила область духов». В данной связи стоит заметить, что по сей день китайцы сохраняют прямо-таки удивительную любовь к именованию всех иностранцев *гуй*. В «Ши цзине» о *гуй фан* говорится в одной из од, в которой Вэнь-ван, основатель чжоуской династии, заявляет о последнем низложенном правителе шанского дома следующее: «Возмущение распространилось по всему Срединному Государству и достигло даже *гуй фан*» («Да я», III,1). Царство призраков, населенное одноглазыми существами с человеческим лицом, упоминается и в «Шань хай цзин»; в этом сочинении оно помещается в северных землях среди морей, а в примечаниях, составляющих двенадцатую главу, север отождествляется с инь, т. е. с холодом и темнотой, с которыми обычно ассоциируются и призраки.

Этой же неведомой стране посвящает несколько строк и Ма Дуань-линь, также относящий ее к землям далекого севера. «Царство призраков (*гуй го*) лежит в шестидесяти днях пути от царства Цзяома. Жители его скитаются по ночам и прячутся днем. Одеваются они в грязные куски оленьей кожи. Глаза их, ноздри и уши — как у людей Срединного Государства, но рты у них расположены на макушке головы. Едят они из глиняной посуды. В их землях нет риса, и живут они тем, что добывают шкуры оленей и выращивают лошадей. Если из их царства ехать на юг тридцать дней, то попадешь в государство Туцзюэ» («Вэнь сянь тун као», гл. 348, 1.18).

В этих таинственных землях, память о которых никогда не стиралась из народного фольклора, призраки и демоны ведут постоянную торговлю, и для этой цели у них есть даже специальные базары. На самом деле это, скорее всего, обычные рынки, распространенные среди горных племен, которых богатая фантазия китайцев превратила в призраков. В

официальной истории династии Тан говорится: «В западных морях есть рынки, на которых торговцы, не видя друг друга, просто кладут за своим товаром запрашиваемую цену; эти рынки называются "базарами призраков"» («Синь Тан шу», гл. 221,II,1.18). А уже более позднее сочинение свидетельствует: «На морском побережье существуют "базары призраков", где люди собираются в полночь, чтобы расстаться с первым криком петуха; на них люди часто приобретают редкие и необычные вещи». Заметим, что и по сей день *гуй ши*, «базарами демонов», называют отдаленный звук грома либо скопление черных туч.

Именно из этого царства под покровом ночи через воображаемые ворота, называемые *гуй мэнь*, «ворота призраков», вылетают орды потусторонних существ. «Днем ворота призраков закрыты, но на закате за ними раздаются человеческие голоса, а из них исходит свет цвета голубого пламени» («Шэнь и цзин»). Упоминаются в источниках и южные «ворота призраков», которые якобы находятся там, где одно время находилась самая отдаленная область империи. «В тридцати ли к югу от уездного города Бэйлю (на юго-востоке Гуанси) стояли друг против друга на расстоянии тридцати шагов две скалы. Люди называли их "проходом через ворота призраков". Через них пролегал путь полководца династии Хань Ма Юаня, по прозвищу Усмиритель Волн, когда он шел походом против племени мань в Линьи; там он воздвиг каменную стелу, от которой до наших дней сохранился пьедестал в виде каменной черепахи. В последующие времена все путешественники, направлявшиеся в Цзяочжи, проходили через эти ворота. К югу от них так свирепствует малярия, что отправляющиеся в путь редко приходят обратно. В народе существует поговорка, что из десяти людей, прошедших через "ворота призраков", девять не возвращаются назад» («Старая история Тан», гл. 41,1.70)[97]. По-видимому, проход этот получил столь печальное имя вследствии омонимии либо же по ошибке, поскольку в сочетании *гуй мэнь* иероглиф *гуй* обозначает не «призрак», а «коричное дерево». Все эти древние названия оказались вытесненными много лет тому назад благодаря одному доброму предзнаменованию. «Согласно "Юй ти цзи шэн", проход через ворота дерева-*гуй* поначалу был неверно назван проходом черед ворота призраков. В первый год периода под девизом правления Хунъу династии Мин (1368) название его было изменено на "проход через ворота дерева-*гуй*", которое в свою очередь в годы Сюаньдэ (1426–1436) заменили на "проход через Небесные врата"».

Согласно древней традиции, обитателей отдаленных «земель призраков» порождало таинственное существо *гуй му*, «матерь призраков». «В южных морях, в горах Сяоюйшань живет матерь призраков. Она порождает всех *гуй*, какие только есть между небом и землей. За один раз она приносит десять, которых, родив утром, вечером пожирает. Она является *шэнь*, по имени Гуй-гу, «женщина-призрак», и живет в Цанъу (т. е. над проходом через ворота призраков). У нее голова тигра, лапы дракона, глаза питона, а брови — дракона *цзяо*. В У и Юэ (Цзянсу, Чжэцзян и Фуц-зянь) ее образ из дерева или глины ставят в храмах, чтобы защититься от бури; у образа голова дракона, уши коровы и слившиеся брови над единственным глазом» («Шу и цзи», I).

Гуй му является весьма экзотическим нововведением и относится к глубокой древности; она сыграла свою роль в китайской буддийской иконографии.

Однако в отличие от подобных легенд мир демонов и призраков, как правило, воспринимался в Китае как существующий в неразрывной связи с миром людей. В этом мире есть свои *гуй-ван*, «демоны-повелители», а жители Фуцзяни и поныне, обращаясь к призракам, льстиво и угодливо называют их на местном наречии *гуй-онг*, что соответствует *гуй-ван*. Впрочем, вскоре после начала новой эры в народе появилась традиция, согласие которой призраки и божества находятся под властью бога, обитающего в Шаньдуне, на горе Тайшань, Великой Горе, которую также называют Дунъюй. Восточная Гора. Божество вершит суд в первую очередь над духами умерших, рассматривая их дела, пытая и наказывая их, а его двор по сути является китайским адом. Души усопших могут быть доставлены и к его помощникам, Чэнхуаншэнь, Божествам Стен и Рвов. Эти божества исполняют свои обязанности в обнесенных

стенами городах империи, вместе с чиновниками, служащими Сыну Неба. В каждом из таких городов есть храм, где располагается божество вместе со своим двором и держит свой державный скипетр над духами, которые, находясь еще в земном мире, пребывали под властью земных властей, а именно — главного государственного чиновника этого же города. Точно так же в большинстве городов стоит храм и в честь Божества Восточной Горы. Храмы дают прибежище всем тем, кто жаждет найти спасение от злых духов, а обитающие в них высшие силы являются соответственно местными божествами-покровителями, играющими весьма значительную роль в религиозной жизни китайцев. Но данный предмет выходит за рамки нашей темы; укажем только, что некоторых призраков считают дьяволами, состоящими у них на службе: именно их посылают за новыми душами, они доставляют души на суд для допроса, жестоких пыток и страшного наказания.

Сравнивать китайский мир призраков с миром людей можно бесконечно. Мы помним, что порой призраки и демоны собираются в армии, которые при случае нападают на людей, дабы разрушить их благосостояние; но, кроме того, в мире призраков случаются и внутренние конфликты, сражения и войны. «В первом году периода Чжэньгуань (627) старую могилу, расположенную в семидесяти ли к северу от Бинчжоу, каждый вечер осаждали полчища воинов-призраков, численностью свыше десяти тысяч, со знаменами и штандартами. Потом из могилы выскакивали несколько тысяч призраков — пехотинцев и всадников, — которые вступали в жестокую схватку с осаждающими позади могилы, и лишь с наступлением ночи враждующие стороны расходились. Так продолжалось в течение месяца, пока в один из дней с севера не пришла еще одна армия призраков, в которой также было более десяти тысяч. В нескольких ли от могилы армия выстроилась в боевой порядок, когда ее увидел крестьянин и в ужасе бросился наутек. Командующий призраков приказал десяти своим воинам поймать его и, когда несчастного доставили, обратился к нему с такими словами: "Не бойся, я — *шэнь* пустыни Гоби, меня ограбил младший полководец моей любимой наложницы, с которой он и скрылся в этой могиле, а князь Чжан, погребенный здесь, использует армию, чтобы сражаться с нами"» («Сяо сян лу»).

Таким образом, у призраков также могут быть свои жены и наложницы, что, впрочем, внимательный читатель уже мог заметить. Вообще в Китае существует непререкаемый догмат, что узы, связывающие мужа и жену в земной жизни, не прерываются и после смерти. Поскольку любой брак в Китае, какую бы форму он ни принимал, преследует главную цель — продолжение рода, это в равной степени относится и к существам потустороннего мира, которые точно так же производят потомство, а значит, мир призраков пополняется не только за счет умерших.

Там, где существует сексуальная жизнь, существует и ревность, и потому вполне естественно, что китайские призраки не свободны от этого, казалось бы, исключительно человеческого, порока. «За южными воротами Цзюжуна есть могилы девяти мужей. Как гласит предание, когда-то давным-давно жила красивая женщина, муж которой умер, когда она успела родить ему всего одного сына. Поместья ее были обширны, поэтому она взяла себе еще одного мужа, который точно так же умер после того, как она родила мальчика. Похоронили его рядом с первым. В третий раз вышла она замуж, и третий муж умер при таких же обстоятельствах, и так продолжалось до тех пор, пока она не побывала замужем девять раз и у нее не родилось девять сыновей. Девять могил располагались кругом, а когда умерла сама женщина, ее похоронили посередине. С тех пор каждый день на закате в том месте поднимался холодный ветер, а ночью слышались крики, свист и ссоры, словно это бывшие мужья поочередно вырывали одну-единственную женщину друг у друга. В конце концов, путники более не осмеливались проходить мимо этого места, а жившие по соседству крестьяне были так обеспокоены, что пожаловались начальнику уезда Чжао Тянь-цо. Начальник уезда отправился к могилам вместе с ними. Там он провел судебное расследование и приказал своим

подчиненным нанести по тридцать ударов длинными палками по каждой могиле, и с тех пор на этом месте царит гробовая тишина» («Цзы бу юй», гл. 7).

Призраки обитают не только в тех могилах, которые живые выкапывают для умерших, но и роют их сами. «В Чэньчжоу, — рассказывается в одном из сочинений эпохи Тан, — в сорока ли к западу от главного города уезда Сюйпу (пров. Хунань) есть гора, на которой призраки хоронят своих мертвецов. В описании Юаньчжоу Хуан Миня сказано: "Там, на центральном пике, стоят гробы, которые, если смотреть на них издалека, кажутся размером в десять чжан. Он называется кладбищем призраков. Старики говорят, что, когда призраки делали эти гробы, в течение семи дней и ночей не было слышно ничего, кроме стука топоров и стамесок; все инструменты, ножи и топоры таинственным образом исчезли из домов, но на седьмой день, когда призраки закончили работу, инструменты вернулись к хозяевам, хотя были они сальными и от них отвратительно пахло протухшим мясом. К тому времени гробы стояли точно так же, как и поныне, — перпендикулярно краю скалы» («Ся вэнь цзи»).

Поскольку идея о существовании «областей, населенных призраками», прочно засела в умах китайцев, неудивительно, что китайский фольклор сохранил множество историй о людях, эти земли посещавших. Приведем в качестве примера одну из них. «В правление дома Чжу династии Лян торговец из Цинчжоу (пров. Шаньдун) отправился в море, но внезапно налетевший ураган отнес его к месту, откуда он заметил вдали землю и город, обнесенный стенами. Капитан сказал: "Еще никого ветер не заносил сюда; я слышал, что здесь должно быть царство призраков, неужели это оно?" Вскоре корабль достиг берега; скитальцы высадились на землю и отправились в город. Дома и поля, мимо которых они проходили, ничем не отличались от тех, что были в Срединном государстве. Они приветствовали всех, с кем встречались на пути, но никто не видел их. У городских ворот стоял стражник, они поклонились ему, но он никак не ответил. Они вошли в город и увидели в нем множество домов, людей и животных. Они добрались до дворца как раз в то время, когда правитель давал званый пир для своих министров — всего в нем участвовало несколько десятков человек. Церемониальные одежды, шапки, утварь, а также шелковые и бамбуковые декорации — все было почти точно таким же, как и в Срединном государстве.

Путешественники поднялись по ступеням в главный зал дворца, но когда они столпились вокруг правителя, чтобы взглянуть на него, правитель внезапно заболел. Слуги отнесли его домой, сразу же пригласили колдуна-*у*, который сказал: "Люди из земли ян прибыли сюда, влияние ян здесь необычайно сильно, поэтому-то правитель и заболел. Люди эти попали сюда случайно и принесли зло ненамеренно; поэтому мы можем попросить их уйти отсюда, предложив им еду и вино, повозки и лошадей". Немедленно в другом зале приготовили вино и яства, и министры вместе с колдуном пришли, чтобы поднести им жертвы и совершить молитвы. Путешественники ели и пили за столами. Потом появились слуги с лошадьми; путешественники сели на лошадей и отправились обратно. Добравшись до берега, они взошли на корабль, но до самого последнего момента жители этого царства не видели их. Задул попутный ветер, и они поплыли домой» («Цзи шэнь лу»).

Оказывается, призраки относятся к людям точно так же, как люди к призракам; люди вследствие собственного противоположного начала представляют для призраков точно такую же опасность, что и призраки для людей; и те и другие умилостивляют друг друга посредством жертвоприношений. Еще одно место пребывание призраков описывается в легенде, которую мы чуть отредактировали и сократили.

В Сычуани, в уезде Фэнду, что на берегу Янцзы, люди и призраки общаются друг с другом. Есть там колодец, в который каждый год в огромных количествах бросают бумажные деньги, а кроме того, рядом с колодцем сжигают бумагу в качестве дани правителям потустороннего мира; тех, кто отказывается от этого, поражают эпидемии и болезни. В начале нынешней династии пост начальника уезда занял Лю Ган. Он прослышал о существующем обычае, запретил его, а тех, кто осуждал его, арестовывал. Арестованные, однако, упрямо стояли на

своем и говорили ему, что в колодце обитают призраки и что никто еще не осмеливался предпринять попытку добраться до его дна. И тогда чиновник вместе с еще одним отважным человеком по имени Лю Сянь решили испытать судьбу; они спустились в колодец на веревке на глубину около пятидесяти чи. Поначалу их окружала непроглядная тьма, но потом они добрались до места, где было светло, как днем, и увидели город, обнесенный стенами, с дворцами и домами, совсем как у людей. Но жители города перемещались по воздуху и не отбрасывали тени. Поскольку Лю был важным чиновником, его везде принимали с предельной вежливостью и сопроводили к некоему князю Бао, по прозвищу Яма. Князю было около семидесяти, он восседал в пышном дворце, а на голове у него сияла корона. После того как чиновнику почтительно предложили сесть, он попросил освободить людей от ежегодной подати в виде бумаги по причине их бедности, на что Бао, улыбнувшись, сказал, что даосские и буддийские священнослужители всегда смущали народ россказнями о демонах, тем самым заставляя их выкладывать огромные суммы на жертвоприношения и службы, и поэтому чиновникам следует принять меры, чтобы приструнить их и ограничить.

В это время прибыл Великий Император, Покоритель Мары, то есть, Гуань-ди, бог войны; он прилетел по воздуху на облаке красного цвета. Гуань-ди спросил чиновника о том, что происходит в мире людей, после чего Ли Сянь осмелел настолько, что спросил, где находятся его чертоги, Гуань-ди ничего не ответил, но явно разгневался и немедленно покинул их. Князь Бао сказал Лю Сяню, что его дерзкий вопрос может стоить ему жизни и что его скорее всего поразит удар грома, но тело его может избежать испепеления, если только он умрет до того, как это случится. И Бао поставил на спине Лю Сяня большую печать. Затем оба выбрались из колодца по веревке, но не успели они добраться до южных ворот города, как Ли Сянь простудился и умер. Вскоре после этого в гроб с его телом ударила молния; гроб и одежда сгорели, но тело, защищенное печатью, осталось нетронутым» («Цзы бу юй», гл.1).

В китайском фольклоре, кроме волшебных царств призраков, находится место и аду, населенному мириадами демонов — видимо, здесь сказывается влияние буддизма. Однако отнюдь не эти дьявольские существа приносят людям зло и болезни, не являются они и теми силами, против которых человек ведет вечную войну не на жизнь, а на смерть. Скорее они — объект его благочестивой заботы, несчастные жертвы собственных грехов, и помочь им вырваться из обители несчастья и отчаяния может только милосердная религия. О конкретных практиках и ритуалах, связанных с этим, а также об этих скорбных местах мы будем еще говорить в дальнейшем.

Часть вторая
Колдовство

Народ, живущий на земле Китая, как и все прочие существующие либо существовавшие в прошлом языческие народы, во все времена создавал своим воображением людей как мужчин, так и женщин, в сознании простого народа обладавших силой оказывать воздействие на духов, ради благих либо порочных целей, силой, далеко превосходящей ту, что имеют обычные смертные. Посредством своего искусства они могут вызывать к жизни добрых и злых духов, что позволяет предположить наличие если не выраженного, то негласного соглашения с ними, обладания над ними той степенью власти, которая подразумевает более или менее явную покорность и повиновение. Если прибегнуть к китайской терминологии, они умеют «призывать и заклинать *гуй* и *шэнь*», а затем «использовать их».

Таким образом, анимистическое колдовство можно разделить на два основных вида. Колдовство первого вида нацелено на принесение счастья людям посредством воздействия на добрых духов и божеств через ритуалы, заклинания и прочие практики и потому может быть названо «религиозной магией», или белой магией. Именно оно является важной составляющей деятельности священнослужителей. Колдовство второго типа заключается в том, чтобы использовать духов для нанесения вреда людям, это черная магия, «ведьмино искусство», и именно о нем пойдет речь ниже.

Безусловно, главным сподвижником черной магии является темнота. Поскольку именно она держит в постоянном страхе и трепете доверчивые сердца целого народа, как, впрочем, и весь сонм злых духов, практикующие ее индивиды вызывают поистине всеобщее отвращение; они в любой момент могут стать жертвой народного гнева, их могут также жестоко покарать власти, которые, как правило, не менее легковерны и доверчивы, чем ослепленная толпа. О колдовстве так часто упоминают самые различные сочинения, что мы волей-неволей вынуждены признать: оно процветало в Китае во все времена, и не менее пышно, чем в нашей родной Европе в периоды древности и средневековья. Кроме того, мы не нашли в источниках ни единого высказанного сомнения, которое показывало бы неверие в реальность колдовства и действенность его последствий. Итак, Китай предстает перед нами живым свидетельством неоспоримого факта: там, где распространена вера в злых духов, не может не процветать и черное колдовство, побуждающее этих духов к действию.

Завеса тайны и скрытности, за которой скрывает себя черное искусство, чрезвычайно затрудняет его изучение. Впрочем, от колдунов и ведьм едва ли можно ожидать того, что они охотно раскроют свои секреты, ведь в таком случае они сами инкриминируют себе преступление и могут подвергнуть большой опасности собственную жизнь. Неграмотные люди чаще всего открыто признают, что мало знают о них; а люди ученые, как правило, мало что могут поведать, за исключением того, что они почерпнули из нескольких книг, а к этим книгам мы и сами можем обратиться. Поэтому нашему читателю ничего не остается, как смириться с теми отрывочными сведениями, что были взяты нами из китайской литературы, а также из немногочисленных записей о впечатлениях от личных встреч, сделанных нами во время пребывания в Китае.

Колдовство в Китае отнюдь не является некоей особой профессией. Поскольку народная вера во всяческих потусторонних существ повсеместна и чрезвычайно глубока, поскольку они находятся в пределах досягаемости практически каждого и ими переполнен весь мир, практиковать колдовство может каждый, кто обладает достаточной волей и знаниями. Естественно, что обширный слой людей, претендующих на способность оказывать влияние на судьбы людей посредством космических сил, пронизывающих вселенную и составляющих ее Дао, а именно — священнослужителей, предсказателей и гадателей, геомантов, шаманов — *у*, одним словом, знатоков оккультных искусств в широком смысле слова — в первую очередь относят к людям, занимающимся колдовством; и те источники, коими мы располагаем, позволяют сделать вывод, что уже со времен ханьской династии к ним относились с большим подозрением.

Обычно в китайских текстах колдовство обозначается терминами *яо дао, яо шу* или *яо фа*, или *се дао, се шу* и *се фа*; все они означают примерно одно и то же: «демонические методы, практики», а *яо* и *се*, как мы помним, подразумевают неблагоприятное влияние призраков. Поскольку, однако, объем понятия *се* более широкий и включает в себя все, что противоречит Дао, естественному порядку вещей, т. е. все «еретическое», сочетания *се дао, се илу* и *се фа* могут означать также еретическую магию, религиозную или какую-либо еще, практикуемую без намерения причинить вред человеку или даже из благих побуждений. Во все времена находились невежественные и недалекие люди, относившие к подобным практикам различные невинные фокусы, шутки с предсказанием судьбы или использование таинственных, неизвестных законов природы, и тогда жертв их подозрительности жестоко карали, иногда даже смертью, как нарушающих благопристойность, сеющих хаос и смуту и вообще врагов нравственности и общественных устоев. Поэтому следует четко различать еретическую магию и колдовство, поскольку если колдовство является еретической магией, то сама еретическая магия далеко не всегда есть колдовство. Несомненно, в различных частях обширной китайской империи существовали местные диалектические слова, обозначавшие колдовство, не вошедшие в письменный язык и происходящие из глубины веков. Таков, например,

термин *цио*[98], который мы встречаем в Амое. Эти выражения не следует путать с сосуществующими с ними понятиями, обозначающими белую магию.

Особого внимания заслуживает достаточно часто используемое сочетание, поскольку оно является единственным, которое можно признать классическим: *цзя гуй шэнь дао*, «путь или метод неправильного использования *шэнь* и *гуй*». Встречается оно в «Ли цзи» (гл.18,1.38), в пассаже, который можно считать древнейшим китайским письменным законом, направленным против нарушения общественного спокойствия, извращения обычаев и нравственности посредством еретических доктрин, магии или колдовства любого рода: «Смертью караются те, кто порочными речами подрывает силу закона, кто, высказывая сомнения относительно общепризнанного, пытается вызвать смуту, кто посредством порочного пути пытается бросить управление в хаос. Смертью караются также создатели еретической музыки, официальных одежд, отличных от предписанных, странных изобретений и странных инструментов, сбивающие с толку народ. Виновные в неестественном поведении и упорствующие в нем, произносящие еретические речи и тем самым порождающие споры, постигшие порочное и ставшие знатоками в нем, следующие неправильному и пропитанные им — все они подлежат смерти, если они смущают умы людей. Таким же должно быть наказание и для тех, кто сеет сомнения среди людей, неправильно используя *гуй* и *шэнь* (благоприятные и неблагоприятные) сезоны и дни или совершая гадание на панцирях черепахи или стеблях тысячелистника. Преступников этих четырех видов можно казнить, не заслушивая их слов в свою защиту».

Во втором веке новой эры Чжэн Кан-чэн в своем комментарии к приведенному выше фрагменту указывает, что под «порочным путем» он подразумевает *у гу*, наиболее распространенную и наихудшую форму черной магии, весьма популярную в его время. Мы готовы признать, что сочетание *цзя юй гуй шэнь* может иметь и иной, чем «неправильное использование *гуй* и шэнь», перевод. (Так, Легг[99] понимает его как «давать неправильное истолкование появлению духов») Тем не менее, вряд ли можно сомневаться в том, что в те незапамятные времена, когда был создан текст, оно указывало именно на интересующий нас вид колдовства, которое считалось страшным преступлением.

Глава первая

Нанесение вреда посредством собственной души или души животного

Китайцы охотно верят, что человек может по своему желанию «вызвать» свою душу из тела в любой момент, когда только пожелает. И само собой разумеется, это же могут делать и колдуны, побуждающие собственную душу преследовать их врага или жертву и вредить им.

«Житель Ханчжоу Чжао Цин-яо так любил играть в шахматы, что, только заслышав звук расставляемых фигур, сразу же садился за шахматную доску. Однажды, отправившись на прогулку к храму Двух Святых, он увидел там даоса с отвратительным лицом, игравшего в шахматы с каким-то посетителем. Даос называл себя настоящим знатоком, но играл при этом так плохо, что Чжао почувствовал отвращение и, даже не соблаговолив обратиться к нему, ушел.

Вечером, уже собираясь лечь спать, Чжао заметил двух призраков-светлячков, мечущихся туда и сюда по занавескам кровати. Поначалу он не решился что-либо предпринять, но тут занавеска отдернулась и перед ним предстал призрак с мечом, с синим лицом и зубами, походившими на зубья пилы. Чжао обругал его, и призрак исчез. Следующей ночью, лежа в постели, он услышал какое-то бормотание, словно это мальчишки зубрили свои уроки. Поначалу звук был неотчетливым, но, прислушавшись, Чжао различил слова: "Какое тебе дело до того, что я плохо играю и при этом называю себя умелым игроком? Почему ты осмеливаешься проявлять ко мне непочтительность?" Тут Чжао понял, что лекарь-даос пытается причинить ему зло, но это лишь придало ему храбрости. Потом он услышал шепот: "Однако ты смел, не боишься ни ножей, ни мечей; но я поступлю иначе — я вытащу из тебя

душу и тем самым лишу тебя жизни". И далее зазвучало заклинание: "О, духовная сила Неба, о, духовная сила Земли, покажите свое могущество; да вопьется игла тебе в голову и сердце!" И Чжао почувствовал дрожь во всем теле, как это бывает с теми, кого, пробирает страх, но напряг всю свою волю и не сдвинулся с места. Зажав уши руками, он задремал, и, хотя из подушки его раздавался звон колокольчика, он продолжал стойко переносить испытание.

Прошел месяц, и в один прекрасный миг лекарь-даос упал на колени перед его кроватью, обливаясь слезами. "В припадке гнева, — сказал он, — я применил свое искусство, дабы запугать тебя, чтобы заставить тебя покориться и получить от тебя денег и шелка, но я ошибался, ибо тебя все это ничуть не смутило. Теперь я корю себя за то, что сделал, ибо если мое колдовство не оказывает действия на моих жертв, несчастья обрушиваются на меня самого. Вчера я умер, и моя душа не находит пристанища; я жажду предложить вам свои услуги в качестве божества покровителя ваших камфорных деревьев и ив и тем самым искупить и загладить свою вину". Чжао ничего не ответил, но наутро послал человека в храм Двух Святых, и тот принес весть, что даос перерезал себе горло. С тех пор Чжао всегда знал обо всем на день раньше; говорили, что лекарь-даос состоит у него на службе» («Цзы бу юй», гл. 8).

«Жители столицы, если их дети постоянно громко кричат по ночам, винят в этом "ночные звездочки". Жил в городе один колдун, который ловил звездочки с помощью лука из тутового дерева и стрел из персика. В доме Помощника Начальника Палаты жила старуха, которой уже перевалило за девяносто — она была наложницей еще его прадеда. Почтенная тетушка, как называли ее все члены семьи, целыми днями сидела на обогреваемой кровати из кирпичей; улыбка никогда не озаряла ее лица, а из уст ее не вылетало ни словечка. Она любила своего кота, который не отходил от нее ни на шаг.

У Помощника Начальника Палаты был сын, которого еще носили за спиной. По ночам он непрерывно плакал, и чиновник приказал колдуну — ловцу ночных звездочек вылечить его. Колдун явился с маленьким луком и стрелой, к древку которой была привязана белая шелковая нить в несколько чжан длиной; другой ее конец колдун намотал себе на безымянный палец. Колдун сел и прождал до середины ночи, в окно начала светить луна и тогда он различил на закрывавшей окно бумаге смутные очертания тени, которая быстро скользила вперед и назад; это была женщина, в шесть или семь чи ростом, верхом на коне и с копьем в руках. Колдун вытянул вперед руку, прошептал про себя "вот и ночная звездочка", натянул лук и выпустил стрелу в призрака. Послышался стон, демон бросил копье и кинулся прочь; колдун же вылез через окно и, крепко держа нить, направился следом. Вместе с другими людьми он шел за нитью, которая привела его к задним покоям дома; там они увидели, что нить исчезает в щелочке двери. Люди окликнули Почтенную тетушку, но ответа не последовало, и тогда они зажгли факелы и вошли внутрь, Девочка-служанка воскликнула: "Почтенная тетушка ранена стрелой", и действительно, подойдя поближе, все увидели стрелу, торчащую из ее плеча. Из раны сочилась кровь, она громко стонала, между ее ног сидел кот, а копье оказалось маленьким бамбуковым прутиком. Люди забили кота до смерти, а тетушке перестали давать есть и пить, и она вскоре умерла. Больше ребенок не плакал по ночам» («Цзы бу юй», гл. 23).

История, напоминающая нам традиционные западные легенды о ведьмах, скачущих верхом на котах, не оставляет сомнений, что душа старухи превращалась по ночам в демона и мучила ребенка, а душа кота становилась во время ночных путешествий призраком скакуна. «Профессора» черной магии печально знамениты и тем, что могут порой проникать в тела покойников и использовать их в качестве *цзян ши* — демонов, свирепость и кровожадность которых слишком хорошо известны. «Двое друзей из Тунчэна, Чжан и Сюй, торговали в Цзянси и добрались до самого Гуансиня, где Сюй внезапно умер в одном из придорожных кабачков. Чжан отправился на базар, чтобы купить гроб. Торговец запросил две тысячи монет, но, когда сделка уже почти состоялась, сидевший рядом за прилавком старик встрял в разговор и посоветовал не отдавать гроб дешевле, чем за четыре тысячи. Чжан разразился бранью и вернулся в кабачок. Вечером, когда он был наверху, покойник внезапно поднялся и изо всех

сил ударил Чжана, так что тот, вне себя от ужаса, бросился искать спасения вниз по лестнице. На следующее утро Чжан опять отправился за гробом и предложил за него на тысячу монет больше. Владелец гробовой лавки ничего не сказал, но опять тут как тут оказался тот же старик, противившийся накануне покупке, и гневно сказал: "Хотя я здесь и не хозяин, но в этих местах меня зовут крадущимся горным тигром; если ты не дашь мне две тысячи монет, то есть столько же, сколько гробовщик просит за гроб, ты не получишь его". Чжан был человеком бедным и никак не мог заплатить требуемую сумму; ему ничего не оставалось делать, как отправиться, куда глаза глядят.

Неожиданно он встретил по дороге добродушного улыбающегося старика с белой бородой, одетого в синее платье. "Это ты покупал гроб?" — спросил старик. "Да, я", — ответил Чжан. ” И ты навлек на себя гнев крадущегося горного тигра?" Чжан опять ответил утвердительно, и тогда старик с белой бородой дал ему хлыст со словами: "Этим хлыстом У Цзы-сюй хлестал труп чуткого Пин-вана. если сегодня ночью покойник опять встанет и нападет на тебя, воспользуйся хлыстом, и тогда ты получишь гроб и выпутаешься из беды". Сказав это, старик исчез. Чжан пошел обратно в кабачок и поднялся по лестнице наверх; не успел мертвец вскочить, как Чжан, как и было ему велено, начал стегать его, да притом так сильно, что под тяжестью ударов покойник рухнул на пол. Когда наутро Чжан в третий раз направился в лавку, хозяин сказал ему: "Минувшей ночью крадущийся горный тигр умер, и теперь вся наша округа избавлена от этой напасти, так что теперь бери гроб за первоначальную цену в две тысячи". Чжан попросил торговца рассказать поподробнее. "Фамилия этого старика — Хун, — ответил тот. — Он владел колдовским искусством, мог призывать на помощь призраков и имел привычку заставлять мертвецов нападать на людей. Когда кто-либо умирал и требовался гроб, он приходил в мою лавку, чтобы потребовать свою долю, а просил он половину суммы. Так продолжалось немало лет, и многим людям он причинил зло. Но прошлой ночью он неожиданно умер, и никто не знает, что его погубило". И тогда Чжан поведал ему о том, как получил от старика с белой бородой волшебный хлыст; оба они поспешили к телу умершего и обнаружили на его теле полосы от ударов. Некоторые говорят, что белобородый старик в голубой одежде был местным божеством земли» («Цзы бу юй», гл. 10).

Многочисленные китайские предания и рассказы о людях, превращающихся в зверей, которые мы приводили в соответствующих главах, посвященных людям-оборотням и зверям-призракам, позволяют сделать вывод о том, что чаще всего китайцы воспринимали подобные метаморфозы как намеренные. Особенно ярко проявляется это в истории о Чжоу Чжэне, превратившемся в тигра посредством заклинаний и рисунка зверя; по своей воле то же самое проделал и Чэнь Ши-шань; по собственному желанию стал кровожадным тигром Чжу Ду-сы. Волками становились юноша, женщина Цзинь из гуннского племени, пастух Цан. Если такие люди-оборотни приносят людям зло, то мы имеем дело с анимистическим колдовством, по крайней мере в той степени, в какой душа человека или животного участвует в данном превращении.

Четвероногие посланцы черной магии, как и животные-призраки, могут вызывать болезни у людей. «В двадцатом году Цяньлун (1755) маленький ребенок в одной столичной семье часто дергался в судорогах и умер, не дожив до года. Во время приступов вокруг лампы летало черное существо, похожее на сову, и чем быстрее оно кружило, тем сильнее ребенок задыхался; когда же он перестал дышать, черное существо исчезло. Вскоре конвульсии поразили и другого ребенка в этой же семье. Об этом прослышал господин Э, офицер императорской гвардии, человек смелый и отважный; он был вне себя от гнева, взял лук и стрелы и твердо решил убить черное чудовище как только оно появится. Он натянул тетиву и выпустил стрелу — раздался крик, и на землю потекла кровь. Кровавый след повел его через двойную стену к дому господина Ли, Великого Главнокомандующего, и исчез в очаге. С луком и стрелами наготове офицер встал рядом и стал ждать.

Появился господин Ли, удивленный и перепуганный, и спросил, что случилось. Офицер Э, который приходился ему родственником, рассказал, что привело его в дом. Главнокомандующий приказал осмотреть очаг, и в каморке за очагом они обнаружили ведьму с зелеными глазами, из поясницы ее торчала стрела, а из раны сочилась кровь; она походила на обезьяну ми и была родом из племени мяо — господин Ли привез ее из Юньнани, где он одно время служил чиновником. Она была очень старой и, как сама говорила, не помнила своего возраста. Ее заподозрили в колдовстве и допросили; она призналась, что знает заклинания, произнося которые, она может превращаться в странных птиц. Изменивши облик, она ждала, пока пробьют вторую стражу, а потом вылетала наружу и пожирала мозг маленьких детей — так она навредила более чем семистам младенцам. Взбешенный господин Ли заковал ее в кандалы, сложил костер и сжег ее заживо, после чего на долгое время воцарилось спокойствие и дети больше не страдали от конвульсий» («Цзы бу юй», гл. 5).

Впрочем, колдуны и колдуньи могут вызывать не только собственные души; для своих коварных замыслов они умеют использовать и души животных, как, впрочем, и самих зверей. Читатель уже знаком с этим видом черной магии, о котором мы говорили в главе о кошках-призраках. Мы приводили эпизод, взятый из официальной истории династии Суй, о том, как в 598 году при императорском дворе вельможи колдовским способом насылали на людей котов. Главный принцип их черного искусства, как мы помним, заключался в том, что путем жертвоприношений, заклинаний и чар животным «задавалась» чужая воля, животные несли людям болезни и даже смерть, а колдуны завладевали их состоянием. Причем случай этот дает нам еще один показательный пример: сам император готов был принести в жертву суевериям собственного зятя и жену. Что уж в таком случае говорить о легковерности его подданных. Лишь личное вмешательство императрицы, если верить историку, спасло обвиняемых: «Когда То, сводного брата императрицы, приговорили к смерти за то, что он насылал на нее котов-призраков при помощи колдовских *гу*, заклинаний и чар, императрица три дня не принимала пищу, а потом вступилась за него с такими словами: "Если бы То навредил делам управления или принес зло народу, я не осмелилась бы произнести и слова в его защиту; но если он совершил преступление только против меня, я осмеливаюсь просить за его жизнь". И тогда смертный приговор То смягчили на одну ступень» («История династии Суй», гл. 36,1.5), («История северных династий», гл.14,1.17).

Еще более красноречиво о широком распространении верований в колдовство посредством котов говорит тот факт, что император отдал приказ о преследовании и уничтожении всех семей тех, кто обвинялся в черной магии. В хронологическом перечне событий царствования вышеупомянутого императора мы читаем: «В восемнадцатом году Кайхуан (598), в пятом месяце он издал указ о том, чтобы семьи, держащие котов-призраков, взращивающие яд г;у, повелевающие призраками, а также практикующие дикие и варварские методы, ссылались на отдаленные границы всех четырех направлений» («История династии Суй», гл. 2,1.13), («История северных династий», гл.11,1.26). Однако более ни в одном китайском сочинении упоминаний о черной магии посредством котов-призраков не встречается, из чего можно сделать вывод, что либо династия Суй стоит в данном отношении особняком, либо преступление, о котором повествуется в официальной истории, имело место лишь в воспаленном воображении императора и его приближенных. Отметим также, что зять императора был вместе со всем прочим обвинен и в «колдовском *гу*» и что против «взращивающих яд *гу*» и «повелевающих призраками» был объявлен настоящий крестовый поход. В дальнейшем мы будем говорить в первую очередь о двух типах анимистического колдовства, упоминаемых в литературе гораздо чаще по сравнению с остальными.

Глава вторая

Колдовство при помощи рептилий и насекомых

С древнейших времен китайские колдуны и колдуньи использовали для своих черных дел ядовитых рептилий и насекомых. У китайцев имелся свой аналог котлу галльских, германских

и скандинавских ведьм, в котором те готовили варево из ядовитых растений и снадобий — горшок с насекомыми и рептилиями, которых, как уверяют авторы, специально оставляли вместе, чтобы они пожирали друг друга, а единственного выжившего, одолевшего остальных и вобравшего в себя все их отвратительные качества, уже использовали в качестве инструмента зла. Горшок этот обозначался иероглифом *гу*, состоящим их двух графем — собственно «горшок, сосуд» и «насекомые, рептилии».

Таким образом, с самого начала колдовство ассоциировалось с ядом. То, что подобные горшки имеют весьма древнее происхождение, подтверждается хотя бы тем, что о них говорится в «Чжоу ли». В источнике сказано, что в обязанности некоего чиновника Цзюй-ши «входило истребление ядовитых *гу*, использование необходимых заклинаний и изгнание их, а также истребление их с помощью полезных растений; всех тех, кто мог бороться с *гу*, он должен был использовать в соответствии с их способностями» (гл. 37,1.35). В высшей степени достойно сожаления, что текст не приводит абсолютно никаких подробностей о том, как конкретно чиновники «антиколдовского ведомства» исполняли свой долг. Еще одно указание на то, что черная магия насчитывает в Китае весьма долгую историю, мы встречаем у Сыма Цяня: «Циньский Дэ-гун на второй год своего правления в начале лета подавил *гу* с помощью собак» («Ши цзи», гл. V,1.9). Комментаторы утверждают, что для этого животных убили и прибили их тела ко всем четырем воротам столицы. Отметим, однако, что в данном пассаже иероглиф *гу* может обозначать насекомых как таковых, поскольку в то время, как мы увидим, он приобрел и это значение.

Некоторые интересные детали о «взращивании *гу*» дает нам и «Цзо чжуань»: «Цзиньский князь попросил царство Цинь прислать лекаря, и Цинь послало к нему лекаря по имени Хэ. Осмотрев больного, он сказал: "Эту болезнь нельзя вылечить; мы называем ее болезнью, вызванной близостью к женским покоям, и проявления ее такие же, как и у *гу*; причина ее таится не в призраках, не в пище; дело в том, что разум больного в беспорядке, и твердость духа утеряна"… Тогда Чжао Мэн спросил лекаря, что он называет г;у. "Гу, — ответил тот, — порождает чрезмерную распущенность и замутняет разум; на письме выражается двумя элементами: "сосуд" и "насекомые, рептилии", которые и составляют иероглиф *гу*; насекомые, летающие в злаковых растениях, — тоже *гу*; в "Чжоу и" женщина, смущающая мужчину, и ветер, дующий с горы, — тоже *гу*; все это одно и то же"»[100]. Таким образом, словом *гу* также называли любовные чары женщины, желающей соблазнить мужчину и склонить его к распущенности. А кроме того, *гу* также использовали для уничтожения урожая или хранилищ с зерном или, как говорит умудренный опытом врач, для того, чтобы злаки «улетучились», наверное, путем превращения в крылатых насекомых, в них зародившихся. Действительно, в литературе словом *гу* часто называли насекомых и гусениц, опустошающих сельскохозяйственные амбары, а также паразитов, живущих в теле человека и действующих на него подобно яду. «*Гу* означает насекомых в животе, — говорится в «Шо взнь». — Призрак мертвеца, чья голова водружена на палку, — это тоже *гу*». (гл.13, II, I. 5,6). Последнее положение являет нам китайское поверье, что душа, скитающаяся по свету и не находящая покоя из-за того, что тело расчленено, мстит за себя, проникая во внутренности других людей в виде тех самых гусениц и червей, что пожирают гниющую голову.

Поскольку колдовство *гу* упоминается уже в древнейшей китайской литературе, мы вправе заключить, что оно практиковалось в Срединном государстве с незапамятных времен. По-видимому, при династии Хань оно играло весьма существенную роль, во всяком случае, насколько мы можем судить о ней по той невероятной жестокости и беспощадности, которыми боролись с теми, кто занимался этим ремеслом; и подобные методы лучше всего подтверждают тот факт, что преступники тревожили спокойствие даже самых могущественных властелинов и наполняли их души страхом и трепетом. В «Истории Ранней Хань» рассказывается об императрицах, царственных особах, вельможах и придворных, опозоренных, лишенных рангов и званий, брошенных в тюрьму и даже казненных по обвинению в таких преступлениях;

однажды такая жестокая расправа стала даже причиной кровавого мятежа. Обычно в столь авторитетных сочинениях колдовство обозначается термином *у гу*, который показывает, что практику черной магии чаще всего приписывали колдунам-*у*, священнослужителям и жрицам, магам и заклинателям, о которых мы уже так много говорили.

Мы читаем, что император У-ди «в пятом году периода правления под девизом Юаньуан (130 до н. э.), в седьмом месяце заключил под стражу творящих *у гу*, и головы их были выставлены на шестах» («Цянь Хань шу», гл. 6,1.6). Деталей этой печальной истории не приводится. Но в правление того же императора репрессий имели место еще раз, и сведения о них сохранились в разных частях «Истории Ранней Хань». Так, одна из глав повествует:

«Сын Гунсунь Хэ по имени Цзин-шэн унаследовал от отца титул начальника императорских конюшен, так что оба — и отец, и сын — принадлежали к высшей знати. Цзин-шэн был сыном сестры императрицы, и потому отличался распущенностью и беззаконным поведением. В годы Чжэнхэ (92–89) он по собственному произволу истратил девятнадцать миллионов монет, причитавшихся Северной армии; растрату раскрыли, и его посадили в тюрьму. В это время вышел указ императора об аресте Чжу Ань-ши из Янлина, но его не могли поймать. Император упорно настаивал на поимке, и тогда Гунсунь Хэ предложил выследить и поймать его, при условии, что тогда с его сына снимут обвинение. Этот Чжу Ань-ши был одним из наиболее влиятельных людей в столице. Узнав, что Хэ поймал его для того, чтобы искупить вину сына, он рассмеялся: "Теперь несчастье этого министра падет на весь его род! Во всех южных горах не хватит бамбука для того, чтобы вместить обвинения, которые я выдвину, а в долине Е не хватит дерева для наручников, которые я сделаю". И он написал из тюрьмы письмо императору, в котором обвинил Цзин-шэна в связи с императорской принцессой Ян-ши и в том, что вместе с колдунами-*у* он совершал жертвоприношения (злым духам) и призывал беду на императора. Кроме того, он наклеветал, что, когда император отправился к Ганьцюань, они закопали на главной дороге человеческие фигурки, сопровождая это заклинаниями и злословием. И тогда император приказал нескольким министрам допросить Хэ и сурово покарать его за преступления; отца и сына казнили в тюрьме. Бедствие *у гу*, обрушившееся на их семью и весь род, было запущено Чжу Ань-ши, а завершено Цзян Чуном, так что принцессы, императрица и наследник престола — все погибли» (гл. 66,1.2).

Вся семья Хэ и целый его клан были истреблены; биография Хэ у Сыма Цяня заканчивается следующими словами: «Он был наказан за связь его сына Цзин-шэна с принцессой Я-ши и за *у-гу*, клан его погиб, и потомков не осталось» («Ши цзи», гл. III, I.16). Теперь остается выяснить, каким образом Цзян Чун «завершил бедствие».

Цзян Чун стоял во главе армии, боровшейся с хуннами; он был отважным и воинственным человеком огромного роста и слыл фаворитом императора, личная безопасность Сына Неба в большой степени зависела от него. Биограф сообщает следующее: «Случилось так, что Чжу Ань-ши из Ян-лина обвинил министра Гунсунь Хэ и его сына, начальника императорских конюшен, в *у гу*; в интригу оказались вовлеченными принцессы Ян-ши и Чжу-и, и она повлекла за собой казнь Хэ и его сына. Затем император отправился в Ганьцюань и там заболел. Цзян Чун, видя, что император стар, и догадываясь, что, если он умрет, наследный принц лишит его жизни, с преступными намерениями сообщил императору, что источником дьявольских чар, вызвавших болезнь, от которой страдает владыка, является *у гу*. И император уполномочил его принять меры против *у гу*. Тогда Цзян Чун приказал своим колдунам из племени хуннов выкопать яму, чтобы искать человеческие фигуры; они схватили совершающих *гу* и ночные жертвоприношения; они видели призраков; они оскверняли землю (жертвенным вином), дабы явить следы преступления. Они постоянно арестовывали людей, допрашивали их, пытали их раскаленными железными щипцами и поджаривали на огне, чтобы вырвать признания; и люди один за одним оговаривали друг друга, обвиняя в использовании *у гу*; чиновников постоянно обвиняли в замышлении мятежа; тех, кто бежал и был схвачен, приговорен к смерти и казнен, насчитывалось всего несколько десятков тысяч.

Все это время император, находившийся в преклонных годах, подозревал свое окружение в практиковании *гу*, произнесении заклинаний и насылании чар. Никто — ни из числа виновных, ни из числа невинных — не осмеливался сообщить ему о совершенных ошибках. А Цзян Чун, хорошо знавший настроения императора, сообщил ему, что даже во дворце преобладает влияние *гу*. Сперва он обвинил обитателей внутренних покоев, и дело дошло до женщин, пользовавшихся высочайшей императорской милостью, и даже до императрицы. Потом в поисках *гу* он начал копать землю во дворце наследника престола и нашел статую из дерева тун. Принц, боясь, что не сможет спастись от обвинения, схватил Цзян Чуна и обезглавил его собственной рукой, воскликнув с негодованием: «Ничтожный раб из Чжао![101] Разве не достаточно, что ты уже один раз посеял рознь между правителем государства и его сыном? Неужели ты еще раз поссоришь меня с отцом!»

О том, как затем принц был побежден, рассказывается в «Цюй юань чжуань». Впоследствии У-ди доложили, что Цзян Чун обманывал его, и император истребил все три его клана», т. е. самого Чуна, его матери и жены («Щи цзи», гл. 45,11.14).

Наследник престола по фамилии Ли был назначен официальным преемником императора еще в 122 году до н. э., в возрасте семи лет. «Ши цзи» так говорит о нем: «В последние годы царствования У-ди императрица Вэй-хоу утратила расположение императора. Цзян Чун строил против нее интриги, так как между ними, а также между Чуном и наследником престола были плохие отношения, поэтому Чун опасался, что после кончины императора принц казнит его. Поэтому, когда началось преследование *у гу*, Чун в своих преступных замыслах воспользовался этим случаем. Император находился уже в преклонном возрасте и, повсюду воображая злые козни, подозревал все свое окружение в причастности к *гу*, заклинаниям и чарам. Последовало жестокое наказание: министр Гунсунь Хэ и его сын, принцессы Ян-ши и Чжу-и, императрица и сын ее младшего брата Вэй Кан — все были признаны виновными и казнены. Обо всем этом сказано в биографиях Гунсунь Хэ и Цзян Чуна.

Преследуя свои цели в деле *у гу*, Цзян Чун, которому была хорошо известна подозрительность императора, сообщил ему, что влияние *гу* ощущается даже во дворце. Он ворвался во дворец, проник даже в императорские покои, сломал трон и раскопал землю под ним. И император приказал Хань Юэ, вассалу Ань-дао, а также помощнику министра Чжан Ганю и стражу Желтых ворот Су Вэню помочь Чуну. Чун направился также во дворец наследника престола, начал перекапывать землю, ища *гу*, и нашел статую из дерева тун В то время император болел и, спасаясь от жары, удалился во дворец Ганьцюань, так что за исключением императрицы и наследника престола в столице никого не осталось. Наследный принц позвал своего второго учителя Ши Дэ. Дэ, будучи наставником наследника престола, понял, что и его жизни тоже грозит опасность, поэтому он дал ученику такой совет: "Покойный министр и его сын, две принцессы, ее величество императрица Вэй Хоу — все пали жертвами этого дела, а сегодня колдуны-у и вассалы отыскали в земле какие-то уличающие доказательства; мы не знаем, сами ли они положили их в землю, или те действительно там были; в любом случае, вы не сможете объяснить все это. Поэтому воспользуйтесь своими полномочиями, схватите Чуна и его банду, бросьте их в темницу и жестоко покарайте за преступления и обман. Император болен и находится в Ганьцюань, императрица и ее чиновники обращались к нему за приказаниями, но не получили никакого ответа, так что мы даже не знаем наверняка, жив он или нет, а министры-преступники пользуются этим. Наследник, неужели вы забыли историю Фу-су из династии Цинь?[102]" Наследник престола без колебаний последовал совету Ши Дэ, и во втором году правления под девизом Чжэнхэ (91 год до н. э.), в седьмом месяце, в день жэньу, он отправил в качестве посланцев своих гостей с приказом арестовать Чуна и других. Вассал Ань-дао Хань Юэ решил, что посланцы лгут ему, и отказался подчиниться приказу принца, и тогда они убили его. Помощник министра Чжан Гань был ранен, но смог спастись и бросился искать защиты во дворце Ганцюань. Той же ночью наследный принц послал своего канцлера У Це с ордером во дворец Вэй-ин, и там, у ворот Чанцю, через главного камердинера

И-хуа посланник передал императрице приказание убрать из конюшен колесницы, спрятать там лучников и выступить с воинами, охраняющими арсенал, а также охраной дворца Чанлэ. Затем принц отдал следующий приказ командирам: "Цзян Чун поднял мятеж; я обезглавил его и сжег его хуннских у в Шанлинь". Его сторонники и гости стали во главе отрядов и сражались в Чанъани против канцлера Лю Цюй-ли — это восстание известно как "мятеж наследного принца". Но так как население не поддержало принца, войска его были разбиты, но сам он сумел спастись.

Гнев императора был так страшен, что все подчиненные пребывали в трепете и страхе и не знали, куда им деться… Принц бежал на восток в Ху (нынешняя Хэнань) и укрылся в деревушке Цюаньцзю. Человек, давший ему пристанище, был беден и, чтобы обеспечить запросы принца, постоянно продавал обувь. В Ху у принца жил старый друг, и, услышав, что тот богат, принц послал к нему человека и тем самым выдал себя. Чиновники окружили дом, чтобы арестовать его, и тогда принц, видя, что бегство невозможно, ушел в свою комнату, запер двери и удавился. Молодой воин из Шаньяна по имени Чжан Фу-чан распахнул дверь, а Ли Шоу, секретарь начальника уезда Синьань, быстро подхватил принца на руки и высвободил из петли; хозяин дома во время схватки был убит, погибли также два внука императора.

Император опечалился гибелью наследного принца… Он наградил Ли Шоу титулом Юй-хоу, а Чжан Фу-чана — титулом Ти-хоу. По прошествии времени большинство людей перестало верить в дело *у гу*, и император понял, что действиями наследника престола руководил только страх, и ничего больше; и, когда Чэ Цяньцю вновь заявил о зле, причиненном принцу, император назначил его министром, истребил всю семью Цзян Чуна и сжег на мосту Хэнцяо Су Вэня» (гл. 63; II).

В анналах царствования императора У-ди сказано следующее: «Дело *у гу* началось в первом году Чжэнхэ (92 год до н. э.), на одиннадцатый день одиннадцатого месяца; министр Гунсунь Хэ был брошен в тюрьму и казнен в первом месяце второго года, а в следующем месяце за практикование *у гу* казнили принцесс Чжи-и и Ян-ши. Летом того же года император находился в Ганьцюань, а осенью, в седьмом месяце, люди Хань Юэ и Цзян Чун стали копать землю и искать *гу* во дворце принца. В том же месяце, в день жэньу, наследный принц и императрица решили обезглавить Цзян Чуна, принц вывел войска, которые сражались в Чанъани с армией канцлера Лю Цюй-ли так яростно и ожесточенно, что погибло несколько десятков тысяч человек. В день гэнъинь (восьмой после жэньу) наследник престола бежал, а императрица покончила с собой, а в восьмом месяце, в день синь-ай (через двадцать дней после гэньинь) принц убил себя в Ху» (гл. 6,1.32).

Таким образом, всего кровавая истерия продолжалась около девяти месяцев и закончилась настоящей битвой, стоившей жизни десяткам тысяч человек! Цифра огромна, но у нас нет никаких документальных оснований утверждать, что она преувеличена. О тех страшных днях, когда принц потерпел поражение, когда решилась судьба его самого, его матери, сестер и двух сыновей, мы читаем также в биографии канцлера Лю Цюй-ли, сводного брата императора, одержавшего тогда верх: «Осенью того же года наследник престола Ли был оклеветан Цзян Чуном. Принц убил Цзян Чуна, поднял войско и напал на дворец канцлера, Цюй-ли бежал, бросив свои печати. В тот момент император из-за жары находился во дворце Ганьцюань. Главный секретарь канцлера сломя голову бросился туда, чтобы сообщить о случившемся. Когда император спросил, что же предпринял канцлер, чиновник ответил: "Он спрятался и не решился вывести войска". В гневе император воскликнул: "Что ты такое говоришь? Разразился мятеж, а он спрятался? Поистине, канцлер начисто лишен характера Чжоу-гуна, ведь разве Чжоу-гун не убил Гуаня и Цая?[103]" И император послал канцлеру приказ, который гласил: "Для поимки и казни мятежников существуют награды и наказания; поставьте на повозки защитные башни и не вступайте в ближний бой на мечах, чтобы избежать больших потерь и множества раненых среди воинов, и накрепко заприте городские ворота, дабы мятежники не смогли убежать".

Как только наследный принц убил Цзян Чуна, он поднял воинов и издал декрет, в котором говорилось, что император находится в Ганьцюань и тяжело болен, а порочные сановники замышляют поднять мятеж. Император перебрался из Ганьцюань во дворец Цзяньчжан, к западу от города, поднял войска Сяньфу (столица и ее окрестности) и ближайших уездов, а также провинциальных чиновников и военачальников, получавших жалованье до двух тысяч даней риса. Но принц также собрал людей для исполнения своих приказаний, а, кроме того, объявил амнистию всем государственным заключенным и ссыльным в Чаньани; он поднял воинов арсенала и сказал своему второму наставнику Ши Дэ, гостям, Чжан Гуану и другим, чтобы они разделили командование между собой. Он также отправил Жу-хоу, который отбывал заключение в Чаньани, в Чаншуй и Сюаньцюй с приказанием поднять конницу хуннов; но, когда всадники собрались и облачились в доспехи, Ман Тун, Интендант Дворцовых ворот, схватил Жу-хоу и сказал хунтам, что приказ — поддельный и ему не следует подчиняться, после чего обезглавил Жу-хоу и повел конницу в Чанъань. По тревоге подняли и речной отряд, который был передан под командование главного государственного церемониймейстера Шан Цю-чэна. Предписания ханьского дома всегда были красного цвета, — но так как принц тоже использовал красные предписания, к ним стали прикреплять желтую бирку, чтобы отличить их от приказов принца.

Наследник престола приказал Жэнь Аню, Инспектору Северной армии, вывести вверенные ему войска, но Ань получил предписание, закрыл ворота лагеря и отказался подчиниться. Тогда принц выступил со своими воинами и собрал людей с четырех районов города, всего несколько десятков тысяч. В Чанлэ, у Западной заставы, они встретились с армией канцлера Лю Цюй-ли. Битва продолжалась пять дней, десятки тысяч были убиты, и кровь потекла по городским рвам, но так как канцлер постоянно получал подкрепления, войска наследного принца потерпели поражение.

Он бежал к южной окраине города, к воротам Фуян, и смог выйти через них, так как Тянь Жань, чиновник, ответственный за поддержание порядка, в чьи обязанности входило следить за тем, чтобы ворота оставались закрытыми, позволил принцу покинуть город под покровом ночи. Канцлер хотел уже было обезглавить Жэня за это преступление, но помощник министра Бао Шэн-чжи сказал: "Чиновника такого ранга, получающего жалованье в две тысячи даней риса, нельзя казнить, не испросив прежде императорского соизволения; неужели вы осмелитесь самовольно убить его?" И канцлер простил Жэня. Когда императору доложили об этом, он был вне себя от гнева и отправил чиновников с тем, чтобы покарать преступников. Те спрашивали помощника министра: "Тянь Жэнь позволил мятежнику бежать, и закон обязывал канцлера обезглавить его, почему же вы воспрепятствовали этому?" Помощник министра испугался и покончил с собой. Жэнь Аня из северной армии они назвали виновным в том, что он принял предписание принца и тем самым показал себя дважды предателем, а Тянь Жэня признали виновным в том, что он позволил наследному принцу бежать; их казнили разрезанием надвое» (цз. 66, II). Сыма Цянь также сообщает, что «род Тянь Жэня был истреблен в Синчэне» («Ши цзи», цз. 104, 1.4). Историк Чу[104] тоже сообщает нам некоторые сведения о судьбе этих двух людей. Он говорит, что Жэнь Ань, получив приказ принца, не выступил со своими войсками на стороне императора потому, что предпочел подождать и посмотреть, какая сторона возьмет верх, а потом присоединиться к победившим («Ши цзи», гл. 104, 1.7).

В биографии Лю Цюй-ли содержатся и другие подробности относительно судьбы главных героев и жертв этой ужасной драмы. «Император провозгласил, что Интендант Ворот Ман Тун, схвативший одного из предводителей мятежников Жу-хоу, и Цзин Цзянь, человек из Чанъани, который вместе с Ман Туном поймал Ши Дэ, второго наставника наследного принца, достойны высших почестей и что главный государственный церемониймейстер Шан- цю Чэн храбро сражался и смог захватить командира мятежников Чжан Гуана. И он даровал Туну титул Чжунхэ-хоу, Цзяню — титул Дэ-хоу, а Чэну — титул Ду-хоу. Все гости принца, которые вышли

через дворцовые ворота, были казнены; тех, кто, находясь на службе у принца, подстрекал войска к мятежу, наказали в соответствии с законом, с истреблением их родов; а всех чиновников и воинов, принужденных выступить на стороне принца, сослали в область Дуньхуан…

В следующем году, когда главнокомандующий Эрши Аи Гуан-ли выступил во главе армии против хуннов, канцлер созвал прощальный обед и проводил его до моста через реку Вэй. Здесь он попрощался с Гуан-ли; Гуан-ли сказал: "Я надеюсь, что вы как можно быстрее убедите императора назначить наследником престола принца Чан-и; если он станет императором, разве вы, господин, пожалеете об этом?" Лю Цюй-ли пообещал, что так и сделает. Принц Чан-и был сыном наложницы Ли, младшей сестры главнокомандующего, а дочь главнокомандующего была женой сына Лю Цюй-ли; поэтому у обоих имелись веские причины желать такого назначения. В это время придворные были до такой степени встревожены преследованием *у гу*, что под их влиянием Го Жан оклеветал канцлера и его жену, что якобы он часто посылал *у*, чтобы совершать жертвоприношения божествам земли и произносить заклинания и заговоры против их владыки, а также что вместе с главнокомандующим Эрши они возносили молитвы и приносили жертвы, дабы принц Чан-и мог стать императором. Чиновники предложили императору расследовать обвинение. Лю Цюй-ли признали виновным в государственной измене и нарушении Дао; по велению императора его посадили в клетку, поставили ее на повозку и возили кругами по городу, а потом разрезали надвое на восточном рынке. Головы его жены и сыновей выставили на кольях на улице Хуаян. Также схватили жену и сыновей главнокомандующего. Когда Эрши узнал об этом, он сдался в плен хуннам, после чего его род был истреблен».

Таким образом, кровавая резня в Чанъани отнюдь не положила конец охоте на распространителей *у гу*; Лю Цюй-ли, его жену и сыновей казнили в шестом месяце 90 года до н. э., т. е. всего десять месяцев спустя («Цянь Хань шу», гл. 6,1.33). А то, что и в дальнейшем преследования продолжались с такой же жестокостью, подтверждается хотя бы тем фактом, что Чэ Цянь-цю, назначенный канцлером на место Лю Цюй-ли, «вступив на должность и рассматривая дела, сразу понял, что арестов, казней и наказаний в течение последних двух лет из-за преследования наследника престола было великое множество, отчего все подданные пребывали в великом страхе. Желая исцелить императора от его подозрительности и тем самым принести покой и утешение народу, он вместе с теми своими помощниками, кто получал жалованье в две тысячи даней риса, пожелал императору долголетия, воспел его добродетели и превосходство и посоветовал проявить гуманность и из сострадания прекратить казни… На что император ответил так:

"Это из-за моей несовершенной добродетели случилось так, что канцлер и главнокомандующий Эрши замыслили мятеж, а после зло *у гу* распространилось повсюду среди чиновников и придворных… Когда Цзян Чун действовал во дворце Ганьцюань, его люди проникли даже в Перцовые покои[105] дворца Вэйин и раскрыли заговор Гунсунь Цзиншэна, а также прознали, что Ли Юй со своими воинами хотел присоединиться к сюнну; мои министры ничего не сообщили мне об этом. А теперь вы сами, канцлер, выкопали *гу* на Террасе Орхидей; доказательства очевидны, а свидетельства более чем достаточны. И поныне множество у еще на воле и не прекращают своих козней; мятежники исподтишка угрожают мне; *гу* и вдалеке, и поблизости; это удручает меня, разве может при всем при этом моя жизнь быть долгой?.. Не предлагайте мне больше ничего подобного!" Через год император заболел и назвал наследником престола своего сына от госпожи Гоу-и» («Цянь Хань шу», гл. 66, II.6).

Поскольку это произошло во втором месяце 87 года до н. э., можно подсчитать, что император отказывался остановить преследование колдунов и тогда, когда со времени Чанъаньского мятежа минуло уже более двух лет. Источники подробно описывают в мрачных тонах, с какой невероятной жестокостью осуществлялась борьба с ними.

«Наследный принц взял в жены госпожу Ши, и она родила ему внука императора; внук императора взял в жены женщину Ван, и она родила (будущего) императора Сюань-ди. Этому ребенку было всего несколько месяцев, когда началось преследование *у гу*. Наследник престола и его супруга, внук императора и его супруга Ван — все погибли в это время, и даже правнук, хотя он лежал еще в пеленках, тоже пострадал — его поместили в тюрьму, прилегавшую к местной управе. Но Бин Цзе, чиновник ведомства правосудия при дворе, пожалел невинного ребенка, когда принимались меры против *у гу*, и приказал двум ссыльным женщинам, наказание для которых смягчили — Чжао Чжэн-цин из Хуайяна и Ху Цзу из города Вэй, — поочередно кормить его своим молоком. Тайно он давал ему еду и одежду, навещал его и относился к нему с большой добротой.

Дело *у гу* продолжалось два года и еще не утихло, когда во втором году Хоуюань (87 год до н. э.) император заболел и попеременно находился во дворцах Чанъян и Уцзо. Тогда предсказатель заявил, что в одной из тюрем Чанъани может родиться Сын Неба. Император отправил своих людей во все государственные тюрьмы, и всех пленников, вне зависимости от того, находились ли они в заключении за самые невинные или самые тяжкие преступления, казнили. Го Жан, начальник ведомства доходов, пришел этой ночью в тюрьму провинциального здания, но Бин Цзе закрыл ворота, и посланник не смог войти. Так Бин Цзе спас правнука императора, поскольку скоро объявили всеобщую амнистию, и тогда Бин Цзе передал правнука императора в дом его бабушки и госпожи Ши» («Цянь Хань игу», гл. 8, I.1).

Судьба сохранила маленького ребенка, которому в 73 году до н. э., после кончины преемника императора У-ди, суждено было взойти на престол. Из биографии Бин Цзе, помещенной в «Историю Ранней Хань», мы узнаем, что Го Жан пожаловался на поведение Бин Цзе, но император увидел в совершенном им поступке небесное знамение и объявил всеобщую амнистию. «Обитатели тюрьмы обязаны своими жизнями исключительно Бин Цзе» («Цянь Хань шу», гл. 74, I.8).

Нет ничего удивительного в том, что в период кровавых гонений и преследований столица была переполнена шпионами и полицией, которым специально поручили выслеживать «тайных колдунов». Официальная история отмечает: «В четвертом году Чжэнхэ (89 год до н. э.) император У-ди назначил начальников над мелкими чиновниками и судей, которым выдали предписания и закрепили за столичными ведомствами. Всего их было тысяча двести человек; они хватали людей, уличенных в у гу, и выискивали мятежников и бунтарей. Впоследствии эти должности отменили» («Цянь Хань шу», гл.19, I.13). Таким образом, гонения на *у гу*происходили, по всей видимости, довольно часто. Даже сын того самого Хань Юэ, который помогал Цзян Чуну и был убит сторонниками наследного принца, не избежал обвинения в колдовстве, а его клан едва избежал истребления. «Хань Юэ нашел *гу* во дворце наследного принца, и принц убил его. Его сын Син был признан виновным в *у гу* и казнен; император решил, что, поскольку его отец, военачальник Ю-цзи, погиб на императорской службе, за исключением виновного никого наказывать не следует» («Цянь Хань шу», гл. 33, 1.10). Так их род спасся от гибели.

Похожие и не менее ужасные придворные интриги происходили и при Поздней Хань. «Инь, супруга императора Хэ-ди, была возведена в ранг императрицы в восьмом году Юнъюань (96). Ее бабушка по материнской линии Дэн Чжу имела доступ в дворцовые покои. Летом четырнадцатого года трону доложили, что императрица вместе с Дэн Чжу занимаются колдовством *у гу*. Когда дело вышло наружу, император поручил своему придворному помощнику Чжан Чжэню и канцлеру Чэнь Бао подвергнуть их пыткам в дворцовой тюрьме и вынести им приговор. Показания Дэн Чжу, двух ее сыновей Фэна и И, а также трех младших братьев императрицы И, Фу и Чана сопоставили и обвинили их в том, что они совершали

жертвоприношения, сопровождая их заклинаниями и заговорами, а следовательно, виновны в государственной измене и ереси.

Фэн, И и Фу умерли в тюрьме под пытками, которыми у них выбивали признание. Императрицу перевезли во дворец Тун, где она умерла от горя; отец ее покончил с собой, а И и Чана, вместе со всей семьей Дэн Чжу сослали в Жинань, что в уезде Бицзин. А всех ее родственников и братьев, проживавших в столице и вне ее, сместили с должностей и отправили обратно в их деревни. Но в четвертом году периода Юнчу (110) вдовствующая императрица Дзн издала эдикт, по которому сосланным членам семьи Инь разрешалось вернуться на родину, а кроме того, им возмещалась собственность на сумму свыше пяти миллионов монет» («Хоу Хань шу», гл. 10,1,1.16).

При династии Хань[106] существовали специальные законы, по которым к смертной казни или нанесению увечий приговаривали каждого, кого находили несущим опасность спокойствию императора и правящего дома. Чжэн Кан-чэн, живший во втором столетии, в своем комментарии к пассажу из «Чжоу ли», который мы приводили выше, говорит, что по существовавшим в его время «законам против разбойников тех, кто осмеливался использовать *гу* против людей или побуждать к этому других, казнили и увечили на рынках» («Чжоу ли», изд. годов Цяньлун, гл. 37,1.35). Это преступление ставилось в один ряд с воровством и грабежами, ибо, как отмечает Юй Бао, живший в четвертом веке, *гу* являлось для творивших его источником богатства. «В области Жунъян (пров. Хэнань) жила семья по фамилии Аяо, члены которой на протяжении многих поколений занимались *гу* и накопили большие богатства. Потом один из членов семьи взял в дом невесту, не сказав ей ничего о том, чем занимается его семья. Однажды, когда все члены семьи отправились по делам и оставили женщину присмотреть за домом, взгляд ее упал на большую вазу, стоявшую в одной из комнат. Она подняла крышку и, увидев в вазе огромную змею, вскипятила воды и вылила ее в вазу, чтобы убить ее. Когда семья вернулась, она рассказала им, что сделала, чем ввергла их в глубокую печаль. Вскоре они все, до последнего человека, умерли от заразной болезни» («Соу шэнь цзи», гл. 12).

Таким образом, *гу* могут повернуться и против своих повелителей, если те навредят им или не будут должным образом оберегать их. Юй Бао также сообщает, что рептилии и насекомые в состоянии действовать и в обличий других животных, например, собак, что неудивительно, ибо, по представлениям китайцев, животные могут легко превращаться из одного в другое. «В Бояне (на севере нынешней Цзянси) некто Чжао Шоу держал у себя собак-*гу*. Однажды, когда Чэнь Чэнь позвал Шоу, шесть или семь огромных желтых собак бросились на него и стали громко лаять. А когда мой дядя со стороны отца, вернувшись домой, сел за стол с женой Чжао Шоу, он начал харкать кровью, и от смерти его спас только вовремя приготовленный отвар из искрошенных стеблей апельсинового дерева. *Гу* подразумевает действие потусторонних существ, или призраков, которые, меняя собственную форму, легко превращаются в самых разных существ, таких, как собаки, свиньи, насекомые, змеи, и их жертвы не в состоянии догадаться об их подлинном облике. Когда их направляют против людей, все, до кого они дотронутся, погибают» (Там же).

«У Цзян Ши, мужа сестры моей жены, работал один человек, который внезапно заболел и начал истекать кровью. Лекарь сказал, что его поразили *гу*, и тайком, ничего не сказав больному, насыпал под его спальную циновку корень жанхэ. Больной вскричал, словно помешанный: "Пожирающие меня *гу* перестают распространяться!" А потом еще: "Они мало-помалу исчезают!" Нынешние поколения часто используют корень жанхэ для борьбы с *гу*, и он постоянно помогает. Иногда жанхэ называют "лечебной травой"» (Там же). Возможно, именно он упомянут в «Чжоу ли».

Чэнь Цзан-ци, живший в восьмом веке, признанный авторитет в медицинских вопросах, сочинения которого мы неоднократно цитировали, также был знаком с таинствами колдовства *гу*. «Большой ошибкой древних было создание *гу*. Люди, желающие получить богатство, сваливали в один горшок всевозможных насекомых и рептилий, а по прошествии года открывали его, чтобы найти одну оставшуюся, пожравшую всех остальных. Эту-то они и называли *гу*. Она могла становиться невидимой, как призраки или духи, а когда она нападала на человека, тот умирал. Когда такая рептилия-призрак убивает человека, укусив его, она, как правило, выходит наружу через отверстия его тела; и, если ее выследить и поймать, а потом засушить на солнце, она становится источником зла» («Бэньцао ганму», гл. 42,1.31).

В весьма интересном сочинении о людях южных провинций и произошедших там в двенадцатом столетии событиях мы читаем: «В Гуанси есть два вида яда *гу*, один убивает людей быстро, а другой — медленно, быстрый умерщвляет за несколько мгновений, а медленный — за полгода. Если кто-то кого-то невзлюбил, то первый на людях относится к последнему с почтением, а втайне замышляет навредить ему (с помощью *гу*). В год гэнчэнь периода под девизом правления Цяньдао (1170–1172) к востоку от главного города Циньчжоу жил человек, продававший рисовую кашу и делавший яд *гу*. Об этом стало известно, и он признался в преступлении, сообщив, что, когда они делали яд дома, его жена, раздевшись донага и распустив волосы, совершала по ночам жертвоприношения; потом они варили горшок рисовой каши, к которому сбегались кузнечики, бабочки и сотни насекомых со всего дома, и то, что они оставляли позади себя или роняли, использовали в качестве яда. Если кто- либо хочет узнать, есть в каком-нибудь доме яд *гу* или нет, нужно только войти — если ни наверху, ни внизу нет пыли, это как раз и есть такой дом. Когда бы жители Литуна и Цитуна не выставляли вино для встречи гостей, хозяин всегда пробует его первым, чтобы показать гостям, что им нечего опасаться» («Лин вай дай да», гл. 10).

Еще один автор, живший при династии Сун, писал: «Существует несколько разновидностей яда *гу*, упоминаемого в канонических книгах. Горные жители Гуандуна и Гуанси делают его из разных насекомых и змей, которых они бросают в один горшок или чашу и там твари пожирают друг друга, пока в живых не остается одна, которую они и называют *гу*. Яд этой твари они кладут в еду или вино, и так вредят людям. Когда яд попадает в человека, в животе и сердце у него начинаются острые боли, и возникает ощущение, словно какой-то зверь поедает его изнутри; он изрыгает рвоту и кровавую жидкость, напоминающую тухлое мясо, и, если человека не начать лечить немедленно, все пять его внутренних органов будут пожраны, и он умрет. Есть медленные и быстрые болезни подобного рода; быстрые протекают в острой форме и приводят к смерти в течение десяти дней; медленные могут тянуться целый год, в течение которого яд циркулирует по всему животу больного. Дыхание останавливается, силы убывают, кости становятся тяжелыми, а суставы — неподвижными, и как только болезнь проявит себя, сердце и живот начинают бешено колотиться, а вся пища, которую принимает больной, превращается в *гу*, который, медленно разъедая его главные жизненные органы и внутренности, приводит к смерти. А когда больной умирает, зараза передается окружающим, становясь источником *гу*. Способ выявить присутствие *гу* — заставить человека поплевать в воду, если слюна погружается в воду, значит, человек поражен *гу*, а если не погружается, значит, он не поражен. Также можно взять в рот большую горошину: если горошина набухает, а кожица сморщивается, значит, человек стал жертвой *гу*; если же горошина не размягчается и не сбрасывает кожуру, значит, влияния *гу* нет. Еще один способ — положить под спальное место больного шкуру птицы *гао*, не говоря ему об этом; если болезнь усиливается, значит — это *гу*, если же не усиливается, значит, *гу* здесь ни при чем» («Цзи шэн фан», разд. «Лунь чжи»).

Авторы минской эпохи во многом повторяют суждения о *гу* своих предшественников; по-видимому, в их времена колдовство и черная магия проистекали в основном в тех же формах, что и в более ранние периоды. Впрочем, некоторые новые детали добавляет Лоу Ин: «В горных

областях Гуандуна и Гуанси люди бросают в один сосуд змей, сороконожек, многоножек, лягушек — одним словом, всевозможных рептилий и насекомых, с тем чтобы они пожирали друг друга; та, которая одолеет остальных, обладает, как они полагают, духовной силой, и они подносят ей жертвы. Яд ее они кладут в овощи, фрукты и другую пищу и питье, а затем вредят другим людям, опрометчиво рассчитывая стать богатыми и почитаемыми. Если человек падает жертвой этого колдовства, симптомы проявляются в десяти тысячах форм, и случается так, что в течение одного года многие люди гибнут от него. Есть семьи, воскуряющие ладан и подносящие жертвы (яду) точно так же, как и своим предкам. Это тоже называют *гу*. Вызываемую ядом болезнь люди называют "болезнью *гу*", она может быть разной, в зависимости от фамилии семьи или от пяти нот гаммы, так что упоминают пять разновидностей *гу*. Все подобные вещи происходят в диких и порочных пограничных землях; в столице я редко слышал о таком» («И сюэ ган му», разд. «Лунь дэн чжи»).

Ли Ши-чжэнь говорит: «В южных землях есть *гу* ящериц, жуков сверчков, золотых гусениц, растений, а также *гу*, "высасывающие жизнь", и другие яды; в каждой области существует столько средств против них, что перечислить их всех невозможно. "Цун Хуа" Цай Цао говорит, золотые гусеницы поначалу обитали в области Шу (Сычуань) и только недавно появились в Хугуане (Хубэй и Хунань), Фуцзяни, Гуандуне и Гуанси к постепенно расселились там» («Бэнь цао ган му», гл. 42,1.31).

Приведем также еще одно свидетельство, касающееся района Гуанчжоу: «Люди племени Тун выращивают яд следующим способом: в пятый день пятой луны (теоретически — самое жаркое время года) они собирают всевозможных рептилий и насекомых, но не больших, чем змеи, и не меньших, чем вши, и помещают их в сосуд, чтобы они пожирали друг друга последнюю тварь, оставшуюся живой, они сохраняют и выпускают на людей, чтобы она убивала их. Если выживет змея, они называют ее змеей-*гу* если выживет вошь, они называют ее вошью-*гу*; она пожирает внутренности своих жертв, и все они погибают. У них есть также "летучие яды", один они зовут "высасывающим жизнь", а другой — "золотой гусеницей"; это призраки, отравляющие людей. Те, кто используют их, вскоре разбогатеют. "Летучий яд" этих призраков попадает в пищу и питье, когда еда попадает в желудок, призрак оживает внутри человека и раздувает жертву, пока она не лопается и не умирает. Такой яд называют также "перерезающим кишки", и, если начиненная ядом растительная пища попадает в рот, смерть наступает незамедлительно. Поэтому, когда богатые люди, занимающиеся такими делами, ведут себя расточительно, против них действительно необходимо принимать суровые меры, и везде, где данное преступление процветает и повсеместно практикуется, хорошим губернаторам и управляющим надлежит нещадно бороться с ним».

Животные либо животные-призраки, натравленные колдунами на несчастных жертв, отнюдь не всегда нападают на них тайно и исподтишка. «Когда ученый Чжу И-жэнь служил в Циньюань, что в провинции Гуанси, начальник уезда Чэнь Си-фан взял его к себе личным секретарем. В самое жаркое время года начальник уезда пригласил на пирушку своих сослуживцев и друзей. Рассевшись за столом, они все сняли свои шапки и увидели, что на макушке у Чжу сидит большая жаба. Жабу сбросили, но, только коснувшись земли, она исчезла. Они пили вино до полуночи, а потом жаба опять взобралась на макушку Чжу, да так, что он не заметил ее; как и прежде, жабу сбросили, она упала на стол, лакомства, орехи — все разлетелось на мелкие кусочки, а жаба опять пропала. Вернувшись к себе, Чжу почувствовал сильную головную боль. Наутро все волосы у него на макушке выпали, кожа покраснела и появилась опухоль, похожая на шишку; внезапно она лопнула, и из нее высунулась жаба — двумя передними лапками она упиралась в голову, а две задние оставались под кожей. Ее протыкали иголкой, но она не умирала, ее попытались вытащить, но это доставляло Чжу такие неимоверные страдания, что лекари готовы были уже опустить руки. Нашелся старый привратник, который сказал: "Здесь явно замешаны *гу*; тварь должна умереть, если вы проткнете ее золотой шпилькой для волос". Лекари попробовали, и действительно получилось.

Жабу извлекли из головы, и страдания Чжу прекратились, однако в его черепе осталась вмятина, похожая на чашу» («Цзы бу юй», гл. 19).

Очевидно, нет ничего удивительного в том, что китайцы выбирают в качестве ядовитого орудия зла, поражающего внутренние органы человека, в первую очередь змей, гусениц и подобных им тварей; действительно, разнообразных червей и глистов, живущих в человеческом теле и разрушающих его, по невежеству легко отождествить с похожими на них ядовитыми паразитами, обитающими во внешней среде. Это объясняет, почему гусениц, живущих в земле, на листьях и в стволах деревьев, а также личинок, уничтожающих продукты, часто обозначают иероглифом *гу*. Мы помним, как циньский лекарь заявил, что пожирающих злаки насекомых называют *гу*. А в «Шу и цзи» мы читаем, что «к концу царствования династии Цзинь в Цзинчжоу непрерывно лили дожди, и рисовые поля превратились в *гу* и наносили вред людям». Наконец, напомним читателю, что змеи как раз отличаются от всех прочих демонов тем, что убивают человека, пожирая его внутренности.

Как внимательный читатель мог заметить, письменные источники, как правило, указывают на южные области Китая как на районы «взращивания *гу*». Что же это за «золотые гусеницы», о которых Ли Ши-чжэнь говорит языком, не оставляющим сомнений, что в его время эти насекомые играли существенную роль в данном виде колдовства?

Увы, но свидетельства, доступные нам, ни в коей степени не удовлетворяют нашего любопытства. Все наши усилия добыть в Китае хотя бы один их экземпляр оказались безуспешными, наши знакомые как мужчины, так и женщины, в один голос уверяли, что это невозможно. Наверное, они воспринимали нашу просьбу как проявление подозрения, что они занимаются колдовством. В итоге мы вынуждены были довольствоваться информацией скудной, но подтверждаемой практически всеми, что «золотая гусеница» — это очень ядовитая маленькая змея, либо червь, либо личинка ярко-желтого цвета, возможно, люминесцирующая либо фосфоресцирующая.

Это существо упоминается одним автором еще в восьмом веке: «Чэнь Цан-ци говорит, что пепел от сожженного старого цветного шелка является средством, спасающим от яда рептилий и насекомых, поедающих шелк. Комментатор добавляет, что насекомые эти свернуты наподобие кольца и поедают красный шелк и цветной шелк точно так же, как гусеницы поедают листья; поэтому сегодня мы можем назвать этих насекомых "золотыми гусеницами"» («Бэнь-цао ганму», гл. 42,1.31). Так писал Ли Ши-чжэнь в своем знаменитом каноническом сочинении по медицине.

Автор сунской эпохи утверждает: «Золотая гусеница — это гусеница золотого цвета, которая кормится шелком из Шу (Сычуань). Ее экскременты, положенные в еду или питье, приводят к смерти каждого, кто попробует их. Она может привлекать к человеку состояния своих жертв и тем самым сделать его богатым. Очень трудно избавиться от нее, ибо ни вода, ни огонь, ни оружие, ни мечи не причиняют ей никакого вреда. Обычно хозяин кладет ее в корзину вместе с золотом или серебром и выбрасывает корзину на улицу, где кто-нибудь подбирает ее и несет домой. В таком случае о хозяине говорят, что он выдал свою золотую гусеницу замуж» («Гуа и чжи»).

Главная цель, преследуемая «хранителями» таких тварей — присвоение состояния жертв; подобное, как мы помним, имело место при дворе династии Суй, когда и вельможи, и дамы занимались колдовством, используя для своих неблаговидных целей котов. Об этом же повествует и следующая история, относящаяся к эпохе Сун, к тому же добавляющая к картине некоторые новые детали. «Цзоу Лан, цзиньши из Чичжоу (пров. Аньхуэй) был беден, но соблюдал нормы благопристойности. Решив в один из дней отправиться в небольшой городок по соседству, он открыл ранним холодным утром дверь и увидел маленькую бамбуковую корзинку, стоявшую за воротами. Она не была ни запечатана, ни закрыта, и потому он открыл ее — в ней лежало несколько десятков серебряных винных кубков, весом около ста лян. На улице стояла полная тишина, никто не мог ни последовать за ним, ни схватить его, и он отнес

корзинку домой, сказав жене: "Эти вещи сюда принес не человек; быть может, они дар, ниспосланный нам Небом?" Не успел он произнести эти слова, как почувствовал, что по его левой ноге ползет какое-то насекомое, и заметил, что оно блестит, словно золото. Это была гусеница. Он отодрал ее и выбросил, но не успела его рука вернуться в прежнее положение, как гусеница была на прежнем месте. Он наступил на нее ногой, и хотя она сплющилась до ничтожно малой величины, вновь появилась на его груди и животе. Он бросал ее в воду, жег огнем, резал ножом и рубил топором, но ей ничего не делалось — она была повсюду: на циновках и одеялах кровати, в его еде и питье.

Лан был вне себя от гнева и решил посоветоваться со своим другом, знающим человеком. "Сын мой, — сказал он. — Тебя продали. Эта тварь называется золотой гусеницей, значит, и в нашу деревню пришло это зло! Даже будучи маленькой, она может принести беду, когда же она вырастает, она проникает в живот и гложет внутренности и желудок". Услышав его слова, Лан так испугался, что рассказал, как подобрал корзинку. "Я все знаю, — ответил друг. — Если ты будешь использовать гусеницу, станешь невероятно богат; каждый день она пожирает четыре цуня шелка из Шу, если ты соберешь за ней помет, высушишь его и измельчишь, то небольшое количество порошка, положенного в еду или питье, убьет того, кто съест это; тогда гусеница сможет взять то, что пожелает, и, чтобы отблагодарить тебя, будет каждый день носить тебе то, чем прежде владели ее жертвы". Но Лан улыбнулся: "Неужели вы думаете, что я пойду на такое?" — "Я знаю, что ты не пойдешь, — сказал его друг, — но что остается делать?" — "Я положу ее в корзинку вместе с теми вещами, что в ней лежали, и выброшу; тогда она не сможет никому причинить вреда", — заявил Лан. На что его друг возразил: "Если кто-то держал у себя насекомое и благодаря ему разбогател, он должен, чтобы избавиться от него, добавить к первоначально найденным еще столько же в качестве процента; тогда говорят, что он отдал замуж свою золотую гусеницу, и насекомое уходит; но, если человек выбросит ее с тем же самым, с чем и нашел, он никогда не сможет избавиться от нее. А поскольку ты беден, как ты сможешь добавить еще столько же? Поистине, я искренне сочувствую тебе".

Выслушав друга, Лан поднял глаза к небу. Горько вздохнув, он сказал: "Всю свою жизнь я культивировал чистоту и незапятнанность поведения, ни разу, я клянусь, ни разу я не утратил чистоты, и вот теперь со мной произошло такое несчастье". Он вернулся домой и сказал своей жене: "Я должен использовать ее, иного способа избавиться от нее нет, но я не могу этого сделать, и потому смерть — единственный выход для меня. Да простится мне это в будущей жизни!" И он схватил насекомое, засунул его себе в рот и проглотил. Вся семья прибежала на помощь, но было слишком поздно. Жена и дети плакали горше всех, причитая, что теперь он точно умрет, но прошло несколько дней, и ничего плохого не случилось. Он ел и пил, как обычно, и месяц спустя также ничего не произошло. Он дожил до глубокой старости»[107]. Наши знания о естественной истории «золотой гусеницы» немного обогащает автор, уверяющий, что насекомое это можно найти и в драгоценных камнях. «Житель Даньяна, доставая каменную стелу с надписями из груды камней, нашел хрусталь круглой формы. Он отшлифовал его и отполировал и обнаружил, что камень состоит из двух слоев, один над другим. Обточив его до размеров кулака, он разбил камень, и из него вылезло, извиваясь, насекомое, похожее на гусеницу. Поскольку никто не смог сказать, что же это такое, он выбросил насекомое; но потом кто-то сообщил ему, что для алчного и жадного человека не может быть ничего лучше, чем достать из камня золотую гусеницу и вскормить ее, и тогда на него посыплются драгоценности»[108]. Вот и все письменные свидетельства о «золотых гусеницах», которыми мы располагаем. Понятно, что предоставляемые ими сведения далеки от желаемых. Поэтому, думаем, не будет слишком самонадеянным присовокупить к ним некоторые данные об этих созданиях, почерпнутые автором из личного общения с людьми, преимущественно женщинами, Амоя и близлежащих районов.

Золотая гусеница — это поистине мастер на все руки. Она может прясть, шить и ткать, пахать, сеять и жать — одним словом, существо это прикладывается ко всему и все исполняет с завидной долей умения и сноровки. Если она есть в доме, женщине достаточно лишь вставить в ткацкий станок несколько нитей основы, и уже наутро великолепная ткань будет готова. Если ее хозяин — крестьянин, то ему стоит лишь один-два раза копнуть землю лопатой, как в мгновение ока поле будет вспахано, засеяно и проборонено. Вот почему мужчина или женщина, у которых есть в подчинении такая гусеница, вскоре богатеют. Но хозяин обязан должным образом кормить насекомое, а кроме того, бранить и поносить его, чтобы оно не заленилось, не стало дерзким и нахальным, а под конец и непокорным. Если же переложить все это на привычный нам язык, то можно сказать, что для того, чтобы принудить насекомое к безусловному подчинению, его надлежит запугивать посредством заклинаний, чар и прочих колдовских практик.

Подобные взгляды разделяет необразованное население, для которого нет ничего невозможного. Китайцы верят также, что насекомому время от времени требуется новая жертва, и тогда хозяин позволяет ему напасть на человека. Насекомое постепенно пожирает несчастного, не оставляя от него ничего, кроме кожи и костей, и тогда мир полнится слухами, что человек превратился в голый скелет. Женщины любят рассказывать о том, как хозяин золотой гусеницы под каким-нибудь предлогом заманивает жертву к себе в дом ив ту комнату, где находится насекомое, и там гусеница нападает на свою жертву; так таинственным образом исчезло множество детей и взрослых — не слишком удивительное событие для страны, где торговля рабынями процветает до сих пор.

Но, как и все преступления, убийства эти караются августейшим Небом, если душа жертвы доложит о злодее перед небесным троном. И тогда у взращивающих *гу* или золотых гусениц не будет мужского потомства, а если в семье уже есть мальчики, они умрут. Это страшнейшее из всех возможных небесных наказаний может быть усилено ударом молнии из ясного, безоблачного неба, которая уничтожит грешника, его семью и дом вместе с небесной гусеницей или горшком с гадами. Люди уверены, что страх возмездия со стороны высочайшей силы вселенной в конце концов берет верх над алчностью даже самого жадного и ненасытного из колдунов, и тогда он стремится любым способом освободиться от гусеницы. Мы помним, что сделать это он может, выбросив ее на улицу, предварительно прикрыв сверху какими-нибудь ценными вещами, при виде которых другой человек не удержится и возьмет ее к себе в дом. Многие держат гусениц в «невидимом состоянии»: действительно, «дух» ее может поселиться в курильнице для ладана, наполненной пеплом от палочек, которые хозяин время от времени зажигает, поднося жертвы. Если на улице, где-нибудь в укромном местечке, в поле, между валунами либо в каком-либо еще не часто посещаемом месте валяется брошенная курильница, китайцы с готовностью заключают, что ее положили туда колдун или колдунья, желающие избавиться от гусеницы.

На юго-востоке Фуцзяни найдется немного призраков, которые были бы так хорошо известны людям и в которых они так искренне бы верили, как золотые гусеницы. В Амое и его окрестностях их называют *цзим цин*; о них слышали и молодые, и старики, и в тех местах трудно отыскать женщину, которая не пребывала бы в убеждении, что весь мир, за исключением ее самой да разве что еще нескольких человек, может колдовать с их помощью, если это помогает добиваться поставленной цели. Поэтому не стоит лишний раз останавливаться в редко посещаемом придорожном кабачке — это может быть опасно. Если же все-таки нелегкая занесет туда человека, благоразумие и предосторожность требуют, чтобы он сперва размазал по стене немного глины, приставшей к обуви — если глина исчезнет, значит, в этой гостинице есть золотая гусеница. Существо это просто помешано на чистоте: оно сразу же убирает любую грязь, какую только видит, и тем самым выдает себя. Данным обстоятельством объясняют тот факт, что стены во многих кабачках вымазаны грязью до такой

степени, что мало чем отличаются от пола, хотя, на наш скромный взгляд, речь здесь скорее может идти о нечистоплотности самих людей.

В Уголовном кодексе упоминается один приговор, вынесенный троном по делу 1792 года против «жителя уезда Юнфу (пров. Гуанси) по имени Сюй Цзянь-фан, который, наслушавшись подстрекательств некоего Чэнь Тин-чжана, лживо обвинил Ляо Чжун-сяна в том, что тот якобы побуждал Ло Фа-цюаня и других выпустить *гу* на его мать, госпожу Сюй, урожденную Лю, отчего несчастная в конце концов повесилась». В кодексе колдовству посвящены две специальные статьи, из чего можно сделать вывод, что китайские власти и по сей день являются не меньшими рабами суеверий и убеждены в реальности призраков и несчастливых последствий колдовства не менее своих невежественных подданных. Как и законы ханьской династии, нынешний кодекс предусматривает самые жестокие наказания для тех, кто осмелится выращивать семена зла и держать их у себя в доме. «Любой, кто (добывает или) делает, (прячет или) держит у себя яд *гу*, который можно использовать для того, чтобы убивать людей, а также тот, кто учит других или советует им, как это делать, подлежит обезглавливанию (даже если он еще не успел никого погубить). Имущество того, кто создает или выращивает яд, подлежит передаче властям; его жена, дети и все домочадцы, вне зависимости от того, знали они о происходящем или нет, подлежат пожизненной ссылке на расстоянии двух тысяч ли от своих мест и должны остаться там навсегда[109]. Если от яда *гу* умер человек, живший в том же доме, родители и жена умершего, его наложницы, сыновья и внуки не подлежат ссылке, если они ничего не знали о приготовлении *гу* (те же, кто знал, должны быть сосланы, даже если сами стали жертвами колдовства).

Если староста деревни знал о преступлении и не доложил властям, он приговаривается к ста ударам палкой; если же он не знал, то не приговаривается. Тому, кто доложит властям о преступнике и арестует его, полагается двадцать лянов серебра» (гл. 26,1.80, статья «Об убийстве человека посредством взращивания *гу* и создания яда *гу*»).

Законы эти, видимо, имеют весьма древнее происхождение, поскольку в минском кодексе они присутствуют практически в том же самом виде, за исключением слов, взятых нами в скобки. Законы династии Юань осуждают «взращивающих *гу*» в таких, не допускающих иного толкования, терминах: «Все, кто создает яд *гу* и посредством их убивает людей, подлежат смерти» («Юань ши», гл. 104, I.7)[110]. Отметим, что в нынешнем кодексе, как и в кодексе законов минской династии, статьи о *гу* помещены непосредственно перед теми статьями, в которых говорится о смертной казни через обезглавливание для виновных в отравлении людей овощами и другими минеральными веществами; из чего можно сделать вывод, что законодатели и минской, и цинской династий считали *гу* наиболее типичным и распространенным видом отравления.

Среди примечаний к той же самой статье кодекса, целью которых является наставление чиновников в том, как следует осуществлять правосудие, мы находим одно, также проливающее свет на интересующий нас вопрос. «В изученных нами сочинениях упоминаются самые разнообразные виды яда *гу*, но, как правило, у готовящих яд есть *гу* змей, *гу* гусей, *гу* детей, *гу* золотых гусениц и прочие. Если человек отравлен ядом *гу*, он непременно умрет в течение определенного времени, но это может произойти и спустя годы. Наиболее опасен в сравнении с остальными *гу* золотых гусениц; он неизбежно убивает того, в кого попал. Он встречается в Фуцзяни, Гуандуне и Гуанси, Сычуани и Гуйчжоу».

Под «*гу* детей», скорее всего, понимается разновидность колдовства, о которой мы будем говорить в следующей главе. О «*гу* гусей» нам ничего не известно, нам не встретилось ни одного упоминания о нем в литературе, не слышали мы ни разу о подобном и из уст людей. Можно попробовать предположить, что раз гуси кормятся рептилиями и насекомыми, а они поедают и змей, и червяков, и гусениц, то заклинания и прочие практики побуждают и их души отравлять врагов колдуна или каким-либо иным образом причинять страдания людям и убивать их?

Средства от гу

Ужас, который на протяжении многих столетий колдовство *гу* вселяло в сердца китайцев, заставлял их прилагать неимоверные усилия для изобретения снадобий и лекарств, которые бы уничтожали последствия его деятельности в организме человека. Все известные представители китайской медицины заявляют, что последствия эти — точно такие же, как после попадания в организм простого «яда» (*ду*), против которого могут быть использованы любые противоядия. Мы вряд ли сумеем обозреть Здесь весь огромный список противоядий, коими располагает китайская медицина; обратим внимание лишь на те лекарственные средства, которые применяются специально против яда *гу*.

Раз *гу,* или *у гу*, насчитывают весьма долгую историю, китайские знатоки медицины уже с далеких времен уделяли пристальное внимание искусству излечения от них. Так, в приписываемом Гэ Хуну сочинении мы читаем: «У больного, пораженного *гу*, начинаются режущие боли в сердце и животе, словно какое-то существо пожирает их; иногда у него случаются кровотечения через рот или задний проход. Если не применить немедленно лекарственные средства, то существо сожрет внутренности человека, что повлечет смерть. Чтобы узнать, *гу* это или нет, надо, чтобы больной плюнул в воду; если слюна утонет, это *гу*, если останется на поверхности, значит, это не *гу*.

А вот способ узнать имя хозяина яда *гу*: нужно взять кожу барабана, сжечь ее маленькими кусочками, растереть золу и дать ее выпить больному вместе с водой; тогда он назовет имя хозяина; затем следует немедленно позвать хозяина, чтобы он убрал *гу*, и тогда больной тотчас же поправится.

Еще можно без ведома больного положить под его спальное место листья *жанхэ*; в таком случае больной тоже сам назовет имя хозяина *гу*» («Чжоу хоу бэй цзи фан», цз. 7).

Кроме того, Гэ Хун перечисляет также и несколько наиболее известных противоядий, которые могут помочь жертвам *гу* и прочих ядов. А его волшебный метод раскрытия имени злодея практически слово в слово повторяет и Сунь Сы-мо. Далее этот автор добавляет: «Есть люди, которые смешивают составляющие *гу* с желчью змеи, а затем подкладывают их в пищу и питье другим людям, отчего у тех начинает болеть живот; в таком случае человек умирает после нескольких лет. Для каждого особого случая существуют свои лекарства. Этот метод практикуют горные жители Цзяннани; сомневаться в этом просто невозможно» («Бэй цзи цянь цзинь яо фан», гл. 74).

После заявления, что человека можно отравить тысячей разных способов, наш маститый лекарь продолжает: «Вот почему каждый, покидающий свой дом, должен иметь при себе "сюн хуан"[111], мускус и "живую киноварь", ибо они — главное средство для отвращения зла; ни сотни видов *гу*, ни кошки-призраки, ни лисицы-демоны или духи старых людей и зверей не осмелятся тогда подойти к ним. Людям, беспокоящимся о своей жизни, следует всегда помнить об этом» (Там же).

Среди разнообразных рецептов этого мудрого лекаря есть два, привлекающие внимание: это сороконожки и различные *мэй*, т. е. кусочки пятнистых либо полосатых представителей кошачьих. Животные эти и по сей день считаются разрушителями яда и *гу*.

Что касается сороконожки (у-гун, или цзи-цзюй), то она занимает такое положение в силу давнего поверья в то, что она — враг змей. Отчасти для этого, наверное, есть основания, особенно если учесть, что змеи могут быть маленькими, а китайские сороконожки — особенно на юге — большими, ибо мне самому приходилось видеть экземпляры длиной до двух футов. В воображении китайцев существуют и сказочные многоножки огромных размеров. Впрочем, источником подобных поверий в способности сороконожки уничтожать змей вполне могут оказаться и строки из сочинения Лю Аня: «Луна освещает всю Поднебесную, и, тем не менее, ее заслоняет жаба; змее, восходящей на небо и продирающейся сквозь туманы, точно так же угрожает *цзи-цзюй*» («Хун ле чжай», гл. 17). Возможно, во времена Лю Аня под *цзи-*

цзюй подразумевали какое-либо иное животное, но потомки приняли как должное, что речь идет именно о сороконожке.

Из слов Гэ Хуна вытекает, что в его время вера в убийственные для змей способности сороконожек сделала последних своеобразным защитным амулетом.

«Кроме того, когда южане идут в горы, они берут бамбуковую трубку и сажают в нее живую сколопендру. Сколопендры всегда знают о местах, где есть змеи, и поэтому, когда сколопендра в трубке начинает шевелиться и пытаться вылезти, можно быть уверенным, что в этом месте в траве скрывается змея. Даже когда сколопендра видит крупную змею, длиной больше сажени, если змея развернется во всю свою длину, то все равно она начинает смотреть на нее и даже может, используя свою пневму, заколдовать змею, которая от этого сразу же сдыхает. Если же змея видит сколопендру на берегу канавы, то, если это большая змея, пытается скрыться, нырнув поглубже в поток, текущий в долине. Но сколопендра тогда пускает свое заклятие по поверхности воды, и можно видеть, как нечто темно-синего цвета плывет по воде к тому месту, где скрылась змея, и вскоре змея всплывает на поверхность и подыхает. Поэтому южане натирают сколопендрой язву на месте змеиного укуса, чтобы исцелить пострадавшего» («Баопу-цзы», гл. 17)[112].

Хорошо иллюстрирует эти же поверья и следующий фрагмент из сочинения, датируемого одиннадцатым столетием. «Брат моего деда видел как-то в поле, как сороконожка с быстрой скоростью преследовала большую змею. Змея переползла ручей, но сороконожка не отставала, и тогда змея, понимая, что уступает в силе и не сможет спастись, развернулась и, широко раскрыв челюсти, стала ждать своего преследователя. В мгновение ока сороконожка влетела ей в пасть, и змея тут же издохла. Сороконожка прогрызла змее живот и вылезла сбоку. Они разрезали змею, осмотрели ее и обнаружили, что у нее нет кишок»[113]. Сороконожка как злейший враг *гу* фигурирует уже в текстах четвертого и пятого веков, по крайней мере, если история из собрания Тао Цяня не является более поздней интерполяцией. «Тань-ю шел путем спасения и жил чистой, аскетической жизнью. В уезде Янь жила семья, которая использовала *гу*, так что все, кто пробовал их пищу и питье, начинали харкать кровью и умирали. Тань-ю посетил их, и хозяин дома поставил перед ним еду. Но Тань-ю прибег к своим обычным заклинаниям и молитвам и — пара сороконожек более чем в чи длиной каждая выпрыгнули из тарелки и убежали прочь. Тань-ю наелся досыта и отправился домой; с ним ничего не случилось» («Соу шэнь цзи», гл. 2).

Сушеные сороконожки часто продаются в аптекарских лавках в качестве фармацевтического средства. Части сороконожек перетирают в порошок, перемешивают с другими лекарственными препаратами, разводят в воде и пьют; иногда перед тем, как растереть, сороконожек жарят. Ноги их считаются бесполезными, и потому выбрасываются. Если после попадания яда в организм на теле появляются волдыри и язвы, рекомендуется добавлять порошок в свиное сало и намазывать пораженные места; практикуется и умывание водой или маслом, в котором в течение нескольких дней держали сороконожку.

Как можно предположить, ингредиенты, получаемые из других животных, убивающих и поедающих змей, также ценятся как действенные лекарства против *гу*. Таков, например, мускус, ибо, как утверждает Гэ Хун, «"мускусный олень" (кабарга), а также дикий кабан поедают змей» («Бао-пу цзы», гл. 17). Мускус используется во многих противоядиях, а кроме того, особо рекомендуется в качестве одной из составляющих разнообразных амулетов и лекарств для борьбы со многими демоническими болезнями. Кошки тоже охотятся на змей, жаб и лягушек, и потому нет ничего удивительного в том, что Сунь Сы-мо советует принимать в качестве средства против *гу* маленькие кусочки мяса пятнистых либо полосатых кошек. У фармакологов имеется целый ряд рецептов, в которых в качестве одной из важнейших составляющих входит все, что только можно получить из кошек. В «Вэй шэн и цзянь фан», «Легкие и простые рецепты для охранения жизни», говорится: «В качестве защиты от яда *гу* с раннего возраста можно есть кошачье мясо; тогда *гу* не причинит никакого вреда»[114]. А Ли

Ши-чжэнь, ссылаясь на слова Ху Юна, вопрошает: «Должны ли мы считать *гу* варварскую практику использования котов-призраков, о которой говорится в "Истории Суй"?» По-видимому, известный врач подозревал здесь применение метода *similia similibus*. Далее он пишет: «Черепная кошачья кость лечит демоническое сумасшествие, яд *гу* и боли в сердце и животе» («Бэнь-цао ганму», гл. 51,I, I.53).

Рептилии и насекомые, применяемые в колдовской практике *гу*, пожирают друг друга; очевидно, что они точно так же могут уничтожить и яд гу. Чэнь Цзан-ци говорит: «Все рептилии и насекомые, используемые для изготовления *гу*, являются одновременно и средством против *гу*; поэтому, если мы достоверно знаем, какой именно *гу* действует, мы сумеем избавиться от его последствий. Против *гу* змей используется *гу*сороконожек, против *гу* лягушек — *гу* змей и так далее. Разнообразные *гу*, подавляющие друг друга, также способны излечивать» («Бэнь цао ган му», гл. 42,1.31). Как ни преминет заметить внимательный читатель, теория невероятно проста; проблема только в том, что узнать, какой именно из ядов *гу* действует в каждом конкретном случае, весьма нелегко. Китайские знатоки медицины не уточняют, как именно надлежит это делать.

Вера в справедливость небесного гнева, время от времени поражающего колдунов и их *гу* ударами молнии, вызвала к жизни и убеждение, что от *гу* излечивает и порошок «громовых камней и валунов». Чэнь Цзан-ци уверяет, что камни эти можно найти в Лэйчжоу, «Области грома», на самом южном полуострове провинции Гуандун, что напротив острова Хайнань, а также в некоторых долинах Хэдуна (совр. Шаньси), где они залегают на глубине трех футов в тех местах, где в землю ударяла молния. Они могут быть различной формы, но чаще всего похожи на топоры или ножи, причем в последнем случае в них имеется два отверстия. Как правило, они бывают черного цвета, иногда с синими прожилками. Некоторые полагают, что они — творение человеческих рук. Как утверждает ряд авторов, есть и «громовые молотки», весом в несколько фунтов, «громовое шило» и «громовой топор», с помощью которых бог грома якобы разбивает и расщепляет вещи; встречаются и «громовые кольца», утерянные богом, а также «громовые жемчужины», выпавшие из пасти дракона, которые ночью могут осветить весь дом, и т. д. («Бэнь-цао ганму», гл.10,1.44). Скорее всего, все эти предметы относятся к каменному веку.

Хорошее средство от *гу* — сок, выжатый из лука и смешанный с вином, оно позволит больному изрыгнуть из себя змееподобное существо. Змею можно также изгнать с помощью магических заклинаний, способных насторожить и запугать ее; таких за долгую китайскую историю, начиная еще с чжоуской династии, придумано великое множество. Проверенный способ защиты от *гу*, к которому часто и умело прибегают жители Фуцзяни, Гуандуна и Гуанси, вынужденные останавливаться на ночь в придорожных гостиницах, — это хлопнуть хозяина по спине или плечу и спросить прямо, есть *гу* в его доме или нет; если сделать так, *гу* не начнет действовать, поскольку принято считать, что если уж человек знает о *гу*, то ему известны и способы, как ему противостоять.

Мы уже говорили, что выяснить, действует ли на больного *гу*, можно, заставив его плюнуть в воду, положить в рот горошину или тайком оставив под его кроватью яйцо. Жертв *гу* можно распознать по ослепительному блеску на голове, от которого, если к нему прикоснуться, разлетаются искры. Диагноз себе может поставить и сам больной, если в постели его тайком спрятать корни или листья растения жанхэ, похожего на имбирь; тогда он назовет имя колдуна, которого можно попросить или заставить прекратить свою гнусную работу. Предполагают, что жанхэ как раз и есть то самое «действенное растение», которое использовали в борьбе с *гу* чиновники чжоуской династии.

Хотя колдовство посредством «золотых гусениц» принципиально не выделяется среди все прочих *гу*, для избежания его предлагаются особые превентивные средства. Одно из них — высушенная шкура дикобраза, которых, как меня уверяли китайцы, именно для этого и держат во многих домах. «Начальник уезда Юйлинь рассказывал, что в уезде Фуцин (пров. Фуцзянь)

он стал свидетелем случая отравления золотой гусеницей. Уездному чиновнику никак не удавалось собрать доказательства преступления, пока кто-то не посоветовал ему пустить в дом подозреваемых пару дикобразов; якобы тогда золотую гусеницу удастся поймать, ибо она страшно боится дикобразов. Когда дикобразов пустили в дом, золотая гусеница не пошевелилась; однако, хотя она спряталась в трещине стены под кроватью, дикобразы вытащили ее оттуда»[115]. Чэнь Ши-дэ, по прозвищу Юань-гун, составил в конце семнадцатого века сочинение по искусству врачевания в шести главах, в котором нашла отражение мудрость самых древних знатоков медицины; в нем он пишет: «Возьмите "громовые пилюли" общим весом в три цяня, перетрите их в порошок и смешайте его с небольшим количеством белого глинозема; затем, когда появится золотая гусеница, бросьте на нее немного порошка, и она немедленно превратится в красную жидкость, похожую на кровь. Когда июнь дао (дао призрака) разгневается и вот-вот принесет беду, тут же, как только заслышите его звук, бросьте немного порошка, глядя при этом туда, откуда донесся шум; и тогда шэнь дао разразится проклятиями, призрак потихоньку уйдет и более никогда не вернется. Когда человек получает насекомое, он сразу же начинает богатеть; она является из воздуха, и человек чувствует необычайную радость; он тут же подносит жертвы золотой гусенице на подносе либо на ящике шкафа, поклоняется ей и молится днями напролет, однако со временем лицо его приобретает тот же желтый оттенок, что и у золотой гусеницы; он принимает лекарства, но все бесполезно; потом у него раздувает живот, как при водянке. Подобные вещи часто происходят в Шу (пров. Сычуань). Тот, у кого появляется золотая гусеница, как правило, не живет более пяти лет, и даже после его смерти гусеница не покидает его дом, а переходит к его детям и внукам, иногда уничтожая так целые семьи» («Ши ши ми лу»).

В определенной степени оберегают от *гу* и домашние птицы, поскольку выдают присутствие колдовства. Действительно, многие китайцы пребывают в уверенности, что птицы улетают отовсюду, где есть *гу*. Эта их особенность была известна уже в девятом веке Дуань Чэн-ши: «Если домашние птицы улетают прочь без видимых причин, значит, в доме есть *гу*, а если днем они не спускаются с деревьев, значит, жена или наложницы замышляют прелюбодеяние» («Ю ян цза цзу», гл. 16). Петухов боятся призраки, поэтому, если голову петуха прибить над входом в дом, можно уберечься от колдовства. В основе этих представлений точно так же может лежать тот факт, что домашние птицы охотятся на гусениц, насекомых и маленьких рептилий.

Глава третья

Колдовство с использованием человеческих душ

Колдуны в своих злодеяниях задействуют не только собственные души и души животных; творить зло они умеют и при помощи душ других людей. Мы помним, что в кодексе законов упоминалось *сяо эр гу*, «*гу* посредством маленьких детей», наряду с *гу* посредством змей и «золотых гусениц», из чего мы вправе заключить, что речь идет о практиках одной природы. Значит, *сяо эр гу* заключается в высвобождении человеческих душ или субстанции человеческих душ и натравливании их на жертв.

Раз уж сам кодекс привлек наше внимание к такому виду колдовства, нам ничего не остается, как попытаться получить о нем как можно больше сведений, что мы и попробуем сделать в дальнейшем. В кодексе непосредственно перед статьей, посвященной *гу*, идет другая, озаглавленная «О лишении жизни, разрубании и разрезании людей», что, согласно объяснительному комментарию, означает «способы кражи ушей, глаз, внутренних органов у живого человека, а также отрубание или отрезание его конечностей и других частей. Эти преступления той же природы, что и простое расчленение, но если тот, кто просто расчленяет, не вынашивает никаких других целей, кроме убийства, другое преступление есть убийство с использованием колдовства для заманивания жертвы, поэтому его надлежит считать особо тяжким».

Еще один официальный комментарий гласит: «Занимающиеся колдовством либо крадут у людей глаза и уши, либо отрубают им руки и ноги; потом они делают статую человека из дерева или глины и, положив ее на землю, совершают над ней еретические практики, чтобы заставить ее ожить. Другие узнают год, месяц и час рождения человека и заманивают его в горный лес, чтобы лишить его жизненной *ци* и заполучить обе его души (*хунь* и *по*) для того, чтобы сделать своими слугами-призраками. В прошлые времена эти практики были распространены в Юньнани, Гуйчжоу, Гуандуне и Гуанси. А еще гораздо чаще случается так, что у человека вырезают внутренности, у беременной женщины — плод, а у невинной незамужней девушки — девственную плеву или еще что-нибудь в таком же духе, и все это для того, чтобы пустить их на колдовство. Все подобные случаи подпадают под статью "О лишении жизни, разрубании и разрезании"».

В этих строках, предназначенных для государственных чиновников, призванных разоблачать колдовство, содержится практически все, что необходимо для понимания особенностей данного вида черной магии. «Инструментом» для колдуна служит человеческая душа либо даже какая-то часть ее, приобретенная посредством присвоения определенных фрагментов человеческого тела, а особенно — тех органов, что наиболее «богаты» духовной или жизненной силой. Потом создается искусственная фигура человека, чтобы душа могла вселиться в нее, и колдун полностью подчиняет ее своей воле при помощи чар, заклинаний и магических формул, а также дурного обращения с вновь созданным существом, в результате чего оно покорно и слепо исполняет все, что ему велят. Для такого типа колдовства особенно «хороши» женские половые органы и выделения, поскольку они в первую очередь связаны с рождением потомства, а следовательно, полны энергии и жизненной силы, наподобие самой земли.

Комментарий к кодексу продолжает: «Лишить жизни, разрубить или разрезать человека означает умертвить живого человека и забрать отверстия чувств, чтобы затем с их помощью практиковать черное колдовство. Случается так, что посредством магии и черного искусства узнают год и месяц рождения человека для того, чтобы с помощью добытого знания заманить человека в безлюдное место в горах, убить его и отрезать куски от его тела, или вырезать пять внутренностей и его жизненную силу, или вытащить из него души (*хунь* и *по*) для того, чтобы превратить его в слугу-призрака. "Лоза призраков", продающаяся на базарах в Гуандуне и Гуанси, Хэнани, Фуцзяни и других местах, как раз состоит из таких вещей».

Поскольку все подобные преступления предполагают убийство человека вкупе с колдовством, для них в кодексе предусмотрены более суровые, в сравнении с простым убийством, наказания. «Тот, кто лишит жизни человека, разрубит или разрежет его (вне зависимости от того, погибнет человек или останется жив), подлежит (если он зачинщик) медленному закалыванию ножами. Его имущество должно быть передано семье пострадавшего, а его жена, дети и все домочадцы, даже если они ничего не знали об этом, подлежат ссылке на расстояние в две тысячи ли без разрешения вернуться в случае объявления амнистии. Его сообщники (выполнявшие свою роль в преступлении) подлежат обезглавливанию (если же они не принимали непосредственного участия, они подлежат приговору в соответствии с законом и сообразно замыслу преступления; разрешается смягчение наказания).

Если преступники начали действовать, но еще не нанесли ран жертве, (главный зачинщик) подлежит обезглавливанию, а его жена и дети — пожизненной ссылке на расстояние в две тысячи ли; его сообщники же (принимавшие участие) получают сто ударов палкой и навечно ссылаются на расстояние в три тысячи ли.

Если староста деревни знал о преступлении и не доложил, он получает сто ударов палкой; если же он ничего не знал, он не подлежит наказанию. Тот же, кто заявит о преступлении или поймает преступников, получает от властей двадцать лянов серебра». (В том же самом виде, за исключением слов, взятых в скобки, статья содержится и в кодексе минской династии.)

А вот одно из местных постановлений: «Если родственники по отцовской либо материнской линии человека, совершившего преступление лишения жизни, отрубания или отрезания, донесли о преступлении либо схватили виновного и доставили его властям, то в таком случае, даже если преступление совершено, а главный зачинщик не может быть оправдан, его жена, дети и домочадцы, которые в ином случае должны бы были понести наказание вместе с ним, освобождаются от наказания в соответствии с законом».

Очевидно, что наличие подобных законов в китайском кодексе свидетельствует о широком распространении этого самого страшного из всех видов колдовства на протяжении царствования тех династий, при которых кодекс был в силе. Впрочем, и у предшествовавшего им монгольского дома Юань тоже имелся соответствующий закон: «Тот, кто убьет человека или расчленит его с тем, чтобы произвести призрака и совершать ему жертвоприношения, подлежит медленному закалыванию ножами; его имущество должно быть конфисковано, а все члены семьи, даже если они ничего не знали о преступлении, — сосланы в отдаленные земли. Если преступление уже началось, но убийства еще не произошло, дело надлежит трактовать как жестокий разбой; если же жертва не получила никаких ранений и ничего ценного не успели присвоить, наказание должно выразиться в 107 ударах палкой и ссылке на три года. Если же преступление только замышлялось, но еще не началось, полагается 97 ударов палкой и ссылка на срок два с половиной года. Человек, против которого замышлялось убийство, а также сообщники, если они донесли о преступлении или схватили преступников, получают его имущество; если же преступника арестовал тот, кому это полагается по долгу службы, он получает половину» («Юань ши», гл. 104, 1.7).

Наверное, едва ли можно лучше донести до читателя характер данного вида колдовства, чем пересказав следующую длинную историю. «Ван Би, по прозвищу Лян-фу, уроженец Циньчжоу, направляясь на учебу, путешествовал к северу от Яньани, а потом был назначен губернатором в Лунша. Удалившись от дел, он жил в уединении и занимался медициной.

Во втором году Чжичжэн (1342) искусный у, по имени Ван Вань-ли, вместе со своим племянником Шан-сянем занимался гаданием и предсказаниями на базаре в Лунша. Зимой того же года, в одиннадцатом месяце, Ван Би посетил его и, не согласившись с ответом оракула, совершил ошибку, упрекнув и сильно оскорбив его. Вань-ли страшно разгневался и послал призрака досаждать Би. В ту ночь Ван Би сидел за изучением главы "Шу цзина" "Сундук, обитый металлом", когда вдруг услышал за окном чей-то печальный свист. Он открыл дверь, чтобы посмотреть, кто бы это мог быть: над безлюдным двором сияла луна, и никого не было видно. На другой день кто-то заплакал перед воротами и стал жаловаться на несправедливую судьбу. Би позвал заклинателя призраков, чтобы тот унял демона, но заклинатель не смог с ним справиться.

Тогда Би заговорил с призраком: "Как это возможно, чтобы мои лекарства убили тебя? Поэтому вовсе не я должен заглаживать то зло, от которого ты страдаешь". На что призрак сказал: "Я убедил себя в том, что из множества людей только на вас, господин, можно положиться; если бы вы действительно желали исправить зло, от которого я мучаюсь, вам следовало бы позвать в качестве свидетелей десять старших". Би согласился, и, когда люди собрались, призрак поведал:

"Я девушка из семьи Чжоу, что живет в Хэйхэ, что в уезде Фэнчжоу. Отца моего зовут Хэ-цин, а фамилия моей матери — Чжан. Когда я родилась, луна стояла в знаке гэн, вот почему зовут меня Юэ-си, "Луна-на-западе". Когда мне исполнилось шестнадцать, мать моя заболела; отец позвал Ван Вань-ли, чтобы тот погадал о ее состоянии; так я познакомилась с этим человеком. Через сто пять дней после смерти моей матери, в день бинчэнь девятого месяца третьего года Чжиюань (1337), когда мой отец, напившись пьяным, спал мертвецким сном, брат отправился собирать хворост, а я бродила туда-сюда в тени стены, Вань-ли пробормотал день и час моего рождения, сопроводив это колдовскими заклинаниями так, что я потеряла рассудок и стояла с неподвижным взглядом, не в силах вымолвить ни слова. В таком состоянии

Вань-ли взвалил меня себе на спину, отнес в ивовую рощу и привязал к дереву; он распустил мои волосы, перевязал их цветной нитью и проделал отверстие в моей груди с тем, чтобы вырезать сердце, которое он за несколько часов измельчил вместе с моими глазами, языком, ушами, носом, ногтями и пальцами и, скатав из порошка шарики, положил их в тыкву. Потом сделал из бумаги фигурку человека, и при помощи грубых заклинаний заставил меня стать его рабыней. Если я чуть-чуть ленилась, он протыкал бумажную фигурку иголкой, и тогда брови у меня дергались от боли, и я долго кричала. Вчера, господин, вы оскорбили его, и он послал меня к вам, чтобы отомстить, но я не могу сделать этого. Господин, пожалуйста, пожалейте меня; не заставляйте меня опять терпеть эту боль, клянусь, буду относиться к вам, как к отцу. Но старшие, что сидят здесь, ничего никому не должны говорить, иначе на них падет несчастье".

И тут призрак завыл еще жалобнее и печальнее. Слезы катились из глаз Би, как и всех присутствовавших. Они записали ее слова, поставили свои имена и тайно доложили начальнику уезда. Начальник уезда неожиданно нагрянул к Вань-ли и его племяннику и сурово допросил их. Поначалу они отвергали обвинения, но потом привели Юэ-си, которая гневно опровергла все их показания и потребовала осмотреть содержимое его походной сумки. Из сумки извлекли самые разные вещи: амулеты и записанные заклинания, печати, короткие и длинные иглы; и тогда Вань-ли распростерся на земле и полностью во всем сознался, рассказав следующее.

Родом он был из Люйлина. Собирая разные колдовские искусства, он прибыл в Синъюань, где встретил алхимика Лю, который научил его искусству "отнятия жизни", тому самому, о котором поведала Юэ-си. Но Вань-ли сперва не поверил ему, и тогда Лю достал из своей сумки пятицветную ткань, в которую были завернуты пряди волос, скатанные в шарики, и, указывая на них пальцем, сказал: "Это — Ли Янь-ну из Сяньнина, которого я приобрел во втором месяце весны второго года Тяньли; за семьдесят пять связок монет я прикажу ему следовать за тобой и стать твоим слугой". Вань-ли с радостью согласился, и тогда Лю начал танцевать танец Юя[116] и сжег заклинания, чтобы заколдовать Янь-ну, после чего из воздуха донесся голос: "Господин, куда вы хотите, чтобы я отправился?" — "Следуй за господином Ваном в его странствиях; он хороший человек, с которым ты не будешь знать горя». Вань-ли заплатил деньги и так стал полноправным обладателем колдовства. Потом, проходя через Фанчжоу, он встретился с колдуном Гуаном, у которого, по взаимному согласию, приобрел за ту же сумму, что и у Лю, некоего Гэн Вань-туна из Фэньюани, которого точно так же сделал своим слугой, так что всего, включая Юэ-си, у него было трое человек. Лю посоветовал Вань- ли на протяжении всей жизни не употреблять говядины, но потом он позабыл об этом и съел как-то жареное говяжье сердце, после чего его стали преследовать неудачи. На том рассказ Вань-ли закончился.

Начальник уезда написал письмо в Фэнчжоу с тем, чтобы там разыскали Хэ-цина и получили от него сведения, которые бы подтвердили показания. Хэ-цин заподозрил неладное, но, когда его окружила толпа людей и Би спросил: "Кто твой отец?", а Юэ-си через щель в стене ответила: "Человек в черной одежде и шапочке из тростника", он был глубоко потрясен, и его дочь не меньше чем он. Когда чувства их чуть улеглись, Юэ-си спросила его о семье, а потом принялась утешать, что она и делала на протяжении всей жизни. Начальник уезда признал результаты расследования удовлетворительными и передал дело вышестоящим инстанциям — начальнику области. Вань-ли в тюрьме заболел и умер, а Шан-сяня в конце концов выпустили за большой выкуп».

Наверное, история эта не лишена вымысла, но наверняка в основе ее лежит какой-то реальный случай, когда суеверные чиновники расследовали дело несчастной жертвы искусного колдуна; в любом случае он дает нам некоторые подробности о том, что же китайцы подразумевали под загадочным не менее чем ужасным «лишением жизни». Фактически преступление это является двойным, поскольку совершается в равной мере и против того

человека, чью душу похищают для того, чтобы использовать ее в колдовских целях, и против того, на кого в последующем натравливают околдованного призрака. Впрочем, как следует из показаний Вань-ли, существовали и менее кровожадные формы этого двойного колдовства, поскольку однажды он завладел душой человека, взяв только его волосы. К таким волосам колдуны относятся точно так же, как и к прочим частям и органам тела, полученным в результате «лишения жизни». Из предания следует, что колдуны отдают приказания своим с лугам-призракам не только в устной форме, но и в письменной, а также сжигая, например, бумажные заклинания. Действительно, «отправка» в мир духов просьб и молитв, написанных на бумаге, через сожжение является настолько повсеместной практикой среди китайцев, что нет ничего удивительного в том, что к ней прибегают и колдуны. В таких заклинаниях автор их обычно указывал, что именно нужно сделать с несчастной жертвой.

Не менее эффективными инструментами колдовства считаются и не родившиеся дети, вынутые из утробы матери. Ведь в зародыше хранятся две души: его собственная и его матери. «Господин Сюй из Цзиншани (пров. Хубэй), семья которого в течение многих поколений жила в Санху-бань, взял новую жену. Туалетные шкатулки женщины оказались такими красивыми, что у вора по имени Ян Шань зачесались руки. Через год, когда Ян узнал, что господин Сюй повез своего сына в столицу и что с женой, которая ожидала ребенка, остались только две служанки, он пробрался ночью в дом, спрятался в укромном темном месте и стал ждать.

После третьей стражи он увидел, как в окно влезает какой-то человек с желтой льняной сумкой на спине, с глубоко посаженными глазами и вьющейся бородой. "Я никогда не видел его прежде", — сказал про себя Ян и, затаив дыхание, стал внимательно следить за тем, что делает незнакомец. Тот вытащил из рукава кадильную палочку, зажег ее от лампы и поставил ее рядом со служанками; потом он повернулся к постели жены и пробормотал заклинания, после чего она вскочила, повернулась к нему и прямо голой бросилась перед ним на колени. Тогда он открыл свою сумку, достал из нее нож и вспорол женщине живот; потом он вытащил из ее чрева плод, положил его в фарфоровую вазу, засунул ее обратно в сумку и, перекинув ее через плечо, покинул дом, оставив труп женщины на полу перед кроватью.

Насмерть перепуганный Ян тоже выбрался из дома и последовал за незнакомцем. У гостиницы, стоявшей на входе в деревню, он обхватил его руками и закричал: "Хозяин, скорее сюда, я поймал колдуна!" Сбежались все соседи и, обнаружив в сумке незнакомца человеческий плод, забрызганный кровью, пришли в ярость и начали что есть силы бить его лопатами и мотыгами; но человек лишь громко смеялся — на теле его не было ни единой раны.

И только когда в него бросили навоз, он потерял способность двигаться. На следующее утро его доставили властям, которые допрашивали его под пыткой и вырвали признания: он сказал, что принадлежит к обществу Белого Лотоса и что у него много друзей. Выяснилось, что беременная женщина, чей труп нашли в Ханьсяне, тоже стала жертвой этого колдовства. После суда злодея медленно закололи ножами, а вора наградили пятьюдесятью лянами серебра» («Цзы бу юй», гл. 15).

Для того чтобы показать читателю, что китайцы действительно убеждены в возможности и реальности подобного колдовства, обратимся к современным императорским эдиктам, которые недвусмысленно подтверждают: цитированные выше законы отнюдь не являются мертвой буквой. В 1821 году один из цензоров подал трону доклад, в котором говорилось о шаньдунских злодеях, «вырезающих органы у мальчиков и девочек». Но еще красноречивее следующий указ, изданный через двадцать пять лет:

«В день цзисы шестого месяца двадцать шестого года под девизом правления Даогуан (6 августа 1846 года) император издал следующий указ государственному совету, который должен быть доставлен Цзи Ину, генерал-губернатору Гуандуна и Гуанси, На-эр Цзин-гэ, генерал-губернатору Чжили, Би Чану, генерал-губернатору Цзянсу и Цзянси, Юй Таю, генерал-губернатору Хугуана, Лю Юнь-кэ, генерал-губернатору Фуцзяни и Чжэцзяна, Чун Эню, генерал-губернатору Шаньдуна и У Вэнь-юну, губернатору Цзянси, относительно доклада цензора Су

Сюэ-цзяня, до сведения которого дошло, что не страшащиеся закона злодеи заманивают мальчиков с помощью колдовства и что практика эта приняла значительный масштаб. Согласно его докладу, эти негодяи повсюду, от Чжэцзяна до Цзянсу, выставляют вдоль дороги сласти или продают их в кондитерских и фруктовых лавках, заменяя их под покровом ночи; дети, попробовавшие их, сразу же умирают, а затем злодеи забирают у них мозг, почки, сердце и печень. Некоторых из них схватили, доставили властям, сурово допрашивали и наказали, но это не испугало остальных; поскольку к разгадке не найдено ключа, зло распространяется по всем направлениям и постепенно принимает большие размеры…

Если положение дел действительно таково, как его описывает вышеназванный цензор, то зло, навлекаемое злодеями на страну, имеет серьезные последствия; поэтому Цзи Ину и другим упомянутым вельможам повелевается внимательно отнестись к тому, о чем говорится в докладе, назначить особых уполномоченных, которые бы провели строгое и тайное расследование для того, чтобы поймать преступников и получить от них достоверные сведения о людях, от коих исходит колдовство, и о том, какие мотивы ими движут; затем их следует покарать в соответствии с законом, дабы покончить с порочными практиками и спасти жизнь людей. Это дело чрезвычайной важности» («Эдикты Сюань-цзуна», гл. 87).

За приведенным выше эдиктом через двадцать четыре дня последовал еще один, в котором император, в связи в арестом в Пекине нескольких подозреваемых, настаивает на том, чтобы Ведомство наказаний с особой суровостью допросило их. В другом эдикте, датируемом тем же седьмым месяцем, сообщается о поданной цензором жалобе относительно непрекращающихся случаев отравления в уезде Сяошань в Чжэцзяне; за ним последовал арест нескольких буддийских священнослужителей, у которых обнаружили лечебную выпечку, оказавшуюся, однако, на поверку безвредной. Этот случай точно так же заставил императора призвать чиновников к большей бдительности. Наконец, четвертая резолюция, изданная в восьмом месяце в связи с рядом докладов, полученных из провинций, о том, что поимка подозреваемых в преступлениях не привела к искоренению зла, призывает высоких сановников соблюдать осторожность, благоразумие и секретность при проведении расследований.

Теперь мы можем представить, какой смертельной опасности подвергали себя врачи, выполняя хирургические операции и тем более ампутировавшие конечности. Против них, как хорошо известно, нередко выдвигались обвинения в воровстве глаз, других органов и даже в похищениях детей для колдовских целей. Они вынуждены были терпеть гонения, а порой становились жертвами обезумевшей толпы.

Колдовство с использованием человеческих душ вполне может выражаться и в искусном применении различных анимистических знаний. Приведем один пример. Как известно, могила, выбранная с учетом благоприятной естественной среды, фэншуй, дарит счастье и умиротворение душе покоящегося в ней человека и, как следствие, его родственникам, поскольку, если душа умершего довольна и удовлетворена, она защищает и благословляет живых. Подобные представления подготавливают почву для суеверия, что завистливый человек может разрушить такое счастливое положение дел и присвоить даруемую душой благость себе, похоронив в этой же могиле часть тела, а следовательно, и душу одного из членов своей семьи. Но, зная всю сложность китайской науки отыскания места для могилы погребения, понятно, что успешно осуществить такую хитрую уловку могут только знатоки геомантии; поэтому нет ничего удивительного в том, что знатоки эти постоянно пребывают под подозрением в колдовстве. Познавательная во многих отношениях книга Суй Юаня знакомит нас, среди всего прочего, и с подобным любопытным видом «могильного колдовства».

«Могила господина Ань-ши находится в Фуцзяни, на вершине горы. Даос по фамилии Цзи, решив извлечь выгоды из ее благоприятного фэншуй, сказал своей дочери, которая была очень больна и стояла на пороге смерти: "Ты рождена для меня, и болезнь твою вряд ли удастся

излечить; я возьму часть твоего тела и с ее помощью обогащу всех нас. Уже давно я хотел присвоить фэншуй семьи Ли, но он не принесет нам никакого блага до тех пор, пока в могиле не будет похоронена кость моей дочери; ты все равно умрешь, пусть же те, кто переживет тебя, получат от этого выгоду". И еще прежде, чем она успела произнести хоть слово, он отрезал ей ножом палец, положил его в рог барана и тайком зарыл рядом с могилой Ли. С тех пор когда бы в семье Ли ни умирал ученый, кто-нибудь из клана даоса получал ученую степень, а если урожай с полей семьи Ли уменьшался на десять ху, то поля даоса давали на десять ху больше; это вызывало подозрения, но догадаться о причине происходящего никто не мог.

Как-то в период Цинмин жители деревни несли на проведение благодарственных жертвоприношений божествам статую Великого Императора Чжана. Когда роскошная процессия, с флагами впереди и позади, подошла к могиле Ли, статуя внезапно остановилась — и хотя ее несли несколько десятков человек, ее никак не удавалось сдвинуть с места. Тут один юноша вскричал: "Скорее обратно в храм!", и все несшие статую поторопились к храму, где юноша воссел на трон божества. "Я — дух Великого Императора, — молвил он. — С могилой Ли связано колдовство, идите, поймайте преступника и покарайте его". Одному из крестьян он приказал принести лопату, другому — взять мотыгу, третьему — веревки, и, когда все было готово, он воскликнул: "А теперь быстрее идите к могиле Ли!" Толпа повиновалась, и статуя неслась вперед быстро, словно ветер. По команде люди с лопатами и мотыгами раскопали землю подле могилы и нашли позолоченный бараний рог, в котором извивалась красная змея; на одной стороне рога были написаны имена всех членов клана вышеупомянутого даоса. Тогда юноша повелел людям с веревками идти к даосу и связать его, потому он закричал, что они должны вести его к властям; его допрашивали под пыткой, признали виновным и покарали по закону. С тех пор семья Ли вновь процветала и особенно ревностно поклонялась Великому Императору» («Цзы бу юй», гл. 10).

Раз колдуны, как, впрочем, и все китайцы, убеждены в том, что кости умершего наполнены субстанцией души, едва ли можно удивляться тому, что в своих черных практиках они используют человеческие черепа; ведь считается, что голова вбирает в себя особенно много жизненной субстанции души. "В Ханчжоу жил Чэнь И-куй, который хорошо владел "методом перемещения пяти призраков". Как-то в его доме остановился его друг, принадлежавший к семье Сунь; в полночь он вдруг увидел, как из-под его кровати выскочил седовласый старик. Встав перед ним на колени, старик заговорил: "Покорнейше прошу вас повлиять на господина Чэня, чтобы он вернул мне мой череп так, чтобы тело мое вновь стало цельным". Сунь испугался и немедленно вскочил; взяв лампу, он посветил под кроватью и увидел там голову старика. Сунь понял, что Чэнь, занимаясь изгнанием и призыванием призраков, брал освященные небом души из сгнивших гробов; души приходили к нему, так как он применял амулеты и заклинания. Первое, что сделал Сунь, — это начал упрекать своего друга; Чэнь принялся было все отрицать, но Сунь заставил его замолчать, достав из-под кровати череп и показав ему. Потом они вернули череп туда, откуда он был взят; вскоре, однако, Чэня начали одолевать призраки, все его тело покрылось фиолетовыми волдырями, и он умер» («Цзы бу юй», гл. 18).

Кости мертвецов прекрасно подходят для колдовского искусства. Архидиакон Грей сообщает, что в уезде Суньдэ, а также в Сычжушань, части уезда Наньхай, что в Гуандуне, есть женщины, которых зовут *мифугу*, «использующими волшебные амулеты»; они заявляют, что при помощи заклинаний и прочих чудодейственных средств могут умертвить кого угодно. К ним ходят за советом замужние женщины, желающие из-за плохого обращения либо по каким другим причинам тайно убить своих мужей. Колдуньи собирают на кладбищах кости детей, а потом призывают в свои жилища их души. Кости они перетирают в порошок, а потом продают. Жена, которая хочет избавиться от мужа, должна каждый день подмешивать его в чай, вино или какой-нибудь другой напиток. Одновременно колдунья каждый день взывает к духу ребенка, из костей которого приготовлен порошок, умертвить объект женской ненависти.

Иногда, в дополнение к ужасной ежедневной «порции», часть кости ребенка тайно кладут мужу под кровать. Конечно, предпринимались попытки, и, мы полагаем, небезуспешные, покончить с ведьмами. Некоторые из них были вызваны в общественный зал в Канси, что в Сычжушань, для того, чтобы ответить перед собравшимися чиновниками на выдвинутые против них их соседями обвинения. Их признали виновными и отравили. Еще в 1865 году так были казнены несколько женщин.

Иногда отнятие у человека жизни или души для последующего использования в колдовских целях обозначается в книгах термином тяо шэн, «вытягивать, вытаскивать жизнь». По-видимому, между «вытаскиванием жизни» и «лишением жизни» есть какое-то различие; возможно, имеется в виду «вытягивание души» без одновременного отнятия жизненно важных органов. Как утверждает один автор, живший в двенадцатом столетии, *тяо шэн* можно совершить, вселив в тело жертвы душу животного и таким образом убив ее; подобный метод чем-то сродни колдовству *гу*. «В Гуанси, — утверждает автор, — человека убивают, вытаскивая из него жизнь; гостя потчуют рыбой, а между тем, сидя напротив, начинают колдовать, склоняя рыбу действовать по угодной воле; рыба оживает в животе и вызывает смерть. Говорят, что потом умершего тайно используют в такой семье в качестве раба.

В провинции этой живет один известный ученый, которому в бытность судьей в Лэйчжоу (самый южный полуостров провинции Гуандун, напротив острова Хайнань) пришлось расследовать дело о "вытягивании жизни". Он положил под блюдо немного мяса, а затем заключенный применил свое искусство для доказательства своих колдовских способностей; когда спустя какое-то время блюдо подняли, чтобы посмотреть, что произошло с лежавшим под ним мясом, оказалось, что оно покрылось шерстью. Каким же злобным призраком должен быть тот, кто творит подобное!

Тем не менее, уничтожить последствия такого колдовства достаточно легко. Если человек почувствовал в груди или под ней какое-то существо, он должен немедленно проглотить *шэн-ма*, чтобы изрыгнуть его из себя; если же он почувствовал это в животе, от должен безотлагательно принять *юй-цзинь* (ароматический корень), дабы оно вышло естественным образом. Рецепты эти, выгравированные на досках и изданные в Лэйчжоу, были получены от вышеупомянутого заключенного» («Лин вай дай да», гл. 10).

Как мы помним, человеческие души, полученные посредством колдовского метода «лишения жизни», могут быть помещены в искусственные образы и заклинаниями, грубыми словами и плохим обращением побуждены творить злые дела. Духов, однако, можно «впускать» в такие образы и без «лишения жизни»; например, их можно раздобыть в могиле, на кладбище при помощи чародейства, связанного в первую очередь с поднесением пищи, лакомств, бумажных денег или ладана, или же извлечь из поминальных табличек, которые колдуны крадут из общественных кумирен. Наверное, знающие люди умеют добывать их и многими другими способами, которые нам, увы, неизвестны. Однако ни колдуны, ни ведьмы, какими бы порочными они ни были, никогда не осмелятся дойти до использования в своем черном искусстве душ их собственных упокоившихся предков.

Духов, попавших под власть колдунов, называют *янь шэн гуй мэй*, или, сокращенно, *янь мэй*, «призраки в подчинении». Иероглиф *янь* является более поздней модификацией иероглифа, имеющего значение «подавлять, приводить к покорности»; разумеется, не следует путать этих призраков с призраками ночных кошмаров, которые также обозначаются иероглифом *янь*. Сочетание *янь шэн* имеет довольно древнее происхождение. В «Истории Поздней Хань» мы читаем, что принц Цин, старший сын императора Чжан-ди, правившего с 76 по 88 годы, стал вместе со своей матерью жертвой зависти и ненависти со стороны императрицы Доу, у которой не было сына. Она всеми возможными и невозможными способами клеветала на соперницу. «Потом она перехватила у ворот дворцовой тюрьмы ее письмо, в котором говорилось: "Я очень больна и мечтаю о свежем ту, попросите семью принести мне", и несправедливо обвинила ее в намерении сделать *гу* и изрекать заклинания и проклятия, и

что с помощью ту она якобы будет творить колдовство *янь шэн*» («Хоу Хань шу», гл. 85,1.2). Доу достигла своей цели: соперница ее была обесчещена, покончила с собой, а принца лишили звания наследника престола. По-видимому, некоторые растения, по китайским поверьям, могут призывать призраков к покорности; увы, но какие-либо подробности на сей счет отсутствуют.

Несомненно, что подобный вид черной магии, наряду с *гу*, получил широкое распространение при дворе. Так, например, в одной из династийных историй мы читаем, что при Хоу-чжу, последнем императоре династии Чэнь, правившем с 583 по 589 годы, «задние покои погрязли в колдовстве *янь мэй* и порочном использовании призраков для того, чтобы смутить императора; они совершали во дворце еретические жертвоприношения, собирали колдунов-*у*, заставляя их стучать в барабаны и плясать, и так узнавали обо всем, что происходило за пределами дворца; не было ни одного слова, оброненного людьми, ни одного поступка, ими совершенного, о котором бы наложница (Чжан) не узнавала раньше всех и не докладывала бы Хоу-чжу» («История династии Чэнь», гл. 7,1.6).

Поскольку вся китайская нация просто порабощена суевериями о вездесущности злых демонов, вполне естественно, что не меньший ужас внушают китайцам и оккультные искусства, претендующие на умение управлять этими опаснейшими существами, которые могут нападать на своих жертв стремительно, яростно и безжалостно; посмотрим, что говорит об этом прославленный автор «Ляо Чжай чжи и».

«Юй-гун был человеком молодым, энергичным и мужественным, он любил бокс и занятия спортом и мог, взяв в каждую руку по горшку, подпрыгивать высоко в воздух и кружиться при этом, словно смерч.

В период Чунчжэнь (1628–1644) он отправился в столицу, чтобы участвовать в императорских экзаменах (на получение высшей ученой степени), но слуга его вдруг заболел и не мог подняться. Это была большая потеря для него. В то время на базаре был один известный предсказатель судьбы, который мог знать даже о том, будет человек жить или нет; Юй решил отправиться к нему, чтобы справиться о будущем своего слуги, но не успел он открыть рта, как предсказатель сказал: "Не о болезни ли вашего слуги вы хотите спросить у меня, господин?" Пораженный Юй ответил "Да", и предсказатель продолжил: "С больным ничего плохого не случится, а вот вы, господин, в большой опасности".

Юй бросил жребий. Предсказатель сложил *гуа* и испуганно воскликнул: "Господин, вам суждено умереть в течение трех дней!" Юй от ужаса не знал, что и делать, но тут предсказатель мягко произнес: "Ваш ничтожный слуга обладает кое-каким искусством; за десять золотых монет я отведу от вас беду". Юй ответил, что рождение и смерть человека предопределены судьбой, и он не понимает, как может колдовское искусство что-то изменить. Не дав согласия, он поднялся и хотел уже уйти, когда предсказатель молвил: "Вы не хотите тратить пустячной суммы; надеюсь, вы не пожалеете об этом, надеюсь, не пожалеете".

Все друзья Юя беспокоились о нем и советовали ему раскрыть кошелек и вызвать его содержимым сострадание предсказателя, но он не хотел ничего слушать. Незаметно наступил третий день, Юй сидел в гостинице и спокойно ждал, что же произойдет. В течение целого дня с ним ничего не случилось; настала ночь, он запер дверь, подрезал фитиль лампы и, облокотившись на меч, сел, готовый храбро встретить любую опасность.

В водяных часах в первый раз закончилась вода, однако смерть все не приходила. Он уже начал подумывать о том, чтобы лечь в постель, когда через щель окна до него донесся какой-то свист. Он быстро обернулся и увидел, как в окно влезает маленький человечек с копьем на плече; однако, только коснувшись ногами пола, он вытянулся и оказался ростом с обычного человека. Юй схватил меч, вскочил со своего места и тут же что было сил ударил незнакомца; но меч лишь рассек воздух — удар пришелся в пустоту. Призрак вновь уменьшился в размерах и стал искать щель в окне, чтобы ретироваться, но Юй быстро размахнулся и еще раз ударил

его, и на этот раз призрак рухнул на пол. Юй поднес лампу и увидел на полу бумажного человечка, разрубленного на две части.

Спать Юй так и не решился. Он сел, как и прежде, чтобы ждать, и примерно через час в комнату через окно забралось еще одно существо. Оно было ужасным и отвратительным и походило на призрака. Не успело оно встать на пол, как Юй ударил его мечом и рассек на две половинки; и пока куски тела продолжали извиваться на полу, он рубил их снова и снова, опасаясь, что призрак сможет подняться. Все удары приходились в цель и отдавали так, словно попадали во что-то твердое; потом, осмотрев место, Юй увидел глиняного человека, изрубленного на мелкие кусочки.

На этот раз Юй пододвинул стул к самому окну и стал следить за щелью. Прошло немало времени, прежде чем он услышал за окном звук, похожий на рев буйвола, и одновременно что-то ударило в раму с такой силой, что стены дома затряслись и задрожали и, казалось, вот- вот готовы обрушиться. Опасаясь быть погребенным под обвалившимися стенами, Юй решил выйти наружу и там сразиться с призраком. Он отодвинул засов, поддавшийся со страшным скрипом, выскочил из дома и увидел огромного призрака, достававшего головой до самой крыши. Луна светила тускло, и Юю показалось, что лицо у призрака черное, словно уголь, глаза сверкают желтым огнем, выше пояса он — голый, а на ногах нет обуви; в руке он держал лук, а за пояс были заткнуты стрелы. От ужаса Юй не мог сдвинуться с места. Тем временем призрак вложил в лук стрелу, но Юй успел выбить ее мечом и она упала на землю; Юй приготовился нанести еще удар, но у призрака опять была готова стрела, и Юй едва смог уклониться от нее, отпрыгнув в сторону. Стрела со скрипом вонзилась в стену дома, отчего призрак взбесился еще больше. Он вытащил свой меч, со свистом рассек им воздух и, глядя Юю в глаза, нанес ему страшный удар; но Юй нырнул вперед, и меч попал в один из камней, которым был вымощен двор, и расколол его надвое. Юй пролез между ногами призрака и ударил его по лодыжкам — раздался звук, как будто рубанули по металлу. Демон был вне себя от ярости; со страшным ревом он повернулся, чтобы вновь кинуться на Юя. И опять Юй присел и рванулся вперед, так что меч лишь отрезал лоскут от его одежды. Теперь Юй оказался сбоку от призрака и со всей мочи ударил его; меч словно стукнул по железу, но на этот раз призрак распростерся на земле. Юй подскочил к нему и стал рубить без устали; меч издавал звук, подобный деревянным трещоткам. Поднеся свечу, Юй разглядел, что это — деревянная кукла размером с человека. Лук и стрелы по-прежнему висели у демона на поясе, весь изрезанный и измалеванный, он казался еще страшнее и ужаснее, чем прежде, а в тех местах, куда попал меч Юя, виднелась кровь.

С факелом в руке Юй дожидался рассвета, и тут ему в голову пришло, что всех этих призраков на него, скорее всего, наслал предсказатель, пожелавший погубить человека и тем самым доказать силу своего колдовского искусства. На следующий день он рассказывал о случившемся направо и налево, а потом вместе со свидетелями пошел к предсказателю. Еще издалека завидев Юя, предсказатель сделался невидимым, но кто-то из сопровождавших Юя сказал: "Это колдовство сокрытия формы; кровь собаки поможет нам справиться с ним". Юй прислушался к его словам и послал своих людей за собачьей кровью; когда предсказатель вновь растворился, Юй немедленно брызнул кровью на то место, где он стоял, и тут же все увидели голову и лицо человека, перепачканные кровью. Предсказатель оказался прямо перед ними, словно демон со сверкающими глазами; его тотчас схватили и передали властям, которые казнили его».

Если верить приведенному выше, колдовство становится вдвойне опасным и преступным, когда — а чаще всего именно так и «происходило» — дух, насылаемый в виде куклы на жертву, является душой человека; ибо если жертва проявит мужество и сообразительность, и призрак-кукла пострадает, то вместе с ней пострадает и душа, причем порой до такой степени, что больше не сможет оживить того человека, которому она принадлежит, и человек этот будет обречен либо на смерть, либо на болезни и сумасшествие на всю жизнь. Китайцы верят, что

такое вдвойне ужасное колдовство существует. «Житель Хунани Чжан Ци-шэнь познал, как при помощи колдовства овладевать душами других людей. Многим он внушал ужас и трепет, и только ученый У из Цзянлина отказывался верить в его силу. Однажды У пренебрежительно высказался о нем перед людьми. Будучи уверенным, что в отместку ему в ту же ночь попытаются отомстить, он взял экземпляр "И цзина" и сел подле лампы. Он услышал на крыше какой-то звук, похожий на завывание ветра. Затем дверь распахнулась и вошел призрак, закованный в металлические доспехи. С копьем в руке призрак бросился на ученого, чтобы заколоть его, но тот швырнул в него экземпляр "И цзина", и призрак рухнул на пол, превратившись в бумажного человека. Ученый собрал его и положил меж страниц книги, но тут появились сразу два призрака, с синими лицами и топорами в руках. Они также были сражены "И цзином" и оказались меж страниц книги.

В полночь в двери постучалась горько рыдавшая жена колдуна и сказала: "Чжан, мой муж, послал на вас двух моих сыновей; он никак не ожидал, что вы сумеете поймать их, он не знал, что вы владеете могущественным искусством; прошу вас, отпустите их, чтобы они могли вернуться к жизни". На что У ответил: "Сюда приходило трое бумажных людей, а отнюдь не твои сыновья". — "Мой муж и двое сыновей, — сказала женщина, — вошли в бумажных людей и в таком обличье явились сюда; сейчас у меня в доме три мертвеца, и, если не вернуть их к жизни прежде, чем пропоет петух, они уже никогда не оживут". И она продолжала жалобно умолять его вновь и вновь, пока У не сказал: "Ты причинила вред многим людям и заслуживаешь такого наказания, но, так и быть, я пожалею тебя и верну тебе одного сына". И женщина, обливаясь слезами, пошла домой с одним бумажным человечком. На следующий день ученый узнал, что Чжан Ци-шэнь и его старший сын умерли, и только младший остался жив» («Цзы бу юй», гл. 8).

Уже много столетий назад ходило немало страшных историй о том, как колдуны насылали на людей призраков в виде кукол; причем порой, как свидетельствуют источники, это делалось с целью посеять всеобщую панику и тем самым облегчить существование мятежникам и разбойникам. Скорее всего, подобные истории есть плод вымысла или значительной доли преувеличения, однако тот факт, что они были кем-то придуманы и записаны и, более того, вплоть до сего дня передаются традицией как реальные события, только подтверждает глубину веры китайцев в подобное «крупномасштабное» колдовство. Вот одна из наиболее интересных, возвращающая нас ко второй половине девятого столетия.

«При династии Тан, когда вот-вот должно было разразиться восстание (Хуан) Чао, на горе Гундэшань, Заслуг и Добродетели, в Пянь, что в области Чжунъюань (пров. Хэнань), жили монахи-колдуны, к которым отовсюду стекалась братия. Даже ученые и простой люд были их смиренными учениками. Они рисовали на бумаге духов-мятежников и пускали их в жилища людей с тем, чтобы приносить несчастье; колдовство их посеяло такую панику среди тамошних жителей, что никто не мог спать спокойно до самого утра. Когда они ввергали людей в нищету и болезни, люди за хорошую плату умоляли монахов с горы Гундэшань использовать свое искусство против зла, и тогда монахи немедленно прекращали его.

Более того, монахи рисовали на бумаге закованных в доспехи воинов, и потом ночь за ночью на улицах и дворах слышалось ржание, по городу стучали копыта, но с рассветом все исчезало. Часто они рисовали и собак, которых затем сжигали и околдовывали заклинаниями; и по ночам собаки выли и лаяли и кусали друг друга, не давая людям спать; и в этих случаях тоже, если люди давали монахам деньги, от собак не оставалось ни следа, ни тени. В Хуачжоу тоже жил монах, искушенный в колдовстве, который действовал точно так же, как и монахи с горы Гундэшань; и все поголовно страдали от него.

В то время губернатором Хуа и Тай стал Ван Дэ, член Государственного Совета, который провозгласил, что область к югу от Янь поразили бедствия, и их следует отвратить. Для этого в его ставке и во всех армейских гарнизонах возвели алтари и призвали тысячи монахов. Но количество их все равно было недостаточным, и тогда к алтарям призвали всех учеников с

горы Гундэшань в Пяньчжоу. Со своими знаменами и цветами, раковинами и тарелками они шли к ставке Ван Дэ, и в тот самый вечер, когда они должны были отправиться к нескольким алтарям, тех из монахов, кто выделялся из всех добродетелью, отобрали для службы в ставке, а остальных распределили по разным армейским лагерям для исполнения церемоний и совершения литургии. Когда все монахи расположились в лагерях, ворота крепко заперли, а монахов заживо закопали в землю. Всего тех, кто носил квадратное одеяние священнослужителя и погиб в ту ночь, было несколько тысяч. А в ставке Ван Дэ наставников общины с Гундэшань пытали, и они признались, что возглавляли сборища разбойников Хуан Чао и намеревались восстать вместе с ним в двух этих областях. Был отдан приказ истребить их всех до последнего человека».

Если призраков умело призывать и должным образом управлять ими, то их можно использовать практически для любых «черных дел», какие только может представить наделенное богатым воображением, суеверное сознание. В сознании этом запечатлеваются и повторяются на сто ладов самые нелепые несуразицы; действительно, в стране, где ни культура, ни религия никогда не устанавливали каких-либо пределов для правдоподобия и легковерия, могущество колдунов и ведьм настолько же велико, насколько безмерно и само легковерие. Практически все, о чем мы говорили в этой книге, все зло, содеянное невидимыми руками призраков и демонов, и даже зло гораздо большее может быть порождено колдунами; колдуны в состоянии насылать призраков, чтобы те отрезали у людей волосы и тем самым сеяли ужас и панику; колдуны умеют вселять призраков в людей и так вызывать болезни, умопомрачение и сумасшествие, побуждать людей к самоубийству, просто убивать их или же делать жизнь в доме невыносимой, бросая камни и другие предметы и срывая с крыши черепицу и т. д., и т. д. Суй Юань рассказывает такую историю:

«Ван Гун-нань, муж моей сестры, живет в Ханчжоу на мосту Хэнхэ. Однажды утром, выходя из дома, он столкнулся у ворот с лекарем-даосом, который, сложив руки, произнес: "Господин, прошу вас, дайте мне немного рыбы". На что Гун-нань сердито ответил: "Ты — монах, должен быть аскетом и питаться овощами, и ты еще просишь рыбу?" — "Я имею в виду деревянную рыбу", — сказал даос, но Гун-нань вновь отказал ему. "Господин проявляет скупость, но вскоре вы пожалеете об этом", — бросил даос и пошел своей дорогой.

Ночью Гун-нань услышал грохот падающей черепицы, а утром с ужасом увидел, что вся она лежит во внутреннем дворе. На следующую ночь его одежда улетела в выгребную яму. Тогда он спросил в семье сюцая Чжан Ю-цяня, нет ли у них какого-нибудь амулета, и Чжан сказал ему: "У меня есть два амулета: один — дешевый, а другой — дорогой. С помощью дешевого Чжан Чжи-кэ повелевал призраками и днем, и ночью; с помощью дорогого дух Чжан Чжи-сяня может ловить призраков". Гун-нань выбрал дешевый, повесил его в главном зале своего дома, и в эту ночь его покой никто не тревожил.

Минул третий день, и в ворота дома постучал престарелый даос, который казался одновременно и очень древним, и странным. Гун-наня в это время не было дома, и к старцу вышел его второй сын, Хоу-вэнь. Даос сказал: "Несколько дней назад твою семью беспокоил один даос, он — мой ученик; вы пытались избавиться от него с помощью амулетов, ну лучше бы вам было попросить о помощи меня. Передай своему отцу, чтобы завтра он пришел к Павильону Холодных Источников, что у Западного озера, и трижды прокричал "железная шапка", и тогда я появлюсь. Если твой отец не придет, призраки украдут амулет".

Когда Гун-нань вернулся домой, Хоу-вэнь обо всем рассказал ему. На рассвете Гун-нань отправился к Павильону; он кричал "железная шапка" несколько сот раз, но ему так никто и не ответил. Как раз в это время мимо проезжал Ван Цзя, начальник уезда Цяньтан; Гун-нань схватился за его паланкин и поведал о своих бедах, но чиновник решил, что Гун-нань сошел с ума, и излил на него поток ругани и оскорблений. Ночью Гун-нань собрал несколько отважных и сильных людей из своей семьи, чтобы защитить амулет, но, несмотря на это, во время пятой стражи послышался шум, словно кто-то что-то рвал, и — о ужас! — амулет исчез. Наутро они

увидели на стуле отпечаток огромной ноги, более чем в чи длиной. С той поры каждую ночь у его ворот собирались полчища призраков, которые бросали и били посуду в доме. Гун-нань жил в постоянном страхе; за пятьдесят золотых монет он купил у господина Чжана другой амулет, и, когда амулет оказался в доме, призраки затихли.

В один из дней Гун-нань рассердился на своего сына Хоу-цэна и уже хотел было наказать его палкой, но тот убежал. Он не вернулся и спустя три дня; сестра моя безутешно рыдала, и Гун-нань отправился искать его. Он нашел Хоу-цэна за рекой, безумный, тот блуждал и уже готов был утопиться. Его посадили в паланкин и почувствовали, что он потяжелел вдвое. Когда его привезли домой, он смотрел на всех пустым невидящим взглядом и бормотал непонятные слова; лежа в постели, он вдруг воскликнул в припадке ужаса: "Они собираются расследовать дело, собираются расследовать, я иду!" — "Куда ты пойдешь, мальчик мой? — спросил отец. — Я иду вместе с тобой". Хоу-цэн поднялся, надел церемониальные одежды и шапочку и преклонил колени перед амулетом; Гун-нань стоял рядом с ним, но ничего не замечал. Хоу-цэну же привиделось, как на стул воссел дух, с третьим глазом между бровями, с лицом из золота и красной бородой, позади него распростерлось множество хорошо одетых молодых людей. Дух обратился к нему с такими словами: "Ван, твое пребывание в мире света еще не близилось к концу, чего же ты так испугался, что решил искать смерти?" и продолжил: "А вы, гонцы пяти сторон света, вы превратились в слуг колдунов-даосов, не получив на это ни приказа, ни санкции Высшей Чистоты (Неба)?" Все признали себя виновными, и божество назначило по тридцать ударов палками призракам; призраки голосили и умоляли о пощаде, а Хоу-цэн видел, как цвет их ягодиц менялся под ударами, пока не стал грязновато-серым. Заседание закончилось, и каждый из призраков получил пинок от божества. Потом Хоу-цэн пробудился, словно ото сна; вся спина его взмокла от пота, но с той поры в семье царили мир и спокойствие» («Цзы бу юй», гл. 2).

В этой истории описан далеко не самый худший из возможных вариантов, ведь порой ведьмы заставляют состоящих у них на службе призраков готовить специальную еду и с ее помощью превращают ничего не подозревающих безвинных путешественников в тягловых животных.

«При династии Тан к западу от Пяньчжоу (ныне — Кайфэн), подле деревянного моста стояла гостиница, хозяйку которой звали Сань Лян-цзы; никто не знал, откуда она явилась. Она жила там в одиночестве более тридцати лет, и не было у нее ни детей, ни родственников. Дом ее состоял из нескольких комнат. Жила она тем, что продавала приготовленную еду, что давало ей хороший доход, и держала ослов. Если случалось так, что у какого-нибудь чиновника или просто путешественника, проезжавших мимо либо верхом, либо на повозке, не оказывалось денег, она охотно приходила на помощь и давала взаймы. Так среди всех она пользовалась славой добродетельной женщины, и в гостинице ее останавливались гости и ближние, и дальние.

В годы Юаньхэ (806–821)в гостинице ее заночевал гость из Сюйчжоу по имени Чжао Цзи-хэ, направлявшийся в Восточную столицу (пров. Хэнань). Перед ним прибыло еще шесть или семь гостей, и каждый из них занял кровать, так что Цзи-хэ, приехавшему последним, ничего не оставалось, как довольствоваться ночлегом в дальнем углу, подле стены комнаты самой хозяйки. Сань Лян-цзы потчевала гостей изысканными кушаньями, а когда стемнело, она принесла вина, и веселилась и пила вино вместе с гостями; Цзи-хэ, хотя он и не любил вина, нравились шутки хозяйки. Незаметно минула вторая стража, и постояльцы, уставшие и опьяневшие, отправились спать; Сань Лян-цзы удалилась в свою комнату, закрыла дверь и потушила свечи.

Вскоре все захрапели, и только Цзи-хэ ворочался и никак не мог заснуть; тут он услышал за стенкой, в комнате хозяйки, какой-то шорох, словно она передвигала вещи с места на место. Через щель в стене он увидел, как Сань Лян-цзы достала из-под перевернутой вверх дном тарелки свечу, обрезала ее и зажгла, затем взяла из матерчатого ящика маленькие вещи:

инвентарь для обработки земли, деревянного буйвола и деревянного человечка — все они были размером не больше чем в шесть-семь цуней. Поставив фигурки перед очагом, она набрала в рот воды и побрызгала на них, и фигурки начали ходить и бегать. Деревянный человечек запряг буйвола, чтобы пахать на нем, и "вспахал" пол перед кроватью, там, где лежала циновка, проведя несколько борозд туда и обратно; потом из того же ящичка хозяйка вытащила узелок с гречихой и дала его человечку, чтобы он посеял зерно. В мгновение ока гречиха проросла, зацвела и созрела. Она приказала человечку собрать ее, и, когда он пожал колосья, она взяла семь-восемь шэн зерна и смолола муку в маленькой мельнице, специально стоявшей для этого на полу. Наконец, она убрала человечка обратно в ящик и испекла из муки хлебцы.

Тут запели петухи, и гости собрались отправляться в путь. Сань Лян-цзы первой зажгла лампу и поставила в качестве угощения для постояльцев горячие хлебцы. Взволнованный Цзи-хэ спешно попрощался, открыл дверь и пошел своей дорогой; взглянув напоследок в окно, он увидел, как люди сидят за столом и с удовольствием поглощают хлебцы. Но не успели они съесть их, как вдруг одновременно упали на пол, начали кричать и тут же превратились в ослов. Сань Лян-цзы загнала их в гостиницу, а потом забрала все их деньги и вещи.

Цзи-хэ никому не сказал ни слова о том, что видел, ибо втайне решил сам завладеть этим колдовством. Прошел месяц, пока он не вернулся из Восточной столицы. Подъезжая к гостинице у деревянного моста, он приготовил из гречихи хлебцы точно такого же размера, какие видел в ту ночь, и остановился на ночлег. Сань Лян-цзы была радушна и весела, как и прежде, и, поскольку в этот день он был единственным постояльцем, она уделяла ему все свое внимание и даже поздней ночью спрашивала, не желает ли он чего-нибудь. Цзи-хэ ответил, что хотел бы, чтобы с утра пораньше, перед отъездом, ему приготовили завтрак. Хозяйка уверила его, что он может совершенно не волноваться на этот счет и спокойно спать. После полуночи Цзи-хэ заметил, что она делает то же самое, что и в прошлый раз. Наутро она приготовила для него тарелку с едой и положила на нее несколько теплых хлебцев; а когда она пошла зачем-то еще, Цзи-хэ, улучив момент, бросился вниз и обменял один из хлебцев, испеченных хозяйкой, на собственный; Сань Лян-цзы ничего не заметила. Перед тем как начать есть, Цзи-хэ сказал: "Дорогая хозяйка, прошу вас, попробуйте хлебец, что я принес с собой". И он взял тот самый хлебец, что только что забрал у Сань Лян-цзы, и подал ей. Не успела она положить его в рот, как тут же с ревом упала на пол и превратилась в большую здоровенную ослицу. Цзи-хэ оседлал ее и тронулся в путь. Деревянного человечка, деревянного вола и все прочие принадлежности он забрал с собой, но колдовством так и не овладел: все его попытки заканчивались безуспешно. На осле, которого Цзи-хэ получил благодаря удачной уловке, он путешествовал повсюду, ничто не препятствовало ему, и в день он покрывал до сотни ли. Так минуло четыре года; в один из дней он миновал заставу и оказался в местечке, лежавшем в пяти-шести ли к востоку от храма божества горы Хуа. Здесь он увидел человека, который хлопал в ладоши и громко смеялся: "Госпожа Сань Лян-цзы с деревянного моста! — кричал он. — Как это вы обрели такой облик и кости?" И, схватив осла, сказал Цзи-хэ: "Она действительно виновата, но она уже достаточно наказана за то, что хотела сделать с вами; проявите сострадание, прошу вас, позвольте мне освободить ее из этой темницы". И старик собственными руками разодрал пасть осла, и из кожи осла выпрыгнула Сань Лян-цзы в своем прежнем обличий. Поблагодарив старика, она убежала прочь, и никто не знает, куда она отправилась»[117]. В полном соответствии с повсеместным убеждением в том, что зло, приносимое колдунами при посредстве подстрекаемых ими призраков, невозможно преувеличить, китайские законотворцы на протяжении вот уже многих столетий пребывают в уверенности, что еще не придумано такого наказания, которое сравнилось бы по жестокости с преступлениями самих колдунов и ведьм. Законы сунской династии, основанные, если верить официальной истории, на танских уложениях, причисляют «*янь мэй*, использование заклинаний и магических формул, а также перенесение колдовского искусства на других» к

числу наиболее тяжких преступлений. В кодексе монгольской династии Юань мы читаем: «Тот, кто использует *янь мэй* против высокого сановника, должен быть приговорен к смерти. Сын, использующий *янь мэй* против своего отца, подлежит пожизненной ссылке в отдаленную область, даже если будет объявлена амнистия; а жена, использующая *янь мэй* против своего мужа, обязана подчиниться его воле, если он решит продать ее в другую семью» («Юань ши», гл. 104, 1.7).

В кодексе законов династии Мин в разделе, посвященном *гу*, есть особая статья, квалифицирующая преступления с применением *янь мэй*, с абсолютной точностью, до последнего иероглифа, скопированная и в кодексе нынешнего правящего дома. Впрочем, Цины добавили некоторые детали, которые мы, давая перевод, возьмем в скобки. «Если были использованы *янь мэй*, амулеты или заклинания, с намерением убить человека, то каждый преступник (его дети и внуки, слуги и служанки, нанятые работники, высшие и старшие, низшие и младшие из его семьи) подлежат наказанию как в случае с покушением на убийство (когда преступление началось, но не было нанесено никакого вреда)[118]. Если действия их привели к смерти человека, каждый преступник подлежит наказанию по тому же закону, с поправкой, что преступление совершено[119]. Если же преступление было совершено только с целью вызвать болезнь и заставить человека страдать, наказание должно быть на две ступени мягче вышеупомянутого, за исключением тех случаев, когда дети и внуки совершают преступление против родителей и прародителей, или слуги и служанки и временные работники против своих хозяев» («Да Цин люй ли»).

«*Янь мэй,* — истолковывает один из источников данную статью, — означает свершение колдовства с помощью находящихся в подчинении призраков; например, рисование или вырезание человеческих образов с последующим протыканием их сердец, заколачиванием гвоздей в глаза или сковыванием рук и ног. "Амулеты" означают написание заклинаний или архаических иероглифов в колдовских целях, а также погребение написанного с тем, чтобы вызвать злых демонов; далее, это относится к сжиганию подобных вещей, ибо тем самым призракам отдаются приказания начинать исполнять их черные дела; а "заклинания" подразумевают практику записывания года, месяца и дня рождения человека и произнесение при этом магических формул».

Мы неоднократно отмечали, что именно с помощью амулетов, заклинаний, магических формул и чар, какое бы слово мы ни выбрали для обозначения «колдовского арсенала», маги склоняют к своей воле или даже превращают в послушных слуг призраков, являющихся только передаточным звеном в причинении зла; мы видели также, что порой для этих целей сжигаются амулеты. Таким образом, амулеты можно считать письменными посланиями в мир духов, вот почему на них, как и на «земных» приказах, обычно есть печать. Называются они *фу*, а также *фу шу*, «амулеты-записи», *фу чжан*, «амулеты-формулы». Заклинания — *чжоу, чжу* или *цзу*, «проклятия», тоже, несомненно, являются «приказаниями», их можно бормотать или напевать, или сопровождать гневными, исполненными ненависти восклицаниями, в зависимости от того, воплощают они магическую формулу либо исполненную задиристости фразу. Следовательно, можно утверждать, что амулеты и заклинания суть краеугольный камень колдовства, ведь без них призраки и демоны не начнут действовать.

Еще один весьма распространенный способ колдовства — соблазнить демонов жертвоприношениями и уж затем побудить нести зло людям. Жертвоприношения с колдовскими целями имели место, как мы помним, еще в первом веке новой эры; тогда магические формулы и заклинания, посредством коих котов-призраков натравливали не «объекты», сопровождались подношениями; подносили жертвы и *гу*, и золотым гусеницам. В Амое, как, впрочем, по-видимому, и везде, жертвоприношения с колдовскими целями, как правило, совершаются на могилах или перед поминальными табличками, уже лишившихся имен или их фрагментами. Как правило, колдун одновременно клянется, что, как только «объект» превратится в жертву и начнет страдать, он, колдун, вознаградит призрака, сожжет

для него бумажные деньги и прочие вещи в количестве, обусловленном соглашением. В Амое подобный вид колдовства, сопровождаемый «взятками» в виде жертвенных подношений, называется «колдовством с обещанием бумаги». Чаще всего на подобную колдовскую удочку попадаются низшие духи, состоящие на службе у божества Стен и Рвов или божества Восточной горы, статуи которых находятся в храмах этих божеств; но ни один колдун не осмелится даже приблизиться с таким предложением к самим божествам либо к духам, занимающим высокое место в табели о рангах потустороннего мира, за исключением разве что случаев крайнего гнева, когда к божественной справедливости взывают жаждущие мщения. В таком случае жертвы порой открыто призывают духов и божеств любого ранга. Ведь это — последняя надежда обрести защиту, отчаянный крик с мольбой о спасении, обращенный ко всему миру божеств и людей; и потому стенания их рассматриваются отнюдь не как колдовство и даже не как нечто плохое и недостойное, но, наоборот, вызывают всеобщую симпатию и сочувствие.

В Амое к такому способу нередко прибегают беззащитные люди, задавленные и загнанные в угол беспощадными кредиторами или врагами. С распущенными волосами, с осунувшимся почерневшим от горя лицом, с полоской бумажных денег за каждым ухом бродит несчастный по улицам города целый день, а иногда и несколько дней подряд, понося своего недруга всеми бранными словами, какие он только знает, выливая на него поток ругательств и при этом перечисляя по именам всех известных духов земли и неба и прося их обрушить на голову злодея самые разные кары, какие только имеются в их пенитенциарном арсенале. В странном одеянии он сам похож на тех, к кому он взывает с просьбой отомстить. В одной руке он держит круглый плетеный поднос, обычно используемый для просеивания на ветру риса, украшенный по краю развевающимися полосками бумажных денег, и ударяет в него безменом. Отсюда и местное название такого «колдовства» — «бить в поднос-барабан».

В подтверждение глубины своей нищеты и горя человек этот одет в мешковину, как если бы он носил траур в связи с кончиной отца или матери. На спине его на куске бумаги или материи — имя виновника его бед и несчастий с кратким описанием его порочных деяний. Как минимум один раз он совершает визит в храм божества Восточной горы, и один раз — к божеству Стен и Рвов, где, павши ниц перед образами двух высших властителей божественной справедливости, он перечисляет все свои беды. Священнослужители храмов пытаются не пускать его внутрь, утешая при этом мягкими, успокаивающими речами, но они бессильны перед толпой, которая с веселым любопытством окружает несчастного. Апофеозом сцены является тот момент, когда последний добирается до большого храмового барабана и бьет в него изо всех сил, чтобы привлечь к себе внимание божества, или звонит в главный колокол, призывая всех духов и божеств в пределах слышимости. Но хуже всего для обличаемого будет, если просящий прикрепит к колоколу кусок бумаги с именем обидчика, ибо тогда имя его будет запечатываться в сознание божеств мести с каждым ударом все глубже и глубже.

Однажды мне довелось видеть в Амое трех замужних женщин, «честных» торговцев людьми, которые все вместе били в «поднос-барабан», призывая проклятья на голову неведомого мне человека, похитившего у них девушку, которую они хотели продать, и на голову самой девушки, чье бегство запятнало безукоризненную репутацию «фирмы», заставив покупателей живого товара думать, что их обманывают.

Несомненно, существуют и многие другие формы анимистического колдовства, о которых мы не упомянули в этой главе. Так, например, натравить злобного демона на человека можно, обмазав его «маслом трупа», если, конечно, реально допускать, что в таком масле содержится субстанция души умершего.

Глава четвертая

Колдовство посредством душ предметов

Мы уже говорили о весьма древней китайской идее, согласно которой, даже те вещи, которые мы называем безжизненными, на самом деле одушевлены, особенно если они обладают формой человеческой или напоминающей таковую. Естественно, доктрина эта ведет к положению, что такие вещи могут быть призраками и делать опасными для человека те места, где они лежат или спрятаны.

Подобные представления, прочно укрепившиеся в сознании китайцев, невероятно облегчают колдовское искусство; его может практиковать каждый, причем сотнями разных способов. Требуется лишь спрятать в доме предполагаемой жертвы либо поблизости от нее какой-нибудь образ или просто любую вещь с тем, чтобы заключенная в ней душа могла начать действовать. Колдовские инструменты, несомненно, принадлежат к *янь мэй*, «призракам в подчинении», о которых мы говорили в предыдущей главе; именно так их и называют.

Обладающими черной силой вещами могут быть статуи, которые в последний, обагренный кровью многих людей период царствования ханьского императора У-ди якобы закапывали на дорогах, по которым он проезжал, и которые нашли во дворце наследника престола. Это могли быть изображения самого владыки, сделанные для определенных целей, о чем мы расскажем в следующей главе. Практика прятать изображения и образы с коварными намерениями настолько часто описывается в книгах, что у нас не может быть никаких сомнений — она широко распространена в Китае с глубокой древности и вплоть до наших дней. Вот что пишет, например, автор, живший в четырнадцатом веке.

«Невежественных людей часто обманывают колдуны-у. Хотя власти строго запрещают их практики, ничто не может сдержать их. На морском побережье жила одна богатая семья, которая не верила ни в колдунов, ни в ведьм; однажды, когда они построили дом, один колдун посоветовал плотнику сделать из дерева статую человека и положить ее внутрь столба; а когда члены семьи, после нескольких лет болезней, пришли за советом к этому самому колдуну, он заявил, что в их доме есть какая-то "вещь в подчинении" и что она спрятана в столбе; столб сломали и действительно внутри него нашли статую человека. Но, когда они спросили плотника, он признался, что сделать это его научил колдун. Семья доложила властям, и колдун был наказан. События эти послужили поводом к тому, чтобы начальник уезда Хэ Цзы-чжэн запретил с того времени все еретические жертвоприношения, а также колдунов и ведьм»[120]. В «Цзы бу юй» тоже упоминаются подобные колдовские хитрости. «В Цзычуань (пров. Шаньдун) правнук Секретаря Палаты Гао Нянь-дуна, сюцай высшего разряда, говорил мне, что в юности, после того как он осушил свадебный кубок, у него внезапно заболела голова и он в обморочном состоянии рухнул на землю, не осознавая ни людей, ни вещей вокруг. Спустя несколько дней ему постоянно чудилось, как чей-то голос нашептывает ему в уши что-то типа "лэ-лэ", а по прошествии еще несколько дней ему привиделся ребенок, ростом не более чем в один чи. С того дня он начал худеть и слабеть, и вскоре не мог уже подняться с постели. Его семья, будучи уверенной, что он попал под действие колдовства, позвала мага, но все его попытки изгнать призрака закончились безрезультатно. Тогда в изголовье его кровати тайком спрятали меч, и тогда, когда бы больной ни просыпался, он видел, как оттуда быстро убегает маленький ребенок и прячется под деревянной лавкой. Под лавкой поставили медный таз, наполненный водой, и как-то в полдень, когда больной очнулся от сна, он в очередной раз увидел убегающего ребенка и, схватив меч, стал размахивать им, да так, что тот с резким звуком плюхнулся в воду. В тазу домочадцы нашли деревянную фигурку ребенка в красной одежде, с красной ленточкой вокруг шеи, за которую он тянул обеими руками с такой силой, словно хотел задушить себя. Фигурку бросили в огонь и так положили конец колдовству. Потом им сказали, что в тот же день в деревне умер один ремесленник. Правда была в том, что, когда ученый женился и поселился в доме жены в качестве зятя, тесть его починил крышу, а выполнявший работу человек из-за того, что получил в чем-то отказ от тестя, прибег к колдовству *янь мэй*; но как только с колдовством было покончено, он сам расстался с жизнью» (Дополнительные главы к «Цзы бу юй», гл. 7).

Из истории этой можно сделать следующий вывод: каждому, кто строит дом, в высшей степени необходимо поддерживать хорошие отношения с каменщиками и плотниками и время от времени выставлять им щедрое угощение. Ведь если кто-нибудь из них спрячет в стене, под полом, на стропилах маленькую _ фигурку из дерева или извести, дом наводнят всевозможные призраки, которые будут постоянно тревожить и изводить хозяев своими стонами и свистами и исчезать, как только их увидят. Черная магия станет еще более эффективной, если злоумышленник воспользуется для своих целей фрагментом человеческой кости, ибо очень и очень немногие вещи на самом деле одушевлены в такой же степени, как и человеческие останки. Вполне сгодится и поминальная табличка или ее часть, которую легко можно стащить из какой-нибудь общественной кумирни. Но призраками становятся и души животных, поэтому хорошую службу колдовским замыслам может сослужить и кость кота, собаки, гуся или курицы.

При помощи разнообразных колдовских предметов жены и наложницы скрашивают свое унылое существование в задних покоях, а заодно и вымещают друг на друге свою антипатию и ревность. «Су Пэй из Угуна в годы Тяньбао (742–756) был начальником Чуцю. Дочь его вышла замуж за человека из семьи Ли; Ли испытывал куда большую страсть к своей служанке, а потому с дочерью Су Пэя они жили отнюдь не в любви и согласии. Потом служанка попросила колдуна использовать против женщины свое черное искусство. Они закопали амулет в навозной куче подле дома Ли, связали семь разноцветных кукол, каждая размером в чи с лишним, спрятали их в дыре в восточной стене дома и замазали отверстие глиной, так чтобы никто ничего не заметил. Прошло несколько лет, служанка Ли умерла и дочь Су Пэя осталась в доме одна, но когда минуло еще четыре-пять лет, колдовство начало действовать: разноцветные женщины вышли наружу и наводнили дом, отчего госпожа Су тяжело заболела. Никто не мог понять, в чем причина болезни, ведь служанки Ли уже не было в живых.

Истек еще один год, в течение которого в дом один за одним приглашали разных колдунов и магов, чтобы они с помощью заклинаний покончили со злом; они приходили со всем необходимым, но не могли справиться. Тогда домочадцы решили ждать, когда призраки появятся вновь, и напасть на них несколькими десятками людей сразу со всех сторон. Одного из них поймали — оказалось, что у него есть все части тела, а также глаза и брови. Призрак все время извивался в руках у людей, и, когда его зарубили мечами, кровь обагрила землю. Потом его сожгли на костре. На месте сожжения появились остальные призраки, они перемещались по земле и по воздуху, стенали и причитали. После сожжения они вырезали в доме похожую фигурку, а на следующий день явились в белых одеждах и несколько дней рыдали не переставая.

За полгода домочадцы поймали один за одним еще шесть призраков, и всех их сожгли. Одному из них удалось сбежать, и, когда погнались за ним, увидели, как он юркнул в навозную кучу. Тогда Су вместе с сотней человек вырыл то место на глубину семь-восемь чи, и там они нашли амулет из персикового дерева, на котором еще можно было прочитать написанное красными буквами: "Служанка Ли, дабы околдовать дочь из семьи Су, сделала семь человеческих фигурок; они на востоке, над кистью, заложены глиной; они должны подействовать через девять лет". Следуя указанию, они разворотили стену и нашли последнюю статую, после чего дочь Су Пэя перестала страдать» («Гуан и цзи»).

Подобное, наипростейшее, казалось бы, колдовство, таит в себе большую опасность, которой всякому честному человеку надлежит остерегаться. Мудрые родители, женящие сына и желающие подарить новое покрывало, едва ли обойдутся без того, чтобы предусмотрительно не пригласить портного несколько раз на обед и не дать ему дополнительной платы, ибо если он спрячет в покрывале две маленькие едва заметные куколки или даже просто заплетет несколько клочков ткани в подобие изображения человека, с того самого момента, как молодые взойдут на брачное ложе, между ними будут возникать ссоры и разлад. Также можно принести большой вред врагу, если положить в могилу его семьи предметы, иероглифы или какие-либо знаки, олицетворяющие зло; ведь тем самым счастье и спокойствие пребывающей

в могиле души может быть нарушено, и она более не будет защищать своих потомков и благоволить им; таким образом, процветание рода окажется подорванным. То, что китайские законописцы учитывали возможность подобного, подтверждается тем, что в комментариях к статье о колдовстве посредством *янь мэй*, амулетов и заклинаний, значится среди всего прочего и следующее: «Если кто-либо из зависти или недоброжелательства положит в могилу предков другого человека кусок персикового дерева с тем, чтобы нарушить ее фэншуй, он подлежит такому же наказанию, как и при использовании призраков, амулетов и заклинаний с целью навлечь болезни и страдания на других, то есть наказанию на две степени менее суровому, чем в том случае, если преступник замыслил убийство и начал осуществлять его, но не успел нанести никаких ран — а именно, ссылке на два года. Решение принято в Чжэцзяне, в двадцать второй год Цзяцин»[121]. Естественно, что подобное колдовство имеет древнее происхождение. Так, в одной из династийных историй говорится о том, как в шестом столетии в могиле одной из наложниц императора тайно похоронили воскового гуся и другие предметы с тем, чтобы поспособствовать продвижению на престол ее сына и свержению правящего владыки.

Глава пятая

Иные формы колдовства

Если вред человеку можно причинить с помощью призраков или душ других людей, то вполне реально предположить, что сделать это возможно и посредством его собственной души, а именно — «вырвав» ее из тела.

Как мы помним, в кодексе законов особо указываются случаи, когда злодеи крадут у людей души или жизненную *ци*, чтобы потом использовать их для колдовства; в подобном документе, естественно, никаких конкретных примеров «душекрадства» не приводится. Впрочем, никакой тайны в том, к чему приводят подобные «кражи», нет, ведь мы в свое время описывали болезни, к которым приводит отсутствие души в теле человека. Там мы приводили историю о двух людях, которые, без всякого злого умысла, используя магические амулеты и заклинания, «вытащили» души из женщин. Внимательный читатель помнит и историю об одном даосе, который пытался при помощи заклинаний и ножа лишить души и жизни своего врага, и план его не удался лишь постольку, поскольку противник обладал крепкими нервами. Таким образом, мы вправе заключить, что в Китае есть «похитители душ», преследующие цель совершенно иную, чем колдуны, о которых мы рассказывали в главе III, которые нуждаются для исполнения своих замыслов в «душах в подчинении». Эти «похитители душ» также в основном делают свои черные дела, опираясь на силу амулетов и заклинаний, в чем нас убеждает следующее повествование.

«В Гуанси люди верят в "повелителей призраков" и почитают их. Жили там два человека, Чэнь и Лай, которые умели "ловить" жизни и впускать их в тела умирающих. К их услугам часто прибегали семьи, в которых кто-нибудь тяжело болел. Когда один из них приходил в дом к больному, он первым делом накрывал чашку с водой бумагой и подвешивал ее вверх дном над постелью больного; на следующий день он навещал его и осматривал чашку — если за это время не вытекало ни капли воды, то, уверял он, больному можно помочь. Либо же он брал петуха, втыкал чистый нож петуху в горло на семь-восемь цуней и держал птицу перед больным, задерживая свое дыхание и повторяя заклинания; если после произнесения заклинаний из клюва петуха не просачивалась кровь, он также говорил, что больного можно вылечить. Потом он вытаскивал из горла петуха нож, бросал птицу на землю, и она как ни в чем не бывало улетала. Но если исчезала хоть капля воды или выступала хоть капля крови, он поворачивался и уходил, говоря, что помочь не в силах.

Если больному можно было помочь, он воздвигал алтарь и вывешивал на нем несколько десятком изображений *шэнь* и *гуй*; затем повелитель призраков, одетый в женское платье, исполнял танец *ган* и бормотал заклинания, сопровождая их ударами в гонг и барабан. Когда же наступала ночь, он делал светильник из промасленной бумаги, выходил в поле и

неотчетливым голосом звал душу (*хунь*). Душа крепко спящего соседа повиновалась ему и приходила; повелитель призраков приказывал ей взять в руку светильник и уходить; если после этого повелитель призраков поздравлял семью больного, то больной выздоравливал, а человек, чья душа приходила за светильником, умирал. Однако был способ воспрепятствовать колдовству, который заключался в следующем; если, заслышав ночью звук барабана или гонга, человек вставал обеими ногами на землю, никакой вред ему причинить было невозможно. Таким путем Чэнь и Лай разбогатели. Главный зал их дома представлял собой темное место, где они подносили жертвы перед множеством изображений *шэнь* и *гуй*.

Как-то жена младшего брата моего отца заболела и пригласила к себе повелителя призраков Лая. С мечом в руке он пытался поймать призрака, но существо, похожее на большую летучую мышь, спряталось под ее кроватью. Лай написал на ладони иероглиф "гром" и напал на призрака, но огонь из его руки вырвался в неверном направлении и опалил ему бороду. Он рассвирепел, приказал вскипятить в котле масло дерева тун, написал на амулете заклинания и сжег его; а после того, как он стал мешать кипящее масло собственной рукой, из-под кровати послышалось жалкое щебетание — призрак просил прощения. Вскоре он затих, и женщина поправилась.

Однажды, когда повелитель призраков Чэнь по просьбе одной семьи вызывал душу-хунь, он увидел, что к нему медленно приближается девушка в синих одеждах. Внимательно посмотрев на нее, он признал в ней собственную дочь, которая пришла за светильником. Чэнь перепугался, бросил фонарь на землю, ударил ее по спине и поспешил домой, чтобы взглянуть на дочь; дочь только проснулась и дрожала от страха. "Я пришла, потому что мне снилось, что ты зовешь меня", — сказала она ему. А на ее синем платье хорошо виден был масляный след от его руки.

В Гуйлине серьезно заболела дочь начальника Вэя. Жена пригласила Чэня посмотреть ее, но Чэнь запросил за визит сто монет, и тогда Вэй, человек жестокий, схватил его, наказал палками и бросил в тюрьму. Но повелитель призраков лишь усмехнулся и сказал: "Запомните, вам будет совестно за те удары, что вы нанесли мне". Когда повелителя призраков наказывали палками, дочь Вэя, лежавшая на кровати, закричала: "Чэнь приказывает двум призракам бить меня палками по ягодицам, они бросают меня в темницу!" Жена Вэя, ужаснувшись, потребовала выпустить Чэня; она пообещала ему двойную плату, но Чэнь сказал: "Меня испугали злые призраки, и теперь я бессилен". И девочка умерла» («Цзы бу юй», гл. 17).

Отнять душу у живого человека можно и другими способами. Так, например, когда человек спит, душа его покидает тело, и колдун, разместив подле кровати спящего жертвенную утварь, способен не дать душе вернуться обратно в тело, ибо душа в таком случае примет жертвы за погребальные, решит, что человек умер, и уйдет восвояси, вызвав тем самым уже настоящую смерть. Того же результата можно достичь, если раскрасить или замазать черным лицо спящего — блуждающая душа, вернувшись, не узнает своего владельца.

Исследование наше, разумеется, не в состоянии дать полную картину такого масштабного явления, как китайское искусство колдовства. Ведь сфера владычества анимизма настолько огромна, что позволяет создавать колдовские хитрости и практики в неисчислимом количестве. Существуют, однако, и такие разновидности колдовства, в которых анимистический элемент не проявляется, по крайней мере, выпукло, и в таком случае вообще сомнительно, должны ли мы в рамках нашей работы говорить о них. Таковы, например, черная магия, направленная непосредственно на жертву, его образ, имя или гороскоп, которая может опираться и на амулеты, и на заклинания, и на любые иные формы болезнетворного воздействия.

Читатель уже знает, что амулеты и заклинания, используемые для натравливания злых призраков на людей, представляют собой команды либо магические формулы, накладывающие на потусторонних существ обязанность повиноваться. Применение их подразумевает наличие веры в силу и действенность слова как такового, высказанного либо написанного. Пожелания счастья и благоденствия, ругань и оскорбление — вообще все слова порождают мысль о

реалиях, и мысли эти могут быть достаточно сильны и глубоки, чтобы убедить доверчивые умы в том, что подразумеваемые ими «реалии» действительно имеют место быть. Таким образом, слова практически исполняют то, что они выражают; они не только подразумевают реалии, но и сами являются реалиями. Принцип этот сполна иллюстрировался нами через различные традиции и обряды; он является самым важным фактором, определяющим характер китайского экзорцизма и религиозной магии; с ним мы будем неоднократно встречаться в дальнейшем.

Из всего этого с необходимостью вытекает, что заклинания и амулеты сами по себе вполне достаточны для совершения колдовства, и никаких призраков-помощников или призраков-посредников не требуется. Они использовались против императора У-ди в ханьские времена, а значит, скорее всего, рассматривались как первейшие инструменты колдовства и в гораздо более ранние времена, что тем более вероятно, если учесть, что мы находим их у многих народов, находящихся на весьма низкой ступени развития. И, как мы указывали, уголовные наказания, в течение столетий применявшиеся к виновным в подобного рода черном искусстве, предусматривали для них такое же наказание, как и за использование «призраков в подчинении».

Амулеты и заклинания, передающие приказы призракам либо же уточняющие, что именно надлежит сделать жертве, обычно говорят на особом, оккультном языке и используют специфическую терминологию, вдаваться в детали которых мы, увы, не в состоянии из-за недостатка данных. Попытаемся представить лишь такую, самую простейшую из их возможных форм: клочок бумаги, с написанным на нем иероглифом ша, «убить», спрятанный в одежде «объекта» колдовства, пусть даже в той, которую он не носит; все равно этого может быть достаточно для того, чтобы уничтожить его самого и всю его семью. Написанные на чем-нибудь иероглифы, обозначающие «болезнь» либо еще что-либо дурное, можно укрыть и в доме врага, ведь погубить его может даже нелепая смесь черт и точек — а вдруг они сами собой волшебным образом составят какое-нибудь послание! Иероглиф, обозначающий призрака, приведет этого призрака в дом объекта ненависти, особенно если колдун поспособствует тому заклинаниями. Название же насекомого заставит наводнить дом каких- нибудь паразитов либо же напрочь отобьет аппетит у всех членов семьи, ибо в самый неподходящий момент в горшках и кастрюлях вдруг будут появляться тараканы, гусеницы либо вши. Одним словом, здесь колдовству предоставлен необъятный простор для действий: может случиться все, что только возможно вообразить. Мы видели столько разных символических обозначений счастья, по убеждению китайцев, на самом деле его приносящих, что вполне логично, что и олицетворения зла, какими бы нелепыми и фантастическими они ни выглядели, точно так же, по их мнению, приносят зло. И все эти олицетворения мы могли бы классифицировать, составив длинный список самых разнообразных колдовских чар.

Амулеты и заклинания помогают и всевозможным мошенникам усыплять и притуплять бдительность людей и заманивать их в ловушки и расставленные сети. Китайцы столь твердо и искренне убеждены в реальности такой опасности, что в Уголовном кодексе есть такая статья: «Существуют порочные и отвратительные разбойники, использующие амулеты и заклинания, растения и пищу для того, чтобы заманивать мальчиков и девочек в ловушки и расчленять их, либо вытаскивать из их головы и костей мозг. Местным властям надлежит выслеживать и хватать преступников, судить их и наказывать. Если местные чиновники окажутся неспособными расследовать преступления, их следует понизить на два ранга (в чиновничьей табели о рангах)» (гл. 25, ст. 4).

Интересно также, что, по китайским представлениям, вред человеку можно причинить, если пожелать ему зла над иероглифами, обозначающими год, месяц, день и час его рождения, и именно таким способом пользуются колдуны, чтобы пленить и заманить в свои сети тех, кого они хотят «лишить жизни» или у кого желают похитить душу. Всего иероглифов этих восемь — четыре бинома шестидесятеричного цикла, используемые для исчисления лет, дней, месяцев и часов. Они составляют гороскоп человека, определяющий его судьбу раз и навсегда;

вот почему причинить вред гороскопу, значит, причинить вред и самому человеку. Писать их в перевернутом виде, перечеркивать проклятиями, произносить над ними бранные слова и заклинания или еще каким-либо образом выражать недоброжелательное к ним отношение — значит с дурными целями применять языческий закон связи и идентификации представлений и лежащих в их основе реалий. В Амое, как мы уже говорили, нередко приклеивают клочок бумаги с именем и датой рождения заклятого врага к колоколу одного из храмов, ибо каждый удар колокола будет дорого стоить такому человеку — от будет сотрясать и тревожить и его самого, и его судьбу.

К счастью, есть немало людей, против которых любое колдовство и, в частности, только что описанное нами, бессильно. Такими счастливчиками являются люди, у которых все четыре бинома рождения, согласно альманахам предсказателей, либо даже вопреки и тем, и другим — первоклассные; все восемь иероглифов у таких «баловней судьбы» — «тяжелые» (*чжун*); и они формируют естественную судьбу, неподвластную, как неприступная твердыня, никаким лихолетьям. Но горе тем, у кого все восемь иероглифом окажутся «легкими» (*цин*), ведь именно таких в первую очередь и преследуют колдуны. Людей, становящихся слабоумными либо идиотами, китайцы обычно рассматривают как несчастных жертв злонамеренных действий колдунов, совершенных против их гороскопов.

Каждый житель Амоя при случае дает свой гороскоп в руки предсказателей, хрономантов и геомантов для того, чтобы они на основании его изрекли свой вердикт относительно судьбы владельца, его счастья и несчастья, удачи или неудачи в делах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «профессора» оккультных искусств находятся под постоянным подозрением в том, что они либо занимаются колдовством сами, либо за деньги продают гороскопы тем, кто уж точно воспользуется ими с коварными целями. Естественно также, что любой благоразумный и осмотрительный человек наиболее тщательно скрывает иероглифы, обозначающие час его рождения; остальные шесть менее точно определяют его судьбу и оттого менее опасны, случись им попасть в руки недруга. Страх нечаянно открыть час своего рождения настолько велик, что китайцы, даже в письменных обращениях к божествам и предкам, составляемых во время регулярных жертвоприношений, в которых они, следуя издревле идущим традициям, как правило, искренне и подробно говорят о себе, указывают только год, месяц и день своего рождения, заменяя иероглифы, обозначающие час, нейтральным термином «благоприятный» (*цзи ши*).

Амулеты и заклинания могут принести вред человеку, если их применить против чего-нибудь, олицетворяющего его тело. Читатель знает, насколько тесно склонны китайцы отождествлять существа и их подобия. А потому они убеждены, что повредить человеку вполне можно, оскорбив его изображение или дурно обращаясь с ним; тогда человеку суждено испытать все то, что испытал его «двойник». Сходство того и другого усугубляется в том случае, если на изображении написано имя и гороскоп человека. Мои знакомые китайцы уверяли меня, что способ этот широко практикуется. В Амое для этого используется самый грубый «образ» — две скрещенные бамбуковые палочки; к ним приклеивают клочок бумаги, призванный «символизировать» человеческое тело. Размером они, как правило, с руку человека, а изображения мужчин и женщин отличаются лишь тем, что к первым добавляются еще два кусочка бумаги, как говорят, «сапоги». Называются они *ти шэнь*, «заменяющими тело», и продаются в любой лавке, где делают и продают бумажные принадлежности для жертвоприношений умершим и божествам; их сжигают для того, чтобы в потустороннем мире они превратились в верных слуг предков и духов. Используют их и в экзорцистских практиках и религиозной магии, о чем мы будем говорить в дальнейшем. Для свершения колдовского замысла достаточно даже просто нескольких соломинок, связанных крест- накрест, ведь сходство подобного «изображения» с человеком достигается не столько артистическими способностями недруга, сколько указанием имени и гороскопа, прикрепляемых к «образу»[122]. Мужчины утверждают, что к подобному виду черной магии склонны в первую очередь

представительницы слабого пола. Ненависть к мужьям-тиранам, взаимная ревность жен и наложниц, вызванная пристрастным отношением мужа и господина к исполнению сексуальных и прочих обязанностей, всевозможные домашние ссоры и склоки, от которых не свободна ни одна китайская семья — все это легко превращает внутренние покои дома, где живут женщины, в источник оккультного зла. Измазать «образ» ненавистной соперницы нечистотами или бросить его в отхожее место, дабы сама она стала источать такой мерзкий запах, чтобы любовь к ней мужа сменилась отвращением — совершенно в порядке вещей, как, впрочем, и «похороны» изображения или осыпание его потоком ругательств и проклятий. Во всем этом жены и служанки проявляют недюжинную выдумку и изобретательность.

Применение «двойников» хорошо также и тем, что позволяет колдунам и колдуньям поражать именно те части тела жертв, которым они желают повредить. Если проткнуть иголкой глаза куклы и одновременно произнести заклинание или излить проклятие, жертва может ослепнуть, особенно, если колющий предмет не вынимать из куклы; булавка в животе у образа вызовет колики у человека, а если ее вонзить в сердце — то и смерть; чем уколы многочисленнее, а заклинания громче, тем надежнее результат. Именно так, как мы помним, обошлись с несчастной Юэ-си. Подобные «образы» часто бросают на пыльные улицы, чтобы толпа топтала их; если кто-то случайно заметит их, то тут же отстранится и плюнет, дабы свести на нет их эффект. В любом случае, подобное колдовство будет более действенно, если предварительно связь «объекта» с изображением укрепить, пронеся его над головой человека или спрятав на время в его одежде, стуле или кровати.

В Амое говорят, что нередко при помощи колдовских кукол людей бросают в объятия низших демонов, состоящих на службе у божества Стен и Рвов и божества Восточной горы; действительно, божества эти являются судиями над душами человеческими, и часто приказывают своим подчиненным забрать душу у живого человека и доставить ее на суд. Если человек считает, что кто-то причинил ему зло, он может спрятать изображение этого человека рядом со статуей демона в храме одного из божеств и обратиться к божеству с просьбой, разумеется, подкрепив ее жертвоприношениями, похитить душу обидчика, дабы она подверглась пред божественным ликом тем же самым пыткам и истязаниям, которые применяют при допросе арестантов земные власти. В храме божества Восточной горы есть большой деревянный цилиндр, который, вращаясь перпендикулярно на оси, якобы поднимает души женщин, умерших от заражения крови при родах, из бассейна с кровью, в котором те пребывают в аду, искупая вину. Порой женщины бросают «двойников» своих соперниц под это «орудие спасения», желая тем самым им смерти при родах и попадания в кровяной бассейн.

Несомненно, что традиция навлечения вреда и порчи с помощью самых разных образов человека весьма древняя. О куклах мы читаем при описании всеобщей истерии, связанной с *гу*, при ханьской династии. Куклы эти могли быть как «призраками в подчинении», так и «двойниками-заменами» самого августейшего императора У-ди, которые зарывали в землю с тем, чтобы по аналогии «вызвать» тем самым смерть и погребение императора либо же выкрасть его душу, когда он будет проезжать мимо, и сделать его тем самым более уязвимым для последующего колдовства. Признанным фактом является то, что в историческом описании сходного события, имевшего место в 453 году, явно указывается, что куклы были не чем иным, как изображением императора. Описание это достаточно интересно, чтобы привести его полностью.

«Была колдунья по имени Янь Дао-юй, заявлявшая, что она общается с духами и душами (*лин*) и обладает способностью использовать призраков». Служанка принцессы по имени Ван Ин-у представила ее госпоже, и она завоевала доверие наследного принца Шао и второго принца Сюня, которые «почтительно прибегали к ее искусству и называли ее "Небесной повелительницей", а после по ее указаниям они сделали колдовские *гу* и куклу из яшмы, изображавшую императора, которые зарыли перед дворцом Ханьчжан». Принцы прекрасно сознавали, какое преступление совершают, и опасались, что отец может обо всем узнать и

покарать их. Сообщником их была Ван Ин-у, вместе с Чэнь Тянь-сином, слугой принцессы, которого Ван Ин-у вырастила и использовала для удовлетворения собственных сексуальных аппетитов. Кроме того, в колдовском заговоре участвовал и евнух Цин Гэ. Принцесса умерла, и тогда наследный принц отдал Ван Ин-у в наложницы одному из своих офицеров, по имени Чэнь Хуай-юань, который узнал о тайной связи Ван Ин-у с Чэнь Тянь-сином. По его просьбе, наследный принц казнил слугу. Казнь эта привела в ужас евнуха Цин Гэ, поскольку они с Ван Ин-у были хорошими друзьями. И, чтобы спасти свою жизнь, он рассказал обо всем императору. Случилось это в седьмом месяце 452 года.

Сын Неба арестовал Ин-у. Ее дом обыскали и нашли множество бумаг, написанных рукой Шао и Сюня — заклинания и заговоры, связанные с колдовскими *гу*; обнаружили и зарытую фигурку. Дао-юй удалось бежать, и все ее поиски, даже в провинции, оказались безрезультатными. Оба принца даже не пытались оправдываться и сразу же открыто признали свою вину. Младший вместе с пропавшей Дао-юй, переодетой буддийской монахиней, направился на столичную пристань, а оттуда — в северную армию; во втором месяце следующего года он даже осмелился вернуться с ней в столицу.

Но две служанки доложили императору о колдовстве. Император лишил Шао ранга наследника престола, а Сюню приказал покончить с собой. Вердикт владыки побудил принцев совершить попытку государственного переворота. Ранним утром, когда стражники спали, Шао напал на дворец, а его сподвижник, Чжан Чао-чжи, убил императора и отрезал у него пять пальцев. Погибли и несколько сановников; Шао взошел на престол и стал править под девизом Тайчу, «Великое Начало», который ему подсказала Дао-юй.

Но третий принц, законный наследник в силу низложения старшего принца и смертного приговора второму, сосредоточил большую власть в провинциях. После короткой кампании и сражения на реке Янцзы его войска захватили столицу, которая была усмирена и приведена к покорности посредством двадцати двух дней кровопролития и погромов. Шао, спрятавшийся в колодце в столичном арсенале, был найден и обезглавлен; Сюнь вскочил на коня и покинул столицу, но был вынужден сдаться командующему победившей армии и тоже расстался с головой. Всех их жен, наложниц и детей казнили или приказали покончить с собой. Головы принцев выставили на шестах, а потом вместе с телами бросили в Янцзы. Погибли и их сторонники; тело Чжан Чао-чжи съели воины, а остатки его — сожгли. Шао, которого перед смертью заставили выдать место, где он спрятал императорские печати, сказал, что они находятся у Янь Дао-юй. Вновь по всей империи начали искать ее и Ван Ин-у; их нашли и приговорили к публичной казни — запороли до смерти; тела сожгли, а пепел развеяли над Янцзы («История [Лю] Сун», гл. 99; «История южных династий», гл. 14).

Принцип физической взаимосвязи образов и их «объекта» признается в практике колдовства безоговорочно. Люди совершенно серьезно рассказывали мне, что враги судовладельцев и торговцев нередко губят их таким образом: они рисуют где-нибудь перед входом в их дома смутные очертания джонки так, что нос указывает на улицу, и тогда корабли, покидающие гавань, не возвращаются в нее. А вот одна из известных историй Пу Сун-лина.

«Человек из Шаньси, имя которого я позабыл, был членом секты Белого Аотоса и учеником Сюй Хун-жу[123], он смущал народ еретическими учениями, и многие, кто хотел постичь его искусство, называли его учителем. Как-то, собравшись покинуть дом, он поставил в главном зале таз, накрыл его сверху другим тазом и велел ученику сидеть рядом и наблюдать, но не приподнимать крышку и не заглядывать внутрь. Однако, после того как он ушел, ученик поднял крышку и увидел, что в тазу чистая вода, а по ней плавает сплетенный из соломы кораблик с полной оснасткой и парусами. Любопытство разобрало его, он дотронулся до кораблика, и тот опрокинулся; он быстро поставил кораблик в прежнее положение и закрыл крышкой. Тут вернулся учитель. "Почему ты не послушался меня?" — гневно воскликнул он. Ученик начал было оправдываться, что он ничего не делал, но учитель сказал: "Мой корабль

только что перевернулся в море. Неужели ты думаешь, что сможешь обмануть меня?"» («Ляо Чжай чжи и», гл. 5).

Если верить династийным историям, китайцы убеждены в возможности разрушить даже супружескую любовь путем оперирования с «символами», специально разрисованными или раскрашенными. Так, в «Истории династии Цзинь» описывается следующий эпизод, имевший место в 1209 году. «У покойного императора (Чжан-цзун) были фаворитки, к которым госпожа Ли (главная наложница) относилась чрезвычайно ревниво. Она приказала колдунье по имени Ли Дин-ну сделать изображение человека из дерева и бумаги и амулет в виде двух уток (в Китае считаются символами супружеской любви), воспользоваться "призраками в подчинении" и заставить их действовать, дабы с их помощью прервать потомственную линию императора. Поскольку никто не мог объяснить, какое именно зло она совершила, император, как только прознал об этом, приказал высокому сановнику допросить ее, а когда она во всем созналась, велел главным министрам еще раз допросить ее, под пыткой; поскольку ничего нового узнать не удалось, судьи признали ее виновной в соответствии с законом, но попросили, чтобы ее оправдали, поскольку она в течение долгого времени заботилась о покойном императоре. Однако принцы крови и офицеры выступили с меморандумом, требовавшим от императора приказать ей покончить с собой» («История династии Цзинь», «Цзинь ши», гл. 64,1.14). Мать ее, помешавшуюся на старости лет, казнили, а двоих братьев, занимавших высокие посты, лишили всех рангов и сослали. Кроме того, сурово наказаны или казнены были несколько ее знатных сообщников.

Способствовать колдовству могут не только изображения человека, его имя или гороскоп, но также и части тела и одежды «объекта». Это означает, что, по китайским поверьям, либо между данными вещами и самим индивидом существует непрерываемая связь, либо они также ассоциируются или идентифицируются с человеком, поскольку, как и его изображение, имя или гороскоп, вызывают мысли о нем либо же содержат часть его души. Как мы помним, китайцы полагают, что даже во фрагментах трупа человека сохраняется субстанция его души; естественно, таким образом, что дело тем более обстоит так, если человек еще жив.

Волосы, ногти человека — все это незаменимые инструменты колдовства, наряду со старыми башмаками и одеждой, ленточкой для волос, пуговицами и т. д.; если их ударить палкой или сжечь, пожелать зла над ними либо пробормотать заклинания, то прежний владелец их наверняка заболеет, встретит беду или вообще умрет. Вот почему благоразумие предписывает не отдавать нищим и попрошайкам старые изношенные вещи. Чэнь Цзанци еще в восьмом веке говорил, что «волосы сбежавшего человека следует взять и сложить крест-накрест на утке ткацкого станка; и тогда мысли его спутаются, и он не будет знать, куда идти» («Бэнь-цао ганму», гл. 52,1.2). Тот же принцип применим и для колдовства в отношении домашнего скота, собак и кошек врага; на них можно наслать болезни, вызвать падеж или бешенство. «В уезде Дэнчэн, что входит в Сяньян (пров. Хубэй), жил один колдун, который с помощью своего искусства мог портить вино у торговцев, поэтому все владельцы винных лавок почитали его и боялись. Каждую весну и осень он обходил их лавки и собирал дань: в каждой лавке из десятков, имевшихся в округе, виноторговцы давали ему двадцать тысяч монет, и тогда целый год они могли наслаждаться покоем. Как-то колдуну потребовались деньги, и он потребовал у одного богатого винодела дополнительной платы, но тот отказал ему в резких словах. Тогда, выйдя из лавки, колдун купил один шэн вина, вылил его в маленький сосуд, бросил туда немного навоза и размешал, после чего поспешил в ближайшую рощу, где исполнил танец Юя и пробормотал заклинания. Затем, обойдя несколько раз вокруг сосуда с вином, он зарыл его в землю и отправился восвояси. Внезапно в винной лавке от целого ряда кувшинов с вином пошел запах навоза. Лекарь-даос сказал на это: "Я владею искусством, которое может помочь избавиться от зла, но испортившееся вино уже нельзя сделать хорошим". Он зажег ладан и начал колдовать, и через полдня вонь исчезла».

В главах, посвященных китайскому искусству колдовства, мы говорили о многом из того, что в равной степени имеется и у других народов, причем даже у находящихся на весьма примитивном уровне цивилизации. А благодаря Суй Юаню мы можем утверждать, что в колдовстве китайском есть немало черт, сходных с магией некитайского населения южного острова Хайнань. «В Ячжоу, входящем в Гуандун, половину населения составляет народ ли, который делится на культурных ли и ли-варваров. Среди женщин племени ли есть такие, кто держит при себе "призраков в подчинении"; они умеют околдовывать людей посредством заклинаний так, что люди умирают. Колдовство свое они творят после того, как завладеют волосами из бороды или головы того, кому они хотят принести зло, либо же кусочком выплюнутого им ореха; положив их в бамбуковую корзину, женщина ночью поднимается на вершину холма и ложится на спину, обратив лицо вверх; она колдует над ней с помощью амулетов и заклинаний под звездами и луной, и на седьмой день человек умирает. На теле его, гибком и податливом, словно хлопок, не найти и малейшего следа. Ведьмы эти могут околдовать только людей племени ли, и не в состоянии причинить никакого вреда китайцам. Если пострадавшие от колдовства люди хватают ведьму и сообщают о ней властям, они накидывают ей на шею веревку, а потом продевают ее сквозь длинный стебель бамбука и так ведут, дабы она не могла приблизиться к ним и околдовать. Сами ведьмы говорят, что если на седьмой день их колдовство не подействует, они сами умрут. Некоторые из них занимаются колдовством с раннего возраста, еще до замужества. Искусство это они получили от предков. Заклинания их в высшей степени таинственные. Даже если одну ведьму забить до смерти, она ни за что не выдаст других. Есть только женщины-колдуньи, и нет колдунов-мужчин, ибо искусство это женщины передают только женщинам и не передают мужчинам» («Цзы бу юй», гл. 21).

Перевод некоторых китаиских мер и весов на метрическую систему

Меры длины:
ли — 576 м
чжан — 3,2 м
чи — 0,32 м
цунь — 3,2 см.

Меры объема:
дань -103,55 л
ху — 51,77 л
доу -10,35 л
шэн -1,03 л.

Меры площади:
цин — 6,144 га
му — 6,144 а

Меры веса:
цзинь — 596,8 г
лян — 37,3 г
цянь — 3,7 г

Примечания

1

Groot J.J.M.de. The Religious System of China, its ancient forms, evolution, history arid present aspect. Vol. 1–6. Leiden, 1892–1910. Vol. 1: 1892. 360 p.; Vol. 2: 1894. 8 + (361–828) p.; Vol. 3:1897. 6+ (829-1468) p.; Vol. 4:1901.10 4-464 p.; Vol. 5:1907. 465–928 p.; Vol. 6: 1910. 6 + (929-1341) p.

2

Ван Чун (I в. н. э.) — выдающийся китайский философ-скептик, автор трактата «Весы суждений» (Лунь хэн).

3

Янь Ши-гу жил в VII в. «История Хань» — исторический труд, написанный выдающимся историком Бань Гу в I в. н. э. Годы правления Цяньлун — 1736–1796.

4

«Цзо чжуань» (Комментарий Цзо) — историческое сочинение середины I тыс. до н. э., написано конфуцианцем Цзо Цю-мином. В конфуцианстве рассматривается как классический комментарий к летописи «Весны и Осени», приписывающейся Конфуцию.

5

«Шу цзин» — «Канон истории» (конфуцианский канонический текст).

6

«И цзин» — «Канон перемен» (конфуцианский канонический текст).

7

«Записки о поисках духов» — сборник «новелл об удивительном», составленный Гань Бао в IV в. н. э. Русский перевод Л.Н. Меньшикова см.: Гань Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи). СПб., 1994.

8

«Ян э мань би», небольшой сборник сунского периода, автором которого является Чжао Цзинь, также Юаньцзинь, в годы Сяньшунь (1265–1275) занимавший пост начальника Цзяньнинфу в Фуцзяни.

9

Чи — 32 см.

10

Имеется в виду одна из новелл Пу Сун-лина (Ляо Чжая), жил в XVII–XVIII веках. Его новеллы в переводе академика В.М. Алексеева неоднократно издавались в России.

11

Династия Цзинь правила с 265 по 419 гг.

12

«Цзи вэнь», «Записи услышанного» — сочинение в десяти главах, составленное в девятом столетии Ню Су и упоминаемое в «Новой истории Тан», гл. 59, I, 19. Впрочем, возможно, что это текст, упоминаемый в «Вэнь сянь тун као», и тогда он состоит из одной главы.

13

«Тун ю цзи» — небольшое сочинение, принадлежащее кисти Чэнь Шао и упоминаемое в цз. 59 «Синь Тан шу» — «Новой истории династии Тан».

14

Ямынь (ямэнь) — в Китае эпохи Цин (1644–1911 гг.) — управа, официальное присутствие.

15

Правил под девизом Цяньлун (1736–1796 гг.).

16

Современный Синьцзян — Уйгурский Автономный Район КНР.

17

Провинция Цзилинь в Маньчжурии (северо-восток современной КНР).

18

Император цинской династии Жэнь-цзун правил под девизом Цзяцин (1796–1820 гг.).

19

Правил под девизом Даогуан (1820–1850 гг.).

20

«Хун фань у син чжуань». «Хун фань», «Великий образец» — один из разделов: Щу цзина». По-видимому, широко использовалась в шестом веке для оглашения пророчеств. В ту пору текст состоял из одиннадцати глав с комментариями Лю Сяна («История династии Суй», гл. 32, I.11). Фрагменты сочинения часто цитируются в «Истории Поздней Хань», особенно в разделе «У син чжи», «Трактаты о пяти элементах», составляющих 23–29 главы. Полагаю, что эта книга утеряна.

21

Сочинение примерно такого же характера, как и предыдущее. Автор, высокий сановник, живший в первом столетии до новой эры, слыл среди современников лучшим знатоком оккультных наук.

22

Династия Суй правила в 589–616 гг.

23

Важнейший источник для изучения древнекитайской мифологии. Составлен на рубеже III–II вв. до н. э. Русский перевод Э.М. Яншиной см.: Каталог гор и морей (Шань хай цзин). М., 1977.

24

Хуан-ди (Желтый Император) — мифический первопредок китайцев и основатель китайской цивилизации. В даосизме почитался как маг и алхимик, обретший бессмертие и вознесшийся на небо.

25

Философский трактат школы легистов (фа цзя), принадлежащий кисти мыслителя III в. до н. э. Хань Фэя.

26

Го юй («Речи царств») — текст, характеризующий удельные царства Китая середины I тыс. до н. э. Написан в IV–III вв. до н. э. Русский пер. В.С. Таскина см.: Го юй (Речи царств). М., 1987.

27

Полный русский перевод алхимического трактата даосского мыслителя Гэ Хуна (III–IV вв. н. э.) «Баопу-цзы» (эзотерическая часть, нэй пянь), выполненный Е.А. Торчиновым, см.: Гэ Хун. Баопу-цзы. СПб., 1999.

28

Эръя — один из древнейших китайских толковых словарей; содержит лексику классических текстов конфуцианства; входит в полную версию конфуцианского Канона — Тринадцатиканоние (Ши сань цзин).

29

Бэнь-цао ганму («Свод сведений о растениях») — знаменитый труд китайского ученого Ли Ши-чжэня (XVI в.), своего рода компендиум знаний того времени в области ботаники и фармакологии.

30

Знаменитый мудрец и юродивый даос при дворе ханьского императора У-ди (140-87 гг. до н. э.).

31

Цунь — 3,12 см.

32

«План белой воды (зверя)». Если верить «Шань хай цзину», это животное обитает на горе Дунваншань, умеет говорить и появляется тогда, когда правитель распространяет добродетель (См. словарь «Пэй вэнь юнь фу», гл. 100, I, i. 105). В пятом столетии существовала традиция, уверявшая: «Во время одной из инспекционных поездок Хуан-ди добрался до восточного побережья, где ему явилось животное этой Воды. Оно умело говорить и знало все о сущности мириада вещей и научило Хуан-ди отвращать от себя людское зло. Зверь появляется тогда, когда правитель мудр, а добродетель его — всеобъемлюща» («История династии Сун» — «Сун ши», цз. 29, 1.40). Согласно даосской энциклопедии XI в. «Юнь цзи ци цянь», «император записал наставления на плане и тем явил их Поднебесной» («Бэй вэнь юнь фу», гл. 7, II, 1.48). Этот любопытный текст существовал при династии Суй, ибо упомянут в списке трактатов в соответствующем разделе династийной истории с примечанием, что состоит он только из одной главы. Несколько раз его цитируют Юй Бао в «Соу шэнь цзи», Дуань Цин-ши в «Ю ян цза цзу» и Ли Ши-чжэнь в «Бэнь цао ган му». Существует ли он и поныне как самостоятельный текст — неизвестно.

33

«Отрывки из сочинений о морях» — энциклопедия в двадцати двух главах, принадлежащая кисти Е Тин-гуя, известного также как Сы-чжун — ученого и государственного сановника, жившего в первой половине двенадцатого столетия.

34

«Введение в изучение простых и сложных иероглифов» — этимологическое сочинение Цао Сяня, знаменитого ученого династий Суй и Тан, дожившего до ста пяти лет.

35

Далее в тексте следует иероглиф, по-видимому, диалектный. Словарь Канси не дает его звучания и отмечает только, что он обозначает неизвестное существо. Ключом в иероглифе является элемент «грызун», из чего можно сделать вывод, что иногда демонов засухи воспринимали в форме животного.

36

Ши цзин (Канон поэзии; Книга песен) — древнейший памятник китайской поэзии (рубеж III тыс. до н. э.), входит в конфуцианский Канон.

37

Здесь у де Гроота неточность: Фэн И упоминается в 6-й главе «Чжуан-цзы» под названием «Великий предок-учитель» (да цзун ши). Нань хуа чжэнь цзин — другое название книги «Чжуан-цзы».

38

Они взяты из «Бэй мэн со янь», «Обрывочные слова о северных снах». Под «севером» в данном случае подразумевается Цзинчжоу, расположенный к северу от Янцзы, где жил автор. Это сочинение из двадцати глав приписывается Сунь Гуан-сяню, также известному как Мэн-вэнь, высокопоставленному чиновнику при первом императоре сунской династии. В основном,

в нем рассказывается о жизни чиновников в периоды Тан и Пяти династий. Среди ученых за ним признается высокая историческая ценность.

39

Здесь дано диалектное произношение названия птицы.

40

«Цзы бу юй» — «О чем не говорил Конфуций», название сборника коротких новелл писателя XVIII века Юань Мэя. Имеется русский перевод, выполненный О.А. Фишман: Юань Мэй. Новые [записи] Ци Се (Синь Ци Се), или О чем не говорил Конфуций (Цзы бу юй). М., 1977.

41

«Книга, исследующая обычаи», в тридцати восьми главах, приписываемая Чжоу Тянь-ду (наше издание датируется 1751 годом).

42

Имеется в виду монах созерцательной буддийской школы Чань (яп. Дзэн).

43

Хунну (сюнну) — гунны.

44

Имеется в виду Пекин.

45

Сыма Цянь (145-ок. 90 гг. до н. э.) — величайший историк древнего Китая, автор фундаментального труда «Исторические записки» (Ши цзи), большая часть которого была переведена на русский язык Р.В. Вяткиным: тт. 1–7. М., 19721-987.

46

Появление крыс в период облегчения состояния сумасшедшего, вызванного, согласно китайским представлениям, временным отсутствием лисицы — источника болезни, — является, несомненно, намеком на то, что лисица — один из главных врагов крыс, а потому крысы осмеливаются появляться только тогда, когда ее нет поблизости. В то же самое время мы можем сделать вывод, что лисица главенствовала над крысами и мышами и прибегала к их помощи, когда ей это было нужно, как в данном случае — для борьбы с монахом.

47

В периоды расцвета религии Шакьямуни даже Сыны Неба нередко продавали себя в рабство монастырям в знак искренней преданности Будде и его церкви. Поскольку зачастую их впоследствии выкупали за огромные суммы, подобные поступки приносили монастырям большие средства.

48

Кальпа (санскрит) — мировой цикл, космический зон.

49

Речь идет о состоянии архата — буддийского святого, достигшего освобождения нирваны.

50

Перевод с китайского Е.А. Торчинова.

51

«Цзи и чжи», «Записи собранных чудес». Это небольшое сочинение приписывается Лу Сюню, автору «Чжи гуай лу». Однако в том варианте текста, которым располагаем мы, среди восьмидесяти двух историй о чудесных событиях и превращениях, произошедших за период с Хань до Тан, данный эпизод отсутствует. Текст этот также иногда называют «Цзи и цзи».

52

«Ци ши лу», или «Записи странных историй». По-видимому, именно этот текст, в десяти главах, упоминается в каталоге «Синь Тан шу» под названием «Да Тан ци ши цзи», «Записи странных историй, произошедших при Великой династии Тан». Приписывается он Ли Иню и датируется годами Сяньтун (860–874).

53

Ле сянь чжуань (Жизнеописания бессмертных) — агиографический труд, приписывающийся ученому-филологу и мыслителю Лю Сяну (I в. до н. э.).

54

«Лу и цзи», «Записи чудесных событий». Текст состоит из восьми глав и принадлежит кисти Ду Гуан-тина, даосского священнослужителя, жившего в конце девятого столетия. [В действительности Ду Гуан-тин жил во второй половине IX и первой половине X вв.: 855–933 гг. — прим. ред.]

55

«Фэн су тун и», цэ. 9. Похожий эпизод включен и в «Историю династии Цзинь» (гл. 43, 1.22). Там, правда, речь идет о госте ученого Юэ Гуана, а тень отбрасывал рог, на котором была нарисована змея.

56

«Ван Ду гу цзин цзи», «Древнее зеркало Ван Ду». Ван Ду был братом Ван Цзи и жил при династии Суй. — прим. автора.

57

«Цинь цзин» — небольшое собрание коротких историй о птицах. Насколько можно судить по цитатам в других сочинениях, текст под таким названием существовал уже при династии Хань, однако многие цитаты в тексте, известном нам под этим названием сегодня, отсутствуют. Составители императорского каталога полагают, что они были добавлены в тринадцатом столетии. Текст опубликован с комментариями Чжан Хуа, ученого и государственного министра, жившего в третьем веке.

58

«Тан го ши бу», или «Исправленная история танского государства», состоящая из трех глав, в которых собраны записи и истории восьмого и первой четверти девятого столетий. Текст приписывается высокопоставленному сановнику Ли Чжао.

59

«Юань чи шо линь». Нам не удалось раздобыть ни самого этого текста, ни сколько-нибудь подробных сведений о нем.

60

Цзинь — около 400 г. (в настоящее время — 0,5 кг). Лян — 1/8 цзиня.

61

«Жизнеописания святых-бессмертных».

62

Имеются в виду 64 конфигурации (гуа), каждая из которых состоит из набора шести черт (прерывистых, символизирующих инь, и непрерывных, символизирующих ян) из «Канона перемен» (И цзин).

63

Чи — около 32 см.

64

Сутра Лотоса Благого Учения, или Лотосовая сутра (кит. Мяо фа лянь хуа цзин или Фа хуа цзин) — очень важный канонический текст махаянского буддизма, особенно почитающийся в Китае, Корее и Японии. Имеется русский перевод А.Н. Игнатовича (М., 1998).

65

Биография этого известного вельможи включена в «Синь Тан шу» («Новая история династии Тан», составлена Оуян Сю, XI в.), гл. 120, и «Цэю Тан шу» («Старая история династии Тан», X в), гл. 91.

66

Чжан — 3,2 м.

67

Комментатор по фамилии Сыма, несомненно, большой авторитет в вопросах, касающихся потусторонних сил, говорит, что ва-лун появляются в облике ребенка, ростом они в один фут и четыре дюйма, в черной одежде, красной шапочке, с мечом и копьем; у и-ян голова леопарда или собаки и хвост лошади; чжэнь, или синь — это собака с рогами и полосатым пятицветным туловищем; фан-хуан — змея с двумя головами и полосками пяти цветов. О других демонах нам не удалось отыскать сведений.

68

Ле-цзы — даосский трактат IV в. до н. э., хотя его современная версия, видимо, была создана уже в IV в. н. э. Имеются русские переводы Л.Д. Позднеевой (1967) и В.В. Малявина (1995). Ян Чжу — философ-гедонист и скептик, изложению его взглядов посвящена одна из глав трактата Ле-цзы.

69

Понятия традиционной китайской медицины, обозначающие части грудной полости.

70

Тао Хун-цзин (456–536 гг.) — выдающийся деятель даосизма, патриарх даосской школы Маошань (Шанцин) и один из крупнейших медиков Китая.

71

Фрагмент этот включен в классический текст Сунь Сы-мо (Сунь Сы-мяо), одного из самых знаменитых лекарей в китайской истории, также хорошо знакомого и с даосскими практиками. По преданию, он жил в 581–682 гг. Приписываемое ему сочинение называется «Бэй цзи цянь цзинь яо фан», «Быстрые и неотложные лекарственные средства в тысячу золотых». Оно состоит из 93 глав.

72

«Чжун цан цзин», медицинский трактат, приписываемый Хуа То, жившему во втором-третьем веках новой эры.

73

Цзин юэ цюань шу», «Полное собрание книг из гор Цзин», где автор жил в уединении. Объемный медицинский трактат в шестидесяти четырех главах.

74

«Цзинь гуй яо люэ», объемный труд по искусству врачевания в двадцати четырех главах, высоко ценимый практикующими лекарями и по сей день.

75

«Сяо эр яо чжэн чжи цзюе», «Правильные способы лечения детских болезней». По-видимому, это старейшая из дошедших до нас книг по педиатрии, поскольку все прочие, упоминаемые в различных каталогах, утеряны. Автор ее — Цянь И, придворный лекарь, живший во второй половине одиннадцатого века.

76

«Чжэн чжи чжунь шэн», «Надежное руководство по дигностике и лечению». Сочинение принадлежит кисти Ван Кэнь-тана, оно написано в первой половине шестнадцатого века и состоит из ста двадцати глав.

77

«Гу цзинь и тун», «Компендиум древней и современной медицины», составленный Сюй Чунь-фу при династии Мин.

78

Перевод с кит. Е.А. Торчинова.

79

Металл и Белый Тигр соответствуют друг другу, поскольку оба олицетворяют запад.

80

Бу ши цюань шу», гл. XIV. «Полная книга по гаданию» в четырнадцати главах, принадлежащая кисти Чжао Цзи-луна, жившего при династии Мин.

81

Книга «Записи о ритуале» — входит в состав конфуцианского Канона.

82

«Цин сян цза цзи», «Собрание записей из синего ящика», сочинение в десяти главах, принадлежащее кисти У Чу-хоу, получившего в 1053 году высшую ученую степень.

83

«Бо и чжи», «Обширные записи странностей» — десять историй о призраках, приписываемые некоему Чжэн Хуань-гу, жившему при династии Тан.

84

«Гуан гу цзинь у син чжи», «Подробное описание феноменов древности и наших дней, порожденных пятью элементами». Сочинение о всевозможных чудесах в тридцати главах, согласно каталогу «Синь Тан шу» (гл. 59, 1.28), принадлежащее кисти Доу Вэй-у. Оно существовало при династии Сун, но ныне, видимо, утеряно.

85

Чжоу Синь (XII–XI вв. до н. э.) — последний царь (ван) династии Шан-Инь, считающийся в традиции злодеем, тираном и развратником. Был свергнут мудрым и добродетельным У-ваном, правителем народа чжоусцев, провозгласившим власть новой династии Чжоу (XI–III вв. до н. э.).

86

Имеется в виду великий поэт IV–V вв. Тао Цянь (Тао Юань-мин).

87

В разные эпохи мера «шэн» имела разное значение — от 200 г до 1 л.

88

Полый внутри кусок дерева в форме рыбы, в который мерно ударяют во время чтения сутр и литургии.

89

Воинственный покровитель буддийской церкви. Статуя этого божества, закованного в доспехи и с дубиной в руках, стоит практически в каждом буддийском храме и монастыре позади главного входа, прямо напротив центральной часовни с образами главных буддийских божеств, которым посвящено сооружение. Статую Вэйто можно видеть и на алтаре, слева от изображений святых.

90

Не совпадает ли это по времени с печально известной паникой и всеобщей боязнью вампиров (впервые в Европе?), распространившейся в Польше и польских владениях России в последние годы семнадцатого столетия, а потом перекинувшейся на Болгарию и Сербию, которая занимала умы ученых и теологов в первой четверти столетия следующего?

91

«Чуй цзянь лу вай цзи» — около шестидесяти страниц довольно бессистемных заметок и критических замечаний о событиях самых разных времен, достаточно сдержанно оцениваемых учеными. Их автор — Юй Вэнь-бао, или Вэнь-вэй, о котором ничего не известно. Скорее всего, данный текст является фрагментом более обширного сочинения.

92

«Чуй цзянь лу вай цзи» — около шестидесяти страниц довольно бессистемных заметок и критических замечаний о событиях самых разных времен, достаточно сдержанно оцениваемых учеными. Их автор — Юй Вэнь-бао, или Вэнь-вэй, о котором ничего не известно. Скорее всего, данный текст является фрагментом более обширного сочинения.

93

«Записи полей у Западной башни», собрание историй в четырех главах, написанное при династии Мин.

94

«Цзин и цзи», «Толкование странностей». Девять историй, принадлежащих кисти Хоу Цзюнь-су, жившего при династии Сун.

95

«Фу жэнь да цюань лян фан», «Большое полное собрание эффективных рецептов для замужних женщин». Сочинение это было написано Чэнь Цзы-мином, по прозвищу Лян-фу, около 1237 года. В двадцати четырех главах, кроме большого количества разнообразных рецептов, есть более 260 статей, распределенных по восьми разделам.

96

«И сюэ чжэн чуань», «Правильные традиции медицины». Сочинение в восьми главах, базирующееся в основном на доктринах школы Чжу Чжэнь-хэна, Сунь Сы-мо, Чжан Цзи и других. Написано около 1515 года Юй Бо, по прозвищу Тянь-минь.

97

Этот проход часто путают с другим «проходом через ворота призраков», который находится к югу от города Лангшон и ведет во Вьетнам. Там стоит либо же прежде стоял храм Ма Юаня.

98

Диалектное произношение.

99

Джеймс Легг (Legge) — знаменитый американский синолог XIX века, переводчик на английский язык всего конфуцианского Канона.

100

«Первый год правления Чжао-гуна». Восемнадцатая гексаграмма «И цзина» также называется «Гу». См. «Чжоу и чжачжун», цз. 3,1.11, цз. 9,1.20, цз. 11,1.29.

101

Цзян Чун был родом из Ханьданя, что в области Чжао.

102

Фу-су — наследник первого китайского императора Цинь Щихуана, убит по приказу печально известного первого министра Ли Сы после смерти отца.

103

Гуань и Цай — сыновья основателя чжоуской династии Вэнь-вана, в 1115 году до н. э. подняли мятеж, но брат Вэнь-вана Чжоу-гун покарал их. [Современная хронология относит это событие уже к середине *Х/ в.* до н. *э.-* прим. ред.]

104

а) Из тюрьмы Жэнь Ань написал письмо Сыма Цяню, который был его другом, с просьбой заступиться за него, б) Наставник Чу, Чу Шао-сунь. Ему принадлежат многие интерполяции в «Ши цзи».

105

Перцовыми покоями назывались апартаменты императрицы, так как в материал, которым обивали стены, клали перец, чтобы он хранил тепло и источал аромат.

106

Династия Хань правила с 206 г. до н. э. до 220 г. до н. э. Из этого периода Ранняя (Западная Хань) правила до 7 г. до н. э. С 7 по 25 гг. имела место узурпация власти сановником Ван Маном, пытавшимся основать династию Синь («Новая»). С 25 по 220 гг. правила Поздняя (Восточная) Хань.

107

Мо фу янь сянь лу», текст сунской династии, в десяти главах. Принадлежит кисти Би Чжун-сюня.

108

«У сэ сянь», «Нити пяти цветов» — небольшое собрание разнообразных заметок и историй в двух главах, датируемое предположительно временем правления династии Сун; автор неизвестен.

109

Подразумевается, что родственники обязаны знать об этом. Таким образом, закон побуждает каждого постоянно проявлять бдительность даже в собственном доме и следить за тем, не занимается ли кто-нибудь порочной практикой.

110

Имеется в виду официальная «История династии Юань». Монгольская династия Юань правила в 1279–1368 гг.

111

Сюн хуан («петушиная желтизна») — реальгар, сернистый мышьяк.

112

Перевод Е.А. Торчинова.

113

«Мо кэ хуэй сы», сочинение в десяти главах, принадлежащее кисти Пэн Шэна, жившего в одиннадцатом столетии.

114

Автор этого сочинения, Ху Юн, жил в первой половине пятнадцатого столетия и служил чиновником. Его биография включена в «Мин ши», гл. 169.

115

«Те вэй шанс цун таиь», сочинение в шести главах, в котором описываются события, произошедшие в период между 963 и 1130 годами, когда жил его автор, Цай Тао.

116

Шаги, или медленный танец, исполняемые в определенном порядке; в Китае часто используются для призвания божеств и духов и совершения колдовства.

117

«Хуань и чжи», «Записи волшебных чудес». Сочинение приписывается Сунь Вэю, жившему в девятом столетии. В имеющемся у нас варианте текста всего пятнадцать коротких и длинных историй, не представляющих особого интереса.

118

То есть они приговариваются к ста ударам палкой и ссылке на три года.

119

То есть обезглавливанию.

120

«Нун тянь юй хуа», текст в двух главах, датируемый четырнадцатым столетием; автор неизвестен.

121

1818 год.

122

Ясно, что использование надписанных колдовских кукол основывается на том же принципе, на котором базируется также и традиция поминальных табличек, которые ассоциируются с умершими потому, что на них отмечены имена, даты рождения и смерти и другие детали.

123

Лидер восстания секты Белого Лотоса, принявший в конце минской династии императорский титул в Шаньдуне.
